

УДК 821.352.3.0
ББК 83.3.(2=АДЫ)

М. Б. Абдокова

МИР ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ ПОЭТА ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ МУХАДИНА КАНДУРА

Рассматривается мир художественных образов поэта черкесского зарубежья Мухадина Кандура. Проведенное нами исследование позволяет сделать следующий вывод: пути развития поэтических образов в адыгской литературе определяют гуманитарное, а стало быть, и духовное состояние разброшенного по миру этноса.

Ключевые слова: мир, художественный, образ, поэт, зарубежье.

Научное освоение литературных памятников адыгского зарубежья в течение двух последних десятилетий стало неотъемлемой частью роста национального самосознания народа, волею истории рассеянного за пределами родных земель. Вопрос художественных образов поэта черкесского зарубежья М. Кандура никогда прежде не становился предметом литературоведческого анализа. Учитывая, что подавляющая часть анализируемых нами текстов М. Кандура раньше не рассматривалась, мы сочли необходимым дать анализ их лингвистических и образно-поэтических особенностей. Поэтические переводы на русский язык, анализируемые в статье, выполнены автором исследования, многие – впервые.

Мухадин Иззет Кандур (р. 1940) по праву занимает первенствующее положение среди современных литераторов адыгского зарубежья. Его предки эмигрировали в Турцию из Малой Кабарды в начале XX в. Гуманитарное образование он получил в колледже Ирлхэма и Клермонтском университете (США), имеет степень доктора философии. Читателям Кандур известен прежде всего как автор романов «Афера на небесах», «Разлом», «Революция», «Черкесы. Балканская история», трилогии «Кавказ». Художественная проза, получившая признание в адыгской среде на исторической родине и за рубежом так же, как и научные труды и многочисленные очерки и эссе по вопросам истории и культуры черкесов, аккумулирует в себе исторические события из почти трех столетий жизни этноса. Теперь же остановимся на его поэзии, тем более, что это одна из малоизученных граней его таланта.

Более того, выработанный автором в поэзии язык образов и символов действенен для всего его творчества. Х. Т. Тимижев справедливо

замечает, что Кандур «на манер писателей старшего поколения не увлекается вводными фразами, эпитетами, излишней метафоричностью и искусственными сравнениями. Например, картину заката или сумерек, которую иной писатель описал бы на нескольких страницах, М. Кандур передает одной фразой: «В горах темнеет быстро». Для жителя степи или пустыни фраза, возможно, малозначительна, а для горца она рождает целый мир, значит, автор нашел нужные и понятные слова...» [1].

М. Кандур творит на двух языках: кабардинском и английском. Появление двуязычных писателей в адыгской диаспоре – явление исторически закономерное. Практика художественной жизни подтверждает благотворность влияния билингвизма на процесс расширения лексических свойств и возможностей родного языка.

В качестве образцов стихотворного творчества М. Кандура мы выбираем те, в которых в наибольшей степени проявляются черты его художественного стиля.

Чувственное в стихах никогда не противоречит предметно-фактологическому. Не вся история адыгов, а ее узловые моменты, то есть те ее события, которые наложили неизгладимый отпечаток на судьбу этноса, становятся отправными для создания специфической историко-эпической лирики, к несомненным образцам которой принадлежит одно из самых известных стихотворений Кандура «Черное море»:

Тенджызыр мэушэ, мэшатэ, мэхъей,
Толькьунклэ тенджызыр кьохьу куэдрэ
кьыщиль...
Ар щхьуэуэ щытами, хьуащ фьыцлэ, нэщхъей,
Фьыцлэбзэц тенджызыр, хэткьуащи хейль... [2].

Море грозное стонет, пучина смертью грозит...
Синее небо тонет, надрывен матери крик...

Художественный образ моря стержневой в творчестве автора, который не мыслит его исключительно как природную среду, часть вещного мира. Здесь сконцентрированы этноментальные, исторические и эстетические представления адыгов, связанные с Черным морем.

В сознании многих поколений адыгов море ассоциируется с гибелью тысяч соплеменников во время депортации в Турцию. Каким сильным должно было быть потрясение народного сознания, если и в устно-поэтической традиции это событие вытеснило образы света, счастья, труда, связанные с многовековой жизнью в причерноморских краях. Х. Х. Кауфов пишет: «Истамбылак[уэ... Этим словом адыги называли процесс переселения части горцев в Турцию. Вдоль всех морских дорог, уходящих от берегов Кавказа, навечно остались лежать на дне моря тысячи и тысячи адыгов. Еще больше погибло их у начала и конца этих дорог...» [3].

... Тенджызым и Іуфэм сэ куэдрэ сыІуст, –
Льэпкъ тхыдэр зэ закьуи хьуащ нэгум щІэмыкІ:
Ди адэжьхэм я хьэдэр бдзэжьейхэм я Іуст,
Ди анэхэр льэпкъ гуауэм, гуІэгьуэм хэмыкІт... [2].

... Я долго сидел у моря и слушал старца
рассказ...
Безмерно народное горе, священен потомков
намаз...

Стихи Кандура – это воплощение самых разных душевных состояний. Для их передачи важным становится музыкально осмысленный ритм. Мы в меньшей степени имеем в виду отдельные ритмические единицы стихотворного текста, которые сами по себе не имеют здесь большого смыслового значения. Музыкальность ритмики Кандура заключена в своеобразной импровизационности речевого потока, при этом структурированного в рифмологически стройное развертывание:

... Ди кьуэшхэр, ди шьпхьухэр псы льящІэм
щожей,
Хьуащ ахэр тенджызым и тІасэ, и бын,
Тенджызым кІуэдахэр мычэму егьей,
ХуищІауэ пшахьуэщІыр куэд шІауэ джэбын... [2].

... Сонмы мужчин и женщин, старцев, невинных
детей
Сгнули в море кипящем, в саване рабских
цепей...

Кандур делает героями стихов простых, часто безымянных, исторически, казалось бы, ничем не примечательных людей. Его ценностные идеалы направлены на духовный контакт с читателями, которые столь же просты, как и его герои.

Тон поэтической речи Кандура можно характеризовать как скорбно-гимнический. Смешение традиций героической надгробной песни-плача, исторической баллады, лирического размышления столь органично и эмоционально действенно, что вопросы о стилистическом эклектизме отпадают сами собой:

...Кхьухьыжьыр мыбзэншэ, кхьухьыжьхэм
жаІэж:
«Щытепцэт тенджызым гуІэгьуэр, гужьейр,
Цыхубзхэм я гьыбзэм (ар фІуэ дощІэж)
КьыпфІэщІырт ищтауэ тенджызыр, дунейр...» [2].

... Зов кораблей затонувших слышен со дна
морского:
«Души навечно уснувших блуждают у дома
родного»...

Для поэтики Кандура характерен антропоморфизм, проявляющийся в уподоблении явлений природы мыслительным свойствам человека. Говорящее, зовущее море, как и многие другие одушевленные явления природного мира, – это не просто удачное использование художественного приема олицетворения, но и характерная черта натурфилософской концепции автора.

В заключительном разделе анализируемого стихотворения особенно отчетливо проявляется торжественность образного строя:

...Тенджызыр мыушэ, мыщатэ, мыжей.
Мэщыгьуэ тенджызыр – ар лІахэм хуосакь...
ГуфІэгьуэ щыщІауэ хьуащ си псэр нэшхьей –
Тенджызым и льящІэм кьыщоІур джэ макь... [2].

... А море кипит и стонет, небо одето в траур...
Всевышний рукою тронет незримый надгробный мрамор...

Х. И. Баков пишет: «В своих произведениях Мухадин Кандур зовет к мудрости, терпимости, он поднимает философские и нравственные проблемы, отражая жизнь предков, их нравы, быт, традиции, осуждая национализм в любом его проявлении...» [4]. Действительно, патриотизм поэта не имеет ничего общего с формальным возвеличиванием своего этноса и пренебрежением к культурно-историческому достоянию других. Напротив, художник даже в обращении к городу предков стремится не отделять его жизнь от огромного мира вокруг:

Налшык къалашхэ, къалэ дыщэ,
Псэр зыгъэгүфIэ, Iыхъэлей,
Сэ пхужыцIэнут хъуэхъу куэдыщэ,
Ухъуаш уэ щIасэ, псом я лей... [2].

Мой Нальчик, город золотой,
Ты согреваешь душу!
Стоит весь мир перед тобой! –
Ты песнь мою послушай...

Автор не допускает внутристишных структурных пауз и долгих слогов. Метрическая упорядоченность речи исходит из равномерного членения общего количества слогов на небольшие группы (стопы). Ритмико-артикуляционная свобода возникает там, где ударные слоги падают на слабые доли метра. Инверсированный ритм свойственен стихам, в которых Кандур стремится художественно интерпретировать метрическую характерность разговорной адыгской речи. Проблематика нашей статьи учитывает опыт ведущих лингвистов, литературоведов, исследователей литератур Северного Кавказа: З. Х. Баковой, Х. И. Бакова, Л. А. Бекизовой, В. А. Бигуаа, А. М. Гутова, Н. С. Надъярных, К. К. Султанова, Х. Т. Тимужева. Цель исследования заключается в системном изучении, анализе и описании мира художественных образов поэта черкесского зарубежья Мухадина Кандура. В соответствии с поставленной целью в работе намечено решение следующих конкретных задач: 1. Показать общественно-культурную ценность творчества рассматриваемого поэта в национальном искусстве его второй родины. 2. Выявить образно-поэтические, лингвистические достоинства текстов. Примечательны по своему образно-смысловому значению последние строки поэтической здравицы Нальчику. В них сконцентрированы все сюжетные линии повествования, что делает репризу не формальной

структурной частью, уравнивающей композицию всего произведения, а своеобразной репризой-резюме. А если учесть, что эмоциональный накал достигает здесь предельной высоты, то это еще и реприза-кульминация. Притом, что формообразовательный процесс воспринимается законченным (исчерпанным), возникает ощущение разомкнутости архитектурных границ, как если бы речь автора продолжалась и за пределами поэтического произведения:

... БлэкIам си гущIэр ирелыгъуэ.
БлэкIар гъэ кIуахэм щIрельхъэж.
Сыхуейщ сэ нобэ къэралыгъуэ,
Ар хъунц лъэпкъ дыгъэ къуэмышхъэж.
Налшык къалашхэ, къалэ махуэ,
КъысфIощI бгырысхэм къагъэзэж... [2].

... Пусть прошлое горит в душе,
Хочу забыть все злое,
Ведь наяву, а не во сне,
Я вижу Ошхамахо...
Мой Нальчик, город золотой,
Сзывай сынов на праздник!..

Научная новизна нашего исследования состоит в самом обращении к неразработанной теме, в ее научной актуальности, в решении вопросов, связанных с выявлением национально-художественных основ литературы, создаваемой на родном языке. Проведенное нами исследование мира художественных образов поэта черкесского зарубежья Мухадина Кандура позволяет сделать следующие выводы: 1) в своем творчестве поэт основывается на традиционной для всех адыгов тематике, образности и стилистике; 2) как творческая индивидуальность он по-своему использует художественные образы, что свидетельствует о том, что традиция не стала для поэтов черкесского зарубежья реликтовым, застывшим явлением.

В заключении статьи хотелось бы отметить, что мир художественных образов поэта черкесского зарубежья М. Кандура рассмотрен нами в контексте художественных, филологических, эстетических и общественно-социальных явлений и факторов. Рассматривая литературу черкесского зарубежья как составную часть общемирового литературного процесса, мы исследовали литературно-художественные особенности поэтического творчества Мухадина Кандура.

Список литературы

1. Тимижев, Х. Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья / Х. Т. Тимижев. – Нальчик, 2006. – 280 с.
2. Кандур, М. Стихи / М. Кандур // Хафицэ М. М. Звезды бледнеют на чужбине / М. М. Хафицэ. – Нальчик, 2006. – 326 с.
3. Кауфов, Х. Х. Черкесы и арабская литература / Х. Х. Кауфов. – Нальчик, 1994. – 14 с.
4. Баков, Х. И. Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии / Х. И. Баков. – Майкоп, 1994. – 212 с.
5. Бакова, З. Х. Литература черкесского зарубежья / З. Х. Бакова. – Нальчик, 1999. – 40 с.
6. Бекизова, Л. А. Фольклорно-эпические традиции как основа адыгской литературной общности. Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения / Л. А. Бекизова. – Черкесск, 1993. – 66 с.
7. Бигуаа, В. А. Тема мухаджирства в абхазской литературе / В. А. Бигуаа. – Черкесск, 1993. – 194 с.
8. Готов, А. М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса / А. М. Готов. – М., 1993. – 160 с.
9. Надъярных, Н. С. Пространство диаспоры / Н. С. Надъярных. – Армавир, 2007. – 150 с.
10. Султанов, К. К. Поэзия северокавказской эмиграции / К. К. Султанов. – Армавир, 2007. – 19 с.

Сведения об авторе

Абдокова Марина Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры западноевропейской филологии Московского финансово-промышленного университета «Синергия» Карачаево-Черкесского филиала (Черкесск).

abdokova.64@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 9–13.*

WORLD OF FICTION IMAGES BY MUKHADIN KANDUR, A CIRCASSIAN ABROAD POET

M. B. Abdokova

Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Cherkessk. abdokova.64@mail.ru

The article “World of fiction images by Mukhadin Kandur, a Circassian Abroad poet” considers the correlation of lyrical, confessional, historical and even social and political in verses and poems, and this correlation changes persistently. Whereas the author’s prose can be called a documentary and historical one, without its fictional merits being belittled, his poetry’s genre and stylistic characteristic are not that well-defined. It would be unfair to reproach the author for ignoring use of metaphors and for being unable to use epithets and similes. The quality of his artistry is defined by the fact, that traces of his belles work are somewhat concealed from the reader, and the author’s idea is marked with the help of concentration of expressive means on the idea of figurative laconism and lexical brevity. The author does not have a hard and fast form of poetic narrative framed by a permanent genre system. The plot, comprising a chronicle of real events, is often viewed from perspective of lyrics and meditative and philosophical thought. The subjective world of the author overcomes, as we have already mentioned, the objectness of the world. The content of the lyrical confession is confined in emotional experience of the author and his emotional resonance for feelings and thoughts of his tribesmen, with many of them performing as characters in his works. Thus, a purely personal experience becomes an impulse to comprehend lives of many people. We do not have under consideration a kind of bewitching democratism at the level of expressive means, though it is important for an artist to be not only heard but also understood. It is a matter of the author’s realization of the idea of timeless affinity between all, little and big, famous and infamous, personalities and phenomena of Circassian history.

Keywords: *world, fiction, image, poet, abroad.*

References

1. Timizhev Kh.T. *Istoricheskaya poetika i stilevye osobennosti literatury adygskogo zarubezh'ya* [Historical poetry and stylistic peculiarities of literature of Circassian abroad]. Nalchik, 2006. 280 p.
2. Kandur M. Stikhi [Lyrics]. Khafitse M.M. *Zvezdy bledneyut na chuzhbine* [The stars are growing pale in a strange land]. Nalchik, 2006. 326 p.
3. Kaufov Kh.Kh. *Cherkesy i arabskaya literatura* [The Circassian and Arabic literature]. Nalchik, 1994. 14 p.
4. Bakov Kh.I. *Natsional'noe svoeobrazie i tvorcheskaya individual'nost' v adygskoy poezii* [National originality and creative individuality in Circassian poetry]. Maikop, 1994. 212 p.
5. Bakova Z.Kh. *Literatura cherkesskogo zarubezh'ya* [Literature of Circassian abroad]. Nalchik, 1999. 40 p.
6. Bekizova L.A. *Fol'klorno-epicheskie traditsii kak osnova adygskoy literaturnoy obshchnosti. Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genesis, problemy izucheniya* [Folkloric and epic traditions as basis of Circassian literature community. Cultural diaspora of people of the Caucasus: the genesis, problems of study]. Cherkessk, 1993. 66 p.
7. Biguaa V.A. *Tema mukhadzhirstva v abkhazskoy literature* [The theme of muhajirun in Abkhazian literature]. Cherkessk, 1993. 194 p.
8. Gutov A.M. *Poetika i tipologiya adygskogo nartskogo eposa* [Poetic and typology of Circassian Nart epic]. Moscow, 1993. 160 p.
9. Nadyarnykh N.S. *Prostranstvo diaspory* [Extent of diaspora]. Armavir, 2007. 150 p.
10. Sultanov K.K. *Poeziya severokavkazskoy emigratsii* [Poetry of North-Caucasian emigration]. Armavir, 2007. 19 p.

УДК 070

Б. С. Алимов

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Рассматриваются вопросы формирования имиджа страны посредством активного освещения в мировом медиапространстве многообразных достижений Узбекистана путем открытия официальной страницы в популярных социальных сетях: освещение культуры и традиций регионов, размещение видеорядов с исполнением национальных песен, широкое освещение географических особенностей, популяризация прикладного искусства местных мастеров.

Ключевые слова: *социальные сети, имидж страны, интернет, контент, веб-сайт.*

С первых лет независимости Узбекистана на первый план выходит вопрос модернизации страны как необходимое условие для развития всех сфер жизни общества. Такой опыт государственного строительства привлекает к себе внимание со стороны исследователей, которые стремятся осмыслить суть и направление развития Республики Узбекистан. В XXI в. важным становится продвижение культурного, социального, национального потенциала как фактора «мягкого воздействия» на формирование ее имиджа. В данной статье мы постараемся ответить на вопросы, что же представляет собой имидж и как формируется имидж государства в настоящее время? «Имидж государства – это комплексное, стереотипизированное представление о нем, основанное на объективных характеристиках государства, с учетом исторических особенностей его развития, сформированное с помощью мифологизации и информационно-коммуникативных технологий, опосредованное коллективным опытом народа» [3. С. 145]. Понятие имиджа можно трактовать в нескольких значениях. С одной стороны, имидж может рассматриваться как процесс коммуникации. С другой стороны – как ее результат, эффект. Эта дуалистическая трактовка дает возможность сформулировать два не противоречащих, а, напротив, дополняющих друг друга определения нашей базовой категории. В процессуальном понимании имидж – это комплексная форма коммуникации, обеспечивающая целевым аудиториям определенное впечатление об объекте и отношении к нему.

В субстанциональном понимании имидж – это относительно устойчивый и знаково опосредованный, когнитивно обусловленный и эмоционально окрашенный, обладающий ря-

дом характеристик стереотипа психический образ-представление об объекте, подразумевающий его оценку. Он может быть рассмотрен с разных точек зрения: разделения властей, имидж главы государства, политической партии. Формирование имиджа любой страны – динамичный процесс, который можно рассматривать с разных точек зрения. Во-первых, в нем отражаются основные тенденции развития государства, а во-вторых – умение представить эти процессы мировому сообществу. В-третьих, необходимо рассматривать формирование и продвижение имиджа страны как совокупность методов и средств реализации национальных интересов в глобализирующемся мире, как позиционирование страны в международных информационных потоках, коммуникативном пространстве.

На сегодняшний день имидж страны превратился в важный фактор международной политики и экономики, который можно в определенной степени приравнять к природным, человеческим ресурсам, научно-техническому потенциалу государства. Интерес к теории и практике формирования имиджа страны, популярность различных опросов и рейтингов их имиджевой привлекательности растет, и поэтому в современных международных отношениях важную роль играют субъективные факторы, где широко используются технологии политического маркетинга, брендинга, имиджмейкерства и манипуляции образами.

Развитие информационных технологий (в частности интернет) открыло новую страницу в формировании имиджа государства. Разумеется, интернет-пространство не может вобрать в себя всю сложность и многогранность происходящих в государстве процессов и событий в неизменном виде. Но в сравнении с традицион-

ными СМИ, многие из которых, кстати, представлены в сети, интернет-пространство дает возможность ознакомления с наиболее широким спектром различных мнений, восприятий и представлений, фактов и новостей о том или ином государстве. Один из них – социальные сети в Интернете. Социальная сеть – это интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками. Сайт представляет собой автоматизированную социальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединенных общим интересом [10]. Социальные сети кардинально изменили традиционный формат общения людей. Возможность не только слухового, но и зрительного дистанционного общения стала сильным импульсом для широкой популяризации виртуальных бесед [14]. С точки зрения синергетического подхода к данному вопросу современные социальные сети в Интернете представляют собой сложную самоорганизующуюся, самореферентную коммуникативную систему, обладающую эмерджентными (внезапно появляющимися, неожиданными) свойствами. Социальные сети позволяют оперативно информировать о событиях, находить или создавать группы по интересам, аккумулировать информацию. Международные и национальные социальные сети могут предоставить возможности для общения жителей региона друг с другом и с жителями других регионов (обмен информацией, установление и поддержание контактов, поиск работы), а также для сотрудничества участников сети в достижении целей региона, организации социальной взаимопомощи участников сети, формирования имиджа региона.

В настоящее время имеющиеся социальные сети можно сгруппировать в зависимости от их видов:

- популярные социальные сети (Facebook, MySpace, V Kontakte и др.);
- сети обмена информацией между пользователями интернета в реальном режиме времени (Skype, ICQ, MSN Messenger и др.);
- интернет-чаты, служащие взаимному контакту нескольких пользователей и общению их в реальном режиме времени (площадки для беседы);
- интернет-форумы, позволяющие создавать интересные и актуальные темы, комментировать и обсуждать их;
- веб-блоги, состоящие из личных онлайн-журналов некоторых пользователей;

- порталы, которые могут пополняться и редактироваться посетителями, то есть Вики-справочники (Wikipedia);

- интернет-хосты, позволяющие бесплатно размещать личные видеоматериалы (YouTube).

По статистическим данным на 1 декабря 2015 г., Facebook поднялся на уровень самой известной социальной сети в мире, в которой число зарегистрированных пользователей достигло почти 1,4 миллиарда человек. Следующие места занимают QQ, WhatsApp, YouTube, QZone, Weibo, Twitter, Google+, LinkedIn, ВКонтакте.

Учитывая вышеперечисленное, необходимо обратить внимание на возможности целевого использования социальных сетей в повышении имиджа и авторитета страны во всем мире с помощью пропаганды культуры, истории и нынешних достижений нашего народа. Так как формирование положительного имиджа государства в интернете, в том числе посредством социальных сетей, способствует:

- привлечению инвестиций;
- привлечению туристов;
- формированию надежности и стабильности в глазах инвесторов;
- увеличению политического влияния внутри страны и за ее пределами;
- усилению эффективности партнерства с другими территориальными образованиями, государственными и частными исследовательскими организациями и университетами, частными компаниями;
- появлению эффекта «страны происхождения» для товаров и услуг;
- формированию чувства принадлежности к нации и чувства гордости являться гражданином определенной страны [8].

В настоящее время имидж Узбекистана формируется как популярными (Facebook, Twitter, LinkedIn, Instagram), так и динамично развивающимися национальными социальными сетями: Muloqot.uz, Students.uz. Все больше возрастает популярность русскоязычных версий вышеперечисленных социальных сетей. В меньшей степени популярны международные сервисы. Ресурсы других доменных зон мало известны узбекскому пользователю. По итогам опроса, проведенного Независимым институтом по мониторингу формирования гражданского общества (2014), посетители предпочитают домены «.uz» и «.ru» по 54,4 % и 53,5 % соответственно. Домен «.com» предпочитают

около 18 % респондентов. На следующем месте домен «.net» с 10,5 % респондентами. Более 4 % респондентов предпочитают домены «.info» и «.org». Помимо вышеперечисленных, используются домены «.kz», «.ua», «.us». Также настало время упорядочить подключение к этим сетям добровольно или согласно «традиции» периодических печатных изданий Узбекистана, руководителей, членов редакций, рядовых журналистов. Так как они в некоторых случаях, выражая отношение к непроверенным данным, новостям, оказывают негативное влияние на авторитет и имидж массмедиа, в котором они работают.

По мнению зарубежных экспертов, традиционные СМИ и медиа компании могут эффективно пользоваться социальными сетями. Через «интернет-сетевую» социум возможно зарождение качественно иной правящей элиты [1; 4], а также раскрытие различных аспектов феномена имиджа страны и его эффективное продвижение [5]. Примечательно, что рядом действующих в Узбекистане СМИ налаживается работа по широкому использованию возможностей данных социальных сетей. В настоящее время действия в этом направлении считаются новейшими и важными тенденциями в сфере [12; 13; 17].

К примеру, Национальное информационное агентство Узбекистана (uza.uz) представляет информацию также для аудитории Facebook, Twitter, RSS. Агентство эффективно использует «мобильную версию» для сотовых телефонов. Важным аспектом также служит то, что в настоящее время УзА на своем сайте размещает новости также на семи иностранных языках помимо узбекского языка (русском, английском, французском, немецком, испанском, арабском, китайском).

Именно в вышеназванных социальных сетях, а также на Google+ осуществляет деятельность информационное агентство «Жахон» (jahonnews.uz – на русском, английском, узбекском языках) при Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан.

С новостями информационного агентства UzReport (uzreport.com: на русском, английском, узбекском языках) можно непосредственно ознакомиться через Facebook, Twitter, RSS.

Заслуживает особого внимания то, что публикуемая на узбекском, английском и русском языках газета “Uzbekistan today” подключена к ряду таких популярных сетей, как Facebook, Twitter, Google+, ВКонтакте, Одноклассники.

В связи с этим также необходимо подчеркнуть, что одно из периодических печатных изданий республики – газета «Даракчи» – помимо Facebook, Twitter, имеет социальный плагин Crisp Keys.

Говоря об имидже республики в сетевом интернете, следует обратить внимание на то, что пользователи республики на своих страничках в интернете преимущественно обращаются к богатой культуре страны. В настоящее время в Узбекистане функционирует 7 филармоний, 27 гастрольно-концертных объединений и самостоятельных коллективов, 41 театр, 105 музеев, 65 парков культуры и отдыха. Библиотечная система Узбекистана насчитывает 2722 учреждений, в том числе 881 в сельской местности. Из них 77 специализированных библиотек для незрячих. Регулярно проводятся международные и республиканские фестивали, в числе которых «Шарк тароналари», проводимый раз в два года при поддержке Министерства по делам культуры и спорта республики. Основными целями и задачами фестиваля являются: широкая популяризация, сохранение и развитие лучших достижений национального музыкального искусства; воспитание молодого поколения в духе преемственности национальным традициям; дальнейшее расширение международных творческих связей. К сожалению, не все ассоциируют Узбекистан с его богатой культурой и искусством, что могло бы во многом повысить рейтинг нашей страны. Это обуславливает необходимость выбора центральных, ключевых идей и образов, вокруг которых следует осуществлять брендинг страны. Тут важно нам самим ясно понимать и выбрать ту имиджевую стратегию, которая не только отвечает нашему духу, культуре и ментальности, но и выступит катализатором дальнейшего развития национальной и государственной идентичности, обозначит то, какими мы хотим стать в будущем.

Возникают вопросы: насколько эффективна данная работа в социальной сети, которую сегодня многие используют для повышения эффективности PR-кампаний, продвижения товаров, продукции или услуг? Смогла ли широкая мировая общественность узнать о культурном потенциале Узбекистана хотя бы в рамках фестиваля «Шарк тароналари» и в целом – посредством чего узнают о культуре и искусстве Узбекистана за рубежом? Что является залогом успешной деятельности в данном направлении? Однако анализ публикаций показывает,

что такое масштабное и важное в культурной жизни нашей страны мероприятие не получило в зарубежных СМИ освещения в той мере, в какой это могло быть сделано. Несмотря на то, что полную информацию, пресс-релизы событий, входящих в программу мероприятия, последние новости о фестивале можно получить на сайте www.sharqtaronalari.uz, зарубежные СМИ чаще всего ограничиваются материалами информационного характера, рассказывают о том, какую программу представляет на фестивале страна, для СМИ которой они работают. В социальной сети Facebook есть страничка конкурса, на которой также публикуются ссылки на новости о фестивале. К сожалению, данную страничку отметили как «понравившуюся» только 988 пользователей (на момент 29.01.2016). Это говорит о том, что в одной из популярных сетей информацией о фестивале «Шарк тароналари» в режиме реального времени смогут поделиться лишь 988 человек, что, на наш взгляд, мало для формирования и продвижения имиджа страны.

Интернет-технологии сегодня открывают широкие горизонты работы с информацией и ее получателями. Например, создание групп по интересам также положительно влияет на формирование имиджа страны посредством социальных сетей, объединяющих соотечественников, возвеличивающих нашу Родину, любящих ее историю и культуру, которые, несомненно, вносят вклад в повышение авторитета нашей страны в мировом медиaprостранстве.

Об этом свидетельствуют группы, создаваемые на персональных страницах социальных сетей: «Новости Узбекистана» (73 827 пользователей), «I love Uzbekistan», объединившей около 19 тысяч человек, «I like Uzbekistan» – более 9 тысяч, «I love Tashkent» – 35 тысяч пользователей, «Вкусный Узбекистан» – 4 414 участников.

С появлением сетевых медиа стало возможным существование не только специально организованных, но и стихийно складывающихся информационных потоков, формируемых неправительственными факторами регионального пространства и транслируемых на внешние группы региональной общественности.

По тем же принципам следует формировать национальный бренд Узбекистана, который бы отражал богатый природный, культурный и туристический потенциал страны. Ведь на сегодняшний день отсутствует единый

брендинг и PR Узбекистана в различных сферах, таких как культурное наследие, туризм, история края, материальные и духовные национальные ценности. Имидж Узбекистана в данных направлениях сформировался произвольно и отличается неуправляемостью.

В настоящее время международный имидж Узбекистана весьма слаб. Страна занимает 139 место из 193 стран – туристических брендов, сопровождается волной противоречивых и негативных историй при запросе в любом интернет-поисковике. Многие заинтересованные стороны отмечают, что отношения Узбекистана с зарубежными СМИ оставались напряженными и трудными на протяжении многих лет и до сих пор не восстановились. Для изменения сложившейся ситуации и формирования положительного имиджа страны требуется открытие страниц, рассказывающих о жизни и достижениях узбекского народа, реформах проводимых в стране, от официальных сайтов областей, городов, районов и махаллей в таких популярных социальных сетях, как «Facebook», «Twitter», «ВКонтакте», «LinkedIn», «YouTube», «Muloqot.uz», «Ziyonet», «Mytube». Во-вторых, необходимо освещение культуры и традиций регионов на страницах социальных сетей, аудиовизуальное отображение быта городов, кишлаков и махаллей, местных жителей, достопримечательностей местности. В целях ознакомления широкой общественностью необходимо размещение видеорядов с исполнением национальных песен местными бахши, профессиональными певцами, а также исполнителями на свадьбах, суннат-тоях и других торжественных мероприятиях. Предпочтительно широкое освещение географических особенностей, флоры и фауны страны, ознакомление с жизнедеятельностью и творчеством известных людей, уроженцев разных областей для повышения самооценки, творческих способностей и интересов местной молодежи данного региона, популяризация прикладного искусства местных мастеров.

Следовательно, все более повышается роль социальных сетей в формировании имиджа страны, то есть в широкой пропаганде в мировом медиaprостранстве.

Очередная задача заключается в разумном и эффективном использовании возможностей социальных сетей средствами массовой информации.

Список литературы

1. Акопов, Г. Политика и Интернет / Г. Акопов. – М., 2015. – 202 с.
2. Браун, С. «Мозаика» и Всемирная паутина для доступа к Internet / С. Браун. – М., 1999. – 167 с.
3. Быба, Ю. Международный имидж России глазами российской общественности / Ю. Быба // Актуальные проблемы политики и политологии в России. – М., 2005. – 15 с.
4. Быков, И. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования / И. Быков. – СПб., 2013. – 200 с.
5. Губанов, Д. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Д. Губанов. – М., 2010. – 228 с.
6. Гыдка, О. Джек Дорси: Мальчик, заставивший «щебетать» весь мир / О. Гыдка // American-Russian Media. Fact magazine. – URL: <http://magazinefact.com/2010-05-31-16-10-49/jack-dorsey-boy-who-gets-the-qtwitterq-the-whole-world>.
7. Гавра, Д. Феномен имиджа: сущность и основные характеристики / Д. Гавра. – URL: <http://pr.tsu.ru/articles>.
8. Динни, К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / К. Динни. – М., 2013. – 31 с.
9. Най, Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль. XXI. – 2004. – № 10. – 156 с. – URL: <http://www.smartpowerjournal.ru>.
10. Рахманько, П. Влияние социальных сетей интернета на формирование духовных и культурных ценностей современного общества / П. Рахманько // Христианство в европейской и мировой истории. – Минск, 2015. – 274 с.
11. Рахимова, Г. Интернет и имидж государства / Г. Рахимова. – URL: <http://articlekz.com>.
12. Косимова, Н. Интернет журналистиканинг технологик асослари / Н. Косимова. – Ташкент, 2012. – 122.
13. Кудратхўжаев, Ш. Журналист фаолиятида Интернетдан фойдаланиш / Ш. Кудратхўжаев. – Ташкент, 2010. – 44.
14. Мамутова, Д. Молодежь по обе стороны реальности / Д. Мамутова. – URL: fikir.uz/blog/CivilJournalism/11603.html.
15. Мельник, Г. Перспективы развития интернет в пространстве медиа / Г. Мельник // Журналист. ежегодник. Journalist Yearbook. – 2013. – Т. 1. – С. 10–12.
16. Мэтякубов, А. Влияние интернет-журналистики на преобразование средств массовой информации : автореф. ... канд. дис. филол. наук / А. Мэтякубов. – Ташкент, 2012. – 24 с.
17. Рашидова, Д. Интернет-журналистика / Д. Рашидова, Н. Муратова. – Ташкент, 2007. – 138 с.
18. Bloom Consulting Country Branding Ranking Tourism, 2011. – URL: <http://bloom-consulting.com>.

Сведения об авторе

Алимов Беруний Султанович – преподаватель факультета международной журналистики Узбекского государственного университета мировых языков (Ташкент).

b_alimov@yahoo.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 14–19.*

THE IMPORTANCE OF SOCIAL NETWORKS IN THE FORMATION OF UZBEKISTAN'S IMAGE

B. S. Alimov

Uzbek State University of World Languages, Tashkent. b_alimov@yahoo.com

This article deals with the formation of the country's image through an active coverage in the global media space of diverse achievements of Uzbekistan by opening the official pages in the popular social

networks and covering the culture and traditions of regions, broadcasting video materials with the performance of national songs, extensive coverage of geographical features, the popularization of arts and crafts of local artists.

Keywords: *social networks, country's image, Internet, content, site.*

References

1. Akopov G. *Politika i Internet* [Politika and Internet]. Moscow, 2015. 202 p. (In Russ.).
2. Braun S. "Mozaika" i Vsemirnaya pautina dlya dostupa k Internet ["Mosaic" and the World Wide Web to access the Internet]. Moscow, 1999. 167 p. (In Russ.).
3. Byba Ju. Mezhdunarodnyj imidzh Rossii glazami rossijskoj obshchestvennosti [The international image of Russia through the eyes of the Russian public]. *Aktual'nye problemy politiki i politologii v Rossii* [Actual problems of politics and political science in Russia]. Moscow, 2005. 15 p. (In Russ.).
4. Bykov I. *Setevaja politicheskaja kommunikaciya: teorija i praktika i metody issledovaniya* [Network political communication theory and practice, and research methods]. Saint Petersburg, 2013. 200 p. (In Russ.).
5. Gubanov D. *Social'nye seti: modeli informacionnogo vliyaniya, upravleniya i protivoborstva* [Social networks: Information model of influence, control and confrontation]. Moscow, 2010. 228 p. (In Russ.).
6. Gydka O. Dzhek Dorsi: Mal'chik, zastavivshiy "Twitter" ves' mir [Jack Dorsey: The boy that made "Twitter" the whole world]. *American-Russian Media. Fact magazine*. Available at: <http://magazinefact.com>. (In Russ.).
7. Gavra D. *Fenomen imidzha: sushhnost' i osnovnye harakteristiki* [Image phenomenon: the nature and main characteristics]. Available at: <http://pr.tsu.ru/articles>, accessed 09.01.2016 (In Russ.).
8. Dinni K. *Brending territoriy. Luchshie mirovye praktiki* [Branding territories. The world's best praktiki]. Moscow, 2013. 31 p. (In Russ.).
9. Nay Dzh. «Myagkaya» sila i amerikano-evropeyskie otnosheniya ["Soft" power, and the US-European relations]. *Svobodnaya mysl'. XXI* [Free Thought. XXI], 2004, no. 10. Available at: <http://www.smartpowerjournal.ru>, accessed 05.02.2016. (In Russ.).
10. Rahman'ko P. Vliyanie social'nyh setey interneta na formirovanie duhovnyh i kul'turnyh cennostej sovremennogo obshchestva [The impact of social networks on the Internet the formation of spiritual and cultural values of modern society]. *Hristianstvo v evropeyskoy i mirovoj istorii* [Christianity in European and world history]. Minsk, 2015. 274 p. (In Russ.).
11. Rahimova G. *Internet i imidzh gosudarstva Internet i imidzh gosudarstva* [Internet and Internet image and the image of the state government]. Available at: <http://articlekz.com>, accessed 27.12.2015. (In Russ.).
12. Kosimova N. *Internet zhurnalistikaning tehnologik asoslari* [Technological basics of Internet journalism]. Tashkent, 2012. 122 p. (In Uzbek).
13. Kudrathuzhaev Sh. *Zhurnalist faoliyatida Internetdan foydalanish* [Use of the Internet in the activities of journalists]. Tashkent, 2010. 44 p. (In Uzbek).
14. Mamutova D. *Molodezh' po obe storony real'nosti* [Young people on both sides of reality]. Available at: fkr.uz/blog/CivilJournalism/11603.html, accessed 16.12.2015. (In Russ.).
15. Mel'nik G. Perspektivy razvitiya internet v prostranstve media [Prospects for the development of Internet in the media space]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik. Journalist Yearbook*. [Journalistic yearbook. Journalist Yearbook], 2013, vol. 1, pp. 10–12. (In Russ.).
16. Myetyakubov A. *Vliyanie Internet-zhurnalistiki na preobrazovanie sredstv massovoy informacii* [Influence of Internet journalism in the transformation of the media]. Tashkent, 2012. 24 p. (In Russ.).
17. Rashidova D., Muratova N. *Internet zhurnalistika* [Internet journalism]. Tashkent, 2007. 138 p. (In Russ.).
18. *Bloom Consulting Country Branding Ranking Tourism*, 2011. Available at: <http://bloom-consulting.com>.

УДК 811.161.1'271

Н. А. Ведякова

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Освещается проблема соблюдения точности научной речи, вызванная отношениями синонимии, антонимии, полисемии терминов языкознания, в частности терминов жанроведения, стилистики и теории текста. Проблема рассматривается на примере терминосистемы, обслуживающей изучение стереотипов в текстах стандартизованного жанра. Внимание фокусируется на понятиях жанра, текста, интеракции, стандартизации, стереотипизации. Производится попытка разграничить понятия стереотипа, стандарта, штампа, шаблона, клише. Рассматриваемая проблема наиболее актуальна в период становления терминосистемы, а также при полипарадигмальном подходе, провоцирующем заимствования терминов из смежных отраслей знания.

Ключевые слова: *культура речи, синонимия, антонимия, полисемия, стандарт, стереотип, жанр, интеракция, научный стиль, стандартизация, стереотипизация, шаблон, клише, штамп.*

Доминирующую стилевую черту научной речи связывают с соответствующей коммуникативной задачей в плане выражения – стремлением к достижению предельной ясности изложения. Основное назначение научных текстов заключается в передаче информации. Именно эта функция обуславливает формирование таких стилевых черт научной прозы, как ясность, понятность, доступность, которые, в свою очередь, не могут быть достигнуты без сопутствующих стилевых черт – точности и логичности речи.

Указанные стилевые черты соотносятся с соответствующими коммуникативными качествами речи, в том числе с точностью, и, таким образом, фокусируют внимание на культуре речи ученого. Между тем «культура профессиональной речи – проблема не только не изученная, но еще и не вполне четко сформулированная, хотя актуальность ее давно очевидна» [10. С. 74].

Сложность восприятия информации в современном мире обусловлена не только ее нарастающим потоком, но и взаимопроникновением информации из смежных и отдаленных отраслей знания. В данной статье речь пойдет о терминах лингвистических, испытывающих влияние многочисленных аспектов языкознания.

«Сегодня проблема культуры профессиональной речи вновь может быть поставлена не только в плане научного ее исследования, но и в аспекте учебного и профессионального общения. Вполне очевидно, что культура профессиональной речи студента-филолога – это

точность терминопотребления, наряду с освоением различных типов и жанров профессиональных высказываний» [7. С. 4].

Лексикологические процессы в терминологии становятся темой отдельного исследования многих современных языковедов [2; 6]. Проблемы понимания научной терминологии, вопросы парадигматических отношений в терминосистеме и синтагматических отношений терминов в научной речи филологов приобрели для нас актуальность, благодаря изучению стереотипов в текстах стандартизованного жанра. Формулировка темы «Стереотип в текстах стандартизованного жанра» обращает внимание на неоднозначность каждого слова данной фразы.

Филологи проявляют редкое единодушие в отношении понятия «текст» как наиболее трудного для дефиниции. Однако термин «жанр» также отличается высокой степенью сложности интерпретации. Число определений жанра только в российском жанроведении достигает нескольких сотен. Одним из принципиальных вопросов генристов остается отнесение жанра (как, впрочем, и текста) к единицам речи или единицам языка. В результате сегодня можно наблюдать нарушение логики в соотношении стиля и жанра.

Так, говоря о стилевой дифференциации языка, то есть характеризуя стиль языка, нередко относят к нему жанры как совокупности текстов, единицы речи, смешивая, таким образом, языковую и речевую системность. И наоборот, сторонники противоположного

подхода определяют традиционный термин М. М. Бахтина как единицу языка: «Возможность типизации текстовых структур, создания классификации текстов свидетельствует о том, что существует некая более абстрактная и обобщенная единица, нежели текст, которая и является высшей языковой единицей, а именно – речевой жанр, в то время как сам текст относится к сфере речи, а не языка <...> высшей единицей языковой системы становится не текст, а речевой жанр как модель его построения. Текст же – это речевое воплощение тех речевых жанров, которые предназначены для неоднократного использования» [8. С. 85, 87].

На первый взгляд, эта позиция приводит к парадоксу: речевой жанр – языковая единица. При более пристальном рассмотрении противоречие снимается: речевой жанр – это речевая форма, форма для высказывания, обусловленная комплексом экстралингвистических факторов. В случае признания речевого жанра единицей языка потребуется, возможно, не только уточнение дефиниции, но и устранение противоречия с точки зрения лексической сочетаемости: система, состоящая из речевых жанров / жанровая система языка. С точки зрения Л. А. Месеняшиной, появление электронных средств фиксации речи создает реальные предпосылки для радикального изменения жанровой системы языка, «этот феномен следует расценивать как серьезное реформирование жанровой системы языка, которое неизбежно должно повлечь за собой реформирование и самой теории речевых жанров, в которой нашлось бы место и для оснований, заложенных М. М. Бахтиным» [7].

В определении жанра нередко используется понятие взаимодействия, или интеракции. В аспекте теории диалога М. М. Бахтина эти слова воспринимались органично, не привлекающая к себе пристального внимания ученых. Применение методологических основ лингвосинергетики потребовало уточнение понятия интеракции: «Мы не можем не остановиться на трактовке таких методически необходимых понятий, как “взаимодействие”, “интеракция”, “диалог”, “диалогичность”, “воздействие”. Это обусловлено тем, что в функциональной стилистике смысл таких терминов базового уровня, как “язык/речь”, “речевая системность”, “текст” (произведение), “жанр”, “общение”, “мышление” и др., раскрывается на основе фундаментальных терминов “взаимодействие” (интеракция) или “диалог/диалогичность”. <...> Как видим, из поля зрения исследовате-

лей ускользает то, что диалогичность (близкими являются диалог, воздействие и/или взаимодействие) как таковая не может сформировать систему» [9. С. 7].

А. Стоянович ставит задачу: дополнить, скорректировать теорию диалога (диалогичности, воздействия и/или взаимодействия) с применением лингвосинергетического подхода и учения о традиции. Для решения этой задачи ученому потребовалось использование специального термина «взаимосодействие», которое он противопоставляет понятию «взаимодействие»: «С точки зрения лингвосинергетики (в варианте концепции П. К. Анохина) и общей теории функциональных систем <...> можно утверждать, что язык (код), речь, текст (произведение), речевые жанры функционируют в соответствующей среде (организм, социум) по одинаковому общему принципу. Принцип этот нельзя свести к некоему “воздействию”, “взаимодействию” и/или “диалогу”, так как везде и во всем – в любой функциональной системе, обладающей свойством саморегуляции, самоорганизации – господствует не “идея диалогичности”, как до сих пор думают многие исследователи, а царит “полезный результат” и вечный принцип “взаимоСОдействия”. Четкое разграничение терминов “взаимодействие” и “взаимоСОдействие” не является игрой слов. Термин взаимодействие звучит более феноменологически, нейтрально, в то время как термин взаимоСОдействие звучит более каузально, активно, поскольку для обеспечения взаимодействия включаются многие новые специализированные механизмы. Конкретным механизмом взаимодействия компонентов гетерогенной системы является освобождение их от избыточных степеней свободы, не нужных для получения данного конкретного результата, и, наоборот, сохранение всех тех степеней свободы, которые способствуют получению (полезного) результата. Представляется, что именно результат функционирования системы является движущим фактором прогресса всего живого на нашей планете» [9. С. 8].

При всей убедительности позиции А. Стояновича, обращает на себя внимание тот факт, что слово «взаимодействие» многозначно, одно из его значений близко к понятию взаимосодействия. Осложняет ситуацию тот факт, что понятия «интеракция» и «взаимосодействие» относятся к разным терминосистемам. В словаре Т. В. Жеребило находим: «ИНТЕРАКЦИЯ. Социальное взаимодействие, приравни-

ваемое к коммуникативному поведению, трактуемому в духе необихевиористской теории социального поведения. И. – термин символично-интеракционистской теории в социологии, где деятельность понимается как активность индивидуального сознания. И. используется в двух основных значениях: 1. И. социальная – социальное взаимодействие индивидов. 2. И. речевая – речевое взаимодействие индивидов на уровне речи» [5. С. 122].

На наш взгляд, рассматривать лексикологические связи между этими словами не вполне корректно, так как они относятся к разным направлениям языкознания, социологии, синергетики. «Решение вопроса о разграничении слова-термина и слова-нетермина представляется уместным начать с того, что любая отдельно взятая терминсистема является частью, подсистемой литературного языка, обеспечивая при этом коммуникацию в сфере научно-профессиональной деятельности или знания. Соответственно, термин, будучи элементом лексического состава литературного языка, не может быть противопоставлен общепотребительному слову, но и не может быть приравнен к нему в силу своего назначения и области функционирования» [2. С. 56].

С точки зрения насыщенности синонимичными отношениями отмечает речь филологов И. В. Арнольд: «Терминология лингвистики отягощена синонимией и многозначностью. Она настолько не упорядочена, что изложение материала часто приходится начинать с перечисления терминов, уже существующих для концептов, которые предполагается изучить» [1. С. 86].

Изучая феномены стереотипности и вариативности в текстах стандартизованного жанра, мы разводим понятия стереотипа и стандарта во избежание терминологической тавтологии. Стереотип – более широкое понятие (жанровый стереотип, динамический стереотип, сложившийся стереотип), обладающее семантикой процесса и его результата, что позволяет его исследовать с точки зрения динамического подхода в психолингвистике и когнитивной лингвистике. Стереотипность отдельного текста может быть необязательной, хотя допустимой (например, в разговорной речи). Стереотипность научного текста – его обязательная характеристика, она обусловлена стандартизацией – процессом установления жестких стилевых и жанровых норм. Стандарт – это установленный, узаконенный стереотип [3].

Подобное разграничение схожих понятий характерно сегодня как для отечественного, так и для зарубежного языкознания: «Мы пришли к необходимости разграничения стереотипа как речевого и неречевого явления, учитывая производные слова “стереотипность” и “стереотипизация” <...> Стереотип как ментально-лингвальная структура – это, на наш взгляд, родовое понятие, объединяющее и *клише*, и *штамп* (шаблон), и *стандарт* <...> Понятие *стандарт* (и стандартизованность) – характеристика речевого жанра с точки зрения степени нормативности жанрового стиля (жесткости жанровой нормы). Употребление термина *стандарт* сопряжено со многими трудностями, ибо отсутствуют точные критерии определения степени стандартности текста» [9. С. 145].

При употреблении вышеназванных близких по значению слов намечается тенденция к разграничению явлений позитивных и негативных. Стереотипность как возможная характеристика любого текста является неотъемлемой чертой научной речи, «узаконена» ее стандартизацией, то есть представляет собой явление позитивное. Для речевого стереотипа, выполняющего в научном тексте позитивную функцию, при изучении стандартизованного жанра мы выбрали термин «клише». Понятие «шаблон» используется нами для феномена, вызывающего в научном тексте негативный эффект, который связан с речевой недостаточностью (нулевой информативностью) данных единиц. В результате такого подхода между клише и шаблоном устанавливаются отношения антонимии, в то время как в текстах многих лингвистов они вполне могут выступать в качестве синонимов, потому что, несмотря на наметившуюся тенденцию, эта терминология еще не является общепризнанной.

По мнению В. П. Даниленко, «синонимия особенно характерна для начальных этапов формирования терминологических систем, когда еще не произошел естественный (и искусственный) отбор лучшего термина и сосуществуют многие варианты» [4. С. 74].

Таким образом, соблюдение лексических и стилевых норм в речи ученого, достижение точности научного изложения осложняют рассмотренные выше процессы полисемии, синонимии, антонимии терминов, приводящие к многозначности высказывания, тавтологии, плеоназму, нарушению лексической сочетаемости и пр. Эти процессы наиболее активны

при становлении нового направления исследования, особенно полипарадигмального, находящегося на стыке наук.

Анализ некоторых терминов, обслуживающих описание феномена стереотипа в текстах стандартизованного жанра, отражает недостаточную степень изученности периферийных жанров научного стиля, многогранность феноменов жанра и стереотипа и многоаспектность соответствующих исследований. Дальнейшее

изучение проявлений стереотипа в научном тексте должно привести к сокращению количества терминов-синонимов и более четкому разграничению терминосистем в зависимости от аспекта исследования и отрасли научного знания. В данном направлении делает свой шаг и настоящая работа, в рамках которой были разведены понятия стандарта и стереотипа, клише и шаблона и некоторые другие.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / И. В. Арнольд. – М., 1991. – 140 с.
2. Бурсина, О. А. Терминология социальной работы: структура, семантика и функционирование (на материале англоязычной литературы для социальных работников) : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Бурсина. – СПб., 2014. – 324 с.
3. Ведякова, Н. А. Стереотипность и вариативность в научном тексте (на материале авторефератов диссертаций) : монография. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 184 с.
4. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М., 1977. – 245 с.
5. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань, 2010. – 486 с.
6. Корнейчук, Ю. В. Лексикологические процессы в терминологии / Ю. В. Корнейчук, Г. Г. Корнейчук // Филология и лингвистика в современном обществе. – М., 2014. – С. 70–73.
7. Месеняшина, Л. А. Диалогический жанр? / Л. А. Месеняшина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 22 (203). – Филология. Искусствоведение. Вып. 46. – С. 77–82.
8. Редькина, О. Ю. Текст и речевой жанр: место в иерархии языковой системы / О. Ю. Редькина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 20 (311). – Филология. Искусствоведение. Вып. 79. – С. 85–88.
9. Стоянович, А. Стереотипность научного текста (на материале сербского языка) / А. Стоянович. – Белград, 2014. – URL: <http://k.psu.ru/library/node/222433?viewMode=cover>.
10. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М., 2003. – 246 с.

Сведения об авторе

Ведякова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета.
vedyakova@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 20–24.*

LEXICOLOGICAL PROCESSES OF TERMINOLOGY AND CULTURE OF PROFESSIONAL SPEECH

N. A. Vedyakova

Chelyabinsk State University. vedyakova@mail.ru

This article is devoted to the problem of the rules of scientific speech caused by relations between synonymy, antonymy, polysemy in system of terms of stylistics, theory of genres and text theory in par-

ticular. The author defines factors of standardization and stereotyping of scientific text, so the problem is considered on the example of the system of terms used to analyze stereotypes in a standardized text. Attention is focused on the definition of genre, text, interaction, standardization and stereotyping. The question about speech or language status of unit is traditional for the meta-language of linguistics. In the article this question is examined as a factor of lexical compatibility of terms. The author describes the communication qualities of perfect scientist's speech in particular. He also describes the cases of following the necessary lexical norms and possible mistakes in using some terms (like tautology and violation of compatibility). The author also tries to differentiate between the terms «stereotype», «standard», «stamp», «pattern» and «cliche», based on scientific style texts material – abstract theses. Lexicological processes of terminology are most actual for new systems of terms and also in a process of borrowing of terms from other sciences.

Keywords: *culture of speech, synonymy, antonymy, polysemy, stereotype, standard, genre, interaction, scientific style, standardization, stereotyping, stamp, pattern, cliché.*

References

1. Arnold I.V. *Osnovy nauchnyh issledovaniy v lingvistike* [The basics of science researches on linguistics]. Moscow, 1991. 140 p. (In Russ.).
2. Bursina O.A. *Terminologiya sotsyalnoy raboty: struktura, semantika i funktsionirovanie (na materiale angloyazychnoy literatury dlya sotsyalnyh rabotnikov)* [Social work terminology: the structure, semantics and functioning (based on English literature for social workers)]. Saint Petersburg, 2014. 324 p. (In Russ.).
3. Vedyakova N.A. *Stereotipnost i variativnost v nauchnom tekste (na materiale avtoreferatov disertatsiy)* [Stereotype and variability in scientific text (based on abstracts of theses)]. Saarbrücken, 2011. 184 p. (In Russ.).
4. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology. Experience of linguistic description]. Moscow, 1977. 245 p. (In Russ.).
5. Jerebilo T.V. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. Nazran, 2010. 486 p. (In Russ.).
6. Korneychuk Y.V. Lexikologicheskie protsessy v terminologii” [Lexicological processes in terminology]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve* [Philology and linguistics in modern society]. Moscow, 2014. Pp. 70–73. (In Russ.).
7. Mesenyashina L.A. Dialogicheskiy janr? [The dialogic genre]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 22 (203), iss. 46, pp. 77–82. (In Russ.).
8. Redkina O.Y. Text i rechevoy janr: mesto v ierarhii yazykovoy sistemy [Text and the genre of speech: the place in the language systems hierarchy], in: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 20 (311), iss. 79, pp. 85–88. (In Russ.).
9. Stoyanovich A. *Stereotipnost nauchnogo teksta (na materiale serbskogo yazyka)* [Stereotype of scientific text (based on the Serbian language materials)]. Belgrade, 2014. 172 p. Available at: <http://kpsu.ru/library/node/222433?viewMode=cover.aip.29.09.2015>. (In Russ.).
10. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. *Obshaya terminologiya: Voprosy teorii* [Common terminology: Theoretical questions]. Moscow, 2003. 246 p. (In Russ.).

УДК 81-13
ББК 81.411.2.–32

Л. А. Глинкина

ЗАМЕТКИ О ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Для формирования историзма как профессионально обязательного принципа лингводидактики российскому филологическому образованию недостает завершающего звена – историко-лингвистического комментария системных и парадоксальных фактов современного русского языка. Принципиально ретроспективный, информативно-информационный и прагматический – этот курс иллюстрирует и объясняет основные константы языковой динамики в синхронии и диахронии. Расширение лексикона и развитие системно-структурного строя создается, прежде всего, глобальными процессами лексикализации и грамматикализации. Рассматривается их терминологичность и отдельные проявления в истории русского языка: на разных этапах его развития и в разных языковых подсистемах.

Ключевые слова: лексикализация, грамматикализация, историзм, лингводидактика, историко-лингвистический комментарий.

Историзм как общеметодологический научный принцип обучения связан с пониманием того, что на всех этапах речевая деятельность предстает как живой процесс и одновременно как результат изменений в прошлом. Формированию такого понимания служат все принятые в стандартах государственного образования дисциплины историко-лингвистического цикла: старославянский язык, диалектология, историческая грамматика, история русского литературного языка. Однако практика доказала необходимость на завершающем этапе обучения введения в программу обобщающего курса (спецкурса, спецпрактикума) по историко-лингвистическому комментированию (ИЛК) фактов современного русского языка [9]. Его цель и назначение – помочь выпускникам интегрировать накопленные знания по истории языка, соотнести их с общим языкознанием и грамотно осмыслить структурно-системные и асистемные, аномальные явления в современном устном и письменном речевом общении.

Исторический подход формирует понимание ряда научных аксиом:

1. Язык развивается, оставаясь самим собой.
2. Он подчиняется на всех этапах своего движения основным тенденциям эволюции.
3. Варианты нормы являются следствием языкового развития.
4. Любое парадоксальное (аномальное) явление современного языка в прошлом было элементом системы.

Историко-лингвистический комментарий (ИЛК) – принципиально ретроспективный, интегративный курс, который опирается на достижения традиционного и исторического языкознания в разных сферах научного знания. Среди них:

- фундаментальные коллективные академические исследования [11; 14; 15];
- историко-лингвистическая лексикография [19];
- научные труды, монографии и статьи [3; 4; 5; 6; 16];
- известные учебные пособия по истории русского языка В. И. Борковского и П. С. Кузнецова, В. В. Иванова, В. В. Колесова, К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева, В. М. Маркова и др.

Представляется целесообразным включение в курс ИЛК научных понятий *лексикализация* (Л) и *грамматикализация* (Г), максимально обобщающих разноуровневые изменения в процессе непрерывного расширения и обогащения лексикона и упорядочения системно-структурного строя языка.

Оба термина-понятия были введены в научный оборот в начале XX в. А. Мейе. Они активно используются в зарубежном и русском общем языкознании (Е. Курилович, В. Матезиус, С. И. Карцевский, И. И. Мещанинов, А. А. Реформатский, Т. В. Булыгина, В. К. Журавлев и др.). Определяя терминологический статус этих понятий, обратимся к энциклопедической и терминологической лексикографии.

Оба термина определяются во всех семи изданиях «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой единообразно: «Лексикализация – превращение некоторых элементов (морфем или сочетания элементов) в устойчивые элементы языка, функционирующие в качестве эквивалентов слова» [1. С. 215].

«Грамматикализация (грамматизация) – 1. Обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания: *грамматикализация синтаксических структур, грамматикализация построения*. 2. Утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции. 3. Превращение словосочетания в аналитическую форму слов: *я буду читать*» [1. С. 114]. При этом приводятся соответствующие однокоренные аналоги в английском, французском, немецком, испанском языках.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под общей редакцией В. Н. Ярцевой раскрывается только понятие *лексикализация*. Автор словарной статьи В. В. Лопатин определяет этот термин как «превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или словосочетания элементов (словосочетания) в одно знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (напр., во фразеологизм)» [17. С. 258]. Принятая дефиниция иллюстрируется такими частными проявлениями лексикализации, как 1) «превращение служебной морфемы (аффикса) в слово <...>; 2) превращение словоформы или предложно-падежного сочетания в самостоятельное слово <...> (наречие, междометие и так далее); 3) превращение словосочетания в слово <...>; 4) фразеологизация, возникновение идиоматического сочетания из свободного <...>» [17. С. 258].

Помимо этих четко обозначенных параметров Л, сюда отнесены: семантическое обособление одной из форм слова или части форм, не столь регулярные морфонологические явления «закрытого списка». Неслучайно предложенное в ЛЭС расширенное толкование Л повторяется со ссылкой на первоисточник в более поздних энциклопедиях и терминологических справочниках [18; 20].

Термин *грамматикализация* в ЛЭС неоднократно используется в самых разных словарных статьях и лингвистических контекстах, например, о формировании грамматического значения аориста в суффиксе *S [17], о понятийных категориях [17], о служебных словах [17], о механизмах порождения речи [17]. В других

энциклопедических и терминологических справочниках толкование грамматикализации также повторяет текст словаря О. С. Ахмановой. Не подвергая критике неоднозначность интерпретации обоих терминов-понятий, при анализе лингвистического материала примем за исходные определения Л В. В. Лопатина в ЛЭС [17], а термина Г в словаре О. С. Ахмановой [1].

Цель предлагаемых заметок – привлечь внимание коллег к проблеме углубления историко-лингвистического образования в вузе и к ряду аспектов его содержания.

В статье поставлены задачи:

1) выявить терминологический статус понятий *лексикализация* и *грамматикализация* в современной лингвистической справочной литературе;

2) показать на конкретном материале проявление Л и Г в истории русского языка;

3) отметить специфические черты взаимодействия Л и Г в разных языковых подсистемах и в соотношении с другими факторами эволюции языка;

4) наметить перспективы научного осмысления Л и Г при введении историко-лингвистического комментирования в современных условиях филологического образования.

Изложим некоторые наблюдения, акцентируя внимание на отдельных фактах поуровневого своеобразия проявления Л и Г, которые недостаточно освещались в специальной литературе [9].

На фонетико-фонологическом и морфонологическом уровнях выделяются лексически ограниченные (закрытые) ряды слов, в которых отложились праславянские и ранние древнерусские позиционные чередования. Причиной их трансформации в исторические чередования стало угасание некогда активных тенденций внутрислогового сингармонизма (закон палатализации), слоговой структуры с нарастающей сонорностью (закон открытых слогов), падение редуцированных, лабиализация и др.

Лексикализация как своеобразная консервация единиц, сопряженных с фонетическими изменениями, проявляется неединообразно. В итоге возникают:

– количественно ограниченные закрытые ряды слов, например, с результатом праславянской лабиализации в дифтонгических сочетаниях **telt*, **tɛlt*: *молоко, полон, шелом, полоскать, полный*;

– аналогично узкий круг слов, в которых был утрачен начальный *j*, а звук *e* [э] перешел в *o*: *один, осень, олень, осетр*; варианты собственных имен *Олена, Остап, Овдотья*;

– масштаб последней по времени лабиализации, вызванной межслоговой ассимиляцией твердого согласного и ударного гласного *e* [э], оказался значительным. И тем не менее лексикализованной группой стали десятки слов с корневым *Ѣ* [иэ], который фонематически не совпадал с [э] в период действия этой лабиализации (XII–XVI вв.). К XVIII в., когда *Ѣ* перестал быть самостоятельной фонемой и слился с [э], закон лабиализации уже не действовал, и лишь традиционная орфография требовала помнить о былой самодостаточности *Ѣ*. Известны рифмовки ограниченного списка слов разной семантики и многообразных грамматических признаков – для их запоминания и правописания по нормам орфографии:

БѢлый блѢдный бѢдный бѢсъ

ПобѢжалъ за рѢчку в лѢсъ...

ЛѢшимъ по лѢсу онъ бѢгалъ,

РѢдкой с хрѢномъ пообѢдалъ

И за бѢдныи сѢи обѢдъ

Даль обѢтъ надѢлать бѢдъ.

Закрепление в орфографии живого произношения, отразившего фонетические закономерности, проявилось, вопреки традиционно-му правописанию и этимологии, в ряде других морфологически неоднородных лексических рядов. Таковы:

– слова с начальными сочетаниями *зд-*, *зг-*, появившиеся вследствие падения редуцированных гласных: *здание* (др. рус. *здание*, ср. *созидать, зодчий*), *здесь* (др. рус. *сѣдѣсь*), *здоров* (др. рус. *сѣдоровъ*), (*ни*)зги (др. рус. *стѣга*);

– количественно ограничен именной ряд, где в словах закрепилось на письме акающее произношение, не соответствующее морфологическому принципу орфографии: *балаболка* (образовано путем удвоения *бол-бол*); *ватрушка* (др. рус. *вотрожьска < твотрожьска*); *завтрак* (др. рус. *завтракъ*); *каравай* (др. рус. *коровай*); *каракатица* (от др. рус. *корокъ* – «нога»); *карануз* (из др. рус. *коротопуз*); *ладонь* (др. рус. *лодонь < долонь*, ср. ст. сл. *длань*); *лапта* (др. рус. *лопта, лопух*); *махровый* (от *мохра < мох*); *славяне* (др. рус. *словѣне* – от *слово*).

Л проявляется не только в лексических ограничениях, но и, прежде всего, в расширении лексикона. То и другое наблюдается, на-

пример, в случае, когда исходные единицы составляли в праславянском закрытый ряд корней с конечными согласными *g* или *k*: **ved-*, **berg-*, **velk-*, *volk-*, **zeg-*, **leg-*, **mog-*, **pek-*, **rek-*, **sek-*, **sterg-*, **stig-*, **strig-*, **tek-*, **talk-*. Позиционные чередования *g/ж*, *k/ч* закрепились в образованных от этих 15 корней формах глаголов настоящего времени: *могу – можешь*; *пеку – печешь* и др. В восточнославянских языках при образовании инфинитива сохранилось историческое чередование, возникшее на стыке морфем: *gm, km/ч*.

Однако активное развитие префиксально-суффиксального глагольного словообразования в XIV–XV вв. и грамматикализация глагольного вида расширили границы этого поля. По данным «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка, в современном лексиконе активно функционирует уже 182 инфинитива на *-чь*, производных от 15 продуктивных корней [11]. Как и первичные глаголы, дериваты сохраняют древнейшие исторические чередования в формах инфинитива, настоящего времени и при образовании формы мужского рода глаголов прошедшего времени, восходящих к действительным причастиям прошедшего времени с суф. *-л*: ср. *мог*, но *могла*; *пек*, но *пекла*.

На морфонологическом и словообразовательном уровнях Л нередко сопровождалась деэтимологизацией. Разрыв семантических связей приводит к обособлению лексем, разрушению этимологических гнезд и к новым виткам словообразования с новыми вершинными словами в обновленных лексических гнездах, а тем самым – к лексическому обогащению языка.

Показательно развитие гнезд с чередованием гласного в дифтонгических сочетаниях корней: **vert-*, **vort-*, **vьrt-*. В праславянском их объединяла семантика «движение по кругу или движение с возвращением». Со временем семантически близкие праславянские варианты этимологически родственных корней настолько обособились (а этому способствовали древнейшие фонетические изменения), что сегодня в них трудно найти общую древнюю сему.

Ср. **vert* – др. рус. устар. *веремя*, ст. сл. *врѣма* – *время*. Производные: *времечко, временицк*, *времяпрепровождение, времянка, современный, современник, (супер-, ультра-, сверх-) время*. Производные с др. рус. вариантом: *веретено, веретенце*;

**vort* – др. рус. вариант – *ворот*-. Производные: *ворот, воротник, ворота, приворот*,

заворот, отворот, наворотить, воротило («рычаг»), ворочание, наоборот. Производные от ст. сл. *врат-*: *врата, вратарь, вращать, обратнo, разврат, обращение*, отвращение;

**vьrt*> (*в*)*ер*(*т*): *вернуть, обернуть(ся), обертка, сверток, верста, сверстник*.

И вся история русского языка удивляет чудесами таких метаморфоз, в которых реализован один из своеобразных путей лексикализации через деэтимологизацию. Особая тема изучения – проявление Л и деэтимологизации при адаптации заимствований. Обширный материал такого типа содержит словарь «Этимологические тайны русской орфографии» [7].

Любое новое самостоятельное слово, созданное по закрепленным в системе моделям, оказывалось «под контролем» грамматикализации, то есть встраивалось в действующие системные парадигмы и обретало способность вступать при функционировании в определенный круг синтаксических связей.

На уровне словообразования в аспекте соотношения Л и Г выделяется неморфологическое словообразование: субстантивация, адъективация, адвербиализация, конъюнктивация, прономинализация. Так, при исторически продуктивном способе субстантивации исходной языковой единицей были обычно частотные лексикализованные сочетания с повторяющимся именем существительным широкого смысла (*человек, муж, жена, пошлина, грамота, город, слуга, мастеровой* и др.) и согласованными, уточняющими его прилагательными или причастиями. Например, к слову *недѣля* (846 употреблений в СДРЯ XI–XIV вв.) приводится 15 лексикализованных словосочетаний: *недѣля (великая, масляная, страстная* и так далее) [20]. Эволюция конверсии этого типа связана с общерусским процессом грамматической конденсации словосочетаний. Атрибутивное слово обрело от пропущенного существительного значение предметности и стало субстантиватом. Его включение в морфологическую систему заключалось в грамматикализации, то есть утверждении, как у существительных, одного грамматического рода: *рулевой* – муж., *запятая* – жен., *насекомое* – ср. р., как у прилагательных, местоименной родо-падежно-числовой парадигмы. Второй путь субстантивации – это калькирование с греческого языка причастий ср. рода со значением абстрактного существительного. Грамматикализация такой модели осложнялась числовым варьированием семантически равнозначных форм ср. р. в

ед. и множ. числе: *прочее* – *прочая, святое* – *святая*.

Субстантивация как непрерывный процесс подарила русскому словарю 660 лексем-субстантиватов [12]. Другие типы неморфологического словообразования в синхронно-диахронном аспектах также представляют в аспекте Л и Г перспективный объект изучения.

Взаимодействие Л и Г на морфологическом уровне было также своеобразным. Их главные объекты в истории русского языка от праславянского до современного состояния – перестройка и систематизация именного и местоименного склонений, глагольной временной (видовременной) системы, упорядочение формообразования счетных слов и местоимений, образование наречий, категории состояния, служебных слов, междометий.

Остановимся лишь на одном уникальном явлении взаимодействия Л и Г. Имя числительное является самой молодой самостоятельной частью речи в современной грамматической системе русского языка. С развитием понятийной категории количественности связано выделение из класса имен ограниченного числа счетных слов. В них формировались грамматические признаки на базе исходных «узловых» лексем: прилагательных *одинъ* (-а, о), *дѣва* (-ѣ), *три* (-и), *четыре* (-и) и существительных с основой на *i: *пять, шесть, сѣдмь, в/осмь* (с основой жен. р.), *девятъ*, сущ. на согласный *десять* и сущ. ср. рода *сѣто*. В основе систематизации всех счетных слов оказался продуктивным десятичный принцип. Отсюда – выделение «узловых» единиц первого десятка, на их основе – образование единиц второго десятка из словосочетаний типа: *одинъ на десѣте, девѣтъ на десѣте*; для именованья десятков и сотен – счетные словосочетания из двух слов: 1) счетного прилагательного (1–4), согласованного в роде и числе с существительным *десять* или *сѣто*: *дѣва десѣти, три десѣте, дѣвѣ сѣтѣ, три сѣта*; 2) и счетного сущ. (5–9) и управляемых им существительных *десять* или *сѣто* в форме род. пад. мн. ч.: *пять десѣтъ и пятьсот*. Грамматикализация счетных слов протекала как унификация форм, утративших именные категории рода и числа. Это привело к их грамматическому обособлению от имени, развитию отвлеченного значения числа, счетности, количества и выделению в особый лексико-грамматический класс имени числительного (XIV–XV вв.). Другой тип унификации проявился в словосочетаниях узловых чисел со

словами *десять*, *это*: они оказались сначала неразложимыми, а затем трансформировались в сложные слова. И далее – в процессе унификации склонения сложных числительных в косвенных падежах, независимо от происхождения первой части сложения, падежная парадигма стала одинаковой [9. С. 80–82].

История русского языка дает обширный материал для ретроспективно выстроенного курса исторического комментирования отдельных фактов эволюции и утверждения ряда очевидных положений относительно ее механизмов:

– важнейшие из них – Л и Г – уже изначально проявляются во всех языковых подсистемах;

– они регулируются тенденцией «асимметрического дуализма языкового знака» и развитием глобальных понятийных и концептуальных категорий: качественности, количественности, определенности, законченности, времени, рода и др.;

– Л и Г пересекаются и взаимодействуют, создавая национальный лексический фонд и выстраивая все его единицы в единую национальную структуру, включающую ряд подсистем;

– Л и Г по-разному соотносятся с другими факторами эволюции, например, с неологизацией и архаизацией. Лексические неологизмы как продукт Л предопределяются внешними факторами, что исключено для грамматических инноваций, истоки которых в самой языковой системе и фактически могут хронологизироваться только условно. Грамматикализация всегда соотносится с прежними коммуникативно значимыми фактами языка и узуальным

либо кодифицированным нормированием, а также варьированием [8; 10].

В этой публикации поставлены лишь некоторые проблемы, далеко не исчерпывающие комплекс возможных подходов к сложной и недостаточно изученной на русском историко-лингвистическом материале проблемы Л и Г. В перспективе изучения:

– углубление антропоцентрического, национально-культурного взгляда на историю нашего языка, использование достижений онтологии, когнитологии, дискурсологии, теории коммуникативности и функциональности [3; 4; 13; 16; 21];

– опора на новую, расширенную материальную языковую базу, созданную в области исторической лексикографии (СДРЯ XI–XIV вв., СРЯ XI–XVII вв., СРЯ XVIII в., Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., Словарь русской фразеологии, Историко-этимологический справочник А. М. Мокиенко и др.) Они позволяют ретроспективно и проспективно проследить развитие системных фактов языка, а также появление асистемных фактов;

– обновление устаревших и создание новых учебных пособий для вузов и школы по русскому языку в историческом освещении, что важно для обучения образованного филолога, который чувствовал бы в каждом звене современного языка историческую память народа.

В заключение повторим слова Г. А. Золотовой: «Искомая картина – как горизонт, который всегда впереди» [13. С. 13].

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семантика и информатика. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 272–298.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 2007. – 576 с.
3. Бондарко, А. В. К интерпретации понятия «смысл» / А. В. Бондарко // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 316–321.
4. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М., 1997.
5. Виноградов, В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков / В. В. Виноградов // Избранные труды. – М., 1975. – С. 66–220.
6. Воркачев, С. Т. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Т. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 67–72.
7. Глинкина, Л. А. Этимологические тайны русской орфографии: словарь-справочник: ок. 6000 слов / Л. А. Глинкина. – М., 2007. – 381 с.
8. Глинкина, Л. А. Грамматическая вариантность в истории русского языка / Л. А. Глинкина. – Екатеринбург, 1998. – 110 с.

9. Глинкина, Л. А. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка : сб. таблиц, упражнений, материалов для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов / Л. А. Глинкина, А. П. Чередниченко. – М., 2005. – 208 с.
10. Граудина, Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М., 1976. – 451 с.
11. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение / А. А. Зализняк. – М., 1990. – 880 с.
12. Древнерусская грамматика XII–XIII веков. – М., 1995. – 520 с.
13. Золотова, Г. А. О путях и возможностях грамматической науки (приглашение к дискуссии) / Г. А. Золотова // *Вопр. филологии*. – 1999. – № 3. – С. 13–19.
14. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под. ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. – М., 1982.
15. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / под. ред. В. И. Борковского. – М., 1978.
16. Крысько, В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка / В. Б. Крысько. – М., 1994. – 224 с.
17. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – 683 с.
18. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2003. – 704 с.
19. СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов. – М., 2002. – Т. V. – 647 с.
20. Тихонов, А. Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева. – М., 2008. – Т. I.
21. Шведова, Н. Ю. Теоретическая концепция «Русского идеографического словаря» / Н. Ю. Шведова // *Перспектив: русский идеографический словарь (мир человека и человек в окружающем мире)* / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2004. – С. 21–40.

Сведения об авторе

Глинкина Лидия Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 25–32.*

NOTES ON LEXICALIZATION AND GRAMMATICALIZATION IN THE ASPECT LINGUODIDACTICS

L. A. Glinkina

Chelyabinsk State Pedagogical University.

For the forming of historical method as a professionally compulsory principle of linguistic didactics the Russian philological education needs to have in its completing link the course of historical and linguistic commentary of systematical and paradoxical facts of the modern Russian language. This course is retrospective, informative and integrative and pragmatic in the main. It illustrates and explains basic constants of the language dynamics and the deviations according to the synchronic and diachronic methods. The lexicon expansion and the development of the system and structural order is made first of all by the global lexicalization and grammaticalisation processes. This article reveals with their termhood and manifestation in the different links of the Russian language history and in different subsystems. The propositions are illustrated by specific for the modern Russian language interaction of the grammaticalisation and lexicalization processes:

- at the level of morphonology, where positional alternations appeared (because of «pra»;

- Slavic phonetic laws), in the ancient-Russian period these alternations became «historic» and fastened in closed lexical and grammatical rows;
- at the level of word formation (especially not morphological), that is accompanied by etymology change;
- at the grammatical level in the noun, pronoun and verb paradigms in the process of forming of new parts of speech, grammatical categories and forms.

Possessing high level of abstraction the process of lexical units grammaticalisation mounts global conceptual meanings and communicatively significant information.

The research of lexicalization and grammaticalisation processes according to the synchronic and diachronic methods on any linguistic material seems to be a perspective direction not only conformably to science but to linguistic didactics too as a way of rational comprehending of modern language facts with their historical and linguistic commenting in the course of higher philological education.

Keywords: *lexicalization, grammaticalization, historicism, Didactics, historical and linguistic comment.*

References

1. Apresyan U.D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira [Deixis in vocabulary and grammar, and a naive model of the world]. *Semantika i informatika* [Semantics and Informatics], iss. 35. Moscow, 1997. Pp. 272–298. (In Russ.).
2. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 2007. 576 p. (In Russ.).
3. Bondarko A.V. K interpretacii ponjatija «smysl» [On the interpretation of the concept of “meaning”]. *Slovar'. Grammatika. Tekst* [The Dictionary. Grammar. Text]. Moscow, 1996. Pp. 316–321. (In Russ.).
4. Bulygina T.V., Shmelyov A.D. *Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russskoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow, 1997. (In Russ.).
5. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii (na materiale russskogo i rodstvennyh jazykov) [Word formation and its relation to grammar and lexicology (based on Russian and related languages)]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, 1975. Pp. 66–220. (In Russ.).
6. Vorkachov S.T. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii [Linguistic cultural studies, language personality, concept: becoming anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 2001, no. 1, pp. 67–72. (In Russ.).
7. Glinkina L.A. *Jetimologicheskie tajny russskoj orfografii. Slovar'-spravochnik: ok. 6000 slov* [Etymological mystery of Russian spelling. Dictionary – reference: 6000 words]. Moscow, 2005. 381 p. (In Russ.).
8. Glinkina L.A. *Grammaticheskaja variantnost' v istorii russskogo jazyka* [Grammatical variation in the history of the Russian language]. Ekaterinburg, 1998. 110 p. (In Russ.).
9. Glinkina L.A., Cherednichenko A.P. *Istoriko-lingvisticheskij kommentarij faktov sovremennogo russskogo jazyka* [Historical and linguistic facts comments of modern Russian language]. Moscow, 2005. 208 p. (In Russ.).
10. Graudina L.K., Itskobich V.A., Katlinskaya L.P. *Grammaticheskaja pravil'nost' russskoj rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarja variantov* [Grammatical correctness of Russian speech. Experience of frequency stylistic vocabulary of dictionary options]. Moscow, 1976. 451 p. (In Russ.).
11. Zaliznyak A.A. *Grammaticheskij slovar' russskogo jazyka: Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian language: inflection]. Moscow, 1990. 880 p. (In Russ.).
12. *Drevnerussskaja grammatika XII–XIII vekov* [Old Russian grammar XII–XIII centuries]. Moscow, 1995. 520 p. (In Russ.).
13. Zolotova G.A. O putjah i vozmozhnostjah grammaticheskoi nauki (priglasenie k diskussii) [About the ways and possibilities of grammatical science (for Discussion)]. *Voprosy filologii. Nauchnyj zhurnal* [Philology. Science Magazine], 1999, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.).

14. Avanesov R.I., Ivanov V.V. (eds.) *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. Morfologija. Glagol* [Historical Grammar of the Russian language. Morphology. The Verb]. Moscow, 1982. (In Russ.).
15. Borkovski V.K. (ed.) *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. Sintaksis. Prostoe predlozhenie* [Historical Grammar of the Russian language. Syntax. A simple sentence]. Moscow, 1978. (In Russ.).
16. Krysko V.B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo jazyka* [Development of animation category in the history of Russian language]. Moscow, 1994. 224 p. (In Russ.).
17. Jartseva V.N. (ed.) *LJeS – Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [LED – Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990. 683 p. (In Russ.).
18. Karaulov U.N. (ed.) *Russkij jazyk: Jenciklopedija* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow, 2003. 704 p. (In Russ.).
19. *SDRJa – Slovar' drevnerusskogo jazyka XI–XIV vv.* [DORL – Dictionary of Old Russian language XI–XIV centuries]. Moscow, 1988. (In Russ.).
20. Tihonov A.N. (ed.) *Jenciklopedicheskij slovar' – spravocnik lingvisticheskikh terminov i ponjatij. Russkij jazyk : v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary – Directory of linguistic terms and concept. Russian language : in 2 vol.], vol. 1. Moscow, 2008. (In Russ.).
21. Shvedova N.U. Teoreticheskaja koncepcija «Russkogo ideograficheskogo slovarja» [The theoretical concept of “Russian thesaurus”]. N.U. Shvedova (ed.) *Prospekt: russkij ideograficheskij slovar' (mir cheloveka i chelovek v okružhajushhem mire)* [Prospectus: Russian thesaurus (a man's world and people in the outside world)]. Moscow, 2004. Pp. 21–40. (In Russ.).

УДК 81-112.4
ББК 81.2

Н. П. Глинская

ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕТАЯЗЫКОВОГО АСПЕКТА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Описывается специфика толкования юридических терминов в судебном дискурсе в ситуациях судейского усмотрения. Обсуждаются основные типы метаязыковых маркеров толкования терминов в судебных решениях Верховного суда США с 1993 по 2003 год.

Ключевые слова: юридическая терминология, судебный дискурс, толкование терминов, метаязыковая деятельность, Верховный суд США.

Уникальность американского конституционного процесса заключается в том, что лаконичность и жесткость процедуры изменения текста Конституции компенсируется гибким механизмом конституционного толкования в рамках деятельности Верховного суда США. По мнению В. И. Лафитского, «в Соединенных Штатах истинным конституционным законодателем, бесспорно, является Верховный Суд США» [6. С. 124]. Восполнение правовых институтов в соответствии с требованиями изменяющейся жизни Америки обеспечивается нормотворческой деятельностью Верховного суда, при этом толкование терминов является исходной точкой любого судебного толкования.

Метаязыковое осмысление правовых явлений в американском судопроизводстве является творческим процессом, конструирующим юридическую реальность, и характеризуется такими диалектическими признаками, как консерватизм и новаторство. Практически в каждом судебном решении происходит распознавание, интерпретация и рефлексия по поводу языковых единиц, процесс приращения новых смыслов, взаимный переход из сферы индивидуального и субъективного в сферу общего и объективного и обратно. Важно, что рефлексивному осмыслению подвергаются именно те языковые явления, которые отражают наиболее спорные и неоднозначные вопросы лингвоправового пространства.

Ранее нами было показано, что судьи прибегают к терминоведческой аргументации прежде всего «в случае семантической неопределенности термина в законодательной формулировке и при отсутствии такового в лексикографических источниках» [4. С. 87]. Так, например, «в случае термина *pattern of*

racketeering activity, судьи, желавшие оправдательного решения, посчитали, что смысловым центром термина является *pattern* и, следовательно, разработчики нормы права имели в виду последовательность преступлений, тогда как большинство судей сочли, что ядром термина является *activity*, а поэтому для обвинения достаточно единичного совершения противозаконного акта» [4. С. 88].

С терминоведческой точки зрения, судебное толкование абстрактного терминологического значения существенно отличается от толкования терминов, которые непосредственно соотносятся с экстралингвистической реальностью (предметами, действиями, свойствами). Эта ситуация усугубляется в системе англо-американского прецедентного права, так как термины получают свой семантический объем и содержание в результате судебного толкования в ходе исторического развития правовой системы. Соответственно юридический термин в рамках судебного дискурса рассматривается, говоря словами Е. И. Головановой, как «динамическое образование» и «приписываемая ему дефиниция трактуется как имеющая относительный, а не абсолютный характер» [5. С. 39].

С юридической точки зрения, судебное толкование терминов имеет отличия и от доктринальных (научных) и нормативно-правовых видов юридических дефиниций [3]. В частности, дефиниции, формулируемые судебными органами, не раскрывают всё содержание понятия, а выделяют ту или иную черту, необходимую для регламентации [1. С. 154], а также дополняют содержание иными качественными признаками [1. С. 164].

В основе данного исследования лежит гипотеза, что металингвистическая деятельность

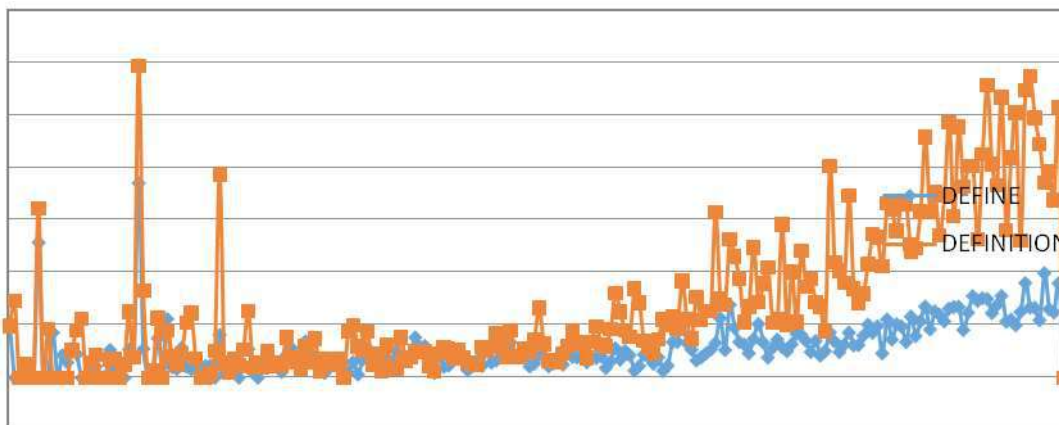

Рис. 1. Графики относительной частотности указанных лексем в корпусе текстов судебных решений с 1792 по 2013 г.

дефинирования, частотность реализации которой, по нашим наблюдениям, в последнее время увеличивается в дискурсе Верховного суда США (см. рис. 1), будет иметь специфические особенности, обусловленные его местом в правовой системе.

В настоящей статье мы остановимся на общих метаязыковых маркерах толкования терминов, зафиксированных нами в судебных решениях Верховного суда за период с 1993 по 2003 г. Так, практически все судьи подчеркивают сложность определения терминологического значения (*it is difficult to define / difficulty in / of defining; eartof defining; power / authority / right to define; the task of / rolein defining*), реализуя свои полномочия восполнения пробела в праве.

В рамках судебного толкования дефиниции терминов делятся по специализации на узкоспециальные (*technical; specialized*) и общезыковые (*natural / more natural / most natural; normal; nontechnical; traditionally defined; general; classic*).

В ходе толкования обязательным является указание семантического объема и содержания понятия, а также степень отражения понятия в дефиниции (*broad/ broader/broadest definition; expansive; all-inclusive; all-purpose; capacious; comprehensive definition; narrow/ narrower/ narrowest/ narrowed definition; exclusive; out-of-the-ordinary; restrictive; constricted definition*). Особое внимание уделяется ясности языкового выражения (*clear; clearly defined; accurate; explicit (explicitly defined); express; expressly defined; precise; ill /well defined*). Для текстов изучаемого периода оказывается существенным признак соответствия нормативно-правовым актам (законам, статутам, кодексам) и преце-

дентам (*legal; proper; authoritative; statutory; legislative; common law*). Кроме того, наблюдается обсуждение применимости дефиниции (*working; workable; existing; available; accepted*) и указание на ее источник (*Code's/Court's / legislature's / Act's/Board's / dissent's/ majority's / Black's law dictionary*). Время создания или применения дефиниции также является обязательным признаком метаязыкового действия дефинирования.

Судебное толкование позволяет выявить смысл термина в высказывании, определить его значение, перечислить когнитивные признаки, необходимые для описания. Судебное толкование в судебном сообществе понимается шире, чем классическая дефиниция, так как наряду с родо-видовыми характеристиками явно выражены интерпретативные признаки профессионального концепта.

Кроме того, по нашим наблюдениям, металингвистическая деятельность дефинирования в дискурсе Верховного суда США в изучаемый период существенно зависит от подхода, приверженцем которого является судья. В рамках буквального (*originalist, textualist approach*) подхода могут применяться «правило прямого (очевидного) значения» (*«plain-meaning» rule*) и «структурный подход» для установления значения многокомпонентных терминов. Судьи-текстуалисты, следящие за сохранением «буквы закона», требуют полагаться только на текст нормативно-правового акта. Напротив, судьи, отказывающиеся толковать значение термина буквально, применяют «правило общественного назначения» (*«social purpose» rule*), а также привлекают факты из истории принятия законодательного акта (*legislative history*). Как писал судья Верховного суда

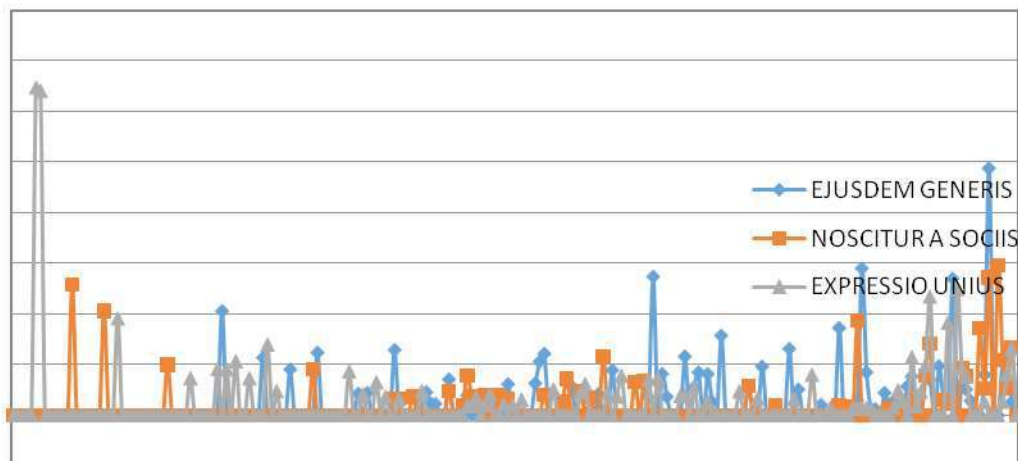

Рис. 2. Графики относительной частоты указанных словосочетаний в корпусе текстов судебных решений с 1792 по 2013 г.

США О.У. Холмс, «слово – не кристалл, прозрачный и неизменный, а покров живой мысли, и оно может иметь разный цвет и содержание в зависимости от обстоятельств и времени его применения» [2. С. 128].

Однако общим, не зависящим от подхода признаком метаязыкового толкования в судебном дискурсе Верховного суда является применение трех контекстных принципов толкования (*canons*): принципа *ejusdem generis* (следовать роду), принципа *expressio unius est exclusion alterius* (перечисление одних есть исключение других), и принципа *noscitur sociis* (известный из окружения). По полученным нами количественным данным, есть тенденция к увеличению частотности применения этих принципов (см. рис. 2).

Таким образом, анализ судебных дефиниций является перспективным направлени-

ем для изучения того, как, говоря словами И. Л. Честнова [7], норма права формируется из первичного «индивидуального ментального образа должного», как она «институционализируется в последующих правоотношениях и правосознании» и, наконец, как «сконструированность социального мира активной деятельностью субъекта» находит свое знаково-символическое отражение и реализацию в объективированных формах судебного дискурса.

Соответственно американская юридическая терминология становится уникальным отражением историко-культурной и политико-правовой динамики, обусловленной взаимодействием объективных и субъективных факторов правотворчества, уровнем развития концептуальной системы и ключевых категорий в рамках судебного дискурса.

Список литературы

1. Апт, Л. Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике / Л. Ф. Апт. – М.: Рос. акад. правосудия, 2010. – 230 с.
2. Бернам, У. Правовая система США. Вып. 3 / У. Бернам. – М.: Новая юстиция, 2007. – 1216 с.
3. Власенко, Н. А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды / Н. А. Власенко // Журнал российск. права. – 2009. – № 12. – С. 58–67.
4. Глинская, Н. П. Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи : дис. ... канд. филол. наук / Н. П. Глинская. – М., 2002. – 209 с.
5. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 224 с.
6. Лафитский, В. И. Конституционный строй США / В. И. Лафитский. 2-е изд. – М.: Статут, 2011. – 351 с.
7. Честнов, И. Л. Постклассическое правопонимание / И. Л. Честнов // Обществ. науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 157–162.

Сведения об авторе

Глинская Нелли Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для естественных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
glinskaya_nelly@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).

Philology Sciences. Issue 100. Pp. 33–36.

TERMINOLOGICAL INTERPRETATION IN THE JUDICIAL DISCOURSE AS A METALINGUISTIC REALIZATION OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM

N. P. Glinskaya

Lomonosov Moscow State University. glinskaya_nelly@mail.ru

Our research has been focused on the metalinguistic interpretation as an important aspect of social constructivism. The American constitutional judicial process is a unique phenomenon, as the US Supreme court discourse has an important feature of terminological legal tradition and innovation. The peculiarity of judicial interpretation lies in the abstract nature of legal concepts and their features which become the grounds for the court arguments. The hypothesis of this investigation is that the metalinguistic interpretation will have specific markers due to the US Supreme court's unique position within the legal system. This study of judicial opinions, written from 1993 to 2003, has shown that the metalinguistic activity of terminological interpretation of a US Supreme court justice largely depends on the judicial interpretation approach (originalist or realist), on the semantic content of the legal term, completeness of its definition, clarity of its linguistic expression, correspondence to the legislative texts and precedents, as well as the source and the time of its appearance in the discourse. The common feature for court judges is the tendency to use the conventional canons of terminological interpretation.

Keywords: *law terminology, judicial discourse, terminological interpretation, metalinguistic activity, US Supreme court.*

References

1. Apt L.F. *Legal'nye opredelenija v zakonodatel'stve i sudebnoj praktike* [Legal Definitions in Legislation and Court Practice]. Moscow, 2010. 230 p. (In Russ.).
2. Bernam U. *Pravovaja sistema SShA* [Legal System of the U.S.]. Iss. 3. Moscow, 2007. 1216 p. (In Russ.).
3. Vlasenko N.A. *Sudebnye pravovye definicii: priroda, funkcii, osnovanija delenija i vidy* [Judicial Legal Definitions: Nature, Functions, Grounds for Differentiation and Types]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2009, no. 12, pp. 58–67. (In Russ.).
4. Glinskaya N.P. *Juridicheskaja terminologija v raznyh funkcional'nyh stiljah anglijskoj rechi* [Legal Terminology in Various Functional Styles of the English Language]. Moscow, 2002. 209 p. (In Russ.).
5. Golovanova E.I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction into Cognitive Terminology Study]. Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.).
6. Lafitskij V.I. *Konstitucionnyj stroj SShA* [Constitutional structure of the U.S.]. Moscow, 2011. 351 p. (In Russ.).
7. Chestnov I.L. *Postklassicheskoe pravoponimanie* [Postclassical Understanding of the Law]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern Era]. 2010, no. 5, pp. 157–162 (In Russ.).

УДК 4Р-53
ББК 81.411.2-0

Н. В. Глухих

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕЛОВОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА XVIII ВЕКА

Статья посвящена анализу семантического пространства делового эпистолярного текста XVIII века на материале документов южноуральских заводских контор. Определяется денотативная и концептуальная структура делового эпистолярного текста. Эпистолярный дискурс рассматривается как макроситуация деловой коммуникации, отдельный текст – как эпистолярная микроситуация.

Ключевые слова: деловой эпистолярный текст, денотативная структура, концептуальная структура, макроситуация, микроситуация, модальность текста.

Деловое письмо выступает одним из видов деловой коммуникации, инструментом дистантного управления заводами, распространенного в Российском государстве в XVIII веке. К исследованию привлечены документы исторических фондов Объединенного государственного архива Челябинской области: И-169, И-170, И-172, И-225, И-227 – переписка заводчиков Демидовых, Расторгуевых, Осокиных, Строгановых с уральскими управляющими и приказчиками.

Текст делового письма, или деловой эпистолярный текст, определяется нами как «речевое произведение, которое имеет специфические формально-содержательные и функциональные показатели, использует языковые единицы, соответствующие речевой ситуации, в данном случае в пределах делового общения» [6. С. 10].

Предмет настоящего исследования – семантическое пространство делового эпистолярного текста, которое «организуется взаимодействием двух типов структур – денотативной и концептуальной» [8. С. 70].

Денотативная структура делового эпистолярного текста служит отражением «воплощенного в тексте индивидуально-авторского знания о мире, представленного в интерпретированном отображении глобальной ситуации, состоящей из макроситуаций и микроситуаций, связанных определенными отношениями и в совокупности раскрывающих главную тему» текста [2. С. 114].

Микроситуация имеет место в отдельном письме и отражается в связности и цельности текста, однонаправленности информации, единстве хронотопа, коммуникативную цель реализует один адресант (это может быть и

коллектив, например, приказчики). Существуют политематичные письма, затрагивающие несколько событий. Подобные случаи мы также считаем микроситуацией, поскольку в них обеспечено содержательное единство текста, адресата, адресанта и векторной направленности информации. Покажем указанные разновидности на примерах.

(1) Пример из монотематического письма: «Милостивыи гсдрь никита никитичь Чрезъ сие вашему благородию всенижащие доносим, **при каслинском вашем заводе в четырех неделях плотниками сработано под водопропускные молотовые меховые желобья излиты) вместо изгнивших новых стоек поставлено 6 <...> четыре неделной заводской рапортъ под N :7м: на благоразсмотрения вашему благородию у сего препровожаем: Ч:11г: ноября 1789 г: года» (И-172-1-70-4об. **Здесь и далее: И – исторический фонд архива, далее номер фонда – номер описи – номер дела – номер страницы**).**

Шрифтом в тексте выделены ключевые слова, подтверждающие тематическое единство.

(2) Пример из политематического письма: «Милостивыи Государь Харитонъ Осиповичъ При заводахъ состоитъ благополучно; а **выплавка меди производитца при юговскомъ на трехъ бизярскомъ на двухъ печахъ; о которыхъ и о курашинскомъ заводахъ за прошедшую седмицу, репортницы при семь препровождютца; **ассигнованные** отъ господина Михаила Степановича для здешнихъ заводовъ **денги** благоволите поскорее отъправить сюда; <...> а в протчемъ с истиннымъ почтениемъ пребываю, милостиваго гдря покорнейшии слуга Стефанъ персидинъ августа 9го дня 1808 го году юговской заводъ» (И-227-1-181-1).**

Под макроситуацией в эпистолярном дискурсе подразумевается весь процесс эпистолярного общения как дистантной формы коммуникации, реализующийся в монологическом диалоге коммуникантов. Данный процесс имеет сложное содержание, несколько хронотопов (в соответствии с дислокацией адресанта), воплощается в системе текстов, связанных межтекстовой метасемантикой.

Денотативная структура текста делового письма обеспечивается **информативностью** как типологической характеристикой данного речевого произведения. Здесь уместно вслед за И. Р. Гальпериным говорить о содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации [5. С. 27–28]. Деловой эпистолярный – это изложение **фактов реальной** действительности, оценка которых представлена в содержательно-концептуальной информации.

Информативность эпистолярного делового текста реализуется на уровнях **типа документа, формуляра, типов высказываний, текстообразующих языковых единиц**. Информативные высказывания представлены *сообщением, запросом, вопросами и ответами*.

Сообщение – основной информативный речевой жанр, его коммуникативной целью является информирование. Среди текстообразующих языковых единиц сообщения главную содержательную нагрузку несет предикативный центр, который с грамматической точки зрения представляет собой сказуемое всех известных типов: простое глагольное (*хлебу цена <...> крайне **повысилась***), составное глагольное (***стараясь выковыпать** оно ровно гладко*), составное именное (*с **серебрякова в штрафь денги **высканы*****); отражает реальные временные отношения высказываний к действительности.

Реализация и формальное выражение информативности создается совокупностью языковых единиц, соответствующих пространственно-временной отнесенности. Следовательно, правомерно говорить о хронотопе эпистолярного как части денотативной структуры. М. М. Бахтин [4] и другие ученые считают категорию хронотопа свойственной тексту, отражающему время и пространство.

Лингвистические и экстралингвистические характеристики реального времени в сочетании с характеристиками пространства создают хронотоп, включающий три составляющих: хронотоп создания текста; хронотоп прочтения

текста; хронотопы трансформаций текста. В соответствии с этим мы выделяем следующие типы хронотопов в наших текстах:

1. Тип «Вы»: а) «вы (ты)-там-сейчас»; б) «вы (ты)-там-тогда»; в) «вы (ты)-там-потом».

2. Тип «Мы»: а) «мы (я)-здесь-сейчас»; б) «мы (я)-здесь-тогда»; в) «мы (я)-здесь-потом».

3. Тип с исходной точкой «Он» и аналогичными вариантами.

Приведем примеры, соответствующие разным типам хронотопа:

1) «вы (ты)-там-сейчас»: *«из вышеозначенных жь заводских рапортовъ под № бм. по доменнымъ таблицамъ вижу я что доменная суточныя чугуны выходы падаютъ на кштыме и касляхъ самыя можно сказать мерзкия»* (172–1–111–41);

2) «мы (я)-здесь-тогда»: *«в баратабынскую и карытабынскую волости... ездилъ и о проданной тульскому первой гилди купцу заводчику и фабриканту лариону лугинину земле спрашевалъ»* (И 227–1–18–60).

Хронотоп связывает микроситуации в макроситуацию.

В языковом аспекте макроситуация реализуется в наличии межтекстовых связей. М. М. Бахтин считал, что все тексты являются ответными реакциями на другие тексты, это соотношение и является условием и результатом их понимания [3]. На основе связности, как известно, формируется цельность текста, на основе межтекстовых связей – цельность эпистолярного дискурса. Из числа средств межтекстовой связи для делового эпистолярного характерны различные **ссылки, воспроизведение текста другого документа** или **упоминание другого документа**, что А. Н. Качалкин отмечал как важный элемент писем еще допетровской эпохи [9. С. 9]. Приведем пример ссылки:

«Я слышал от господина Лазарева што пишутъ къ нему из Екатеринбурга поверенныя ево сикабаревъ и белоноговъ што ты прикащикъ никифоръ блиновъ былъ въ Екатеринбургѣ в декабре месеце а зачемъ я не знаю для какой надобности <...> а ты блиновъ повереннымъ якобы не говорил и не назначивалъ штобъ сколко къ какому времени изъ оныхъ денѣгъ оставили поверенныя для моихъ заводовъ...» (Н. Н. Демидов, 172–1–65–11).

В деловых письмах могут упоминаться в качестве ссылок договоры, купчие крепости, указы, к примеру, императорский указ:

«указомъ Ея императорскаго величества из государственной бергъколлегии от ноября прошлого 1773 года <...> велено когда на вновь приисканномъ имъ лугининьмъ в ысетской провинции в башикирских дачах на речке мяесе заводъ з десятью медиплавительными печками построен и в действие пуценъ будет тогда имеющияся при златоустовскомъ и саткинскомъ оного лугинина заводах все старые медиплавительные печи уничтожить и разломать о чемъ златоустовской канторе посланнымъ указомъ предписано было» (И-227-1-27-2).

Денотативная структура, таким образом, обеспечивает информативную составляющую семантического пространства текста, а также интерпретацию имеющейся в нем информации в аспекте соотношения с реальной действительностью. Интерпретация информации соотносится с социальными условиями, хронотопом, коммуникативными установками адресанта и потенциальными условиями понимания информации адресатом.

Концептуальная структура делового эпистолярного транслирует интерпретацию смысловой составляющей текста. Мы поддерживаем точку зрения М. Я. Дымарского: «Текст, как особая речемыслительная форма, позволяет представить некоторую картину мира (фрагмент мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей – то есть кон-

цепции, в отличие от неразвернутых форм» [7. С. 49–50]. Основной единицей концептуальной структуры текста указанный ученый считает концептуально значимый смысл.

А. Н. Качалкин справедливо отметил **модальность** текста как специфическую черту документных источников: «Смысловым признаком жанра является <...> модальность в широком смысле слова, модальность текста как внутренне единого произведения словесности» [9. С. 19].

Модальность текста обязательно включает элементы **оценочности**, отношения к сообщаемому. Мы опираемся на положения, высказанные Н. Д. Арутюновой [1], и выделяем *рациональную, аксиологическую (общеоценочный и частнооценочный типы), количественную* оценку. Для примера приведем высказывание с рациональной оценкой, в частности, прагматической: «**гораздо бы полезно хотя с передачею цены в разсужденіи смежности купить** вашему благородию и отнюдь в другие руки ево упустить не надобно» (И-172-1-54-18об-19).

Таким образом, текстовая модальность позволяет представить концептуально значимый смысл делового эпистолярного. Взаимодействие денотативной и концептуальной структур организует и обеспечивает наполнение семантического пространства делового эпистолярного текста.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 360 с.
4. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М.: Наука, 1986. – С. 82–160.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
6. Глухих, Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX в. в аспекте русской исторической стилистики: по скорописным архивным материалам Южного Урала : дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Глухих. – Челябинск, 2008. – 411 с.
7. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 328 с.
8. Земская, Ю. Н. Теория текста: учеб. пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова и др. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 132 с.
9. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. II. Филологический метод анализа документов / А. Н. Качалкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 120 с.

Сведения об авторе

Глухих Наталья Владимировна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета.

gluhihnv@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).

Philology Sciences. Issue 100. Pp. 37–40.

SEMANTIC SPACE OF EPISTOLARY BUSINESS TEXT OF XVIII CENTURY

N. V. Glukhikh

Chelyabinsk State Pedagogical University. gluhihnv@yandex.ru

The article discusses the semantic space of business epistolary text of the XVIII century. The material of the study is based on the documents of the South Ural factory offices. The article determines denotative and conceptual framework of business epistolary text. Epistolary discourse is considered as macrosituation business communication, a separate text is considered as epistolary microsituations. The interpretation of the information relates to the social conditions and communicative attitudes of the sender and potential terms of understanding the information by the addressee. The semantic interpretation component of the business epistolary text is reflected in the conceptual structure of the text. The conceptually meaningful sense determines the appropriate key or text modality, which necessarily includes elements of evaluative relations to be reported.

Keywords: *business epistolary text, denotative structure, conceptual framework, macrosituation, microsituation, modality of the text.*

References

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka, sobytie, fakt* [The types of linguistic meanings: The assessment, the event, the fact]. Moscow, 1988. 338 p. (In Russ.).
2. Babenko L.G., Vasil'ev I.E., Kazarin Yu.V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [The linguistic analysis of literary text]. Ekaterinburg, 2000. 534 p. (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 360 p. (In Russ.).
4. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [To the philosophy of the act] // *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and sociology of science and technology]. Moscow, 1986. Pp. 82–160. (In Russ.).
5. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 2007. 144 p. (In Russ.).
6. Glukhikh N.V. *Delovoy epistolyarnyy tekst kontsa XVIII – nachala XIX v. v aspekte russkoy istoricheskoy stilistiki: po skoropisnym arkhivnym materialam Yuzhnogo Urala* [Business epistolary text of the late XVIII – early XIX century in the aspect of Russian historical style: shorthand for the archival materials of the Southern Urals]. Chelyabinsk, 2008. 411 p. (In Russ.).
7. Dymarskiy M.Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst (na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.)* [Problems creating of text and artistic text (on a material of Russian prose of XIX–XX centuries.)]. Moscow, 2001. 328 p. (In Russ.).
8. Zemskaya Yu.N., Kachesova I.Yu., Komissarov L.M. i dr. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow, 2010. 132 p. (In Russ.).
9. Kachalkin A.N. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. Ch. 2. Filologicheskiy metod analiza dokumentov* [Genres Russian document pre-Petrine era. Part II. Philology documents analysis method]. Moscow, 1988. 120 p. (In Russ.).

УДК 808.5+82-193+39
ББК 82

Е. И. Голованова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРОНИМОВ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются особенности функционирования паронимов в фольклорных текстах различных жанров. Автор разграничивает два варианта использования паронимов: для прояснения, актуализации значимых для народного сознания смыслов или для осуществления игровой, людической функции произведений фольклора. Во многих случаях паронимическое сближение слов не только способствует словообразованию, но и облегчает запоминание устных текстов.

Ключевые слова: фольклорный текст, жанр, паронимическая аттракция, словообразование.

В фольклорных текстах разных жанров широко представлено паронимическое сближение слов, что, безусловно, требует глубокого и непротиворечивого научного изучения и осмысления. Феномен паронимии затрагивает целый ряд теоретических аспектов исследования языка: психолингвистический, лингвокреативный, семиотический, прагматический, когнитивный. Некоторые из этих аспектов были уже рассмотрены нами ранее (см.: [4]).

Для целей настоящего исследования были привлечены тексты разных жанров русского фольклора – от былин [1], эпических песен [3] до пословиц, поговорок, примет, скороговорок [2; 6] и частушек [9; 10].

Развивая мысль Н. В. Крыловой о паронимической аттракции как «механизме семантизации звуковых созвучий» [8], уточним, что в явлении паронимического сближения слов в художественных текстах проявляется когнитивно-семиотический механизм профилирования концептуальных связей между актуальными для носителя языка знаками и стоящими за ними явлениями.

Через использование паронимов в пределах одного контекста «высвечивается» содержательный параллелизм языковых единиц, имеющих формально-звуковое соответствие.

Проанализированный нами материал позволяет говорить о двух основных вариантах паронимического сближения слов в фольклорных текстах, различие между которыми обусловлено функционально:

1) паронимы используются для прояснения значения одного из слов либо для акцентирования общей для членов паронимической пары семантики, что позволяет привлечь внимание к стоящим за ними смыслам;

2) слова-паронимы задействуются с целью реализации людической (игровой) функции фольклора.

Эти два варианта следует рассматривать не как взаимоисключающие или противоречащие друг другу, а как взаимодополняющие. И тот, и другой вариант связан со словообразованием в фольклорном тексте. Обратимся к каждому из названных способов функционирования паронимов на конкретных примерах.

Начнем с использования паронимов в языке фольклора как средства профилирования содержания текста. Отметим сразу, что использование сходных по звучанию слов может дополнительно выполнять в фольклоре мнемонические функции – поскольку речь идет о текстах, воспроизводимых в устной речи.

В разных жанрах фольклора доминантным оказывается один из указанных выше механизмов профилирования смысла: прояснение семантики одного слова либо «высвечивание» значимого для носителя фольклора содержательного сходства слов.

Так, в былинах и песнях с помощью паронимов, принадлежащих к одному семантическому полю или образующих устойчивую ассоциативную связь, достигается экспрессивность текста в пределах жанровой разновидности.

Например, в былинах встречаем целый ряд контекстов с соотношением **вечер – весел**: *Стало красно солнышко при **вечери**, А стало тут почестный пир при **весели*** [1. С. 40]; *Как солнышко у нас идет на **вечере**, Почестный пир идет у нас на **весели*** [1. С. 36]; *День идет ко **вечеру**, Пир идет ко **веселу*** [1. С. 68].

Вечер в этой паронимической паре представит как время отдыха, наступившего после трудного дня, время веселья, поскольку главное

уже сделано. Примечательно, что воплощенный в данной фольклорной формуле смысл в современном русском языке поддерживается семантикой таких слов и словосочетаний, как *вечерки, вечеринка, праздничный вечер, торжественный вечер, творческий вечер*. В истории русского языка слово «вечер» сочеталось с прилагательным *детский*, сравните в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина: *Три дома на вечер зовут: Там будет бал, там детский праздник*. Итак, вечер – это свободное от работы время (*празд-ник*), время, которое люди могут провести весело и беззаботно, восстановив свои физические силы и поддержав силы духовные.

Таким образом, с помощью паронимической аттракции в тексте былин формируется устойчивая коннотативная связь вечера с весельем, праздником.

Рассмотрим примеры функционирования паронимов в эпических песнях:

1) *Шли лугами, болотами, шли – топились, Ко Азову-городу торопились* [3. С. 36];

2) *Посреди-то идут все наёмнички,*

Позади-то идут все невольнички [3. С. 45].

Между словами первой из представленных пар паронимов, безусловно, есть причинно-следственная связь: *топились*, потому что *торопились*, то есть шли, не разбирая дороги, чтобы успеть. С помощью этих созвучных слов достигается выразительность песенного текста: передается стремление воинов-защитников во что бы то ни стало помочь попавшим в беду в Азов-городе. И вместе с тем связь семантики слова «топиться» со смертью позволяет акцентировать внимание на трагизме описываемой в песне ситуации, передать смутное предвестие беды.

Паронимическая аттракция существительных *наемнички – невольнички* во втором примере носит не менее экспрессивный и семантически нагруженный характер. И то, и другое слово содержит уменьшительно-ласкательный суффикс, то есть представляет людей в качестве объекта сочувствия, сопереживания. Народное сознание, по сути, отождествляет здесь тех, кто нанят на военную службу, с теми, кто попал в плен. Служба – это в любом смысле ограничение или самоограничение, служба по найму, ради денег – ограничение вдвойне. Невольник, пленник – человек, не принадлежащий себе, а потому заслуживающий милости и снисхождения. Таким образом, в центре внимания в данном фрагменте оказываются оба слова, вернее, стоящий за ними смысл – война как время беды, время испытаний для челове-

ка: сегодня он наемник, а завтра невольник, что почти одно и то же.

В других жанрах фольклора механизм паронимического сближения семантически нагруженных слов также получает свою реализацию. Например, в приметах: *Анна холодная – осень голодная* [2. С. 276] – о дне 16 ноября (Анна холодная); *Два Егорья, один холодный, другой голодный* [2. С. 294] – о двух днях в русском календаре, носящих имя Егория: холодном (9 декабря) и голодном (6 мая).

Паронимы *холодный – голодный* оказываются тесно связанными в русской лингвокультуре (достаточно вспомнить такие прецедентные тексты, как «Стрекоза и Муравей» И. А. Крылова или стихо-творение одного из героев Н. Н. Носова). Холод и голод выступают в качестве двух напастей в жизни русского человека, к которым ему нужно быть подготовленным.

В целом же в традиционных микротекстах, составляющих народный календарь, – в приметах, пословицах и поговорках – преимущественно реализуется функция прояснения (профилирования) смысла одного из слов. Кроме того, актуализируются мнемонические свойства паронимической аттракции. Приведем ряд примеров:

– *Евтропий путь тропит да снег топит* [2. С. 29] – о дне 16 марта, когда начинает пригревать солнце;

– *С апреля земля прееет* [2. С. 42];

– *Пришел Федул – теплый ветер подул* [2. С. 62] – о 18 апреля, когда начинают дуть теплые весенние ветры.

– *Ворон каркает к несчастью, а ворона – к ненастью* [2. С. 70];

– *Когда на дороге грязь, тогда овес князь* [2. С. 86] (сравните также известную и сегодня пословицу: *Сади в грязь – будешь князь*);

– *Овес Никольский – ни хозяйский, ни конский* [2. С. 94] – о дне 22 мая, когда уже нельзя сеять овес (толку не будет);

– *Мокий мокрый* [2. С. 97] – о 24 мая, названном в память о священномученике Мокии, в простонародье Мокром (в этот день часто бывают дожди);

– *На Алёну сей лён* [2. С. 111] – о 3 июня, когда начинали сеять лен;

– *Придет Илья – принесет гнилья* [2. С. 176] – о 2 августа (Илья-пророк), когда гремели грозы;

– *До Прокла не жди от дороги прока* [2. С. 28] – о 3 декабря, когда обычно устанавливалась санная дорога;

– *На Сретенье зима с летом встретилась* [2. С. 372] – о дне 15 февраля.

Второй вариант паронимического сближения слов в фольклорных текстах связан с реализацией людической функции языка: при употреблении паронимов задействуются механизмы лингвокреативной деятельности. Такого рода явления в лингвистике традиционно обозначаются термином *парономазия*. Приведем хрестоматийные примеры народных пословиц из собрания В. И. Даля: *Или пан, или пропал; Сегодня пан, а завтра пропал; Сегодня полковник, завтра покойник; Кому блин, кому клин, а кому просто шиш* [6]. Ср. также: *Царь или псарь* (всё или ничего) [9].

Интересной представляется точка зрения С. С. Иванова, который предлагает отличать языковую игру, построенную на использовании паронимов, от других типов языковой игры (например, каламбура). По мнению исследователя, «паронимия выходит за рамки игры только словами и звуковая составляющая данного явления неотделима от смысловой составляющей, точнее, даже опережает ее» [7. С. 231]. В связи с этим более уместным С. С. Иванову представляется обозначение парономазии как *звуковой игры слов* или *звуко-смысловой игры*. Как видим, формальное, а точнее, звуковое сходство в любом случае оказывается определяющим. Именно на основе формального сходства единиц, намеренно сталкиваемых в тексте, возникает эффект деавтоматизации их восприятия. И это, конечно же, способствует лучшему запоминанию самого текста и последующему воспроизведению его в коммуникации как устойчивой единицы.

Традиционные и современные тексты русского фольклора демонстрируют одинаковую тягу к использованию паронимов – либо с целью прояснения того или иного смысла, либо для достижения большей выразительности, либо для языковой игры. Так, прояснение смысла мы наблюдаем в следующем примере:

*Мои глазки, как алмазки,
Брови очень хороши.
Кто ни взглянет, сердце вянет,
Остаются без души* [10. С. 7].

Сравните приведенный текст частушки с поговоркой, построенной на паронимии: *Глаз – алмаз*, где подчеркивается исключительность, ценность качества названного предмета (а также человека, им обладающего). В поговорке *Зять любит зять* актуализируется прагматизм названного субъекта родственных

отношений. Прояснение смысла при помощи паронимов находим и в такой актуальной для современной публицистики пословице, как *Суд не на осуд, а на рассуд*.

Речевая экспрессивность, основанная на паронимическом сближении слов, широко представлена в пословицах и поговорках. Приведем ряд примеров из собрания В. И. Даля «Пословицы русского народа» [6]: *Кто долго спит, тому денег не скопить. Долго спать – с долгом встать. Кто поздно встает, у того хлеба не стаёт. Мужик не живет богат, а живет горбат. Конь с запинкой да мужик с заминкой не надорвутся. Эка пасть – хоть бы ей пропасть. Вынь, а вынь, полно тебе выть. Весь дом вверх дном*.

Прокомментируем лишь одну из представленных в этих примерах паронимических пар: *богат – горбат*. Выраженный здесь смысл полностью согласуется с традиционным представлением о том, что «от трудов праведных не нажить палат каменных». Интересным в данном случае является обозначение труженика как *горбатого*. В современном русском языке можно обнаружить ряд однокоренных слов, коррелирующих с этим обозначением. Помимо общенародного глагола *горбатиться*, имеющего значение «усердно трудиться» [10. С. 120], в профессиональной речи водителей употребляется слово *горбатый* для обозначения автобуса с «гармошкой» (то есть автобуса повышенной вместимости для перевозки пассажиров, автобуса-«труженика»), а в речи рабочих промышленных предприятий зафиксирован фразеологизм *горбатая смена* – тяжелая рабочая смена, связанная с большим напряжением физических сил.

Примеры паронимической аттракции широко представлены и в жанре частушки, например:

*По заветной тропочке
Износил подметочки.
Только новые подбил
Кто-то милую отбил* [12. С. 339].

*Все платки переносила,
Теперь бежеский ношу.
Всех ребят перелюбила,
Теперь беженца люблю* [10. С. 22].

В большинстве текстов звуковая близость слов используется для реализации смысловой игры:

*Кругом горы, кругом горы
Горы с перекатами.
Не любовь, а одно горе
С этими ребятами [12. С. 66].*

Последний пример соотносится с традиционным представлением уральцев о связи между *горем* и *горой* (что отражено, в частности, в сказе П. П. Бажова «Медной горы хозяйка», а также в песнях, преданиях и устных рассказах горнозаводских рабочих [5. С. 329]). В данной частушке актуализация связи между паронимами служит для создания иронического контекста.

Многочисленные примеры языковой игры, построенной на использовании паронимов, представлены в малых жанрах фольклора: *Что потопаетшь, то и полопаетшь* (посл.), *Поле полоть – руки колоть, а не полоть, так и хлеба*

не молоть (посл.), *Архип охрип* (скорогов.), *Ульян Ульяне в лицо не глянет* (пог.), *На Прокла поле от росы промокло* (примета, о 25 июля, начиная с которого выпадают большие росы); *На Матфея зима потееет* (о 28 ноября, когда от оттепели земля начинает сыреть); *Варвара от ночи уворовала, да ко дню притачала* (о 17 декабря, называемом Варвариным днем, когда устанавливалась зимняя погода и становилось светлее).

Таким образом, функционирование паронимов в фольклорных текстах оказывается важным объектом филологического анализа. С помощью паронимов носители фольклора акцентируют внимание на определенных отношениях и смыслах, выражают свои оценки, интенции и чувства. Можно предположить, что созвучие слов для народного сознания в целом не является случайным: за ним кроются требующие своего прояснения связи и смыслы.

Список литературы

1. Бобунова, М. А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былин / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. – 125 с.
2. Будур, Н. Русский народный календарь / Н. Будур. – М.: Росса, 2007. – 575 с.
3. Глинкин, А. В. Песни оренбургских казаков: Старые и новые записи / А. В. Глинкин, А. И. Лазарев. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – 266 с.
4. Голованова, Е. И. Паронимия в научном тексте как проблема соотношения языковой формы и содержания // Гуманитар. вектор. – 2012. – № 4. – С. 28–33.
5. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность как смысловая доминанта в сказах П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург: Сократ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 328–332.
6. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. Т. 1. – М.: Терра, 1996. – 432 с.
7. Иванов, С. С. Игра слов и способы ее создания: смысловая и звуко-смысловая игра слов / С. С. Иванов // Вестн. Нижегород. гос. лингв. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 227–231.
8. Крылова, Н. В. Паронимия в современном английском языке: идиоэтнические и функциональные аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Крылова. – СПб., 1993. – 159 с.
9. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. Т. 1. – М.: Терра, 1997. – 800 с.
10. Пойте, девушки, припевушки / сост. В. Н. Бекетова, В. П. Тимофеев. – Шадринск: Изд-во Шадр. пед. ин-та, 1995. – 180 с.
11. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
12. Частушки (в устах нерусских Башкортостана) / сбор материала, сост., вступ. ст., комментарии И. Е. Карпухина. – Уфа: Китап, 2003. – 528 с.

Сведения об авторе

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.

ligol@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 41–45.*

PARONYMS FUNCTIONING IN FOLKLORE TEXT

E. I. Golovanova

Chelyabinsk State University. ligol@csu.ru

The article is devoted to the features of paronyms functioning in the folklore texts of different genres. The author differentiates two ways of paronyms using: for actualization of significant national consciousness meanings or for gaming function in works of folklore. In many cases, the convergence of paronyms not only contributes to meanings generation, but also facilitates memorizing of oral texts.

Keywords: *folklore text, genre, paronymic attraction, meanings generation.*

References

1. Bobunova M.A., Khrolenko A.T. *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika bylin* [Dictionary of the language of the Russian folklore: Vocabulary of the bylinas]. Kursk, 2006. 125 p. (In Russ.).
2. Budur N. *Russkiy narodnyy kalendar'* [Russian people calendar]. Moscow, 2007. 575 p. (In Russ.).
3. Glinkin A.V., Lazarev A.I. *Pesni orenburgskikh kazakov: Starye i novye zapisi* [Songs of the Orenburg cossacks: Old and new records]. Chelyabinsk, 1996. 266 p. (In Russ.).
4. Golovanova E.I. Paronimiya v nauchnom tekste kak problema sootnosheniya yazykovoy formy i sodержaniya [Paronyms in the scientific text as the problem of the relationship of the lingual form and content]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vecto], 2012, no. 4, pp. 28–33. (In Russ.).
5. Golovanova E.I. Professional'naya yazykovaya lichnost' kak smyslovaya dominanta v skazakh P.P. Bazhova [Professional lingual personality as semantic dominant in the tales P.P. Bazhova]. *Bazhovskaya entsiklopediya* [Bazhov encyclopedia]. Ekaterinburg, 2007. Pp. 328–332. (In Russ.).
6. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people], vol. 1. Moscow, 1996. 432 p. (In Russ.).
7. Ivanov S.S. Igra slov i sposoby ee sozdaniya: smyslovaya i zvukosmyslovaya igra slov [Play on words and the methods of its creation: semantic and sound-semantic play on words]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 2009, no. 6 (2), pp. 227–231. (In Russ.).
8. Krylova N.V. *Paronimiya v sovremennom angliyskom yazyke: idioetnicheskie i funktsional'nye aspekty* [Paronyms in the contemporary English: the idioethnic and functional aspects]. Sankt-Peterburg, 1993. 159 p. (In Russ.).
9. Mikhel'son M.I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii: sbornik ob-raznykh slov i inoskazaniy* [Russian thought and speech. Its and stranger. Experience of Russian phraseology: the collector of descriptive words and allegories], vol. 1. Moscow, 1997. 800 p. (In Russ.).
10. *Poyte, devushki, pripevushki* [Sing, girl, pripevushki]. Shadrinsk, 1995. 180 p. (In Russ.).
11. Khimik V.V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Big Dictionary of the Russian conversational expressive speech]. Sankt-Peterburg, 2004. 768 p. (In Russ.).
12. *Chastushki (v ustakh nerusskikh Bashkortostana)* [Folk songs (in the mouths of the non-Russians of Bashkortostan)]. Ufa, 2003. 528 p. (In Russ.).

УДК 81'42
ББК 81.2

Т. Г. Гусакова

ИМЯ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ОНДАТЖЕ “IN THE SKIN OF A LION”)

Рассматривается семантика имени собственного, функционально направленного на моделирование социальной идентичности персонажа в англоязычном художественном тексте, переименование в котором рассматривается как акт самоидентификации персонажа. Выбор имени символизирует выбор системы ценностей той социальной группы, с которой ассоциируется имя и с которой идентифицирует себя имядатель – персонаж и опосредованно автор. К исследованию привлекаются данные социологии, социолингвистики и лексической семантики.

Ключевые слова: *имя собственное (оним), имянаречение, переименование, социальная самоидентификация, социальная идентичность.*

Антропоцентричная наука закономерно обращается к лексическому классу имен собственных (онимов) как наиболее «человекомерному»: имя собственное способно «аккумулировать» лингво-, социо-, этнокультурный и исторический опыт отдельного человека или целого народа; языковая личность имядателя, включая ее социокультурные установки и мотивы, запечатлевает себя в каждом акте именования [1. С. 23].

По замечанию П. Флоренского, «общечеловеческая формула о значимости имен» [7. С. 196] как личностных типов бытия устойчива в веках и народах. Имя собственное как средство социального самопознания и самоопределения человека выступает объектом научного описания в антропологии и этнографии (Дж. Фрейзер, Р. Д. Олфорд), философии и богословии (А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский), социологии и лингвокультурологии (П. Бурдые, О. А. Леонтович, В. В. Кабакчи), психолингвистике (А. А. Чернобров), литературоведении (Ю. Н. Тынянов) и языкознании (В. Д. Бондалетов, Г. Ф. Ковалев, А. В. Лахно, В. А. Никонов, С. М. Пак, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, В. Н. Топоров и др.).

Рассуждая о социальных функциях имени, П. Флоренский определяет имя как средство самообъективации личности: «Первое и, значит, наиболее существенное самопроявление Я есть *имя*. В имени и именем Я ставит впервые себя объективно перед самим собою, а следовательно – этою своею тончайшею плотью делается доступным окружающим» [7. С. 206]. Посвящение человека в новое знание, наделе-

ние его новым социальным статусом и функциями традиционно сопровождается переименованием, например, при бракосочетании, потере статуса свободного гражданина и обращении в рабство, при вступлении в должность, братании, монашеском постриге и так далее: «Перемена места в мире, новое онтологическое и мистическое, а отчасти и просто общественное соотношение с миром, влечет за собою *переименование*, или, с иной точки зрения, переименование производит такой перелом в жизни» [7. С. 231].

В контексте глобализации, столкновения культур, массовой миграции и переосмысления традиционных гендерных ролей описание семантики имени собственного, функционально направленного на социальную самоидентификацию человека, получает особую актуальность. В художественном тексте имя выступает средством самоидентификации: как реальной, так и изображенной. Под самоидентификацией понимается процесс социального сравнения и отождествления себя с социальной группой или «значимым другим»: родителем, учителем, сверстником – человеком, который воплощает присущие группе стереотипы поведения, нормы, цели, роли, установки и ценности. Результатом социальной самоидентификации становится социальная идентичность – концентрированное представление человека о собственной принадлежности к различным социальным группам: расовой, гендерной, национальной, этнической, конфессиональной, имущественно-классовой, профессиональной, семейной и возрастной. В соответствии с вы-

деляемыми социальными группами, исследователи различают одноименные виды социальной самоидентификации и идентичности как ее результата [10. С. 163].

Выбор имени собственного при имянаречении или переименовании относится социолингвистами к элементарным языковым «актам идентичности». Их целью называются создание социальных значений и конструирование желаемой социальной идентичности. Выбор имени символизирует выбор системы ценностей той социальной группы, с которой оно ассоциируется и к которой хочет принадлежать имядатель или именуемый [11; 14]. Потенциал имени собственного к индексированию различных типов социальной идентичности велик: имя служит индикатором гендера, расы, этнической принадлежности [5]. Отчество или фамилия, полученные от одного из родителей или супруга, указывают на семейную идентичность; выбор имени ребенка свидетельствует об уровне образования и социально-экономическом статусе имядателей [12]. Описаны случаи социальной самоидентификации посредством изменения фонетической или графической формы имени собственного [13], выбора альтернативного имени (творческого псевдонима, ника, прозвища или коммерческого имени), «антропонимической диглоссии» как средства двойной самоидентификации, случаи «реверсивного имятворчества» как средства утверждения лингвокультурного и этнического наследия, национальной самобытности и семейных антропонимических традиций [1]. Имя собственное как средство социальной самоидентификации изучается в составе таких более сложных языковых форм, как формальные самопрезентативные высказывания («называние своего имени и должности, социального статуса, роли при знакомстве или в ситуации приветствия с малознакомым человеком» [2. С. 32–33]) и неформальная самопрезентация (языковая игра с именем собственным или именем другого, рифмовки, ритуализованные перебранки) [12]. Имя собственное описано через призму отношений «свой – чужой» и классифицировано по типу «другого», с которым может быть соотнесено, а именно: с именем другого человека (родителя, родственника, персонажа, известного человека); с предметом, понятием, представителем флоры или фауны; с желаемым качеством; с географическим объектом (страной, городом, улицей и др.); с этносом, нацией [6]. Вне зависимости от типа

«другого», с которым соотносится имя, оно всегда имплицитно устанавливает ценностные ориентации номинатора, его ожидания от номината, и, таким образом, одновременно служит средством самоидентификации имядателя, совершающего при имянаречении номинационный выбор, и самоидентификации номината, ведущего внутренний диалог с «другим», референционно заложенным в имени, а также с номинатором [6].

Имена собственные в идеале предназначены для денотации единичного. М. В. Никитин объясняет феномен закрепления категориальных значений за именами собственными способностью этого класса к вторичной сигнификации и присвоению прагматических значений: «Определенные группы имен собственных закрепляются, хотя и не строго, за определенными классами денотатов. Как только за этим родом нормативного ограничения прослеживается связь с определенной категорией, классом лиц, предметов, явлений, оно становится источником привязочных сем. Собственное имя оказывается способным к вторичной сигнификации, отмечая в денотате признаки указанного класса. В силу сходных распределений они, кроме того <...> связываются с выражением субъективных отношений и оценок» [4. С. 125].

В художественном тексте, который традиционно может пониматься как вторичная языковая моделирующая система (Ю. М. Лотман), авторская концептуальная модель мира – художественный аналог действительности [3; 8; 10], именование или переименование как акт социальной самоидентификации получают индивидуально-авторское осмысление.

В плане реальной коммуникации имядателем (субъектом номинации) является автор художественного текста. Имя, присваиваемое автором «другому» (персонажу, изображаемому месту или объекту), служит языковым средством опосредованной социальной самоидентификации самого автора. Подобно любому имядателю, автор запечатлевает оценки и мотивы своей языковой личности в каждом акте присвоения имени персонажу. В плане изображенной коммуникации, имя служит языковым средством социальной самоидентификации персонажа, который выступает когнитивным антропоцентром произведения и квази-субъектом социального самопознания.

Согласно авторской интенции, персонаж может выступать либо имядателем (субъектом акта имянаречения), то есть именовать или

переименовывать себя или «другого» (персонажа, место или объект), либо объектом (переименования). Он также может выражать отношение к своему имени или имени «другого» (персонажа, места или объекта). Имя является маркером системы ценностей социальной идентичности, которую, согласно авторской интенции, «конструирует» персонаж. Положительная или отрицательная оценочность имени собственного и иных лексических единиц, моделирующих социальную идентичность, косвенно указывает на эмоционально-оценочное отношение автора к изображаемому типу социальной идентичности и соответствующей ей системе ценностей.

Обратимся к фрагменту художественного текста, в котором переименование персонажа моделируется как акт социальной самоидентификации.

Персонаж романа Майкла Ондатже “*In the skin of a lion*”, нанимая рабочих-иммигрантов, дает им новые английские имена. Имя, согласно авторской интенции, является средством моделирования национальной, профессиональной и имущественно-классовой идентичности.

“*They were the dyers. They were paid one dollar a day. Nobody could last in that job more than six months and only the desperate took it <...>. All of these professions arrived in morning darkness and worked till six in the evening, the labour agent giving them all English names. Charlie Johnson, Nick Parker. They remembered the strange foreign syllables like a number*” [16. С. 131–132].

Новые имена собственные (“*Charlie Johnson*”, “*Nick Parker*”) обозначают новую идентичность иммигрантов: национальную (“*English-Canadian*”) – действие романа происходит в Торонто), профессиональную (“*the dyers*”) и имущественно-классовую (“*paid one dollar a day*”). Значимые характеристики новой социальной идентичности репрезентируются лексемами *foreign, paid one dollar a day, last (not) in that job*. Отрицательная оценка, которую данная идентичность получает в картине мира персонажей, объективирована эмотивом *desperate*, в семантическую структуру которого входят следующие отрицательные эмоционально-оценочные семы:

Desperate

- 1) *very sad and upset because of having little or no hope: feeling or showing despair;*
- 2) *very bad or difficult to deal with;*
- 3) *done with all of your strength or energy and with little hope of succeeding;*

4) *involving extreme danger or possible disaster* [17].

Автор усиливает отрицательную оценочность лексем, моделирующих идентичность рабочих, каламбуром: рядом с красильным цехом, где работают иммигранты, находится скотобойня, откуда доносятся крики забиваемых животных. Лексемы *dyers* («красильщики») и *morning* («утренний») переосмысливаются и воспринимаются читателем как омоним *dyers* («смертники») и омофон *mourning* («скорбный»).

Имя собственное, в идеале предназначенное для денотации единичного и уникального, воспринимается персонажами как пустая фонетическая форма (“*the strange foreign syllables*”), которая не вызывает никаких социокультурных ассоциаций. Автор уподобляет новые имена порядковому инвентарному номеру на клеймах животных, которых забивают в соседнем цехе (сравнение “*remembered like a number*”). В контексте описания скотобойни новые имена собственные получают окказиональное значение «*поголовье*».

Моделируемый автором акт переименования – символ гражданской казни и деперсонализации персонажей. Лишаясь имени, рабочие лишаются социального и человеческого статуса. Отрицательная оценочность импликационала имен собственных и лексических единиц, моделирующих социальную идентичность рабочих, указывает на отрицательное отношение персонажей и опосредованно автора к новым именам и соответствующей им идентичности. Это подтверждается развитием событийной линии романа: помимо социальной стигмы, производство, в котором используются токсичные красители, приводит к тяжелым болезням и физической гибели персонажей.

Итак, имя персонажа служит языковым средством моделирования социальной идентичности. Персонаж может выступать субъектом или объектом изображаемого в тексте процесса имяназвания или переименования. Имя ассоциируется читателем с моделируемой социальной идентичностью персонажа. Оценочная направленность имени поддерживается развитием сюжетной линии произведения и позволяет читателю определить отношение персонажа к моделируемому типу социальной идентичности, а также сделать выводы об оценочном отношении самого автора к соответствующей этой идентичности системе ценностей.

Список литературы

1. Гарагуля, С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. И. Гарагуля. – М., 2009. – 43 с.
2. Лаппо, М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы : монография / М. А. Лаппо. – Новосибирск, 2013. – 180 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 14–285.
4. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб., 2007. – С. 124–126.
5. Пак, С. М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX–XX вв.) : дис. ... д-ра филол. наук / С. М. Пак. – М., 2005. – 366 с.
6. Сергаева, Ю. В. Референция и имятворчество: кто в имени моем? / Ю. В. Сергаева // *Studia Linguistica* : сб. науч. тр. – СПб, 2014. – Вып. XXIII. – С. 177–185.
7. Флоренский, П. А. Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность / П. А. Флоренский // *Сочинения* : в 4 т. – М., 2000. – Т. 3, ч. 2. – 623 с.
8. Щирова, И. А. Текст сквозь призму сложного / И. А. Щирова. – СПб., 2013. – 216 с.
9. Щирова, И. А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века / И. А. Щирова. – СПб., 2000. – 210 с.
10. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // *Мир России*. – 1995. – № 3–4. – С. 158–181.
11. *Style and social identities: Alternative approaches to linguistic heterogeneity* / Auer, P. (ed.). – Berlin; New York, 2007. – 513 p.
12. Bierbach, Ch. Names and identities, or: How to be a hip young Italian migrant in Germany / Ch. Bierbach, G. Birken-Silverman // *Style and social identities. Alternative approaches to linguistic heterogeneity*. – Berlin; New York, 2007. – Pp. 121–154.
13. Craith, M. N. Self and other in dialogue / M. N. Craith // Craith, M. N. *Narratives of place, belonging and language: An intercultural perspective* / M. N. Craith. – London, 2012. – Pp. 105–125.
14. LePage, R. Acts of identity. Creole-Based Approaches to Language and Ethnicity / R. LePage, A. Tabouret-Keller. – Cambridge, 1985. – 275 p.
15. Ondaatje, M. *In the skin of a lion* / M. Ondaatje. – London, 1988. – 244 p.
16. Merriam-Webster Dictionary Online. – URL: <http://beta.merriam-webster.com/dictionary/dictionary>.

Сведения об авторе

Гусакова Татьяна Германовна – аспирант кафедры английской филологии; ассистент кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

gusakovatesol@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 46–50.*

**CHARACTER'S NAME IN THE FICTIONAL MODEL
OF SOCIAL IDENTITY (AS EXEMPLIFIED IN THE NOVEL
"IN THE SKIN OF A LION" BY M. ONDAATJE)**

T. G. Gusakova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. gusakovatesol@gmail.com

The article addresses the semantics of a proper name employed by the author in modelling character's social identity in the English 20th century fiction. Name-giving and renaming modelled in fiction

are regarded as character's linguistic "acts of identity". The character can appear to be the one renaming or renamed, to reflect on their own name or the name of the Other. The character's choice of a name symbolizes the choice of the value system of the social group that the name is associated with. The name-giver (the character, and, indirectly, the author) identifies themselves with the social group associated with the name chosen. Interpreting the emotive-evaluative connotations of the name, the reader identifies the character's and, indirectly, the author's attitude towards the modelled social identity. The study is based on sociology, sociolinguistics and lexical semantics data.

Keywords: *proper name, name-giving, renaming, social self-identification, social identity.*

References

1. Garagulia S.I. *Antroponimicheskaya pragmatika i identichnost' individa (opyt sistemnogo opisaniya lichnykh imen v SShA* [Anthroponymic pragmatics and identity of an individual]. Moscow, 2009. 43 p. (In Russ.).
2. Lappo M.A. *Samoidentifikatsyya: Semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: Semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk, 2013. 180 p. (In Russ.).
3. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of fictional text]. *Ob iskusstve* [On art]. Saint Petersburg, 1998. Pp. 14–285. (In Russ.).
4. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [A course of linguistic semantics]. Saint Petersburg, 2007. Pp. 124–126. (In Russ.).
5. Pak S.M. *Onomastikon kak obyekt filologicheskogo issledovaniya (na material amerikanskogo diskursa XIX–XX vv.* [Onomastikon as an object of philological study (on the material of 19th–20th century American discourse]. Moscow, 2005. 366 p. (In Russ.).
6. Sergaeva Yu.V. Referentsyya I imiatvorchestvo: Kto v imeni moem? [Reference and namegiving: Who is in my name?]. *Studia Linguistica*. Saint Petersburg, 2014, vol. XXIII. Pp. 177–185. (In Russ.).
7. Florensky P.A. *Imena. Metafizika imen v istoricheskom osvescheniyi. Imya I lichnost'* [Names. The metaphysics of names in the historical light. Name and personality]. *Sochineniya*. [Writings], vol. 3, iss. 2. Moscow, 2000. 623 p. (In Russ.).
8. Schirova I.A. *Tekst skvoz' prizmu slozhnogo* [Text in the prism of the complex]. Saint Petersburg, 2013. 216 p. (In Russ.).
9. Schirova I.A. *Khudozhestvennoye modelirovaniye kognitivnykh protsessov v angloyazychnoi psikhologicheskoi proze XX veka* [The cognitive processes fictional modelling in the 20th century English psychological fiction]. Saint Petersburg, 2000. 210 p. (In Russ.).
10. Yadov V.A. *Sotsyal'nye i sotsyal'no-psikhicheskiye mehanizmy formirovaniya sotsyal'noi identichnosti lichnosti* [The social and socio-psychological mechanisms of a person's social identity formation]. *Mir Rossiyi* [World of Russia], 1995, no. 3–4, pp. 158–181. (In Russ.).
11. Auer P. (ed.) *Style and social identities: Alternative approaches to linguistic heterogeneity*. Berlin, New York, 2007. 513 p.
12. Bierbach Ch., Birken-Silverman G. *Names and identities, or: How to be a hip young Italian migrant in Germany*. *Style and social identities. Alternative approaches to linguistic heterogeneity*. P. Auer (ed.). Berlin, New York, 2007. Pp. 121–154.
13. Craith M.N. *Self and other in dialogue. Narratives of place, belonging and language: An intercultural perspective*. London, 2012. Pp. 105–125.
14. LePage R., Tabouret-Keller A. *Acts of identity. Creole-Based Approaches to Language and Ethnicity*. Cambridge, 1985. 275 p.
15. Ondaatje M. *In the skin of a lion*. Toronto; NY, 1988. 244 p.
16. *Merriam-Webster Dictionary Online*. Available at: <http://beta.merriam-webster.com/dictionary/> dictionary, accessed 10.11.2015.

УДК 4 Р-3 : РФ
ББК 81.411.2.–32 : 82.3 (2)

И. Г. Казачук

СЕМАНТИКА ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье рассматриваются основные значения творительного падежа без предлога в русских пословицах: инструментальное, медиативное, агентивное, объектное, пространственное, темпоральное и др. Описывается специфика употребления творительного падежа, обусловленная жанровыми и содержательными особенностями пословиц.

Ключевые слова: фольклор, фольклорный жанр, пословица, творительный падеж, семантика.

Активное лингвистическое изучение фольклорных текстов началось во второй половине прошлого столетия и связано с именами таких отечественных филологов, как П. Г. Богатырев, И. А. Оссоветский, А. П. Евгеньева, А. Т. Хроленко (ему принадлежит авторство термина *лингвофольклористика*), Е. Б. Артеменко и др. Особое значение имеет исследование пословиц и поговорок как единиц, воплощающих философию народа, его многовековой опыт, морально-этические и эстетические ценности и являющихся одним из главных средств отражения фольклорной картины мира. Объектом анализа в них является не только слово как факт языковой системы, но и особенности словоупотребления в фольклорном тексте [5. С. 19-20].

В данной статье мы представили результаты наблюдений над семантикой и особенностями употребления приглагольного творительного падежа без предлога в русских пословицах. Обращаясь к анализу конкретного языкового материала, мы исходим из нескольких положений: 1) падеж является морфолого-синтаксической категорией; 2) анализ семантики и функций падежа проводится в рамках достаточного контекста (предложения); 3) значение падежа определяется с учетом лексического значения существительного в какой-либо падежной форме и семантикой подчиняющего слова.

Творительный падеж в русском языке считается одним из самых сложных, семантически перегруженных, отличающихся контаминацией и синкретичностью значений и функций. По мнению В. В. Виноградова, «у современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа» [1. С. 171]. Об этом свидетельствуют много-

численные работы, посвященные исследованию семантики и функционирования данной падежной формы, на материале которых может быть составлен достаточно полный инвентарь ее значений (А. А. Потебня, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, Н. С. Василенко, С. Б. Бернштейн, А. М. Булыгина, Г. А. Золотова, Н. Ю. Шведова, Л. В. Варпахович, Р. Мразек, А. Вежбицка и др.).

Древнейшим значением творительного падежа является значение орудийности, или инструментальности, что зафиксировано в самом названии падежа. Это значение оказалось наиболее представленным в тексте паремий: *Шить не шьет, а только иглой тычет, Глазу верь, а прибором проверь, Трактором пахать – не лопатой копать, Не молот железо кует, а кузнец молотом бьет, Пилить тилою – гнутья спиною и др.* В приведенных и подобных контекстах существительные в форме творительного падежа имеют семантику собственно инструмента, орудия для производства каких-либо работ – *игла, прибор, лопата, молот, тила* и др.

Акциональные глаголы, сочетающиеся с данными существительными, обладают соответствующей семантической валентностью с определенным набором актантов, среди которых есть актант «инструмент». Эта позиция может быть заполнена разными конкретными синтаксемами с предлогами и без предлогов (чем? посредством чего? при помощи чего? с помощью чего? и под.), однако в пословицах реализуется форма творительного падежа как наиболее естественная в произведениях данного жанра. Особого внимания заслуживает творительный с семантикой антиорудия, то есть инструмента непригодного, нецелесообразного для осуществления какого-либо действия

(случаи подобного употребления более продуктивны в пословицах по сравнению с творительным орудийным): *Решетом воды не наносишь, Ведром ветра не смеряешь, Гвоздем моря не нагреешь, Иглою дороги не меряют, Шилом медведя не одолеешь и под.* В основном это творительный при глаголах с отрицанием, реже возможен и в утвердительных конструкциях: *Научишься небось шилом молоко хлебать, Решетом воду мерять – потерять время.*

Частотны в пословицах случаи употребления существительных-соматизмов с объектно-орудийным, по определению Г. А. Золотовой [З. С. 245], значением. Эти существительные обозначают части тела человека и животных, которые используются как инструменты, собственно таковыми не являясь: *Дурак головой вертит, умный смирно сидит, Не кивай пальцем, сам будешь старцем, Хвостом виляет, а зубы скалит, Пахать – не руками махать, Люди пахать, а мы руками мазать, Не к лицу старой кобыле хвостом вертеть и под.* Как правило, соматизмами распространяются глаголы двигательного действия, реже глаголы восприятия, конкретного физического действия: *Взглянь глазком, сделай с праздничком, Где ногтем поскребешь, там и грош, Ладонью не закрылся – пальцем не закроешься, Здоровый детина теленка кулаком убить может, Оплеухи языком не слизнешь и др.* В такой же синтаксической позиции могут быть использованы существительные с семантикой части целого неодушевленного предмета: *Дерево держится корнями, а человек – друзьями.*

Выделяемое в рамках инструментального значение средства действия выражается в пословицах и поговорках формами творительного падежа существительных с конкретно-вещественной семантикой: *Умывайся мылом, да не поддавайся сплетням, Завали правду золотом, затопчи ее в грязь – все наружу выйдет, Хоть лыком шит, да мылом мыт, Медом больше мух наловишь, чем уксусом, Теперь и нам можно масло маслом маслить, Скотину гладь не рукой, а мукой, От огня вода ключом кипит, а водою и огонь заливают и др.* Однако более представленными оказались случаи обозначения антисредства, то есть средства бесполезного, непригодного или нецелесообразного для осуществления того или иного действия: *Не дело щи дегтем белить, на то сметана есть, Как ни замазывай лаком, брак останется браком.* Такой творительный, как и творительный антиорудия, в основном употребляется в отрица-

тельных конструкциях: *Горе водой не зальешь, Бесстыдного гостя из избы пивом не выгонишь, Моря песком не засыплешь, Огонь маслом не тушат, Сердце не уши: ватой не заткнешь, Сметаной вареников не испортишь и под.*

Творительный медиативный, то есть способ действия, представлен в русской паремологии абстрактными существительными: *Умей своей хитростью из врага душу вытрясти, Нужно учить не рассказом, а работой и показом, Капля камень долбит не силой, а частым падением, Недоплатой люди наживаются, Лестью и душу вынимают, Всякое зло терпением одолеть можно, От бессонницы трудом лечатся и др.* Многовековой опыт народа, отраженный в пословицах, подсказывает, к какому способу не стоит прибегать в определенных ситуациях: *Тороплением не подспоришь, Стуком изба не рубится, Сварой да ссорой дружбы не завяжешь, Сиденьем города не берут, Чужой обороной века не проживешь, Криком земля не пашется, Воровством каменных палат не наживешь и др.* В качестве медиатива возможны и конкретные существительные, например, соматизмы с трансформированной в результате метафоризации семантикой: *Достают хлеб горбом, достают и горлом, Горлом изба не рубится, шумом дело не спорится, Лодырь хочет прожить не трудом, а языком и под.*

Медиативное значение реализуется в том числе через сравнение: *Дед жил свиной, а внук поросенком, Солощ мужичок, загибает крючком язычок, Не пой, курица, петухом, Народ волной пошумит и перестанет, Молодость летает вольной птичкой, старость ползет черепашкой.*

Для характеристики лица или предмета в пословицах употребляется творительный оценочной квалификации [З. С. 242], или ограничительный, при глаголах и прилагательных: *Не ростом взял, так дородством, Летами ушел, а головой не дошел, Не взяла лицом – не возьмешь и умываньем, Не упиваясь вином, будешь крепче умом.*

Творительный падеж при фазовых глаголах называет отправную, промежуточную или конечную точку: *Добрые люди день начинают работой, Не всякое новоселье весельем кончается, Смешное начало слезами да горем кончало. Худое худым и кончается.*

Объектно-количественное значение имеет творительный падеж при глаголах *полниться, наполняться*, а также при приставочных гла-

голах с количественной семантикой полноты типа *наполнить, засыпать, забросать* и под.: *Бездонной кадки водою не наполнишь, Кабак деньгами, как бездонную кадку, не наполнишь.*

Объектное значение имеет творительный беспредложный при глаголах управления, руководства: *Домом не управил, так и волостью не управить.*

Творительный падеж имеет посессивное значение при глаголах автокаузации владения *разжиться, пожить* и под.: *От стриженного барана шерстью не поживишься;* при глаголах, обозначающих каузацию смены субъекта посессивных отношений: *Не своим товаром ты стал торговать. Торгуи, мужик, пшеницей, баба чечевицей, Торговал кирпичом, да остался ни при чем.*

Продуктивен в пословицах творительный падеж с семантикой объекта-каузатора эмоционального отношения субъекта к кому- или чему-либо: *Чужим добром похвеляется, а свое под лавку хоронит, Гордись не ростом, а умом, Не хвались отцом, хвались сыном-молодцом. Барской лаской не хвастай, Не гордись званием, а гордись знанием.*

С глаголами *пахнуть, нести, отдавать* употребляется творительный падеж с семантикой делиберата обонятельного восприятия: *Мажь мужика маслом, а он все дегтем пахнет, Изба жильем (жиллом) пахнет.*

Конструкции с глаголами *грозить, стращать* и существительными в форме творительного падежа выражают «действие или состояние с модально-экспрессивной окраской опасной или нежелательной вероятности» [3. С. 241], однако в пословицах за счет отрицания эти конструкции приобретают противоположное значение: *Не грози щуже морем, а нагому горем, Не грози попу церковью, он от нее сыт живет, Не стращай утку водой.*

Творительный предикативный, употребляющийся в качестве именной части составного сказуемого при различного вида связках, менее представлен в анализируемом материале. Используется субстантивный предикат в основном при связках и вспомогательных глаголах: *Волком родясь, лисицей не бывает, Сделайся только овцою, а волки найдутся. Волк, когда состарится, становится игрушкой для собак, Дворянином быть не сможет, а мужиком жить не хочется.*

Творительный беспредложный может выступать в качестве вторичного именного предиката при основном глаголе и характеризо-

вать тот же субъект, что и глагол: *Героем падеишь – подымут, трусом – раздавят.*

В страдательных конструкциях при кратких причастиях или возвратных глаголах творительный беспредложный имеет значение агенса действия: *Облихован людьми, плачься на себя, Дом красится хозяином.*

Существительные в творительном предикативном могут иметь синкретичное значение, одновременно выступая как объект глагольного действия и как каузируемый субъект – носитель признака: *Назначили лису воеводой в лесу: пера много, а птицы нет.* Аналогичное употребление существительных обнаруживается при глаголах автокаузации превращения *обернуться, притвориться, прикинуться*: *Не прикидывайся овцою: волк съест.*

С глаголами *считать(-ся), называть(-ся), слыть, находить* употребляется творительный вторично предикативный признак: *Чудное дело корыто: кто не видел, кораблем назовет, Назвался груздем – полезай в кузов, Хоть чертом зови, только хлебом корми, Год кормила, а век кормилицей слывет. На час ума не станет, а на век дураком прослывет.*

Творительный количества употребляется для характеристики способа действия с количественной стороны: *Худое валит пудами, хорошее каплет золотниками, Сыть мешком – не пойдешь пешком, Отдашь ломоть, собирай крохами.*

Творительный количества с оттенком совокупности представлен существительными с семантикой собирательности: *Семьей и горох молотят, Уйдем всем двором, oprичь хором, а дом подопрем колом, Домом жить – обо всем тужить. Артелью гору поднимешь, а один и камень не сдвинешь*

Пространственную семантику творительный без предлога чаще всего реализует в сочетании с глаголами движения: *Дорогой идешь – и то спотыкаешься, Ходи лесом – не хрястай, Люби девушку – не хвастай, Ртом болезнь входит, а беда выходит, Бывает порою, течет вода горою (т.е. в гору).*

Творительный беспредложный, выраженный существительными, обозначающими отрезки времени, приобретает темпоральное значение: *Час пропустишь, и годом не наверстаешь, Москва веками строилась, В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда годится, Весной часом отстанешь, неделей не догонишь.*

Как показал анализ, творительный падеж без предлога характеризуется широким спек-

тром значений и спецификой употребления, связанной с жанровыми и содержательными особенностями русских пословиц.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
3. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 440 с.
4. Мразек, Р. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа (на материалах русского языка) / Р. Мразек // Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské University, A 8, 1960. – URL: <http://www.twirpx.com>.
5. Хроленко, А. Т. На подступах к словарю языка русского фольклора: Заметки лингвофольклориста // Язык русского фольклора : сб. науч. ст. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1992. – С. 19-28.
6. Хроленко, А. Т. Современная отечественная лингвофольклористика: цели, проблемы и перспективы // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. – М.: Наука, 1992. – С. 153-166.
7. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: URSS: ЛКИ, 2011. – 620 с.

Сведения об авторе

Казачук Ирина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

avis1389@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 51–55.*

SEMANTICS OF INSTRUMENTAL CASE IN RUSSIAN PROVERBS

I. G. Kazachuk

Chelyabinsk State Pedagogical University. avis1389@mail.ru

The article examines central meanings of the instrumental case without preposition in Russian proverbs: instrumental, mediative, agentive, objective, spatial, temporal and other meanings. The author describes the specificity of the instrumental case usage, determined by the genre and meaningful peculiarities of proverbs.

Keywords: *folklore, folklore genre, proverb, instrumental case, semantics.*

References

1. Vinogradov V.V. *Izbrannyye trudy: Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selectas: Research of Russian grammar]. Moscow, 1975. 559 p. (In Russ.).
2. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (grammar study of the word)]. Moscow, 2001. 720 p. (In Russ.).
3. Zolotova G.A. *Sintaksicheskij slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntax dictionary: Repertory of elementary units of the syntax]. Moscow, 2006. 440 p. (In Russ.).
4. Mrazek R. K voprosu o funktsiyakh bespredlozhnogo tvoritel'nogo padezha (na materialakh russkogo yazyka) [On the question of function of nonprepositional instrumental case (as exemplified in

the Russian language)] // *Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské University* [Collection of the works of the philosophical department of the University of Brno], A 8, 1960. Available at: <http://www.twirpx.com>.

5. Khrolenko A.T. Na podstupakh k slovarju yazyka russkogo fol'klora: Zametki lingvofol'klorista [On the approaches to the dictionary of the language of the Russian folklore: Notes of lingvofolklorista]. *Yazyk russkogo fol'klora* [Language of the Russian folklore]. Petrozavodsk, 1992. Pp. 19–28 (In Russ.).

6. Khrolenko A.T. Sovremennaya otechestvennaya lingvofol'kloristika: tseli, problemy i perspektivy [Contemporary domestic lingvofolkloristika: purpose, problem and the prospect]. *Rusistika segodnya. Funkcionirovanie yazyka: leksika i grammatika* [Rusistika today. Functioning of the language: vocabulary and the grammar]. Moscow, 1992. Pp. 153–166. (In Russ.).

7. Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, 2011. 620 p. (In Russ.).

УДК 81:1+81'373.21
ББК 1-81

Е. М. Какзанова

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЭПОНИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена особенностям репрезентации категории времени, имеющей универсальный характер, в терминах-эпонимах. В центре внимания автора находятся наименования месяцев, которые в большинстве европейских языков произведены от латинских корней и потому являются интернационализмами.

Ключевые слова: категоризация, категория времени, ономастика, темпорально маркированная лексика, названия месяцев.

Категоризация, или классификация сущностей мира – это, по мнению М. В. Никитина [11. С. 55], важнейшая мыслительная операция, необходимое условие систематизации мира в сознании. По свидетельству историков, пишет А. Е. Бочкарев [3. С. 16], тенденция к категоризации намечается уже в донаучном мышлении. Ибо если категоризацию понимать как придание определенности недифференцированному целому, а уделом категоризации считать понимание предмета по наиболее существенным его свойствам, начатки категоризации можно обнаружить уже в первичной номинации. Положение, соглашается с А. Е. Бочкаревым Дж. Лакофф [9. С. 458], что категории определяются общими свойствами, не только часть нашего повседневного мышления, но и один из важнейших научных принципов, который был с нами на протяжении более двух тысяч лет. Во всяком случае сходной оказывается общая тенденция к подведению элементов в форму понятийного ряда по какому-то общему для всех элементов квалифицирующему признаку.

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина [13. С. 127], понятие категоризации относится к центральным, основополагающим понятиям когнитивистики. Е. С. Кубрякова [8. С. 86] определяет категоризацию как главный способ придать восприятию мира упорядоченный характер, систематизировать наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других.

Набор когнитивных классифицирующих признаков специфичен для каждого концепта, для группы концептов и для концептосферы в целом. З. Д. Попова и И. А. Стернин [13. С. 127] выделяют универсальные суперклассифицирующие признаки, которые могут

быть применены к любому предмету или явлению и формирующие смысловой каркас языка. К таким универсальным категориям относится, в частности, временная характеристика явления. Ни история, ни философия без категории времени существовать не могут. Платон назвал время движущимся подобием вечности.

По Н. А. Бердяеву, человеческая история неразрывно связана с временем и вне времени быть не может. История есть процесс во времени, временное совершение, движение во времени. История совершается не только во времени и не только предполагает время, без которого ее нет, но история есть непрерывная борьба вечного с временным [1. С. 50, 52, 53].

Л. Бородин утверждает, что время – это одно из центральных понятий нашей культуры [2. С. 200]. Время есть способ познания мира человеком, способ, лежащий в основании объективации представлений, в основании самого создания того, что мы называем объективной реальностью. Время – априорная форма организации внутреннего мира. Время, как пишет Кант, есть «форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния». «Время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания» [10. С. 59, 71]. Переживание времени не является опытом восприятия некоторой автономной реальности, но есть условие, инструмент возможности что-либо вообще воспринимать [6. С. 20].

В. Г. Гак делит время на три больших разряда, которые определяет терминами *хронография*, *хронометрия* и *хронология*. Хронография указывает определенное время, место события во времени, дату. Это указание может быть абсолютным, то есть выраженным в принятой в

данном социуме системе летоисчисления, или относительным, определяемым по отношению к другому событию. Хронометрия определяет длительность события, которая также может быть определена абсолютно или относительно. Хронология устанавливает последовательность событий, которая также может быть абсолютной и относительной [5. С. 322].

По И. Ньютону, абсолютное, истинное, математическое время, само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обычной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год [12. С. 30].

Отмечается, что достаточно разработанной и в отечественной, и в зарубежной лингвистике оставалась именно грамматическая категория времени, находящая свое отражение в морфологической системе временных форм глагола и в синтаксических конструкциях [4. С. 5]. Получается, что при репрезентации категории времени в языке речь идет о целой совокупности темпорально маркированных языковых явлениях, в структуре которых временным компонентом могут быть временные морфемы, специальная темпоральная лексика и синтаксические конструкции, несущие темпоральную информацию. Характерной тенденцией современных лингвистических исследований категории времени является обращение к лексическим средствам в процессе языковой репрезентации феномена темпоральности [14. С. 26]. В свете нашей статьи представляет интерес так называемая фоновая лексика, которая имеет сему темпоральности в показателях как возрастного и эпохального (архаизмы) характера, так и в показателях времени циклического характера (время года, суток и т.д.).

Согласно утверждению Ю. С. Степанова, в европейских языках и в американских вариантах европейских языков понятие времени объективируется как исчисляемое количество, то есть отрезок, состоящий из отдельных величин. Отрезок времени мыслится в виде одинаковых единиц. В истории и философии такими единицами являются модусы времени – настоящее, прошлое и будущее, а также цезуры – век, год, месяц, неделя и т. п. [15. С. 43]. Ономастиче-

ские названия месяцев и являются объектом нашего исследования.

Во все века в Риме господствовал сельскохозяйственный календарь. Нечетный год состоял из 12, четный год – из 13 лунных месяцев, имевших такой первоначальный порядок следования: 1) *Martius* – в честь бога Марса, 2) *Aprilis* – в честь богини Венеры, 3) *Majus* – в честь богини Майи, дочери Фавна, 4) *Junius* – в честь богини Юноны, супруги Юпитера, 5) *Quintilis* – 5-й месяц, 6) *Sextilis* – 6-й месяц, 7) *September* – 7-й месяц, 8) *October* – 8-й месяц, 9) *November* – 9-й месяц, 10) *December* – 10-й месяц, 11) *Januarius* – в честь бога Януса, 12) *Februarius* – в честь этрусского бога подземного царства Фебрууса, 13) *Intercaliris* или *Mercedonius* [16. С. 76, 77].

В пятый месяц квинтилис родился Гай Юлий Цезарь. В 46 году до н. э. ученый-полководец реформировал древнеримский календарь, создав свой (названный в его честь «юлианским»). В благодарность Цезарю за его календарную реформу и военные заслуги римский Сенат постановил переименовать месяц квинтилис в месяц *Julius*, *июль*. Календарь Цезаря просуществовал шестнадцать веков и только в 1582 году был реформирован папой Григорием XIII.

Восьмой месяц (в древнеримском календаре шестой, секстилис) был назван *августом* в честь императора Октавиана, получившего от сената звание *Augustus* – «Возвеличенный богами», «Священный».

В большинстве европейских языков названия месяцев произведены от латинских корней и потому являются интернациональными.

От исконных корней образованы названия месяцев в финском языке. В. Д. Ившин отмечает тенденцию сохранения в финском языке собственно финских обозначений для многих международных слов [7. С. 27]. Любопытно, однако, что эта тенденция отсутствует в родственных финскому языку эстонском, саамском, а также венгерском языке: *január*, *február*, *március*, *április*, *május*, *június*, *július*, *augusztus*, *oktyber*, *november*, *december*.

Своеязычные корни сохранены в названиях месяцев польского, чешского, хорватского языков, но не сербского или словацкого; украинского, белорусского, но не русского языка. Наконец, по пути пуризма пошел литовский язык, но не родственный ему латышский. Приведенная ниже таблица иллюстрирует исконные названия месяцев по сравнению с русским языком.

Названия месяцев в разных языках

Русский	Финский	Литовский	Польский	Хорватский
Январь	Tammikuu	Sausis	styczec	Siječanj
Февраль	Helmikuu	Vasaris	luty	Veljača
Март	Maaliskuu	Kovas	marzec	Ožujak
Апрель	Huhtikuu	Balandis	kwieciec	Travanj
Май	Toukokuu	Gegužė	maj	Svibanj
Июнь	Kesäkuu	Birželis	czerwiec	Lipanj
Июль	Heinäkuu	Liepa	lipiec	Srpanj
Август	Elokuu	Rugpiutis	sierpiec	kolovoz
Сентябрь	Syyskuu	Rugsėejis	wrzesiec	Rujan
Октябрь	Lokakuu	Spalis	październik	Listopad
Ноябрь	marraskuu	Lapkritis	listopad	Studenj
Декабрь	Joulukuu	Gruodis	grudziec	prosinac

Как отмечает Н. Х. Премавардена, названия месяцев в сингалезском языке тоже интернациональны: janəvāri, rebəṛəvāri, mārtu, aprēl, mæy, juni, jūli, agōstu, sæptæmbəṛ, oktōbəṛ, novæmbəṛ, desæmbəṛ [17. С. 173]. Сингалезский язык – представитель группы северо-индийских языков, на котором говорит около 75% жителей Шри Ланки.

Таким образом, лингвистические категории времени носят не только грамматический, но и лексический, в большинстве случаев эпонимический характер, всегда подчинены физическому и философскому пониманию времени и воплощают это единство в языке.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. *Смысл истории* / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
2. Бородицки, Л. Как языки конструируют время / Л. Бородицки // *Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика*. – М.: Языки славян. культуры, 2015. – С. 199–212.
3. Бочкарев, А. Е. Об эпистемологических основаниях категоризации: классифицирующее понятие – понятие – концепт / А. Е. Бочкарев // *Вопр. когнит. лингвистики*. – 2007. – № 2. – С. 14–20.
4. Булаева, Н. Е. Категория времени в произведениях научной фантастики на английском языке (на материале художественных произведений XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Е. Булаева. – Тула, 2005. – 21 с.
5. Гак, В. Г. *Языковые преобразования* / В. Г. Гак. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 408 с.
6. Гарбузов, Д. В. Трансцендентальная идеальность времени в концепции И. Канта / Д. В. Гарбузов // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии*. – 2008. – № 2. – С. 20–23.
7. Ившин, В. Д. К вопросу о заимствованиях / В. Д. Ившин // *Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики*. Кн. 4. – М.: ММІХ, 2009. – С. 19–29.
8. Кубрякова, Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // *Логический анализ языка. Языки пространств*. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 84–92.
9. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 792 с.
10. Михайлов, К. А. Кантовская концепция времени и ее актуальность в современной науке / К. А. Михайлов // *Материалы Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта*. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 59–71.
11. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // *Вопр. когнит. лингвистики*. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
12. Ньютон, И. *Математические начала натуральной философии* / И. Ньютон. – М.: Наука, 1989. – 688 с.

13. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

14. Смольянова, С. А. Современные тенденции исследования категории времени в языке / С. А. Смольянова // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований. – Пенза–Москва–Решт, 2011. – С. 24–26.

15. Степанов, Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 784 с.

16. Шапошников, А. К. Реконструкция архетипа общеиндоевропейского и праславянского календаря сравнительно-историческим методом / А. В. Шапошников // Вопр. филологии. Спец. вып.– 2013. – С. 73–82.

17. Premawerdhena, N. C. Internationalismen im Singhalesischen // Internationalismen II. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie. Reihe Germanistische Linguistik 246. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. – S. 169–181.

Сведения об авторе

Какзанова Евгения Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва).

kakzanova@post.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 56–60.*

THE REFLECTION OF THE CATEGORY OF TIME IN EPONYMOUS TERMINOLOGY

E. M. Kakzanova

Peoples' Friendship University of Russia. kakzanova@post.ru

The article is devoted to the peculiarities of the representation of the time category. Time presents a universal category specific to some concepts or a group of concepts. The article deals with such temporally marked language phenomena as the onomastic names of months. In the majority of European languages, although remotely related, the names of months are derived from the Latin roots and, therefore, are internationalisms.

Keywords: *categorization, category of time, onomastics, temporally marked vocabulary, names of months*

References

1. Berdjaev N.A. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow, 1990. 175 p. (In Russ.).
2. Borodicki L. *Kak jazyki konstruirujut vremja* [As languages construct the time] // *Jazyk i mysl'. Sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [Language and thought. Contemporary cognitive linguistics]. Moscow, 2015. Pp. 199–212. (In Russ.).
3. Bochkarev A.E. *Ob jepistemologičeskikh osnovanijah kategorizacii: klassificirujushhee ponjatie – ponjatie – koncept* [On the epistemological basis of categorization: classifying notion – the notion – the concept]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2007, no. 2, pp. 14–20. (In Russ.).
4. Bulaeva N.E. *Kategorija vremeni v proizvedenijah nauchnoj fantastiki na anglijskom jazyke (na materiale hudozhestvennyh proizvedenij XX veka)* [Category of time in the works of science fiction in English (based on the works of art of the XX century)]. Tula, 2005. 21 p. (In Russ.).
5. Gak V.G. *Jazykovye preobrazovanija* [Language conversions]. Moscow, 2010. 408 p. (In Russ.).
6. Garbuzov D.V. *Transcendental'naja ideal'nost' vremeni v koncepcii I. Kanta* [Transcendental ideality of time in the concept I. Kant]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2008, no. 2, pp. 20–23 (In Russ.).

7. Ivshin V.D. K voprosu o zaimstvovanijah [On the question of borrowing]. *Chelovek v zerkale jazyka. Voprosy teorii i praktiki* [Man in the mirror of language. Issues of theory and practice]. Iss. 4. Moscow, 2009. Pp. 19–29 (In Russ.).
8. Kubrjakova E.S. O ponjatijah mesta, predmeta i prostranstva [On the concepts of place, object and space]. *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of the spaces]. Moscow, 2000. Pp. 84–92 (In Russ.).
9. Lakoff Dzh. *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and the dangerous things: That the categories of language tell us about the thinking]. Moscow, 2004. 792 p. (In Russ.).
10. Mihajlov K.A. Kantovskaja koncepcija vremeni i ejo aktual'nost' v sovremennoj nauke [Kant's concept of time and its urgency in the contemporary science]. *Materialy Mezhdunarodnogo kongressa, posvjashhennogo 280-letiju so dnja rozhdenija i 200-letiju so dnja smerti Immanuila Kanta* [Materials of International Congress, dedicated to 280th anniversary from the birthday and 200th anniversary of the death of Immanuel Kant]. Moscow, 2005. Pp. 59–71. (In Russ.).
11. Nikitin M.V. Razvernutyte tezisy o konceptah [Expanded theses about the concepts]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, no. 1, pp. 53–64 (In Russ.).
12. N'juton I. *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii* [Mathematical beginnings of the natural philosophy]. M., 1989. 688 p. (In Russ.).
13. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, 2007. 314 p. (In Russ.).
14. Smol'janova S.A. Sovremennye tendencii issledovanija kategorii vremeni v jazyke [Contemporary tendencies of a study of the category of time in the language] // *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki filologicheskikh issledovanij* [Actual problems of the theory and practice of philological research]. Penza–Moscow–Resht, 2011. Pp. 24–26 (In Russ.).
15. Stepanov Ju.S. *Jazyk i metod. K sovremennoj filosofii jazyka* [Language and method. To the contemporary philosophy of the language]. Moscow, 1998. 784 p. (In Russ.).
16. Shaposhnikov A.K. Rekonstrukcija arhetipa obshheindoevropskogo i praslavjanskogo kalendara sravnitel'no-istoricheskim metodom [Reconstruction of Indo-European and Proto-Slavic archetypal calendar comparative-historical method]. *Voprosy filologii* [Issues of philology], 2013, pp. 73–82 (In Russ.).
17. Premawerdhena N.C. Internationalismen im Singhalesischen // *Internationalismen II. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie*. Reihe Germanistische Linguistik 246. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. S. 169–181. (In German).

УДК 82-31

ББК 83.3 (2 РосРус), 87 8

В. Б. Катаев

ПИСАТЕЛЬ, ФИЛОЛОГ, ЧЕЛОВЕК (ОБ А. П. ЧУДАКОВЕ)

Статья посвящена многообразию интересов и творческих проявлений Александра Павловича Чудакова – филолога и писателя, автора романа-идиллии «Ложитесь мгла на старые ступени...». Обнаруживаются переклички и соответствия между образом автора романа и личностью Чудакова-человека, между принципами и любимыми идеями его научных работ и принципами и приемами, которые он реализует в построении своего романа.

Ключевые слова: художественное произведение, написанное филологом; семейная сага; видение вещей и духовных феноменов; словесные ряды; художественный мир Чехова.

Чем более отдаляется от нас дата ухода из жизни в 2005 году Александра Павловича Чудакова, тем яснее осознаешь размеры этой утраты, масштабы личности ушедшего от нас человека и ученого.

Можно сказать о Чудакове, что это был прекрасный филолог, филолог Божьей милостью. В наши дни, когда филология дробится на бесконечное множество дисциплин и представители разных ее ветвей говорят на разных языках, – Чудаков, как немногие, владел полнотой знаний и языковеда, и лингвиста, и литературоведа, напоминая всей своей деятельностью о единстве нашей науки, продолжая традиции ее корифеев от Потемкина до Виноградова.

Но не только в науке о слове оставил глубокий след Александр Павлович Чудаков. Талант исследователя языка соединился в нем с талантом писателя, творящего на этом языке, раскрывающего новые возможности родного языка. Его книга, роман-идиллия «Ложитесь мгла на старые ступени» [1], стала новым, для многих неожиданным открытием неизвестных граней его таланта.

Собственно, для тех, кто близко соприкасался с ним по жизни, по совместной работе, неожиданными могли стать размах, масштаб этой последней крупной вещи Чудакова, но не сам факт ее написания.

Художественное произведение в стихах или в прозе, сочиняемое филологом, – явление, требующее особого отношения и рассмотрения. Один теоретик литературы высказался в том смысле, что литературоведу в его творческом багаже пристало иметь в лучшем случае лишь стихи в школьную стенгазету, – в дальнейшем ему пристала только рефлексия по поводу художественных текстов других. К

счастью, мы знаем множество опровержений подобного мнения – художественная проза любимых Александром Павловичем Тынянова, Шкловского приходят на ум прежде всего. Герой его романа – alter ego автора, – узнаем мы, «всё время что-то кропает в стихах и прозе» [1, с. 412]. А для тех, кто получал от Александра Павловича его книги, всегда со стихотворными обращениями, всегда далекими от стандарта стихотворных посвящений, или бывал на конференциях с его участием, неизменно завершавшихся его остроумными разборками в стихах прозвучавших на конференции докладов, – для тех художественный, в частности, стихотворный потенциал Александра Павловича обещал всё новые свершения.

И вот этот потенциал получил такую мощную реализацию – роман-идиллию. И мы, читатели, имеем право говорить о художественном мире романа Чудакова, как он говорил о художественных мирах от Пушкина до Чехова. Роман-идиллия – эта семейная сага, этот роман воспитания, этот слепок жизни в целую эпоху в истории страны – адресован широкому читателю, и он получил заслуженное признание и обычных читателей, и собратьев по перу. (На первых порах А. П. испытывал даже чувство удивления от успеха своего произведения. После встречи с читателями романа в Воронеже он делился этим чувством: никогда прежде, говорил он, я не мог и ожидать, что на встречу со мной придет столько самого разнообразного народа.)

Меня как читателя, знакомого с предыдущими книгами Чудакова, научными монографиями «Поэтика Чехова» (1971) [3], «Мир Чехова, Возникновение и утверждение» (1986) [2], «Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков»

(1992) [4] заинтересовало то, что для обычного читателя этого романа неважно или просто неизвестно. Я говорю об удивительных переключках и соответствиях, которые обнаруживаются между образом автора романа и личностью Чудакова-человека, между принципами и любимыми идеями его научных работ и принципами и приемами, которые он реализует в построении своего романа.

Мир писателя, – пишет он во Введении ко 2-й книге, – «это оригинальное и неповторимое видение вещей и духовных феноменов, запечатленное словесно» [2. С. 3].

Каким видится мир романа «Ложится мгла на старые ступени», что составляет его строительные конструкции на всем протяжении, с начала до конца?

Рассказывается об уникальной семье: дед – выпускник духовной семинарии и агроном, бабушка – воспитанница института благородных девиц, отец – преподаватель истории и член партии, мать – учительница химии. Дед – безусловный авторитет, учитель, наставник автора, который пишет о себе то в 3-м, то в 1-м лице. Место действия – городок в Северном Казахстане Чебачинск (т. е. Щучинск), оазис природный и духовный, в памяти героя-автора своего рода Афины, с учителями-ссылными и жителями-ссылными. И время действия – вырастание во время войны и в послевоенные годы вплоть до лет обучения героя в Московском университете, то есть 40–50-е годы XX столетия.

Дед «учил читать, копать, пилить, видеть растение, облако, слышать птицу и слово». При этом он хотел, чтобы внук не «поддался советскому вранью». – «Дед, я не поддался!» [1. С. 504] – клятвенно заверяет внук. Этот идеологический подтекст, в духе политкорректности 90-х годов, время от времени выходит на поверхность текста. И всё-таки отличие построения романа Чудакова не в идеологии.

«В этой стране, чтобы выжить, все должны были уметь делать всё» [1. С. 121], – говорится в романе. Все умели делать всё в семье, в которой вырастает герой. И автор романа умеет показать это всё – в поразительном многообразии, с неподдельной осведомленностью и в мельчайших подробностях, с точным называнием вещей.

«Угол [сруба, избы] всегда рубили в обло с остатком – в лапу считалось недолговечно. <...> Кровля делалась безгвоздой – доски упирались в долбленные полубревна-желоба и пригнетались тяжелым бревном-охлупнем» [1. С. 56].

Или о запрягании коня:

«Хомут в своем рабочем положении, то есть клещевиной вниз, не налезает на конскую голову. Его надо перевернуть и, надев, уже на шее, перевернуть обратно, после чего клещевину можно стягивать супонью» [1. С. 100]. Это автор мальчиком наблюдал, но с ранних лет во многих работах участвовал сам.

Вот о рытье ямы, канавы, погребка:

«Яма – это наука. Тяжелей всего – первый вкоп. Потом надо сделать узкую выдолбку <...> не мельче, чем на две трети штыка. <...> С каждой проходкой лопата идет легче» [1. С. 147]. Кстати, в копании земли и герой романа, и, насколько я знаю, автор, А. П. Чудаков находили наслаждение: «копал всю жизнь» и, в отличие от друзей и единомышленников, любил такие сугубо советские мероприятия, как «эти субботники, воскресники, любил *накартошку*, работу на овощебазе. <...> Меня никто не принуждал. Я воспринимал это как праздник» [Там же].

И сколько в романе на всем его протяжении таких описаний – профессиональных, с точными названиями и терминами!

Описание того, как правильно выбирать дерево, чтобы наколоть лучину.

И того, как правильно, чтобы не угореть, топить печь – целая наука.

И как делать компост из куриного помета – это из уроков деда.

Как шинковать капусту, обжаривать лук, чтобы он приобрел золотистый цвет, и что делать, чтобы такой цвет оказался у бульона; когда в холодную, а когда в горячую воду класть мясо; как вырезать плавники у рыб, как красить яйца луковым отваром, получая полдюжины оттенков, – это из уроков бабушки.

Описания предметного, вещного мира непременно соседствуют, переплетаются с экскурсами в историю, давнюю и разворачивающуюся на глазах.

Рассказанная дядькой технология золочения куполов на храмах ведет к рассказу о взрывании храма Христа Спасителя.

Ссылный ленинградец-теплотехник профессор Розенкамф, который проектировал печи муфельные, стеклоплавильные, ваграночные, находит в Чебачинске признание как эксперт по кладке печек в домах местных жителей.

Ссылный кондитер Федерату посвящает мальчика в тонкости изготовления тортов, сапожник дядя Дема – в секреты сапожного дела, стекольщик Кожека – в тайны стекла.

И на страницах романа вырастают особые словесные ряды: та или иная вещь, предмет,

то или иное дело, занятие предстают через словесные гнезда, с ними связанные, со всеми оттенками и подробностями значений. Словесные ряды предстают, например, в перечислениях трав: «перелески из кривульника, на полянах зверобой, душица, болиголов, щитовник, сныть, конский щавель, целые поляны медвянки, от ее аромата кружилась голова» [1. С. 248].

Но та же обстоятельность и полнота охвата материала, скажем, и на страницах, рассказывающих о песнях, певшихся в семье или услышанных в вагонах, у костров (автор говорит о «чувстве недопетости хором»), песнях военных, гражданской войны, дореволюционных, революционных, бурлацких, разбойничьих, шахтерских, каторжных, жестоких романах...

Здесь надо назвать одного из ближайших предшественников Чудакова-писателя.

В начале 1980-х годов Александр Павлович издал со своим предисловием книгу старого литератора Евгения Платоновича Иванова «Меткое московское слово» (1982). «Эта книга, – писал Чудаков, – о языке и быте людей самых различных профессий старой Москвы: цирюльников и парикмахеров, извозчиков и портных, сапожников и трактирных половых, банщиков и ресторанных официантов, «ловцов пернатых» и гробовщиков. <...> Автора интересует всё – внешний вид его героев, их одежда, их еда, жилье, условия их труда, сам процесс работы, заработок, образ мышления. И главное – их живая речь» [4. С. 263].

Можно сказать, что в своем романе Чудаков, подобно Иванову, уловил, собрал «этот летучий словесный материал, содержащий в себе огромные речевые богатства» [Там же].

И именно об этой, наиглавнейшей для автора стороне его творения он говорит в романе: «Мир не имел невербального существования, вещи не обладали предметной телесностью – они рисовались буквами, но это была не молчаливая буквенность – они звучали целостностью слова. И не одного – всплывала их вереница, весь синонимический ряд. Тяпка, сапка, цапка. Отделаться не удавалось, слова звенели в голове, он повторял и повторял их, пробуя на вкус; одни оказывались близки, другие враждебны, как прицепившийся репей» [1. С. 406]. «Я не видел человека, – говорит герою его товарищ, – который бы так по уши был погружен в слово» [1. С. 404].

Врожденное чувство слова («проклятие слова»), как тоже сказано в романе) накладывалось в героя (alter ego автора) на некоторые, также уникальные свойства его личности – у него

«детская фотографическая память соединяется с почти патологическим интересом ко всякому знанию. <...> В его голове задерживались все стихотворные подписи Маршака в “Правде”, почти наизусть он помнил “Гадательные советы г-жи Ленорман”, биографию Ворошилова, календарь колхозника, “Памятку кормящей матери”. <...> Надо ль избавляться от этих мириад строк и стихов, которые толпятся в голове и непрошенно всплывают по всякому поводу и без всякого повода...» [1. С. 265–267].

Отсюда феноменальная насыщенность романа рядами сведений и историй из самых разных сфер естественной и общественной жизни, из услышанного и прочитанного. С ними соседствуют размышления автора на особенно тревожащие его темы.

Он, с присущей ему «манией наилучшего предметоустройства мира» (усвоил это у деда), думает о том, «как заставить русский народ не запакощивать лик Земли», о том, что «нужна защита психики современного человека от стремительно растущей агрессии вещей, красок, от слишком быстро меняющегося мира» [1. С. 380]. И эти, затрагивающие самые насущные вопросы современного бытия размышления соседствуют с вроде бы случайно набредавшими ассоциациями, воспоминаниями о предметном, вещном мире детства.

И тут можно вспомнить то, как виделся Чудакову художественный мир его любимого Чехова, о чем он писал в своей первой книге.

«Случайностный способ у Чехова универсален. <...> Предметный мир чеховской художественной системы предстает перед читателем в его случайностной целостности. <...> Творчество Чехова дало картину мира адогматическую и неиерархическую, не освобожденную от побочного и случайного, равно учитывающую все стороны человеческого бытия, – картину мира в его новой сложности» [3. С. 168, 187, 282].

Идея случайностного принципа, господствующего на всех уровнях художественного мира Чехова, стала, пожалуй, самой яркой и вызывающей в концепции его первой книги. Она не просто вызвала многочисленные отклики – от не критического усвоения до неприятия. В статье главного на тот момент по его служебному положению чеховеда, директора института, в котором Чудаков работал, идеи неканонического понимания Чехова были приравнены чуть ли не к национальной измене. Но от любимой идеи Чудаков не отказался и в дальнейшем: «Вопрос о случайностном – цен-

тральный в искусстве Чехова. <...> Чеховская равномерность внимания между всеми явлениями жизни...» [2. С. 364, 365].

Несколько лет спустя, когда Чудаков написал в журнал «Вопросы литературы» доброжелательную рецензию на книгу об интерпретации прозы Чехова, тот же всемогущий на тот момент деятель распорядился изъять текст статьи из уже сверстанной книжки журнала. Эта так и не опубликованная работа Чудакова хранится у меня.

Александр Павлович Чудаков успел написать и опубликовать удивительно много. Не-

оспоримым авторитетом и всеобщей любовью он пользовался в содружестве чеховедов. Начиная с его первой книги, «Поэтики Чехова», он стал пролагателем новых путей, каждой новой своей работой подтверждая, что «Чехов неисчерпаем». Его книги вызывали бессильный гнев литературных консерваторов и получали благодарное признание в разных уголках земного шара. Пути, им проложенные, навсегда останутся в науке о Чехове. Я услышал от коллеги из Китая: «Пока будут читать Чехова, будут читать и Чудакова, и всех вас...».

Список литературы

1. Чудаков, А.П. Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия / А. П. Чудаков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 512 с.
2. Чудаков, А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – М.: Советский писатель, 1986. – 384 с.
3. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – М.: Наука, 1971. – 291 с.
4. Чудаков, А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого / А. П. Чудаков. – М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.

Сведения об авторе

Катаев Владимир Борисович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

kataev2003@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).

Philology Sciences. Issue 100. Pp. 61–64.

WRITER, PHILOLOGIST, MAN (ABOUT A P. CHUDAKOV)

V. B. Kataev

Moscow State University. kataev2003@yandex.ru

The article concerns rich varieties of interests and creative realizations of Aleksander Chudakov – philologist and writer, author of novel-idyll “The gloom is lying on old steps...” There are full harmony and correspondence between the image of the novel’s author and his personality, between the principles and favorite ideas of his scientific works and the principles and techniques realized in his novel construction.

Keywords: *artwork, written by philologist; family saga; vision of things and spiritual phenomena; Chekhov’s artistic world.*

References

1. Chudakov A. P. *Lozhitsya mgla na starye stupeni. Roman-idylliya* [The gloom is lying on old steps. The novel-idyll]. Moscow, 2001. 512 p. (In Russ.).
2. Chudakov A. P. *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov’s peace: Appearance and the assertion]. Moscow, 1986. 384 p. (In Russ.).
3. Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Chekhov’s poetics]. Moscow, 1971. 291 p. (In Russ.).
4. Chudakov A. P. *Slovo – veshch’ – mir. Ot Pushkina do Tolstogo* [Word – thing – peace. From Pushkin to Tolstoy]. Moscow, 1992. 320 p. (In Russ.).

УДК 81.13, 81.37
ББК 80/84 III

С. В. Киселева, Т. С. Росянова

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ (на материале английской экономической терминологии)

На примере экономической терминологии рассматриваются особенности научной концептуализации и категоризации мира, включающие вербальные и невербальные компоненты. В центре внимания авторов находятся экономические микротерминосистемы матричного типа. Утверждается, что графическое сопровождение экономической концепции позволяет специалистам ясно, кратко и наглядно представить логическую структуру знания.

Ключевые слова: *когнитивное терминоведение, термин, английская экономическая терминология, экономическое знание, концептуализация, микротерминосистема матричного типа.*

Навыки эффективного общения рассматриваются в наше время как одна из важнейших составляющих профессионального и личностного успеха человека.

Сообщения в вербальном, словесном виде составляют только небольшую часть информационного обмена в современном мире. В остальных случаях обмен информацией осуществляется в неязыковых формах, и ее носителями являются как невербальные сигналы, так и вещи, предметы и другие материальные носители [3. С. 21].

Зрительная информация, согласно Р. Солсо, кодируется в виде внутренней картины и реактивируется путем воспроизведения этой картины, как при просмотре альбома. Гипотеза двойного кодирования Пэвио, Бауэра и Брукса предполагает, что существуют две системы кодирования и хранения – вербальная и образная, и информация может кодироваться и храниться как в любой из них, так и в обеих сразу. Эти два кода – образный и вербальный – могут перекрываться при обработке информации, с большим акцентом на одном из них. Левое полушарие мозга связано с вербальной памятью, в то время как правое полушарие – с памятью зрительного восприятия. [5. С. 286, 292]. Для целей настоящего исследования важно отметить, что образы обладают организующими свойствами и играют важную роль в памяти и обучении.

Визуальный канал коммуникации позволяет использовать для передачи сообщения различные системы невербальных символов, знаков и кодов. Невербальная коммуникация обогащает и развивает смысл речевого сообщения, и в то же время не зависит от семантики речи

[3. С. 126]. Зрительный материал способствует не только адекватному восприятию вербальной информации, но и ее глубокому осмыслению, переработке и более быстрому запоминанию. Образный ряд, наряду с вербальным рядом, может составлять единый компонент информационного обмена. В этом случае визуальные средства помогают фиксировать необходимый объем передаваемых знаний и социального опыта.

Исторический опыт человеческого общения свидетельствует о том, что невербальная сторона коммуникации более древняя и несловесное общение имеет глубинные корни, уходящие в условия выживаемости и развития человека как биологического вида [6. С. 22]. Зрительные восприятия, по мнению С.Л. Рубинштейна, являются наиболее объективированными восприятиями человека и имеют большое значение для познания и практического действия [4. С. 68]. Зрительная система является самым мощным источником информации о внешнем мире.

Профессиональной коммуникации, которая выделяется в последние годы как академическая дисциплина и особая область коммуникационных исследований, посвящены обширные труды. Необходимость повышения эффективности профессиональной коммуникации осознается специалистами различных научных и технических областей.

Визуализация как значимый технический прием в науке и научном образовании рассматривается в монографии под редакцией Дж. Гилберта (Gilbert, 2005). Различные схемы, графики и диаграммы представляют различные уровни информации, например, категоризирующую информацию. При этом

структура и содержание визуализации должны отражать целевую ментальную структуру, восприниматься легко и пониматься точно. Так, исследователями предлагаются два когнитивных принципа создания эффективных визуализаций: Принцип Конгруэнтности и Принцип Постижимости (the Congruence Principle, the Apprehension Principle). Многие научные визуализации представляют собой структурные или процессуальные диаграммы [7. С. 37].

В настоящей работе на материале английских экономических терминов рассматриваются примеры научной концептуализации и категоризации мира, включающие вербальные и невербальные компоненты.

В когнитивном терминоведении, по словам Е. И. Головановой, на смену системно-структурному описанию терминов и терминосистем, их понятийных и лингвистических характеристик, приходят методы когнитивного моделирования терминологий с целью дифференциации типов и видов знаний, транслируемых ими, и выявления многообразия форматов профессионального знания [1. С. 7].

Английская экономическая терминология характеризуется большим количеством номинативных инноваций, поскольку сложные концептуальные структуры требуют особой научной репрезентации стоящих за ними когнитивных структур.

В качестве иллюстрирующих примеров взаимодействия вербальной и невербальной составляющих профессиональной коммуникации в настоящей работе мы рассматриваем три микротерминосистемы «матричного типа».

Микротерминосистемы «матричного типа» состоят из главного термина-гиперонима (название матрицы) и совокупности четырех иерархически равноправных и взаимосвязанных терминов-согипонимов, номинирующих целостную концепцию в компактном виде по принципу ориентирующего фрейма.

Стратегические матрицы начали использоваться в экономике с начала 1960-х годов. Матрица Бостонской консалтинговой группы (Boston Matrix) «рост-доля рынка» (*growth-share matrix*) является одной из первых моделей портфельного анализа и моделирует логическую структуру экономического знания, организованную в вербальном и невербальном формате. Номенклатура (товарный портфель фирмы), согласно матрице БКГ, может включать четыре категории товаров: «звезды»

(*stars*), «дойные коровы» (*cashcows*), «собаки» (*dogs*), «знаки вопроса» (*question marks*).

Формат знания, который представлен в матрице Бостонской консалтинговой группы (БКГ), требует иллюстративного графического сопровождения. В экономических монографиях матрица Бостонской группы обсуждается вместе с ее графической репрезентацией – диаграммой в форме квадрата с четырьмя ячейками, содержащими категоризирующие термины-согипонимы (*stars, cash cows, dogs, question marks*). Таким образом, организационная структура экономического знания усложняется и «разворачивается» от линейной синтагматической до двумерной плоскостной.

В соответствии с теорией двойного кодирования Пэвио, сочетание вербальной и визуальной информации облегчает обучение и запоминание. Множественные форматы представления знаний создают ключи для множественного кодирования и извлечения информации из памяти.

Помимо Бостонской матрицы, существуют также и другие – матрица Ансоффа, матрица МакКинзи, матрицы PEST и SWOT-анализа. PEST-анализ представляет собой оценку важнейших для предприятия факторов макроокружения. Акроним PEST представляет собой инициальное сокращение четырех терминов-согипонимов, характеризующих внешнюю среду: *political, economic, socio-cultural, technological forces*. Родовой термин-гипероним PEST представляет логическую структуру знания в матричном формате и в экономических текстах сопровождается иллюстрирующей диаграммой – квадратом, содержащим по углам соответствующие внешние «силы» макроокружения предприятия.

SWOT-анализ является экспресс-методом определения возможностей и трудностей организации и предшествует перспективному (стратегическому) планированию. Концептуализирующий акроним SWOT характеризует преимущества (*strengths*), слабости (*weaknesses*), возможности (*opportunities*) и угрозы (*threats*) организации на рынке. Вербальная терминологическая информация (категоризирующие термины-согипонимы *strengths, weaknesses, opportunities, threats*) неразрывно связана с невербальным представлением ментальной структуры знания. Диаграммы матричного вида обеспечивают передачу всей полноты концептуального содержания данной микротерминосистемы.

Зарубежными учеными констатируется, что визуальное представление профессиональной информации способствует активному вовлечению специалистов в когнитивные процессы. Визуализация помогает построению ментальных моделей, соединяя новую информацию с предшествующими знаниями [7. С. 54].

Е. С. Кубрякова отмечала, что когнитивная наука поставила своей основной целью исследование разума и интеллекта человека как системы, отвечающей за все виды его деятельности с информацией и обеспечивающей нормальное протекание разнообразных ментальных процессов (прежде всего, процессов мышления), и эта система понималась как охватывающая все когнитивные способности человека – внимание, восприятие, воображение и т. д. [2. С. 105].

Исследования терминов и микротерминистем, вовлекающих образную составляющую, расширяет научные представления о процессах терминологической номинации. С нашей точки зрения, использование визуальных каналов восприятия профессиональной информации и, следовательно, взаимодействие вербальных и невербальных аспектов ее представления создает дополнительные возможности для творческих поисков и научных открытий. Хранение и распространение научных знаний, таким образом, происходит как в линейном пространстве текстов, так и в двумерном пространстве образов. С нашей точки зрения, данный вид терминологической номинации следует отнести к гибриднему (бинарному), поскольку в нем используются возможности как левого, так и правого полушария мозга.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие / Е. И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 224 с.
2. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
3. Николаева, Ж. В. Основы теории коммуникации : учеб. пособие / Ж. В. Николаева. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. – 274 с.
4. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. Т. 1. – М.: Педагогика, 1989. – 486 с.
5. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
6. Тимофеев, М. И. Деловое общение : учеб. пособие / М. И. Тимофеев. – М.: РИОР, 2004. – 125 с.
7. Gilbert, J. K. Visualisation in science education / J. K. Gilbert. – Netherlands: Springer, 2005. – 375 p.

Сведения об авторах

Киселева Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

svkiseljeva@bk.ru

Росянова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург).

rosyanova@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 65–68.*

**VERBAL AND NON-VERBAL ASPECTS
OF PROFESSIONAL REPRESENTATION OF INFORMATION
(based on the English economic terminology)**

S. V. Kiselieva

Saint-Petersburg State University of Economics. svkiseljeva@bk.ru

T. S. Rosyanova

*North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of national
Economy and Public Administration. rosyanova@mail.ru*

In the present work, based on the material of English economic terms, examples of scientific conceptualization and categorization of the world, including verbal and nonverbal components are being discussed. The subject of our study are economic “matrix type” microsystems of terms, which consist of the main hyperonym term (matrix name) and of the sum total of four hierarchically equal and inter-related terms – cohyponyms, nominating a holistic concept in a compact form according to the principle of orienting the frame. Strategic matrix has been used in Economics since the early 60-ies. Matrix of the Boston consulting group (Boston Matrix) “growth-market share” (growth-share matrix) is one of the first models of portfolio analysis and it models the logical structure of economic knowledge, organized in verbal and non-verbal format. Cognitive approach in terminology study allows us to consider the semantics of the term as a result of human cognitive activity. The accompanying graphics, which is an integral part of the economic concept, gives the opportunity to the experts to visualize the logical structure of knowledge in a clear and concise way.

Keywords: *cognitive terminology, term, English economic terminology, economic knowledge, conceptualization, matrix type microterminosystems.*

References

1. Golovanova, E.I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction into Cognitive Terminology Study]. Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.).
2. Kubrjakova E.S. *V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija* [In search of the essence of language: Cognitive Studies]. Moscow, 2012. 208 p. (In Russ.).
3. Nikolaeva Zh.V. *Osnovy teorii kommunikacii* [Basic theory of communication]. Ulan-Ude, 2004. 274 p. (In Russ.)
4. Rubinshtejn, S.L. *Osnovy obshhej psihologii* [Fundamentals of general psychology], vol. 1. Moscow, 1989. 486 p. (In Russ.).
5. Solso R.L. *Kognitivnaja psihologija* [Cognitive Psychology] Moscow, 1996. 600 p. (In Russ.).
6. Timofeev M.I. *Delovoe obshhenie* [Business communication]. Moscow, 2004. 125 p. (In Russ.).
7. Gilbert J.K. *Visualisation in science education*. Netherlands, 2005. 375 p.

УДК 81-13:811.161.1
ББК 81

А. В. Колмогорова

ТЕРМИН КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Обсуждаются особенности функционирования терминов в профессиональной коммуникации как единиц, обладающих значительным воздействующим потенциалом социально-статусной интеракции. На основе анализа дискурсивного взаимодействия в профессиональной среде лингвистов делаются наблюдения, свидетельствующие о наличии у термина определенного прагматического значения, которое может актуализироваться для решения разнообразных коммуникативных задач: от нанесения ущерба социальному «лицу» партнера по коммуникации до спасения «лица» собеседника в ситуации профессионального риска.

Ключевые слова: *термин, идентичность, социальное «лицо», профессиональная коммуникация, прагматическое значение.*

Современное терминоведение рассматривает термин в широком когнитивном, лингвоперсонологическом, коммуникативном контексте. «Термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной среде и важнейшим элементом профессиональной коммуникации», отмечает Е. И. Голованова [1. С. 58].

Однако в связи с экспансионизмом (в хорошем смысле этого слова) терминоведения в сферы когниции и коммуникации, а также на основе многолетней практики наблюдения за научными дискуссиями, хотелось бы поставить вопрос о том, есть ли у термина, наряду с логико-понятийным и когнитивным содержанием, некое прагматическое значение? На примере одной имевшей место в реальной коммуникации интеракции рассмотрим роль термина в коммуникативно-дискурсивных процессах конструирования идентичности и оперирования социальным «лицом» (сохранение лица / угроза лицу) в процессе профессиональной научной коммуникации.

Понятие идентичности включает в себя самые различные аспекты того, кем люди являются, как они идентифицируют сами себя и/или, как они хотят, чтобы их идентифицировали социальные партнеры. В рамках социального конструктивизма и интеракциональной теории в дискурс-анализе и социологии [7; 8] выделяют три основных вида идентичностей: базовая – это те аспекты индивидуальности, которые предположительно являются относительно стабильными и неизменными (гендер-

ная принадлежность, этническая принадлежность, возраст, религиозная принадлежность); интеракциональная или ролевая идентичность – это специфические роли, которые люди исполняют в коммуникативном контексте в зависимости от типа ситуации и коммуникативного партнера (друг, разносчик пиццы, начальник, пассажир и т. д.); личные идентичности – это личностные аспекты «Я» (смелый, трусливый, сообразительный, с хорошим слухом, застенчивый, умеющий рисовать и т. д.) [4]. То, чем «Я» каждого человека дорожит при самоидентификации и желает, чтобы и другие видели это, то есть, ценностный аспект идентичностей сосредоточен в понятии «лица» – собственная репутация, которую люди пытаются поддерживать, как для самого себя, так и в глазах других, либо репутация партнеров по коммуникации, которую можно сохранить и укрепить или, наоборот, разрушить.

Рассмотрим пример интеракции:

1. А: Уважаемая Х, я, конечно, не буду вас спрашивать о русских говорах . всё же не диалекты, а говоры.
2. Вот я хочу задать вопрос по исследованию.
3. В качестве объекта вашего исследования это монологические диалектные тексты, явления русского языка # жест расслабленной кистью на уровне груди «от себя»# или феномены русского языка.
4. Вы его исследуете с использованием, ну, не совсем русской методологии.
5. У вас встречается такое выражение, как лингвокультурологический, такой научный

эпитет, лингвокультурологический или лингвокультура, но это не # жест «змейка» вниз расслабленной кистью руки# совсем чисто русская традиция в исследовании монологических текстов, на мой взгляд # указательный жест кистью руки на себя #.

6. Как вы полагаете, вопрос в следующем, как вы полагаете, можно изучать русские говоры в свете нерусской терминологии?

7. **Диссертант:** Смотри что понимать под лингвокультурологическим в данном случае.

8. Лингвокультурологический аспект. Что здесь имеется в виду/имеется в виду насколько в диалектном тексте отражены ценностные ориентиры носителей диалекта, система ценностных взглядов на жизнь.

9. Это имеется в виду.

10. **А:** Вы всё же используете не понятие картины мира.

11. А почему вы не используете понятие картины мира, а используете «лингвокультура»?

12. **Диссертант:** я использую и то, и то.

13. **А:** Нет\ у вас в вашем слове #вертикальное движение сверху вниз кистью руки, согнутой под прямым углом к запястью# звучало #горизонтальный жест кистью руки слева направо # «лингвокультура».

14. **Б:** Я не слышал.

15. **В:** Я тоже не слышал.

16. **А:** А / я \ слышал.

17. **Г:** Ну термин используется в русистике.

18. **В:** Но термин буржуазный, [я согласен.

19. **А:** Термин бурж]уазн[ый]#смеётся#

20. **Д:** Лучше «язы]ковая картина мира»

Итак, интеракция происходит в условиях институционального дискурса – процедуры обсуждения на соответствующей кафедре кандидатской диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности «русский язык». Таким образом, в рамках данной интеракции будущий диссертант должен продемонстрировать тот уровень профессиональных компетенций, который позволит ему «перейти» на новую ступень по профессиональной иерархической лестнице. Фрагмент, который мы хотим проанализировать, приходится на ту часть процедуры обсуждения, которая протекает в жанре «ответы на вопросы». Пожалуй, в социальном плане, в плане угрозы «лицу» диссертанта, это наиболее ответственный и рискованный момент одновременно – именно содержательность, релевантность ответов на вопросы коллег влияет в наибольшей степени на оценку

уровня профессиональных компетенций соискателя кафедры.

Другой важный момент состоит в том, что большинство присутствующих членов кафедры – специалисты в области русского языка.

Наконец, подчеркнем, что аргіогі данная коммуникация ориентирована на конструирование интеракциональной идентичности ее участников, что подразумевает фокусирование на их профессионально-статусных ролях (эксперты, неофиты, дилетанты, молодые специалисты и т. д.).

Анализируемая интеракция начинается с разновидности риторической фигуры паралепсиса, когда говорящий А. пространно сообщает то, о чем он якобы спрашивать, говорить не будет, но что, как оказывается, уже говорит и спрашивает. При этом А. использует не тот термин для обозначения объекта обсуждаемого исследования, который использовала сама соискательница: он заменяет термин «диалект» на «говор» и затем комментирует свою замену («всё же не *диалекты*, а *говоры*). В данном случае замена одного термина другим является важным дискурсивным действием, направленным на конструирование своей профессиональной идентичности – сразу обозначаются позиции в профессиональной иерархии (само право замены термина свидетельствует о более высоком «профессиональном» ранге коммуниканта, а факт замены говорит о владении большим объемом специальных знаний, позволяющих заметить ошибку или неточность). Этой же заменой производится акт укрепления социального лица говорящего при одновременной слабо артикулированной угрозе «лицу» соискательницы.

В реплике 3 А., дойдя до сочетания «явления русского языка», делает яркий жест (до этого момента жестикация отсутствовала) кистью руки от себя, что можно интерпретировать как «ключ контекстуализации» (в терминах Дж. Гумпеца) – именно этот жест предопределяет развертывание дальнейшей интеракции вокруг такой базисной идентичности, как национальность, в данном случае – русскость. Данным жестом говорящий как бы устанавливает свою идентичность – специалист в области русского языка. Далее А. прибегает к риторическому приему коммодации, выражая одну и ту же идею несколькими разными словами о том, что термин «лингвокультура», используемый соискательницей, принадлежит «ну не совсем русской методологии»; «не совсем чи-

сто русская традиция...», тем самым продолжается конструирование собственной интеракциональной, профессиональной идентичности за счет апелляции к базовой национальности (я – «русский филолог»). При этом усиливается угроза социальному лицу диссертанта (я – русский филолог, а Вы?). Характерно при этом появление другого ключа контекстуализации – жеста «змейка», «выдающего» актуализацию концепта КРИВИЗНА в языковом сознании личности (ср., например, замечание Е. А. Гришиной о том, что жест есть вертикальная развёртка того же смысла, который разворачивается в речи линейно-горизонтально [2]). Кривизна – это всегда отклонение от нормы, от правила и «правильности», тип поведения со знаком «минус» [6]. Сочетание риторических приемов диакопы (повторения в одном контексте однокоренных слов) и антитезы (*изучать русские говоры в свете нерусской терминологии*) усиливает впечатление отклонения от нормы.

В своем ответе соискательница пытается уйти от проблематики базовой идентичности (русскости), обратившись к когнитивному содержанию термина в ее профессиональной картине мира. Ее научный оппонент, кажется, принимает такие условия, возвращаясь к интеракциональной идентичности «профессионал» при помощи апелляции к другому термину – «языковая картина мира»: почему вы не используете термин «языковая картина мира», а используете «лингвокультура»? Причём пассаж «вы не используете термин “картина мира”» повторяется (реплики 10–11), что наводит на мысль о некой дополнительной имплицатуре, актуализируемой данным термином. Настойчивость, с которой говорящий интересуется, почему используется термин «лингвокультура», превращает речевой акт, зафиксированный в реплике 11, из рогатива в обвинение. Над «лицом» соискателя нависает серьезная угроза, смягчить которую помогают реплики участников интеракции Б. и В., которые утверждают, что обвинение не обосновано, поскольку термин произнесен не был. Научный оппонент настаивает, что термин слышал. Поскольку дискуссия из плана интеракциональных и базовых идентичностей была переведена при помощи фокусирования на акте перцепции присутствовавших (слышал/не слышал) в менее рискованный и более повседневный, бытовой план личных идентичностей (личные, в том числе и перцептивные, качества

человека), общая напряженность коммуникации была снята, так же, как и угроза профессиональному «лицу» диссертанта. Однако, поставив под сомнение факт произнесения термина, что позволило «вывести из-под удара» профессиональную компетентность соискателя, Б. и Д. предпочли не наносить ущерба и лицу коммуниканта А., согласившись с тем, что термин «лингвокультура» не совсем русский (он – «буржуазный»), и термин «языковая картина мира» лучше, из чего можно вывести, что это более «русский» термин. В результате вновь возникает апелляция к базовой идентичности – национальному фактору, для конструирования интеракциональной профессиональной идентичности, только теперь уже без конкретной референциальной отнесенности этой идентичности к какому-либо конкретному лицу, поскольку факт употребления данного термина диссертанткой поставлен под сомнение.

Таким образом, мы можем наблюдать, что:

1) с точки зрения логико-понятийного содержания термины «лингвокультурология» и «языковая картина мира» не только не противоречат друг другу, но, отчасти, накладываются друг на друга, поскольку функционируют как холоним и мероним: «лингвокультурология» – раздел языкознания, для которого термин «языковая картина мира» является ключевым, поскольку обозначает ее объект:

Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании определенного языкового коллектива и *отраженная в его языке совокупность знаний и представлений о мире, способ восприятия объективной действительности*: устройства мира, взаимосвязи его объектов, места человека в этом мире и т. д. [5. С. 21].

Лингвокультурология – это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая *проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке* [3. С. 9].

2) с точки зрения когнитивного содержания терминов, для одной профессиональной языковой личности «лингвокультурология» и «языковая картина мира» были категоризированы по-разному: первый термин попал в категорию «западная лингвистика», а второй – «отечественная лингвистика» (версий, почему это произошло, мы касаться не будем); в то время как в профессиональной картине мира другой профессиональной языковой личности данные два термина помещены в единую категорию,

категориальным концептом для которой выступает концепт ЦЕННОСТЬ;

3) опираясь на свой более высокий социальный статус, коммуникант А. воспользовался «когнитивным диссонансом» в содержании терминов в его собственном когнитивном опыте и опыте своего визави и манипуляция обсуждаемыми терминами была им использована а) для конструирования собственной ролевой идентичности (русский филолог) через опору на базовую идентичность (национальность), б) для укрепления собственного «лица» при в) одновременном нанесении ущерба «лицу» диссертантки (защищаясь по специальности «русский язык», являетесь ли вы русским филоло-

гом?); в дальнейшем же коммуниканты Б. и Д. используют те же два термина для сохранения оказавшегося в ситуации профессионального риска «лица» А.

Таким образом, «лингвокультурология» и «языковая картина мира», оставаясь единицами терминосистемы и средствами профессиональной коммуникации, обнаружили себя и как обладающие воздействующим потенциалом эффективные инструменты в социально-статусной интеракции.

Возникает вопрос о том, обладают ли термины прагматическим значением? На наш взгляд, наблюдения показывают, что на данный вопрос можно ответить утвердительно.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е. И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 224 с.
2. Гришина, Е. А. Кванторные слова, жестикуляция и точка зрения / Е. А. Гришина // Материалы международной научной конференции «Диалог-2015» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Т. 1. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. – С. 183–201.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2001. – 208 с.
4. Трейси, К. Повседневный разговор. Строение и отражение идентичности: пер. с англ. / К. Трейси, Дж. Роблз. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2015. – 448 с.
5. Хайруллина, Р.Х. Сопоставительная лингвокультурология: учеб. пособие / Р. Х. Хайруллина. – Уфа: Мир печати, 2014. – 139 с.
6. Яковлева, Е. С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 268–277.
7. Gumperz, J. J. Language and Social Identity / J. J. Gumperz. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982. – 388 p.
8. Labov, W. Sociolinguistic Patterns / W. Labov. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1972. – 456 p.

Сведения об авторе

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск).

nastiakol@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 69–73.*

TERM AS A TOOL FOR CONSTRUCTION OF IDENTITY IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

A. V. Kolmogorova

Siberian Federal University. nastiakol@mail.ru

The article deals with the specific features of term functioning in professional communication. We argue that the term is a powerful tool of manipulation in status oriented social interaction. Analyzing

linguists' professional discourse, we assume that in such communicative context a term could gain a certain pragmatic value contributing to realize very different aims: from making the communicative partner to lose his social face to saving the interlocutor social face in situation of professional risks.

On the data of linguistic discussion script and applying discourse analysis methodology we show the ways the professionals take for displaying different social attitudes and construction of social identities by manipulating two linguistic terms “linguistic worldview” and “lingvoculture”. Correlating in linguistic tradition as meronym and holonym, in the interaction under examination the first term is interpreted as a marker of Russian scholarship while the second is perceived as a “western term”. In their joint activity, four professionals negotiate their social positions abusing both their status roles and terminology. In the article, we observe the wide range of functions that these two terms taken as identity markers can perform in institutional communication.

Keywords: *term, identity, social face, professional communication, pragmatic value.*

References

1. Golovanova E.I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction into Cognitive Terminology Study]. Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.).
2. Grishina E.A. Kvantornye slova, zhestikuljacija i tochka zrenija [Word quantation, gesturing and point of view]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Dialog-2015»* [International Scientific Conference “Dialogue”] (Moscow 27–30 may 2015), vol. 1. Moscow, 2015. Pp. 183–201 (In Russ.).
3. Maslova V.A. *Lingvokul'turologija* [Studies in Lingvoculture], Moscow, 2001. 208 p. (In Russ.).
4. Tracy K., Robls J. *Povsednevnyj razgovor. Stroenie i otrazhenie identichnosti* [Everyday Conversation. Structure and Identity Construction]. Khar'kov, 2015. 448 p. (In Russ.).
5. Hajrullina R.H. *Sopostavitel'naja lingvokul'turologija* [Contrastive Studies in Lingvoculture], Ufa, 2014. 139 p. (In Russ.).
6. Jakovleva E.S. Prostranstvo umozrenija i ego otrazhenie v russkom jazyke [Reflexion as Space and its Linguistic Representation]. *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv* [Logic Analysis of Language. Language of Spaces]. Moscow, 2000. Pp. 268–277 (In Russ.).
7. Gumperz J.J. *Language and Social Identity*. Cambridge, 1982. 388 p.
8. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia, 1972. 456 p.

УДК 81-13
ББК 81.2-4

З. И. Комарова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

В статье рассматривается сложный характер взаимодействия компонентов теоретико-методологической базы современной русской терминологии. Автор выявляет структуру проблематики терминологии, обосновывает базовые методологические установки современной русской терминологии.

Ключевые слова: *гносеологические проблемы терминологии, объектно-предметная сфера терминологии, методы терминологии, дефинирование терминологии.*

Опираясь на методологический принцип единства и взаимодействия теории и практики с учетом исторически сложившихся традиций в науках, интегрированных терминологией (прежде всего, в языкознании, лексикографии, терминоведении и др.), можно выявить, как неоднозначно и даже мучительно решается **основной проблемный гносеологический вопрос** современной русской терминологии: как, с помощью каких терминологических средств адекватно репрезентировать научное знание в словарной форме с целью эффективного использования полученного продукта – терминологического словаря.

Это кардинальная проблема включает пять основных блоков гносеологических проблем терминологии:

- роль специальной лексики, прежде всего терминов в научном познании;
- формирование и развитие систем понятий (обыденных и научных);
- динамика терминологий, терминосистем, подязыков;
- тип мышления и языковое сознание современной языковой / профессиональной личности;
- понятийно-категориальный аппарат современной терминологии и ее методологический арсенал (методология ↔ метод ↔ методика ↔ технология).

Поиск **объектно-предметной** сферы терминологии является очень сложной проблемой, которая решается неоднозначно и противоречиво, что объясняется объективными и субъективными факторами, одним из которых является объективная возможность альтернативных решений, обусловленных онтологической природой описываемых в словаре

объектов и состоянием науки и практики терминологии данного периода. Иначе говоря, ее объектно-предметная сфера обусловлена множеством факторов: историческим развитием науки, этапом ее развития, направлением, аспектом, научной школой и т. д. Кстати, сама филиация направлений и аспектов терминоведения, языкознания, лексикографии и терминологии имеет объектно-предметное основание. Потому эта сфера терминологии имеет многовекторный характер, обуславливающий множество объектов и предметов изучения.

В связи с этим в отечественной научной литературе по терминологии называется много объектов, чаще всего это такие обобщенные объекты, как термин, терминология, терминосистема, причем на первом месте – термин, к примеру: «единица описания в терминологическом словаре –термин. Но вслед за этим возникает много вопросов, так как неясно, что такое термин как объект описания» [1. С. 49].

В ряде работ объекты расширяются до двух или трех названных. Иногда объектом считается вся специальная лексика [9. С. 204] и, наконец, ЯСЦ. В ряде наших работ 90-х годов XX в. под объектом терминологии понимались «термины, их элементы, отношения между терминами и их элементами, совокупности терминов: терминологии и терминосистемы» [5. С. 19].

В некоторых работах понятия объекта и предмета терминоведения и, следовательно, терминологии не дифференцируются [1; 2. С. 217; 8]. Более того, некоторые исследователи эти понятия используют недифференцированно по отношению к терминологическому словарю как формату презентации терминологических данных и терминологии как

научно-прикладной дисциплине, например, в приведенном выше высказывании, см.: [1].

Исходя из этого, под объектом терминографии в наши дни будем понимать всё то, что может быть описано в словарном формате, то есть вся терминологическая действительность, реальность. А если эту абстракцию конкретизировать, то это «может быть любой знак, встречающийся в связных текстах данной отрасли, знания и занимающий свое позиционное место в модели терминосистемы» [2. С. 117], то есть не только словесные знаки ЯСЦ, но и любые знаки (например, формулы, символы.) графического метаязыка [6. С. 712] в их взаимоотношениях.

Объект словаря произведен от объекта терминографии и составляет всю объектную сферу терминографии, реализованную в словарной форме, «наиболее удобной для терминологических задач» [8. С. 199].

Основным (обобщенным) предметом терминографии следует считать разработку методологии, методов, методик и технологий для проектирования, составления и наиболее эффективного использования терминологических словарей для различных целей. Вторым обобщенным предметом является сама словарная форма презентации объектной сферы, то есть терминологический словарь, что, с одной стороны, роднит терминографию и лексикографию, но, с другой стороны, содержание, охватываемое этой формой, иное, специфическое, что разграничивает эти две смежные области.

Основными задачами терминографии являются:

- выработка принципов и способов фиксации объектной сферы терминографии в терминологических словарях разных типов и жанров с целью их наиболее эффективного использования;

- освоение, описание и контроль за функционированием терминов, терминологий, терминосистем, ЯСЦ / LSP с «помощью адекватных процедур» (А. Рей).

Методы терминографии базируются на синтезе общелингвистических (И. А. Арнольд, О. С. Ахманова, Н. Ф. Алефиренко, В. П. Даниленко, В. В. Виноградов, А. Е. Карлинский, З. И. Комарова, Ю. С. Степанов, З. К. Тарланов, В. Н. Токарева, О. Н. Трубочёв и др.), лексикографических (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. П. Евгеньева, А. М. Бабкин, С. С. Ковтун, Н. Ю. Шведова, П. Н. Денисов, Г. А. Богато-

ва, В. В. Морковкин, Р. Н. Складневская и др.) и терминологических методов (В. М. Лейчик, Е. А. Карпова, В. А. Татаринев, Е. И. Голованова, В. Ф. Новодранова и др.).

О специфических, «терминографических» методах на данном этапе развития терминографии можно говорить только с известной долей условности. Ясно, что все группы методов пока находятся в отношениях взаимодополнительности и модифицированности [9. С. 209]. Возможно, в качестве метода терминографии можно назвать конструирование словарей, которое из методики (движется) оформляется в метод.

Проблематика терминографии широко обсуждается в соответствующих публикациях. Обобщение этих работ дает следующую систему проблематики терминографии.

I. Методологические и методические проблемы:

- 1) разработка методологических принципов, методик и технологий создания терминографических словарей;

- 2) создание научно обоснованной типологии специальных словарей;

- 3) выработка принципиальных требований к терминографическим произведениям с учетом принципов преемственности и внедренности терминологических единиц;

- 4) определение основных параметров терминологического словаря;

- 5) выработка мега-, макро- и микроструктуры словаря, то есть проблема «словаростроения» (термин Ю. Н. Караулова);

- 6) выработка основных приемов описания объектов словаря;

- 7) семантизация объектной сферы словаря в словарях разных типов;

- 8) компьютеризация работы по созданию словарей и построение компьютерных словарей.

II. Проблемы мега-структуры словаря являются относительно новыми, отсюда много вариативных решений, обоснованных и необоснованных [1. С. 47].

III. Проблемы макроструктуры словаря напрямую связаны с методологическими и методическими аспектами терминографии (см. I):

- 9) назначение словаря;

- 10) авторская установка словаря (читательский адрес);

- 11) функции словаря;

- 12) дескрипционная ориентация словаря;

- 13) тип словаря и его жанровая разновидность;

- 14) объем словаря;
- 15) источники словаря и принципы отбора материала.
- 16) порядок расположения словарных статей: алфавитный, гнездовой, обратный, тематический, пермутационный, смешанный;
- 17) состав вспомогательных указателей и приложений;
- 18) способы подачи составных терминов;
- 19) способы описания многозначных и омонимических терминов и подача синонимов;
- 20) способы подачи вариантов терминов.

IV. Проблемы микроструктуры словаря как способа организации материала в разных зонах словарной статьи на основе принципа параметризации и выбора реквизитов-параметров:

- 21) регистрационные реквизиты (номер, дата регистрации, источник, автор записи, комментарий);
- 22) формальные реквизиты (информация о произношении, написании, графическая и грамматическая информация, данные о варьировании вокабулы);
- 23) этимологические параметры (дата первого появления, источник, модель образования, аналогичные формы, стадия развития);
- 24) реквизиты атрибуции (тематическая, стратификационная, географическая, стилистическая и др.);
- 25) интерпретационные параметры (тип определения значения / семантизация, тип иллюстративного материала, система помет);
- 26) прагматические реквизиты (дистрибутивный и нормативный статусы, хронологические, ареальные);
- 27) ассоциативные параметры (родовые и видовые термины к анализируемому, иноязычные эквиваленты, соподчиненные и пересекающиеся термины, информация о сочетаемости)

В зависимости от типа словаря, его жанровой разновидности, его предназначенности, целей и задач осуществляется выбор проблем, необходимых и достаточных для проектируемого словаря, а также выбор параметров для этого словаря.

Эта описанная неполная система, суть которой заключается в том, что «параметры могут совмещаться друг с другом в любых сочетаниях» [4. С. 66], свидетельствует об очень широкой проблематике терминографии, что обусловлено «законом свободы лексикографических (терминографических) параметров» [4]. Данный закон является необычайно продуктивным для терминографии, так как позволяет конструировать терминосистемы с любым, в отношении определенной цели, количеством параметров в любой их комбинации, что создает безграничное множество разнообразных терминографических произведений, иногда и неоправданное, а главное – создается **полиструктурность** и **полисемантичность словаря**.

Итак, современная русская терминография сформировала свой понятийно-терминологический аппарат, инструментарий (цель, задачи, объект, предмет), свою проблематику, методы и технологии. Исходя из этого, сформируем ее дефиницию.

Терминография – это интегративная научно-прикладная дисциплина 1) об истории, теории и практике терминологических словарей; 2) формирующая методологию, методы, методики и технологии для наиболее оптимального проектирования, составления и эффективного использования созданного продукта (терминологических словарей) для решения различных научных и практических задач.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Терминоведение и терминография. Общая лексикография и терминологические словари / К. Я. Авербух, О. М. Карпова // Лексические и фразеологические аспекты перевода. – М.: Академия, 2009. – С. 47–169.
2. Герд, А. С. Прикладная лингвистика / А. С. Герд. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – 268 с.
3. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминография / С. В. Гринев-Гриневиц // Терминоведение: учеб. пособие. – М.: Академия, 2008. – С. 218–234.
4. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 363 с.
5. Комарова, З. И. Терминография: прошлое, настоящее и будущее / З. И. Комарова // Русская филология. Украинский вестник. – Харьков, 2004. – С. 14–19.
6. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 820 с.

7. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М.: КомКнига. 2006. – С. 141–173.
8. Марчук, Ю. Н. Терминография // Компьютерная лингвистика: учеб. пособие. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 193–199.
9. Суперанская, А. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 288 с.

Сведения об авторе

Комарова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

zikomarova@bk.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 74–77.*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE MODERN RUSSIAN TERMINOGRAPHY

Z. I. Komarova

Ural Federal University named after the first President of Russia

B. N. Yeltsin. zikomarova@bk.ru

The article deals with the complicated nature of the interaction of the main components of the theoretical and methodological basis of the Modern Russian Terminography. The article reveals the structure of the terminographic problem. The basic methodological aims of the Modern Russian Terminography are justified.

Keywords: *gnoseological problems of terminography, object and subject sphere of terminography, methods of terminography, problems of terminography, definition of terminography.*

References

1. Averbuh K.Ya., Karpova O.M. Terminovedenie i terminografiya. Obshchaya leksikografiya i terminologicheskie slovari [Science of Terminology And Terminography. General Lexicography and Term Dictionaries] // Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda [Lexical And Phraseological Aspects of Translation]. Moscow, 2009. Pp. 47–169 (In Russ.).
2. Gerd A.S. Prikladnaya lingvistika [Applied Linguistics]. SPb., 2005. 268 p. (In Russ.).
3. Grinev-Grinevich S.V. Terminografiya [Terminography]. *Terminovedenie* [Science of Terminology]. Moscow, 2008. Pp. 218–234 (In Russ.).
4. Karaulov Yu. N. Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka [Linguistic Construction and Thesaurus of Literary Language]. Moscow, 1981. 363 p. (In Russ.).
5. Komarova Z.I. Terminografiya: proshloe, nastoyashchee i budushchee [Science of Terminology: Past Present And Future] // *Russkaya filologiya. Ukrainskiy vestnik*. Har'kov, 2004. Pp. 14–19. (In Russ.)
6. Komarova Z.I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnyh issledovaniy v lingvistike [Methodology, Method, Technique And Thechnology of Scientific Research in Linguistics]. Moscow, 2013. 820 p. (In Russ.).
7. Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Science of Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow, 2006. Pp. 141–173 (In Russ.).
8. Marchuk Yu.N. Terminografiya [Terminography] // *Komp'yuternaya lingvistika* [Computer Linguistics]. Moscow, 2007. Pp. 193–199. (In Russ.).
9. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya: Terminologicheskaya deyatel'nost' [General Terminology: Terminological Activity]. Moscow, 2005. 288 p. (In Russ.).

УДК 32 : 316.77 + 32 : 81'23 + 81'23
ББК 81-5

Н. Н. Кошкарова

МЕДИАРЕЙТИНГ И ИМИДЖ ПОЛИТИКА: СРЕДСТВА И ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Статья посвящена рассмотрению средств и технологий коммуникативного взаимодействия политиков Челябинской области и общества. В ходе анализа автор приходит к выводу, что компьютерно-опосредованная коммуникация не входит в число приоритетных способов интеракции власти и целевой аудитории. Главным средством создания имиджа политика остаются его конкретные действия, упоминание о которых способствует повышению медиарейтинга государственного и политического деятеля.

Ключевые слова: *медиарейтинг, имидж, компьютерно-опосредованная коммуникация.*

Накануне единого дня голосования в субъектах Российской Федерации 13 сентября 2015 года актуальным стал вопрос о тех избирательных технологиях, которые применяются в ходе предвыборной кампании для повышения рейтинга политика и (или) партии среди избирателей и соответственно достижения высоких показателей по итогам голосования. При этом следует отметить, что выборы и подготовка к ним – это не только политическая, но и коммуникативная деятельность, от эффективности которой зависит исход всей предвыборной кампании. Целью настоящего исследования является анализ средств и технологий коммуникации, которые используются челябинскими политиками для взаимодействия с целевой аудиторией.

В последнее время на авансцену взаимодействия политиков и избирателей выходят средства и технологии в сети Интернет, или «компьютерно-опосредованная коммуникация» (термин Л. Ю. Щипициной). По справедливому замечанию А. В. Чижик, «развитие информационных технологий в современном обществе стимулирует изменение основных коммуникационных каналов между людьми, Интернет превращается в доминирующую информационно-коммуникационную среду» [2]. В соответствии с этими положениями в качестве материала для анализа нами были выбраны те ресурсы, которые используют челябинские политики для общения с целевой аудиторией в Глобальной Сети: председатель Законодательного собрания Челябинской области Владимир Мякуш, заместитель руководителя фракции «Справедливая Россия» Валерий Гартунг, депутат Челябинской городской Думы Андрей Барышев.

Социальная сеть Twitter является «одной из активно развивающихся платформ» [2], которая используется в разных типах дискурса: политическом, масс-медийном, рекламном и др. Поскольку Twitter – это социальная сеть для обмена короткими сообщениями, прагматическая цель данной формы общения политиков с целевой аудиторией реализуется в жанровом наполнении интернет-платформы. Основным жанром, представленным в рамках социальной сети Twitter, является новость (короткая новость).

Однако, как и любой другой информационный ресурс, социальная сеть Twitter может стать эффективным инструментом интеракции с целевой аудиторией только в случае ее интенсивного использования. Анализ Twitter-блога Владимира Мякуша показал, что председатель Законодательного собрания Челябинской области был активным пользователем данной социальной сети только в момент регистрации на этой платформе – в июле 2012 года. Все публикации того периода, когда Владимир Мякуш был активным пользователем сети Twitter, связаны с общественно-политическими событиями, происходящими в стране. Так, летом 2012 года информационным поводом для публикаций в СМИ и обсуждения в социальных сетях стала катастрофа в Крымске, когда большая часть города оказалась затопленной в результате сильнейшего наводнения. Однако посты Владимира Мякуша не лишены информации и о деятельности партии, секретарем политсовета которой он является: в блоге находим сообщения с хэштегом «#ЕР» («Единая Россия»).

Несмотря на столь короткий срок пользования социальной сетью Twitter, в августе 2015

года Владимир Мякуш занял третье место в медиарейтинге глав законодательных органов субъектов Российской Федерации. На основе проведенного сравнительного анализа мы можем заключить, что новые информационные платформы не всегда являются эффективным средством коммуникативного взаимодействия власти и общества. Так, медиарейтинг, о котором шла речь, был составлен на основе таких средств массовой информации, как ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, интернет-СМИ. Медиарейтинг включал упоминание в СМИ о деятельности политика и (или) руководителя региона, цитируемость политического лидера. Таким образом, повышению или понижению медиарейтинга политика, созданию или разрушению его благоприятного имиджа способствует не только и не столько умение государственного деятеля общаться на платформе новых социальных сетей, сколько его деятельность по улучшению жизни граждан, активная гражданская позиция, участие в резонансных для страны и региона событиях.

Не отличается активным использованием социальной сети Twitter и другой челябинский политик Андрей Барышев. Депутат Законодательного собрания Челябинской области в 1999 году учредил Общественный фонд Металлургического района города Челябинска «СОЦ-ГОРОД», который известен своими резкими выступлениями и критикой положения дел в городе и области. Посты, сделанные Андреем Барышевым за время пользования социальной сетью Twitter, хотя и связаны с деятельностью основанного им фонда, имеют больше отношения к повседневной жизни. В отличие от постов Владимира Мякуша новости в блоге Андрея Барышева имеют ярко выраженное индивидуальное начало, что на языковом уровне проявляется в употреблении личного местоимения «я». Однако при этом политик отождествляет себя со своими избирателями, используя местоимение в парадигме «мы-инклюзивное»: *Я не против возведения новых домов. Их нужно строить либо на сносе старых, либо использовать совсем новые территории. В крупных городах Европы в черте города много свободных зеленых зон и парков, там люди не стремятся все перегородить в ущерб сложившейся инфраструктуре и ради собственной прибыли. Нельзя все мерить ежесекундными выгодами, ведь в этом городе жить нашим детям и внукам* [https://twitter.com/AndreiBaryshev/with_replies].

Анализ средств и технологий коммуникативного взаимодействия власти и общества в Челя-

бинской области показал, что местные политики тяготеют к использованию более «традиционных» (если это слово уместно употребить для характеристики компьютерно-опосредованной коммуникации) средств обмена информацией с целевой аудиторией. Так, заместитель руководителя фракции «Справедливая Россия» Валерий Гартунг имеет собственный сайт <http://www.gartung.ru/>, состоящий из нескольких разделов: «Главная», «Работа в Думе», «Региональная деятельность», «СМИ о Гартунге», «Для СМИ», «Обратная связь», «Архив новостей». Как видно из названий данных разделов, прагматическая цель текстов персонального сайта политика реализуется в имеющейся у Валерия Гартунга возможности «общаться с представителями электората без посредников, то есть без взаимодействия со средствами массовой информации (пресс-службами)» [1]. Так, из информации на сайте можно узнать подробности биографии Валерия Гартунга, познакомиться с комментариями политического деятеля по актуальным вопросам законодательства, получить информацию о выступлениях в СМИ, отправить сообщение представителю фракции «Справедливая Россия», узнать адреса общественных приемных партии.

Лапидарный перечень языковых особенностей представленного сайта позволяет сделать следующий вывод: большинство постов о деятельности политика содержат эмоционально-экспрессивные лексические единицы, выражающие негативную оценку действий правящей политической партии: «...как идут “честные и чистые” выборы у “Единой России”», «клевета и ложь – политтехнологи ЕР», «“Единая Россия” пытается присвоить инициативу СР». В целом тональность содержательного наполнения персонального сайта Валерия Гартунга можно оценить как вполне кооперативную (на сайте много сообщений об инициативах и конкретных действиях политика), но не лишенную элементов оппозиционности. В этом отношении справедливым представляется замечание Е. М. Крижановской о том, что индивидуальный стиль политика формируется под влиянием «политической принадлежности автора», «специфики коммуникации в сети Интернет», «различных политических пиар-технологий и личных качеств политического деятеля» [1].

Таким образом, сравнение коммуникативных средств и технологий взаимодействия политиков и общества на региональном материале позволяет сделать вывод, что современные интернет-технологии играют далеко не первосте-

пенную роль в ходе такой интеракции в целом и создании имиджа политика в частности. Имидж челябинских политиков создается не столько за счет их речевого поведения в Глобальной Сети, а в основном с помощью конкретных действий, упоминание о которых способствует повышению их медиарейтинга. В качестве перспектив

исследования мы видим изучение лексико-стилистических особенностей публичных выступлений политиков Челябинской области с целью формирования концепции языковой личности регионального политика и соответствующего политического дискурса.

Список литературы

1. Крижановская, Е. М. Особенности индивидуального стиля лидера «Справедливой России» С. М. Миронова (по материалам персонального интернет-сайта) / Е. М. Крижановская // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф. – Пермь, 2013. – С. 224–231.
2. Чижик, А. В. Политический дискурс в русскоязычном Twitter и образ политика через призму интернет-дискурса / А. В. Чижик // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – М., 2015. – С. 523–532.
3. Щипицина, Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.

Сведения об авторе

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).
nkoshka@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 78–80.*

POLITICIAN'S MEDIA RATING AND IMAGE: INSTRUMENTS AND TECHNOLOGIES OF AUTHORITY AND SOCIETY'S COMMUNICATION INTERACTION

N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk. nkoshka@rambler.ru

The paper is devoted to the analysis of instruments and technologies of the Chelyabinsk Region politicians and society's interaction. As the result of the analysis the author comes to the conclusion that the computer-mediated communication doesn't belong to the priority means of the authority and target audience's interaction. The main means of creating the politician's image is his real actions which mentioning stimulates the growth of the authority's media rating.

Keywords: *media rating, image, computer-mediated communication*

References

1. Krizhanovskaja E.M. Osobennosti individual'nogo stilja lidera «Spravedlivoj Rossii» S. M. Mironova (po materialam personal'nogo internet-sajta) [The peculiarities of "A Just Force" leader's individual style (on the basis of the personal web-site)]. *Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei* [Philology in the XXI century: methods, problems and ideas]. Perm', 2013. Pp. 224–231 (in Russ.).
2. Chizhik A.V. Politicheskij diskurs v russkojazychnom Twitter i obraz politika cherez prizmu internet-diskursa [Political discourse in the Russian-speaking Twitter in the realm of the Internet-discourse]. *Novye informacionnye tehnologii v avtomotizirovannyh sistemah* [New information technologies in the automatic systems]. Moscow, 2015. Pp. 523–532 (in Russ.).
3. Shhipicina L.Ju. *Komp'juterno-oposredovannaja kommunikacija: Lingvisticheskij aspekt analiza* [Computer-mediated communication: the linguistic aspect of analysis]. Moscow, 2010. 296 p. (in Russ.).

УДК 8; 81:373.47

А. А. Кузьмин

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ CLERGY (ДУХОВЕНСТВО) В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрены семантические особенности тематической группы «CLERGY», входящей в состав лексико-семантического поля «наименование видов деятельности» в среднеанглийский период. Произведены выборка лексических единиц и анализ значений слов, имеющих отношение к сфере религии. На основе проведенного исследования представлена идея выделить монашеское духовенство, мирское и монахов нищенствующих орденов. Статья позволяет получить системное представление о деятелях церкви и должностях священнослужителей в среднеанглийский период. Полученные данные могут служить дополнительным источником сведений о периоде Средних веков XI–XV вв. в Британии.

Ключевые слова: лексика со значением «духовенство», тематическая группа, классификация, среднеанглийский язык.

Тематическая группа Clergy (Духовенство) включает наименования представителей религии и является одной из самых многочисленных в лексико-семантическом поле «наименования видов деятельности в средневековый период» – 100 единиц, полученных в результате выборки из словарей, корпусов и художественных текстов. Каждая лексема прошла проверку с целью уточнения значения и возможности отнесения ее тематической группе «духовенство». Лексические единицы, называющие священнослужителей, были проверены по электронному словарю перевода среднеанглийской лексики на современный английский язык и наоборот [7], по этимологическому словарю [8] и двуязычным англо-русским словарям [2].

Главную роль в развитии образования XI–XV вв. играла католическая церковь. При монастырях были открыты монастырские школы, при церквях – приходские школы, где образование получали исключительно мальчики. В соборных школах, где учились дети знати, готовили, как правило, высшее духовенство. Кроме богословия преподавались также риторика, арифметика, грамматика, геометрия, музыка и астрономия [1].

Как и в древнеанглийский период, церковь имела две различные иерархии духовенства: мирскую (*seculēre*), постоянно контактирующую с простыми прихожанами, и монашескую (*monasticāl*), предпочитающую исключить любые контакты с людьми за пределами монастыря [3]. В виде схемы представителей церкви по иерархиям можно представить следующим образом:

Seculēre (Мирское духовенство)
pōpe (pope – Папа Римский)
cardināl (cardinal – кардинал)
arche-bishop (archbishop – архиепископ)
bishop (bishop – епископ)
underbishop (suffragan bishop – викарный епископ)
arche-prētōur (chief priest – главный священник)
prēst (priest – священник)
dēken (deacon – диакон)
subdēken (subdeacon – помощник диакона)
acōlīte (acolyte – алтарник, пономарь), *rēdere* (lector – чтец Священного Писания), *hostiārī* (doorkeeper – привратник)

Monasticāl (Монашеское духовенство)
pōpe (pope – Папа Римский)
nōnnerīe (nunneries – монахини)
abbod (abbot – аббат, настоятель монастыря)
prīōur (prior – настоятель небольшого мужского монастыря)
monk (monk – монах)
celerēre (cellarer – келарь в монастыре), *sub-celerer* (assistant to a cellarer – помощник келаря), *enfermerer* (infirmarer – духовное лицо в лазарете), *hospitelēr* (hospitaller – духовное лицо, ответственное за прием гостей или путешественников), *sacristāne* (sacrist – ризничий)

Представитель любой из иерархий обладал стриженной головой, все мужчины имели выбритое место на макушке как знак принадлежности к католическому духовенству [9].

Отдельный класс, похожий на монашеское духовенство, формировали монахи нищенствующих орденов (*friars – frēre*). Два главных ордена, появившиеся в XIII в. – Францисканцы (*Jacōbīn*) и Доминиканцы (*Menōur*). Основное отличие от простых монахов заключалось в разных взглядах на ритуал и смысл проповеди [5].

На протяжении Средневековья место женщин в обществе часто определялось и диктовалось библейскими текстами. Согласно Библии, Ева была ответственна за изгнание человека из рая, и данное утверждение превращало женщин в существ «второго сорта», подчиняющихся власти мужчин и соблюдающих безропотное послушание во всем. Однако образ Девы Марии противопоставлялся такому негативному описанию всех представительниц слабого пола, так как воспринимался как путь спасения душ молящихся людей [4]. Юлиана Норвичская (1342–1416) была первой английской духовной писательницей и автором первой книги, написанной женщиной на английском языке. В церкви женский пол мог занимать, согласно нашим данным, должности аббатисы (*abbodesse*), монахини (*religious wōmman*), дьякона (*dēkenesse*), пономаря (*sextresse*), казначея при монастыре (*trēsōurette*), ризничего (*railtheinestre*), настоятеля лазарета (*fermeresse*), профессионального оплакивателя (*weileresse*), поставщика провизии для монастыря (*purveiresse*), монахини, ответственной за трапезную в монастыре (*freitōurette*), монахини-хористки (*chaunteresse*), монахини-звонаря (*bellingester*).

Возглавлял церковь и духовную жизнь англичан в средневековье Папа. Словари дают 4 лексемы для обозначения этой должности и дают историческую справку:

pōpe – Pope (Папа Римский);

prētā(e) – an ecclesiastic of high rank, as an archbishop, a bishop, Pope (духовное лицо высокого ранга, такого, как архиепископ, епископ, Папа Римский);

apostoile – the Pope (Папа Римский);

fāder – title of the Pope (звание Папы Римского).

Наша выборка выявила 100 единиц наименований духовных профессий, из них 5 синонимов с широким общим значением «священник» в среднеанглийском языке: *prēst, prēstre, man of (holi) chirche, man of religioun, sācerd, fāder*.

Несколько других лексем имеют семы, уточняющие значение слова «священник»:

annuel(l)ēr – priest who celebrates anniversary memorial masses for the dead (священник, который ежегодно служит памятные литургии об усопших);

cūrātōur – parish priest (приходской священник);

confessōur – priest who hears confessions, prescribes penance, and grants absolution (священник, который принимает исповеди, налагает епитимью и дарует отпущение грехов);

pēnitencere – priest appointed by a pope or bishop to administer the sacrament of penance (священник, назначенный Папой Римским или епископом для совершения таинства покаяния);

bones-prest – priest who says prayers for the dead (священник, читающий молитвы об усопших);

gīld(e)prest – priest who serves a guild (священник, который служит гильдии);

messeprest – priest ordained to celebrate mass (священник, допущенный к служению литургии);

seinte Marī(e) prest – priest employed to sing mass in honor of the Virgin Mary (священник, назначенный для совершения службы в честь Девы Марии).

Проанализировав данные среднеанглийских корпусов, можно сделать вывод, что в связи с распространением влияния церкви на население и превращением монастырей в религиозные центры образования появилось несколько особых духовных должностей:

secondārī(e) – ecclesiastical officer of the second rank, a subordinate priest (духовный служащий второго ранга, помощник священника);

railthein – monastic officer in charge of clothes and vestments (монах-служащий, ответственный за гардероб);

pitauncēr(e) – officer of a religious house responsible for the administration of the pittances (должностное лицо религиозного учреждения, ответственное за организацию подаваний);

prōcūtōur – financial officer of a church (финансовый служащий церкви);

purverere – officer in charge of procuring provisions for a religious house (служащий, ответственный за обеспечение провизией религиозного учреждения);

curtelain – monastic officer in charge of gardening and farming (монах-служащий, ответственный за садоводство и земледелие);

chaumbres(se) – conventual officer in charge of clothing, bedding (монах-служащий, ответ-

ственный за одежду, постельные принадлежности);

vischaunceller – officer appointed by a bishop to oversee the administration of temporal matters in his diocese (должностное лицо, назначенное епископом для надзора за управлением гражданскими делами в его епархии);

outridere – agent of a monastery who rides out to administer its affairs (выездной представитель монастыря, управляющий делами);

cronicleŕ, dēscriptor – writer of chronicles, usually from monks (монах-составитель хроник).

В раннее Средневековье монахи выступали представителями профессии брадобрея, отворяющего кровь (*barbōur, shāver* – barber – surgeon), однако с 1215 г. папский указ по этическим соображениям запретил духовенству заниматься кровопусканием и специалисты отправились учиться в появляющиеся университеты. Позже цирюльники основали свою гильдию и превратились в основоположников хирургии [6].

Таким образом, мы осуществили попытку систематизировать и классифицировать тематическую группу *Clergy* (Духовенство). Церковь в Средневековье на Британских островах, как и во всей Европе, играла главную роль в жизни людей и государства. Нами было выделено 99 единиц путем выборки из исторических корпусов и лексикографических источников. Анализ наименований, относящихся к религиозному роду деятельности, дал понять, что в Средневековье, как и в древности, существовало две церковные иерархии – белое духовенство (мирское, немонашеское) и черное (монашеское). Из-за возрастающего влияния церкви на все сферы

жизни духовенство пополнилось новыми наименованиями представителей Бога на земле.

Список литературы

1. Гуревич, А. История Средних веков / А. Гуревич, Д. Харитонович. – М., 2008. – 320 с.
2. Яндекс. Перевод. – URL: <https://translate.yandex.ru/>. – Дата обращения: 30.03.2015.
3. British Library. Learning Medieval Realms. Church. – URL: <http://www.bl.uk/learning/hist-citizen/medieval/thechurch/church.html>. – Дата обращения: 30.03.2015.
4. British Library. Learning Medieval Realms. Women. – URL: <http://www.britishlibrary.uk/learning/histcitizen/medieval/women2/medieval-women.html>. – Дата обращения: 30.03.2015.
5. Friars – Roman Catholic Church in the Late Middle Ages. – URL: <https://europeanhistory.boisestate.edu/latemiddleages/churchstructure/09.shtml>. – Дата обращения: 30.03.2015.
6. Internet FAQ Archives. Barber-surgeons. – URL: <http://www.faqs.org/health/topics/21/Barber-surgeons.html>. – Дата обращения: 30.03.2015.
7. Middle English Compendium. Middle English Dictionary. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>. – Дата обращения: 30.03.2015.
8. Online Etymology Dictionary. – URL: <http://www.etymonline.com/>. – Дата обращения: 30.03.2015.
9. Religious Hierarchy in Medieval Times. – URL: <http://www.hierarchystructure.com/religious-hierarchy-in-medieval-times/>. – Дата обращения: 30.03.2015.

Сведения об авторе

Кузьмин Артем Александрович – аспирант Воронежского государственного педагогического университета, учитель английского языка МБОУ СОШ села Дмитрова Гора Конаковского района Тверской области.

iz1om@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).

Philology Sciences. Issue 100. Pp. 81–84.

SEMANTIC PECULIARITIES OF THEMATIC GROUP “CLERGY” IN MIDDLE ENGLISH

A. A. Kuzmin

Voronezh State Pedagogical University. iz1om@yandex.ru

The article investigates semantic peculiarities of thematic group “Clergy” in Middle English, which is the part of lexical-semantic field “occupations”. The author makes an attempt to select and analyze the

words related to clergy. The results of the research show the division of clergy to monastic, secular and friars. The paper provides information about religious ranks in history of Medieval Britain.

Keywords: *lexis with the meaning "clergy", Middle English, thematic group, classification.*

References

1. Gurevich A., Haritonovich D. *Istoriya Srednih vekov* [Medieval History]. Moscow, 2008. 320 p. (In Russ.).
2. *Yandex. Perevod* [Yandex. Translation]. Available at: <https://translate.yandex.ru/>. (In Russ.).
3. *British Library. Learning Medieval Realms. Church*. Available at: <http://www.bl.uk/learning/histcitizen/medieval/thechurch/church.html>.
4. *British Library. Learning Medieval Realms. Women*. Available at: <http://www.britishlibrary.uk/learning/histcitizen/medieval/women2/medievalwomen.html>.
5. *Friars – Roman Catholic Church in the Late Middle Ages*. Available at: <https://europeanhistory.boisestate.edu/latemiddleages/churchstructure/9.html>.
6. *Internet FAQ Archives. Barber-surgeons*. Available at: <http://www.faqs.org/health/topics/21/Barber-surgeons.html>.
7. *Middle English Compendium. Middle English Dictionary*. Available at: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>.
8. *Online Etymology Dictionary*. Available at: <http://www.etymonline.com/>.
9. *Religious Hierarchy in Medieval Times*. Available at: <http://www.hierarchystructure.com/religious-hierarchy-in-medieval-times/>.

УДК 81'25 – 057.8
ББК 81.18п

Л. В. Кушнина

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Обсуждается проблема языковой личности переводчика в свете синергетической концепции переводческого пространства. Представленная концепция вписывается в современную парадигму когнитивной лингвистики и когнитивного переводоведения, что позволяет автору описать некоторые когнитивные механизмы как собственно переводческой, так и метаперводческой деятельности. Материалом для анализа послужил роман французской писательницы М. Барбери «Элегантность ежика» и его перевод на русский язык.

Ключевые слова: *языковая личность переводчика, элитарная языковая личность переводчика, синергетическая концепция переводческого пространства, переводческая деятельность, метаперводческая деятельность, когнитивные механизмы перевода.*

Проблема языковой личности профессионального переводчика обусловлена неослабевающим интересом отечественных ученых к освещению различных аспектов деятельностной парадигмы перевода. Ее актуальность связана с осознанием того факта, что в круг субъектов переводческой коммуникации, наряду автором, реципиентом, переводчиком, включаются преподаватели перевода, студенты-переводчики, критики перевода, исследователи перевода, заказчики, клиенты, читатели, слушатели и пр., использующие результаты перевода как для личных, так и для профессиональных целей.

В центре рассуждений в рамках данной статьи – авторская концепция переводческого пространства, сквозь призму которой мы намерены рассмотреть когнитивные механизмы языковой личности переводчика, выступающего субъектом профессиональной коммуникации.

Напомним, что переводческое пространство – синергетическая модель перевода, объясняющая процесс смыслопорождения текста перевода как совокупность множества эксплицитно-имплицитных смыслов, формируемых в сознании переводчика. Если переводчик овладел идеей переводческого пространства, он не ограничивается разнообразными приемами и трансформациями по отношению к тексту оригинала, а размышляет над множеством смыслов, которые необходимо транслировать в текст перевода. Интегративный смысл текста перевода не является суммой всех анализируемых переводчиком смыслов, но их синергией,

что предполагает порождение нового смысла, соотносимого с принимающей культурой. Такой текст мы признаем гармоничным, и его вхождение в другую культуру преобразует и обогащает ее, а вместе с ней преобразует и совершенствует языковую личность переводчика, которая в этом случае приобретает черты элитарности. Такова исходная позиция нашего исследования, о чем мы писали в предыдущих статьях [4].

Как известно, в отечественной когнитологии (Н. Н. Белозерова, Н. Н. Болдырев, Е. И. Голованова, В. Д. Демьянков, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов и др.) язык трактуется как особый когнитивный механизм, играющий существенную роль в кодировании и трансформации информации. В работе Е. И. Головановой подчеркивается, что «только язык способен объективировать процессы осознания, оценки, осмысления человеком той или иной ситуации. Объективируя формирующиеся концепты и концептуальные структуры, язык придает им определенную завершенность» [2. С. 12].

Важнейшими понятиями когнитивной лингвистики, а вслед за ней и когнитивного переводоведения являются концептосфера, определяемая как «упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» [5. С. 36], а также когнитивное пространство, трактуемое как область знаний и представлений языковой личности.

Основываясь на известном постулате об асимметрии естественных языков, то есть о расхождении планов выражения и планов со-

держания сравниваемых языков, естественно предположить асимметрию концептов и концептосфер, принадлежащих той или иной лингвокультуре. В процессе перевода происходит актуализация концептов. Благоприятной средой актуализации может стать переводческое пространство, инициирующее динамику гетерогенных смыслов. Отсюда вытекает, что полноценная актуализация ключевых концептов текста или воссоздание в тексте перевода концептосферы оригинала свидетельствуют о позитивной динамике смыслов в переводческом пространстве. Таким образом мы проникаем в процесс текстопорождения, выявляем некоторые когнитивные механизмы деятельности по транспонированию смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую – переводческой деятельности в самом широком смысле слова.

Обратимся к конкретному тексту. В поле нашего внимания оказался роман современной французской писательницы Muriel Barbery «L'élégance du hérisson» и его перевод на русский язык (М. Барбери «Элегантность ежика»). Перевод с французского был выполнен Н. Мавлевич и М. Кожевниковой в 2010 году. Это второй роман писательницы, ее первый роман, также получивший всемирную известность, «Une gourmandise» («Лакомство») был опубликован в 2006 году. Роман «Элегантность ежика» был удостоен десятка престижных литературных премий, а его автору было присвоено почетное звание королевы бестселлера. В настоящее время М. Барбери живет в Японии, к культуре которой питает особую любовь. В 2009 г. во Франции вышел снятый по ее роману фильм.

Приступим к анализу примеров. Приведем фрагмент оригинала:

Renée. Il s'agissait de moi. Pour la première fois, quelqu'un s'adressait à moi en disant mon prénom. Là où mes parents usaient du geste ou du grondement, une femme dont je considérais à présent les yeux claires et la bouche souriante, se frayait un chemin vers mon cœur et prononçait mon nom entrant avec moi dans une proximité dont je n'avais pas idée jusqu'alors...

...On croit à tort que l'éveil de la conscience coïncide avec l'heure de notre première naissance, peut-être parce que nous ne savons pas imaginer d'autre état vivant que celui-là... Car pour que la conscience advienne, il faut un nom.

Or, par un concours de circonstances si malheureux, il apparaît que nul n'avait songé à me donner le mien [6. С. 46–47].

Фрагмент перевода выглядит так:

Рене. Это же я. Впервые кто-то позвал меня по имени. Родители обычно просто призывно махали рукой или односложно меня окликали, и когда эта незнакомая женщина – первым, что я увидела, были ее светлые глаза и улыбка, – произнесла мое имя, душа моя распалась перед ней, она внезапно стала мне так близка, как никто и никогда прежде...

Многие думают, что сознание просыпается в тот миг, когда мы рождаемся, но это заблуждение, которое объясняется, скорее всего, тем, что мы не можем представить себе живое, но лишённое сознания существо....

На самом деле, сознание включается тогда, когда произносится имя. Меня же, по несчастному стечению обстоятельств, никто и не думал называть по имени [1. С. 48–49].

Сопоставив данные фрагменты оригинала и перевода, мы склоняемся к мысли, что переводчикам удалось гармонизировать смыслы, обнаружив позитивный вектор их динамики, и тем самым актуализировать ключевые концепты. Так, единицам текста оригинала «dire le prénom», «prononcer le nom», «donner le nom» соответствуют следующие единицы текста перевода: «позвать по имени», «произнести имя». Подчеркнем, что актуализация концептов, или, иными словами, концептуальная симметрия, которую мы наблюдаем при переводе данного фрагмента, совершенно не означает лексическую симметрию. Скорее наоборот. Как известно, во французском языке лексемы «prénom» и «nom» означают «имя» и «фамилия», в то время как русские переводчики использовали лишь одну номинацию «имя», что полностью соответствует духу оригинала. Таким образом, мы наблюдаем в данном случае языковую асимметрию, что совершенно логично.

Для нас важно показать, что на фоне языковой асимметрии возникает концептуальная симметрия, согласование и соразмерность ключевого концепта, что характерно для процесса воссоздания концептуальной схемы текста оригинала в переводе. При этом симметрия допускает проявление как сходств, так и различий в процессе вербальной репрезентации концепта как абстрактного ментального образования в разных лингвокультурах. Что касается непосредственно языковой личности переводчика, мы предполагаем, что выступая медиатором и гармонизатором двух культур, он занимает активную творческую, мыслительную, деятельностную позицию. Участвуя в процессе

изменения текстов, языков, культур, переводчик меняется и совершенствуется сам, приобретая черты элитарности. Мы заключаем, что гармонизация смыслов в переводческом пространстве выступает для нас тем самым когнитивным механизмом, который формирует элитарную языковую личность переводчика.

Таким образом, переводческое пространство является для нас лингвокогнитивной, лингвокультурной коммуникативной средой, направленной на порождение гармоничного перевода. Переводческая когниция, нацеленная на понимание, трансляцию, синергию, гар-

монизацию смыслов текстов контактирующих языков и культур, представляет собой многогранный феномен, требующий дальнейшего осмысления. Нельзя не согласиться с тем, что языковая личность переводчика в истинном значении этого слова становится создателем таких текстов перевода, которые столь же неповторимы и уникальны, как и тексты оригинала, что обеспечивает полноценную коммуникацию личностей, подтверждая идеи гуманистического подхода в современной научной парадигме.

Список литературы

1. Барбери, М. Элегантность ежика / М. Барберри; пер. с франц. Н. Малевич и М. Кожевниковой. – М., 2012. – 400 с.
2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е. И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 224 с.
3. Котюрова, М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – Пермь, 2007. – 282 с.
4. Кушниина, Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л. В. Кушниина. – Пермь, 2009. – 196 с.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М., 2007. – 314 с.
6. Barbery, M. *L'élégance du hérisson* / M. Barbery. – Paris, 2006. – 414 p.

Сведения об авторе

Кушниина Людмила Вениаминовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета.

lkushnina@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 85–88.*

PROFESSIONAL TRANSLATOR'S LINGUISTIC IDENTITY: COGNITIVE ASPECT

L. V. Kushnina

Perm National Research Polytechnic University. lkushnina@yandex.ru

The article deals with the problem of translator's linguistic identity in light of synergetic theory of translation space. Proposed conception fits in the contemporary cognitive linguistic and cognitive translation studies which allow the author to describe some cognitive mechanisms of translation and meta-translation practice. The aspiration of translator to create translation of high quality and harmony for literally text is a factor of rise of elite linguistic identity. A novel "The elegance of the hedgehog" of a contemporary French writer M.Barbery and its translation into Russian served a base for the analysis. Translation space presents a synergetic translation model where the process of translation senses formation is considered as a system of explicit-implicit senses formed at the translator's mind.

Keywords: *translator's linguistic identity, elite linguistic identity, synergetic conception of translation space, translation practice, meta-translation practice, cognitive mechanisms of translation.*

References

1. Barbery M. *Elegantnost' ezhika. Per. sfrants. N. Malevitch i M. Kozhevnikovoy* [The elegance of the hedgehog]. Moscow, 2012. 400 p. (In Russ.)
2. Golovanova E.I. *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction in to the science of cognitive terminology]. Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.).
3. Koturova M.P., Bazhenova E.A. *Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i ego redactirovaniye* [The scientific discourse culture: text and its redaction]. Perm, 2007. 282 p. (In Russ.)
4. Kushnina L.V. *Teoriya garmonizatsii: opit kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva* [Harmonization theory: practice of translation space cognitive studies]. Perm, 2009. 196 p. (In Russ.)
5. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, 2007. 314 p. (In Russ.).
6. Barbery M. *The elegance of the hedgehog*. Edition du Gallimard, Paris, 2006. 414 p. (In French).

УДК 81'367.628
ББК 81-3

М. Н. Лату, В. Е. Бригиневич

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОВ МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ВО ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ТЕРМИНОВ

Исследование выполнено в рамках проектов «Комплексное когнитивное исследование особенностей номинации терминов приоритетных направлений развития научно-технического комплекса РФ» по гранту Президента Российской Федерации (договор № 14.Z56.14.4389-МК от 03.02.2014); «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» по государственному заданию Министерства образования и науки РФ на 2014-2016 гг.».

Статья посвящена изучению принципов мотивации терминологических единиц и выделению типов мотивирующих признаков, представленных в их внутренней форме. На основе сравнительно-сопоставительного анализа терминологий экологии и нанотехнологий приводятся данные о соотношении выделяемых типов для классифицирующих и основообразующих терминологических элементов.

Ключевые слова: *термин, мотивация, внутренняя форма, мотивирующий признак, категория, терминологический элемент.*

Мотивированность представляет собой традиционную проблематику семасиологии и терминоведения. Мотивированность предполагает перенос наименований в соответствии с устанавливаемыми ассоциативными связями [1]. На важность мотивации терминологической лексики указывал еще Д. С. Лотте, выделяя правильноориентирующие и ложноориентирующие термины [4]. Развитие его идей нашло отражение в значительном количестве работ отечественных исследователей. Данный факт представляется особенно значимым в контексте современных исследований, показавших, что термин, выполняя эвристическую функцию, является инструментом познания [3]. М. В. Лейчик, рассматривая мотивированные, немотивированные, частично мотивированные термины, заключает, что термины с различной степенью мотивированности успешно выполняют свои функции, а проблема мотивированности далека от исчерпанности [5]. Говоря о соотношении семантических и мотивирующих признаков и отмечая существующую систему корреляций и различий между ними, Н. Д. Голев указывает, что последние служат средством создания всего слова как единства определенного содержания, тогда как семантические признаки составляют непосредственное содержание слова, не зависят от внутренней формы [2]. Как справедливо замечает Е. И. Хабилова,

основные особенности языковой номинации экстраполируются на профессиональную номинацию [6]. Значимым при этом является то, какой признак избирается в качестве салиентного и репрезентируется внутренней формой терминологической единицы.

Важными с точки зрения когнитивного анализа, динамики развития научного знания о мире и принципов терминологической номинации, представляется изучение основных типов мотивирующих признаков, репрезентируемых во внутренней форме терминов. Под типом мотивирующего признака понимается родовой интегрирующий признак для определенной общности салиентных мотивирующих признаков, отраженных во внутренней форме термина, которые могут быть объединены в рамках категории. К типам мотивирующих признаков, на которых строится процесс терминологической номинации, относятся: *функция/поведение; цвет; звук; число; место; размер; форма; вес; время/возраст; интенсивность/оценка; температура; структура; цель; результат; производитель/источник; принадлежность; образ.*

Нами были рассмотрены типы мотивирующего признака основообразующего (ОТ) и классифицирующего терминологических элементов (КТ) в следующих терминосистемах: терминосистема экологии и терминосистема нанотехноло-

гий. Анализ терминов позволил сделать вывод о том, что в обеих терминосистемах наибольший процент составляют основообразующие терминологические элементы, представленные преимущественно отглагольными существительными, где типом основообразующих терминологических элементов является *действие*. Например, в терминосистеме нанотехнологий: **наносинтез, комбинационное рассеяние света, наноанализ, молекулярный переключатель, наноструктурированное покрытие, перенос электронов, царпанение на микромасштабном уровне, взаимодействие ион-дипольное**; в терминосистеме экологии: **сбор отходов, световое загрязнение, регенерация отходов, продуценты, охрана окружающей среды, редуцент, адаптация, биодegradация, паспортизация отходов, свалка, использование бытовых отходов, консервация ландшафта, оптимизация техногенных ландшафтов**.

Преобладающими типами мотивирующего признака основообразующих терминологических элементов в терминологии экологии являются также *место* и *вещество*. В терминологии экологии представлены термины, обозначающие территорию, где имеют место различные явления: **буферные территории, экологически благоприятная зона, остров тепла, зона санитарной охраны, зона экологического равно-**

весия, полигон захоронения отходов, экологический коридор. Следует отметить, что наиболее продуктивными терминологическими элементами в данном случае являются лексемы «территория», «зона». В терминологии нанотехнологий мотивирующий признак *место* в основообразующих терминологических элементах также выражен, но в незначительной степени – около 3% от общего числа: **полоса поглощения, край полосы поглощения, центры пиннинга, граница раздела** (см. рис. 1, 2).

Терминология экологии включает большое количество терминов, обозначающих как природные вещества (вода, почва и т. д.), так и вещества антропогенного происхождения (**вода очищенная, парниковый газ, свалочный метан, вредное вещество, биогаз полигонов, сточные воды, подземные воды**). Терминологические элементы с типом мотивирующего признака ОТ «вещество/материал» в терминосистеме нанотехнологий составляют только около 6%, среди них следующие: **криогель, нанобетон, липид**.

В рамках терминосистемы экологии небольшой процент для основообразующих терминологических элементов составляют такие типы признаков, как **производитель/источник, форма, время, звук, вес: источник техногенной чрезвычайной ситуации, хвосты, коричневый**

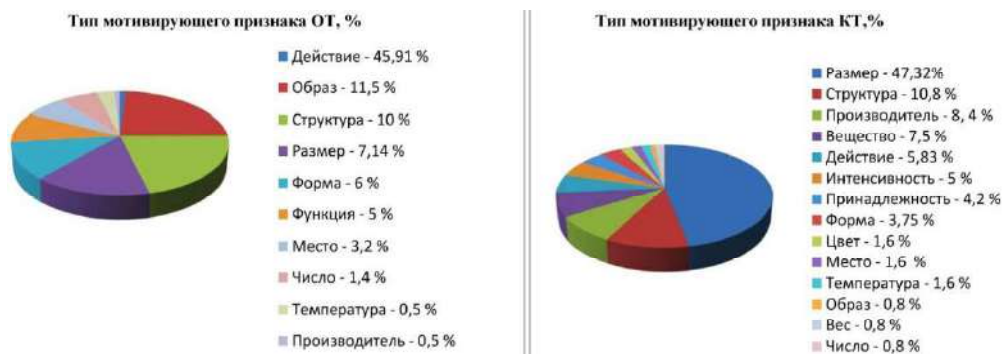

Рис. 1. Терминосистема нанотехнологий

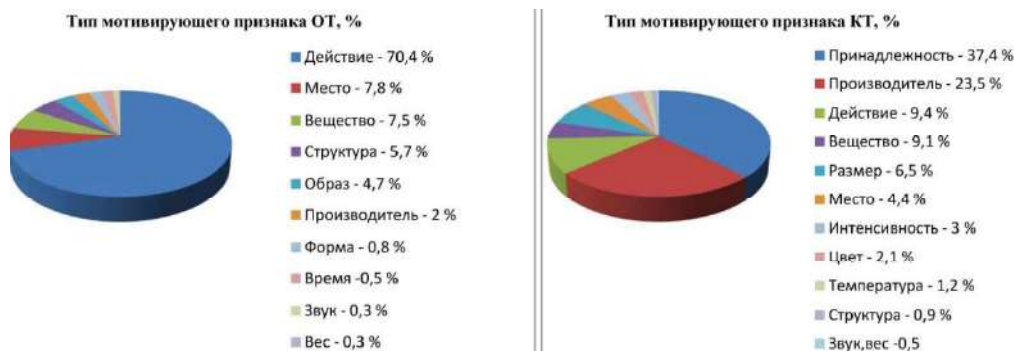

Рис. 2. Терминосистема экологии

пояс, шум экологический, биомасса. Не находят выражения в основообразующих терминологических признаках следующие признаки: функция, интенсивность, продукт, число, цвет, цель, температура.

При рассмотрении типов мотивирующего признака в классифицирующих терминологических признаках было выявлено преобладание такого типа, как *принадлежность* в терминосистеме экологии и *размер* в терминологии нанотехнологий. Мы предполагаем, что полученные данные в отношении терминологии экологии позволяют говорить о том, что классифицирующие терминологические признаки с типом признака *принадлежность* уточняют отнесенность в сфере экологии терминов, основообразующий элемент которых либо взят из общеупотребительной лексики, либо заимствован из других терминологий: *экологическая авария, экологическая политика, химическая авария, химическое заражение, Саргасская болезнь, экологический кризис, экологическая экспертиза, биологические ресурсы, лесной кадастр.*

Наличие признака *размер* в терминосистеме нанотехнологий подчеркивает суть этой отрасли науки, имеющей дело с объектами малых размеров. Следующие примеры являются тому подтверждением: *тонкие пленки, нанослой, макропоры, магнетосопротивление гигантское, нанотранзистор, нанопинцет, наноноситель, нанокомпозит, нанокристалл, микровесы, микропоры, мезопоры.*

Значительное количество в данной терминологии составляют наименования, в классифицирующих терминологических признаках которых выражен такой тип мотивирующего признака, как *структура*. К подобным терминам относятся: *жидкий кристалл, материал пористый, однослойная углеродная нанотрубка, наноструктурированный графит, нанокристаллический сплав, наноструктурная деталь, нанопористый сенсор.* В терминологии экологии указанный тип мотивирующего признака гораздо менее представлен и преимущественно лексемами «твердый» и «жидкий»,

например: *твердые промышленные отходы, жидкие промышленные отходы, твердые радиоактивные отходы.*

Достаточно широко в обеих рассматриваемых терминологиях представлены термины-эпонимы, в основе классифицирующих терминологических признаков которых лежат имена собственные, отражающие признак *производитель: взаимодействие ван-дер-ваальсово, зонная пластинка Френеля, эффект Джозефсона, Ленгмюра–Блэдкетт технология, барьер Эрлиха-Швобеля; принцип агрегации оседей Олли, правило замещения экологических условий В. В. Алехина.*

В терминологии экологии классифицирующие терминологические признаки с признаками *цвет (зеленая зона, Красная книга), температура (тепловой шок, остров тепла), звук (болезнь Итай-итай), вес (тяжелые металлы)* составляют менее 3%, а терминологические признаки с такими признаками, как *время, цель, продукт, форма и функция* составляют малый процент или вообще отсутствуют. В терминологии нанотехнологий классифицирующие терминологические признаки с признаками *форма (углеродная кресловидная нанотрубка, хиральная нанотрубка), цвет (голубой сдвиг, ИК-спектроскопия), место (межзеренная граница, зернограничная диффузия), температура (крипомол, криохимия), образ (константа равновесия реакции, кластеры магические), вес (масс-спектрометр, масс-спектрометрия), число (гомэпитаксия, монодисперсный)* составляют менее 4%, а терминологические признаки с признаками *время, звук, цель, продукт и функция* отсутствуют или представлены весьма незначительно.

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа было установлено, что некоторые мотивирующие признаки в отношении терминологии экологии и терминологии нанотехнологий в процентном отношении близки, в то время как определенная их часть различается, что обусловлено спецификой области научного знания, оказывающей влияние на выбор продуктивных терминологических признаков.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь. Избранные психологические произведения / Л. С. Выготский. – М., 1956. – 372 с.
2. Голев, Н. Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков / Н. Д. Голев // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1977. – С. 21–26.
3. Голованова, Е. И. Эвристический потенциал когнитивных терминов и развитие терминоведения / Е. И. Голованова // Терминология и знание: материалы Междунар. симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 г.). – М., 2009. – С. 51–65.

4. Как работать над терминологией: основы и методы. – М.: Наука, 1968. – 76 с.
5. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
6. Хабирова, Е. И. Теоретические предпосылки изучения профессиональной номинации в когнитивном аспекте / Е. И. Хабирова // Когнитив. исслед. языка. – 2015. – № 20. – С. 243–249.

Сведения об авторах

Лату Максим Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета.
Laatuu@yandex.ru

Бригиневич Валентина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков Пятигорского государственного лингвистического университета.
valentina.briginevich@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 89–92.*

REPRESENTATION OF TYPES OF MOTIVATING FEATURES IN THE INTERNAL FORM OF TERMS

M. N. Latu

Pyatigorsk State Linguistic University. Laatuu@yandex.ru

V. E. Briginevich

Pyatigorsk State Linguistic University. valentina.briginevich@gmail.com

The paper is devoted to the study of some principles of motivation of technical terms and defining the types of motivating features represented in their underlying form. The analysis of their ratio for the technical terms of the terminologies of ecology and nanotechnology based on the comparative analysis of the classifying and constituent terminological elements is carried out.

Keywords: *term, motivation, underlying form, motivating feature, category, terminological element.*

References

1. Vygotskij L.S. *Myshlenie i rech. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija*. [Thought and speech. Selected psychological papers]. Moscow, 1956. 372 p. (In Russ.).
2. Golev N.D. O sootnoshenii semanticheskikh i motivirovochnyh priznakov [Towards the correlation between semantic and motivating features]. *Voprosy jazykoznanija i sibirskoj dialektologii*. [Issues of language studies and Siberian dialectology]. Tomsk, 1977. Pp. 21–26 (In Russ.).
3. Golovanova E.I. Jevristicheskiy potencial kognitivnyh terminov i razvitie terminovedenija [Heuristic potential of cognitive terms and terminology studies development]. *Terminologija i znanie* [Terminology studies and knowledge]. Moscow, 2009. Pp. 51–65 (In Russ.).
4. Kak rabotat' nad terminologiej: Osnovy i metody. Po trudam D. S. Lotte [How to study terminology: The basics and methods. Based on D. S. Lotte papers]. Moscow, 1968. 76 p. (In Russ.).
5. Lejchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology studies: the object, methods, structure]. Moscow, 2006. 256 p. (In Russ.).
6. Habirova E.I. Teoreticheskie predposylki izuchenija professional'noj nominacii v kognitivnom aspekte [Theoretic preconditions of studying the term coining within the cognitive approach]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive studies of language], 2015, no. 20, pp. 243–249 (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЗМ КАК СТИЛЕВАЯ ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВСКОЙ ПОВЕСТИ

Определяется место и роль психологизма как стилевой доминанты жанра мордовской повести современного периода, выявляются принципы создания психологических образов, анализируются основные формы и приемы художественного постижения процессов внутренней жизни человека: монологи, индивидуализация речи персонажа, портретные характеристики, экспрессивные диалоги, ретроспективное время, образы-символы, пейзажные картины.

Ключевые слова: психологизм, повесть, жанр, стиль, герой, персонаж, стилевая доминанта, писатель, психологический анализ, художественные средства, монолог, внутренний мир.

Мордовская проза последних десятилетий XX в. интересна авторскими «находками» в создании глубоких психологических образов. Психологизм в изображении персонажей во всей их глубине и многогранности стал достоянием едва ли не всех существующих жанров. С максимальной полнотой сказался он в жанре повести, что актуализирует изучение проблемы в современном мордовском литературоведении.

Психологизм, являющийся «особым художественным качеством» [2. С. 61], становится стилевой доминантой в творчестве ряда современных мордовских прозаиков, в частности, А. Тяпаева, Г. Пинясова, И. Кудашкина, В. Мишаниной, М. Моисеева, В. Радина и др. Усиленное внимание к внутреннему миру человека составляет главное достоинство многочисленных повестей писателей.

Широкую палитру психологического состояния героя раскрывает А. Тяпаев в повести «Последний гром». События в ней относятся к заключительным годам войны и происходят в мордовской деревне. В центре повествования – небольшой отрезок из жизни главной героини Насти Черуновой. Она четыре долгих года дожидается мужа с войны. К томительным ожиданиям прибавляется еще одна печаль – за ней начинает ухаживать завфермой Микита Журкин, что становится поводом для сплетен, так как в деревне ничего нельзя скрыть от чужих глаз. Любовная интрига является началом конфликта, который, развиваясь неторопливо, в финале получает неожиданную трагическую развязку.

Раскрывая образ своей героини, автор показывает две стороны его бытования: дом и работу, что позволяет дать персонажу более полную характеристику, умело высветить мельчайшие

детали душевного состояния, пристально и глубоко заглянуть во внутренний мир.

Работа Насти всерьез омрачилась назойливыми ухаживаниями Микиты, домашняя жизнь – упреками, незаслуженными обвинениями свекрови. Макариха старается побольше «уколоть» невестку, обвинить в неверности. При помощи живого, насыщенного простонародной лексикой диалога автор показывает взаимоотношения свекрови и снохи. Писатель создает речь своих героев достаточно образной, экспрессивной. Диалог является средством художественного выражения психологического состояния героев. Мастерски разработанный писателем, он выполняет важную сюжетно-композиционную роль и является емкой художественной категорией.

Мелочное тщеславие, себялюбие Макарихи впоследствии принесут несчастье всей семье. Ведь она все же пишет сыну Ваське об «измене» жены. Муж Насти, хороший солдат, оказался неподготовленным к испытанию на доброту, на доверие близкому человеку – он возвращается с войны с другой женщиной. Этот момент описан автором особенно эмоционально. Завершая повесть на пронзительной, шемящей ноте, автор подчеркивает, что человек должен верить в изначальное добро, уметь отличать ложь от правды.

Пейзаж в повести довольно точно передает атмосферу, в которой живет героиня, и является проекцией ее душевного состояния. Психологический кризис Насти А. Тяпаев раскрывает буйством природы, картиной грозы. Ночь, ставшая последней в ее жизни, дается в мрачных тонах. Природные образы грома, молнии, ветра, шума стихии неотвратимо подчеркивают трагизм финала – смерть героини.

Для усиления эмоциональной окраски и раскрытия психического мира личности своей героини А. Тяпаев в повествовании неоднократно упоминает образ дуба, символизирующего любовь и верность. Все село знало о том, что возле дуба, растущего ближе к дороге, Черунова Настя попрощалась со своим мужем, проводила его на войну. И никто не осмеливался тронуть его, хотя во время войны на дрова был срублен весь лес. Но в тот момент, когда сердце героини было разбито, автор проводит психологическую параллель: гибель Насти сопоставляет с поражением дуба последним осенним громом.

Таким образом, автор отыскивал оригинальные пути и средства проявления эмоционального состояния героя. Стилевой доминантой повести А. Тяпаева «Последний гром» являются широкое использование экспрессивных диалогов, индивидуализация речевой манеры персонажей, включение образов-символов, параллелизм в описании природы и настроения героя.

Психологизм как метод художественного самовыражения представляет собой одну из специфических черт творчества мордовского прозаика Г. Пинясова. Ярким примером является повесть «Последний из Каргужей», насыщенная обилием острых ситуаций, различных эмоциональных состояний, драматических конфликтов. Прием внутреннего монолога, доминирующий в повествовательной структуре повести, позволяет автору полностью раскрыть психологию главных героев «изнутри», и, следовательно, избежать упрощенной трактовки образов.

Стилеобразующим фактором в художественном нарративе являются монологи-исповеди перед ушедшим из жизни Алексеем Шуровым, одним из главных героев повести. Через обращение к памяти героев автор повествует о трагических судьбах двух друзей, бывших фронтовиков. Это Филипп Кечин и Алексей Шуров. Находясь в госпитале после тяжелого ранения, они одновременно влюбляются в ухаживающую за ними медсестру Катю. Ее выбор, сделанный в пользу Филиппа, не сделал солдата счастливым. Несмотря на рождение сына, Филиппу не довелось познать радости отцовства. После второго ранения Кечин не мог быть ни отцом, ни мужем. Трагический случай разрушил все его надежды на счастье. Глубоко потрясенный своей неполноценностью, он вынужден отказаться от своей любви и по совету раненого солдата становится священником.

Психологизм ситуации в раскрытии мужской трагедии, анализ эмоционального состояния героя здесь достигает наивысшей точки.

Разрыв отношений с Катей без объяснения причин становится основой драматического конфликта повести, а также причиной разлада между Филиппом и Алексеем. Последний, не зная истинных причин, не может понять поступка Филиппа и не прощает ему глубокой обиды брошенной матери с ребенком. Пережив глубокую душевную драму, Катя выходит замуж за Алексея. Конфликт доведен автором до того уровня, на котором выявляются лучшие качества героев повести, и очень трудно обвинить кого-либо в их общей трагедии.

С большой эмоциональностью переданы автором монологи Филиппа, в которых он уже спустя долгие годы пытается оправдать свой поступок. В этих монологах обнаруживаются качества, скрывающиеся за неприметной одинокой жизнью священника: богатство и сложность внутреннего мира, высокие нравственные требования, прежде всего к себе. Верность жизненным идеалам, внутренний самоанализ сыграли свою роль в формировании характера Кечина.

В целях выражения своей идейно-эстетической концепции и усиления эмоциональной выразительности автор в повествовательную систему включает фольклорные элементы. Существенную роль в этом отношении играют причитания Кати. В сцене прощания с умершим мужем раскрывается ее глубокая душевная трагедия: «Алешенька, единственный мой, неужели больше не услышу твоего слова, не увижу твоей светлой улыбки? Разомкни свои губы, промолви словечко, согрей наш холодный дом. <...> Сумел же согреть мою опостылевшую жизнь. <...> Сердце заходится, распускается маковым алым цветком, когда вспоминаю пройденные с тобой вместе дни-годочки. Сегодня наша последняя ночь с тобой, выслушай в последний раз, услышь разговор моего открытого сердца. Как же мне жить без тебя?» [4. С. 123].

Разделяя мнение некоторых критиков, следует подчеркнуть, что автор не дает таких критериев, по которым можно было бы определить положительных или отрицательных героев. Таким образом, автор не обосновывает конфликт на традиционном столкновении противоположных сторон. Суть конфликта в повести состоит во внутреннем противоборстве в самом человеке [3]. Во внутреннем противоречии характера, в борьбе с самим собой раскрывается подлинная сущность героев Г. Пинясова.

Повесть Г. Пинясова «Последний из Каргужей» отличается вниманием к макромиру человека, исповедальным началом, столкновением мнений, глубиной эмоциональных переживаний и свидетельствует о том, что писатель обладает талантом мастерски изображать человеческие характеры.

В плане «психологического» дискурса, характеризующегося глубоким раскрытием внутреннего мира персонажа, анализом его поступков, чувств и отношений к окружающим, большой интерес представляет повесть И. Кудашкина «Сосны смотрят в ручей».

Сюжетно-композиционное построение повести не сложно, острые конфликтные ситуации отсутствуют, действующих лиц не много. По отношению к ним автор немногословен. Но при упрощенной трактовке развития сюжета и образной системы для И. Кудашкина не было ничего невозможного в правдивом показе сложного внутреннего мира женщины, эволюции ее эмоционального состояния, истоков душевных мук и страданий. При этом автор призывает читателя разобраться в ее психологическом состоянии, в котором прибывает она под влиянием жизненных потрясений.

Время репрессий лишило Фиму, главную героиню повести, и детства, и юности. Несправедливое обвинение отца сильно повлияло на ее судьбу. Имя любимого отца стало позорным, послужило предметом насмешек и унижений. Будучи дочерью «врага народа», оставшись без отцовской защиты, Фима долгие годы испытывала тяготы и лишения жизни, выполняла самую тяжелую работу: в дождь и в холод – пасла стадо, пахала поле, валила лес, а за малую провинность председатель колхоза запирает ее в заброшенном сарае. Писатель очень трогательно описывает моменты горького отчаяния, когда едва выносимая душевная боль превращалась в горькие слезы.

Большие трудности, выпавшие на долю девушки, закалили ее характер. Используя важнейшие компоненты поэтики образа: тонкие средства психологического анализа, живые диалоги, описания внешности – автор мастерски раскрывает внутренний мир Фимы. Доминирующим средством создания и раскрытия образа главной героини И. Кудашкин избирает индивидуализацию речи персонажа и обилие портретных характеристик. За присущей Фиме своеобразной речевой манерой и запоминающейся

внешностью просматривается определенный характер, способ мышления, мировоззрение.

Рисуя фигуру, лицо, одежду, жесты, походку героини, автор не ставит целью описать только внешний облик. Внешность персонажа связывается с психологическим портретом, с особенностями его внутреннего мира. Зачастую внешний облик героя соответствует состоянию души. Героиня И. Кудашкина с виду грубоватая, с широкими плечами, мужской походкой и голосом, жесткими манерами поведения. Она не придает значения своей наружности, и уход за собой для нее никогда не был актуальным. Жизненные потрясения научили Фиму выливать на окружающих поток нецензурной брани, одиночество и тоска пристрашили к алкоголю, а что еще страшнее – сделали безразличной ко всему окружающему, лишили смысла жизни.

В момент, когда душа Фимы была опустошена, писателю удалось нарисовать волнующую картину ее взаимоотношений с Колей-Комиссаром. Создание семьи стало духовным возрождением для Фимы. Огрубевшую от мужской работы женщину писатель изображает в присущей ей роли домохозяйки. Домашние заботы приводят Фиму к внутренним переменам. Здесь И. Кудашкин внешний и духовный мир героини соотносит по принципу контраста. Для читателя становится очевидным, что за грубой внешностью Фимы скрывается чистота души, честность, гордость, человеческая совесть. Но духовное возрождение не было длительным. Автор повести оказался суров к своим героям – с небольшой разницей во времени они оба погибают от болезни.

В повести «Сосны смотрят в ручей» И. Кудашкин портретные описания, речевые характеристики, служащие важным средством раскрытия внутреннего мира, тесно связывает с мироощущением и поступками персонажей.

Таким образом, завоевания мордовской психологической повести современного периода выразились в создании запоминающихся психологических характеров. Внешние портреты, монологи, образы-символы, пейзажи, живые диалоги и другие средства создания психологических характеристик, доминирующие в нарративной структуре произведений, отражают динамику внутренней жизни персонажей, являются конструктивными факторами художественного целого.

Список литературы

1. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – М., 1988. – 176 с.
2. Кудрявцева, Р. А. Художественная деталь как прием психологизации повествования в мариjsком рассказе конца XX века (на примере рассказа Геннадия Алексева «Жаркий день») / Р. А. Кудрявцева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 5 (143). – С. 61–66.
3. Малькина, М. И. Повесть: обновление традиций / М. И. Малькина, Т. И. Кубанцев // Современная мордовская литература (60–80-е годы). – Саранск, 1991. – Ч. 1. – С. 138.
4. Пинясов, Г. И. Старые раны: Повести и рассказы / Г. И. Пинясов. – Саранск, 1995. – 384 с.

Сведения об авторе

Левина Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Саранск).

LEV.NataliyaN@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 93–96.*

PSYCHOLOGISM A STYLISTIC DOMINANT IDEA OF CONTEMPORARY MORDOVIAN STORY

N. N. Levina

Mordovia State University, Saransk. LEV.NataliyaN@yandex.ru

This article defines the place and role of psychologism as a stylistic dominant idea of genre of contemporary Mordovian story, and identifies the principles of creating of psychological images, analyzes the basic forms and techniques of artistic comprehension of the processes of man's inner world: monologues, individualization of speech of a character, portrait characteristics, expressive dialogues, retrospective time, images-symbols, landscape paintings.

Keywords: *psychologism, story, genre, style, hero, character, stylistic dominant idea, writer, psychological analysis, artistic tools, monologue, inner world.*

References

1. Esin A.B. *Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury* [Psychologism Russian classical literature]. Moscow, 1988. 176 p. (In Russ.).
2. Kudrjavceva R.A. *Hudozhestvennaja detal' kak priem psihologizacii povestvovanija v marijskom rasskaze konca XX veka (na primere rasskaza Gennadija Alekseeva «Zharkij den'»)* [Art detail as receiving the story psychologization Mari in the late XX century, the story (on the "Hot Day" Example Gennady Alekseev story)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 5 (143), pp. 61–66. (In Russ.).
3. Mal'kina M.I., Kubancev T.I. *Povest': obnovenie tradicij* [Update traditions]. *Sovremennaja mordovskaja literatura (60–80-e gody)* [Modern Mordovian literature (60–80 years)], ch. 1. Saransk, 1991. P. 138. (In Russ.).
4. Pinjasov G.I. *Starye rany: Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Saransk, 1995. 384 p. (In Russ.).

УДК 811.581.11
ББК 81.2-1

М. В. Лобачева

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НЕКОТОРЫХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В СПОНТАННОЙ КИТАЙСКОЙ РЕЧИ

Представлены результаты акустического и перцептивного анализа служебных слов, взятых из спонтанной речи, в частности, некоторых союзов, предлогов, частиц, наречий, характеризующихся высокой частотностью и малой информативностью. Результаты акустического и перцептивного исследований позволили выявить ряд изменений гласных, качественные изменения согласных.

Ключевые слова: *слог, спонтанная речь, монофтонгизация, эллиптирование, служебные слова.*

В последнее время вероятностный подход к изучению фонетической вариативности характерен для значительного числа лингвистических исследований. Он успешно применяется в электронных базах данных различных языков (см. Британский национальный корпус [4], Американский национальный корпус (Корпус современного американского английского (СОСА)), где показатели частотности некоторых слов и категорий имеют четкие числовые рамки. Китайский язык не является исключением.

Общеизвестно, что чем более частотным является слово, тем большим изменениям может подвергаться его фонетическая форма. По словам С. А. Фаулер и Дж. Хоусума, «если слово является предсказуемым в каком-либо контексте, то дикторы реализуют его редуцированную, акустически менее информативную фонетическую форму. Чем менее предсказуемо слово, тем реже оно редуцируется и тем более тщательно артикулируется. Этот процесс носит систематический характер» [5].

Служебные слова, как правило, весьма предсказуемы. Они являются неотъемлемой частью любого языка. Служебные слова находятся в центре внимания фонетистов со времен Даниэла Джоунза, который предложил перечень английских фонетически слабых форм слов, каждое из которых являлось служебным или полу-служебным [6].

Среди всех служебных слов предлоги характеризуются особенно высокой частотностью. Например, в Британском национальном корпусе (BNC) [4] четыре из десяти наиболее частотных слова в английском языке – это предлоги *from*, *to*, *in*, *for*. Английские односложные служебные слова, в отличие от знаменательных частей

речи, обычно не получают просодическую маркированность и, таким образом, реализуются в слабых формах. Однако при изолированном произнесении, а также при произнесении в начале, либо конце синтагмы/фразы, они могут получить просодическую маркированность и реализоваться в своих полных формах [9].

Исследования образцов связной, в том числе спонтанной, речи на немецком языке [8; 7; 12] показывают, что служебные слова часто подвергаются различным видам фонетической редукации. Такая тенденция четко прослеживается на материале связной речи. Поскольку именно служебные слова содержат информацию, легко восстанавливаемую из контекста, они избыточны и по большей части просодически немаркированы [10].

По сравнению с другими языками, например, английским, немецким, русским, в китайском языке служебные слова играют более важную роль в семантической и грамматической структуре текста. Многие лексические и грамматические значения, выраженные в других языках морфологическими изменениями знаменательных слов (добавление суффиксов, окончаний), в китайском языке всегда актуализируются с помощью служебных слов. Непонимание одного служебного слова может зачастую привести к неправильному пониманию всего предложения. Кроме того, особенности употребления служебных слов в китайском языке, как известно, могут носить индивидуальный характер. Например, стиль того или иного писателя может быть определен по своеобразию служебных слов, использованных в его работах [3].

Семантические и грамматические особенности служебных слов китайского языка были

глубоко и тщательно изучены. Частота их употребления в речи также привлекала внимание исследователей. Данные изучения медиа-дискурса позволяют сделать, по крайней мере, некоторое предположение о вероятностных характеристиках служебных слов в китайском языке. Языковой корпус ежемесячного выпуска одной из самых популярных газет КНР «Жэньминь жибао» [11] содержит около 1,2 млн. единиц. Среди них насчитывается около 50 тысяч наречий, более 40 тысяч предлогов, почти 30 тысяч союзов, почти 80 тысяч вспомогательных и менее чем 2 тысячи модальных частиц. Для каждого конкретного служебного слова вычислен коэффициент частотности. Например, служебное слово /de/ имеет самую высокую частотность – примерно 40 тысяч употреблений. Наряду с этим, существует множество служебных слов с очень низкой частотностью.

Фонетический облик китайских служебных слов практически не был изучен с точки зрения особенностей реализации составляющих слога. Именно поэтому они стали объектом акустического и перцептивного анализа, проведенного в рамках настоящего исследования. Гипотеза состояла в следующем. Китайские служебные и полуслужебные слова будут подчиняться общей закономерности: чем чаще слово употребляется, тем вероятнее его употребление в слабой форме.

Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили аудиозаписи спонтанной речи трех мужчин, являющихся носителями китайского языка (далее – S1, S2 и S3), в возрасте 20–28 лет (учитель и два студента Амурского государственного университета). В процессе записи носителям языка были предъявлены вопросы; времени на подготовку ответов не давалось. Дикторы говорили на «путунхуа» (официальном варианте китайского языка). Отвечая на вопросы, дикторы выражали свою точку зрения по ряду аспектов (семейной жизни, социальным проблемам, искусству, экономике и так далее). Список вопросов был разработан специалистами в области преподавания китайского языка, включая автора данного исследования. Всем трем участникам эксперимента была дана инструкция говорить так, как они это делают обычно при общении друг с другом. Временных ограничений на ответы не устанавливалось. Полученные монологи звучали естественно. Общая продолжительность записей составила приблизительно 1 час.

Эксперимент 1 – акустический анализ

Сегментация и акустический анализ проводились в программе Praat. Сегментация служебных слов была сделана по осциллограмме и сонаграмме по традиционным методикам (см., напр., методики, описанные С. А. Фаулер и Дж. Хоусумом, П. А. Скрелиным [5]).

Для экспериментального анализа были выбраны пять односложных и десять двусложных служебных слов. Слова встречались в образцах записанной спонтанной речи 416 раз (255 раз – односложные, 161 раз – двусложные), в 171 из них – в слабых фонетических формах (73 раза – односложные, 98 раз – двусложные). Количественные параметры распределения полных и слабых форм представлены в таблицах 1–2. Слабые формы подверглись дальнейшему акустическому анализу. Выявленные модификации были условно классифицированы таким образом: 1) модификации гласных; 2) модификации согласных; 3) эллиптирование. В записанных речевых образцах случаев элизии гласных зафиксировано не было. Спектральные характеристики некоторых слабых форм некоторых служебных слов представлены на рисунках 1–3, 5.

Тридцать типичных модифицированных слов (далее – стимулы) были выбраны для дальнейшего перцептивного анализа.

Эксперимент 2 – перцептивный анализ

Тридцать восемь носителей китайского языка приняли участие в перцептивном эксперименте (мужчины и женщины в возрасте 24–28 лет, студенты, получающие степень бакалавра и магистра). Ни один участник не сослался на нарушения речи и слуха.

Участникам эксперимента была дана анкета, в которой к каждому вопросу было предложено по три варианта ответа: один – канонический, другой – слово, близкое к стимулу по акустическим характеристикам (далее – акустический вариант), третий – слово, далекое и от акустических характеристик стимула, и от канонического варианта. Пример одного из вопросов анкеты для аудиторов приводится ниже (№ 1 – канонический вариант, № 2 – акустический вариант, № 3 – далекий от обоих вариантов):
1. de; 2. da; 3. deng.

Варианты ответов были даны вразброс. Участники эксперимента должны были прослушать стимулы и выбрать один из трех вариантов слов, предлагаемых в анкете. Количество прослушиваний не ограничивалось.

Таблица 2

Модификации двусложных служебных слов

Служебное слово	Общее количество употреблений	Количество модификаций	% модификаций
Haiyou (также)	6	5	83
Haishi (или)	11	7	64
Feichang (очень)	40	33	83
Zheyang (вот так)	14	10	71
Ruguo (если)	14	6	43
Yinwei (потому что)	51	15	29
Deshihou (когда)	10	10	100
Ranhou (потом)	5	3	60
Houlai (потом, затем)	5	4	80
Dengdeng (и так далее)	5	5	100
Haiyou (также)	6	5	83
Общий процент			71

Обсуждение результатов

При сопоставлении данных таблиц 1 и 2 становится очевидным, что в целом двусложные служебные слова были реализованы в слабых формах на 14 % чаще, чем односложные. Минимальный процент слабых форм для односложных слов составил 18 % от общего количества их употребления (см. *de* в табл. 1), в то время как минимальный процент слабых форм для двусложных слов составил 29 % (см. *yinwei* в табл. 2). В обеих группах были слова, которые встретились только в слабых формах (см. *dou* в табл. 1, *yinwei* и *dengdeng* в табл. 2).

В группе односложных слов самое частотное слово *de* имело наименьшее количество слабых форм (см. табл. 1), в то время как самые низкочастотные слова *dou* и *mei* представлены в слабых формах во всех своих реализациях либо в их большинстве (см. табл. 1).

В группе двусложных слов были выявлены как низкочастотные слова, которые употреблялись преимущественно в слабых формах (см. *haiyou*, *dengneng* и *houlai* в табл. 2) и два относительно высокочастотных слова, одно из которых в большинстве реализаций было представлено слабыми формами (см. *feichang* в табл. 2), а другое – полными формами (см. *yinwei* в табл. 2).

Таким образом, полученные результаты не дают оснований однозначно утверждать, что более частотные служебные слова чаще реализуются в слабых формах.

Таблица 1

Модификации односложных служебных слов

Служебное слово	Общее количество употреблений	Количество модификаций	% модификаций
De (притяжательная частица)	170	30	18
Zai (предлог «в»)	45	15	33
Zui (самый)	22	12	55
Mei (нет)	10	8	80
Dou (все)	8	8	100
Общий процент			57

Ниже приведены четыре примера слабых версий служебных слов.

На рис. 1 показана слабая форма слова *Zui* (самый), где очевидна реализация монофтонга вместо дифтонга, характерного для канонического фонетического облика слова (см. 1 период после 0,05 сек.).

В отличие от полной формы, на спектрограмме не прослеживается увеличение F2, а также не наблюдается уменьшение F1 при переходе от ядра к глайду. Фактически глайд отсутствует. Тем не менее F1 заметно ниже, а F2 – значительно выше, чем в ядре полной форме (302 Гц и 2075 Гц соответственно в слабой, 359 Гц и 1476 Гц соответственно для ядра в полной форме). Акустическая транскрипция слабой формы слова – [dzi]. Большая закрытость гласного и его продвижение вперед достигается не только из-за «следа», оставленного выпавшим глайдом, но и благодаря предшествующему переднеязычному согласному. Влияние палатализованного согласного [sʰ] из последующего слова *xihuan* происходило в том же направлении. Реализованный гласный характеризуется ровным основным тоном (первым) вместо этимологически присущего ему нисходящего тона (четвертым). Также наблюдается незначительное увеличение интенсивности.

Еще одним примером модификации гласных является качественное изменение гласно-

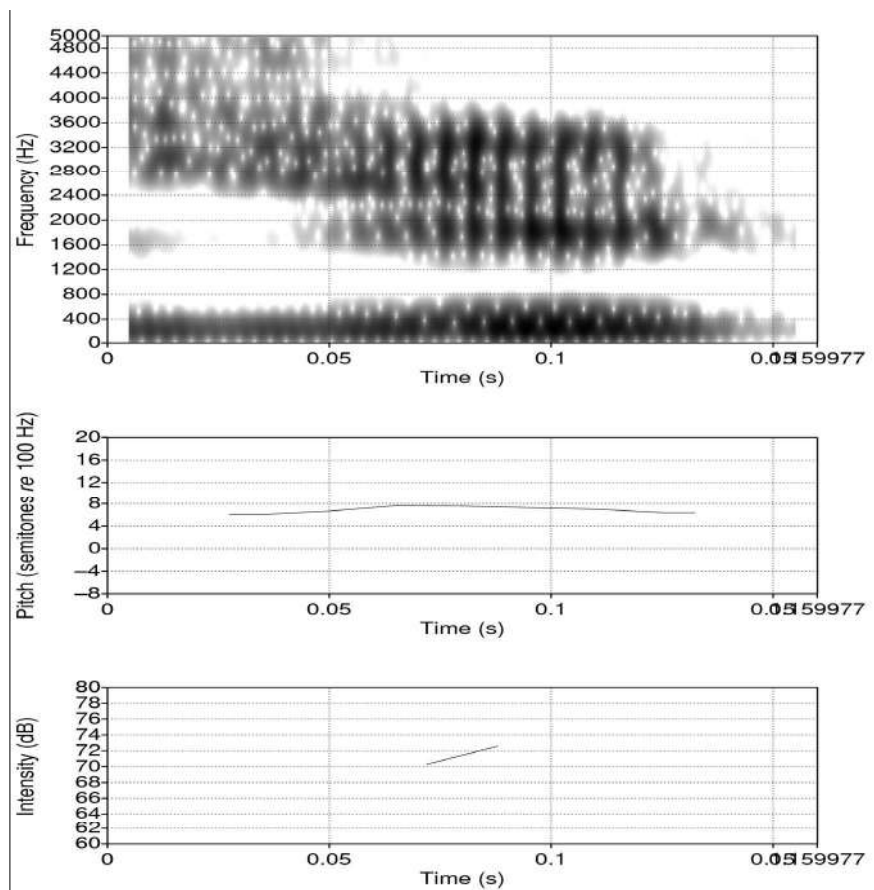

Рис. 1. Реализация слова *Zui* [dzui] как [dzi] в спонтанной речи

го в слове *de* (притяжательная частица). Полная форма гласного неоднородна вследствие перехода F1 от 252 до 422 Гц и F2 от 1083 до 1181 Гц. Транскрипционная запись рассматриваемого слова с помощью символов IPA выглядит как [doo]. В классическом учебнике китайского языка [1] данный гласный также описан как гласный заднего ряда, высокого подъема. Формантные значения гласного в слабой форме – F1 = 629, F2 = 1245, при этом неоднородности, характерной для полной формы, не отмечено. Гласный, очевидно, среднего ряда, продвинутый назад, может быть выражен как [ʌ] в символах IPA. Поскольку слово характеризуется нулевым тоном, изменения основного тона нерелевантны и не рассматриваются в настоящем исследовании.

На рис. 3 показана слабая версия слова *ranhou*. Транскрипция его полной формы выглядит как [zan'hou]. На рис. 4 даны спектральные характеристики и кривая основного тона полной реализации того же слова. В слабой форме (см. рис. 3) второй гласный монофтонгизировался, получив следующие формантные значения: F1 = 550, F2 = 1200. Кроме того, носовая финаль [ŋ] отсутствует в первом слоге.

В полной форме носовой согласный присутствует (см. рис. 4, временные рамки примерно с 0,125 сек. до 0,15 сек.), отчетливо наблюдается глайд в дифтонге [ou] (см. рис. 4, временные рамки примерно от 0,33 сек. до 0,47 сек.). При сравнении спектрограмм на рисунках 3 и 4 очевидно изменение траектории основного тона в слабой форме: вместо канонического нисходяще-восходящего тона был реализован восходящий.

На рис. 5 представлены как полная (в первом слоге слова), так и слабая (во втором слоге) формы слога *deng* в слове *dengdeng*. Гласный в слабой форме имеет следующие формантные значения: F1 = 725, F2 = 1400, в то время как формантные значения полной формы составляют 600 и 1550 Гц соответственно (см. рис. 5). Гласный в слабой форме, очевидно, более открытый и отодвинутый назад по сравнению с гласным в полной форме. Такая модификация может быть выражена с помощью символов IPA как замена [ɛ] на [a]. Оба слога характеризуются нулевым каноническим тоном, который полностью адаптируется к падению интонации к концу высказывания. В отличие от первого слога (см. рис. 5, временной период приблизи-

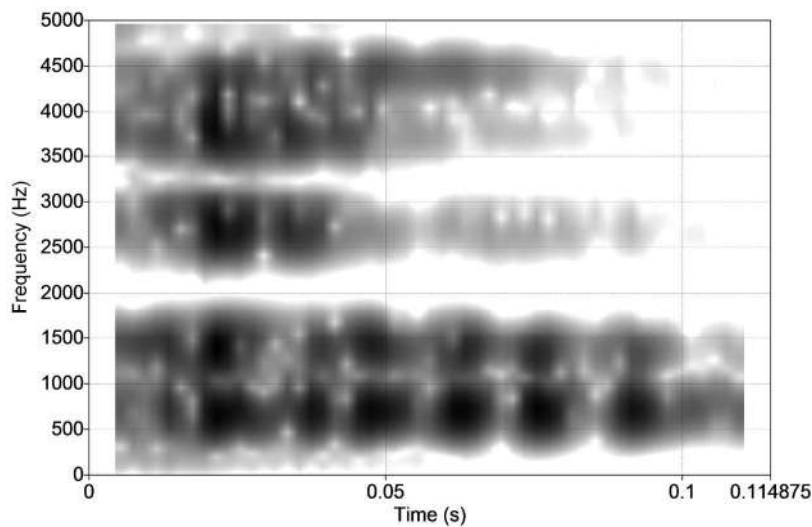

Рис. 2. Реализация слова [de] как /dʌ/ в спонтанной речи

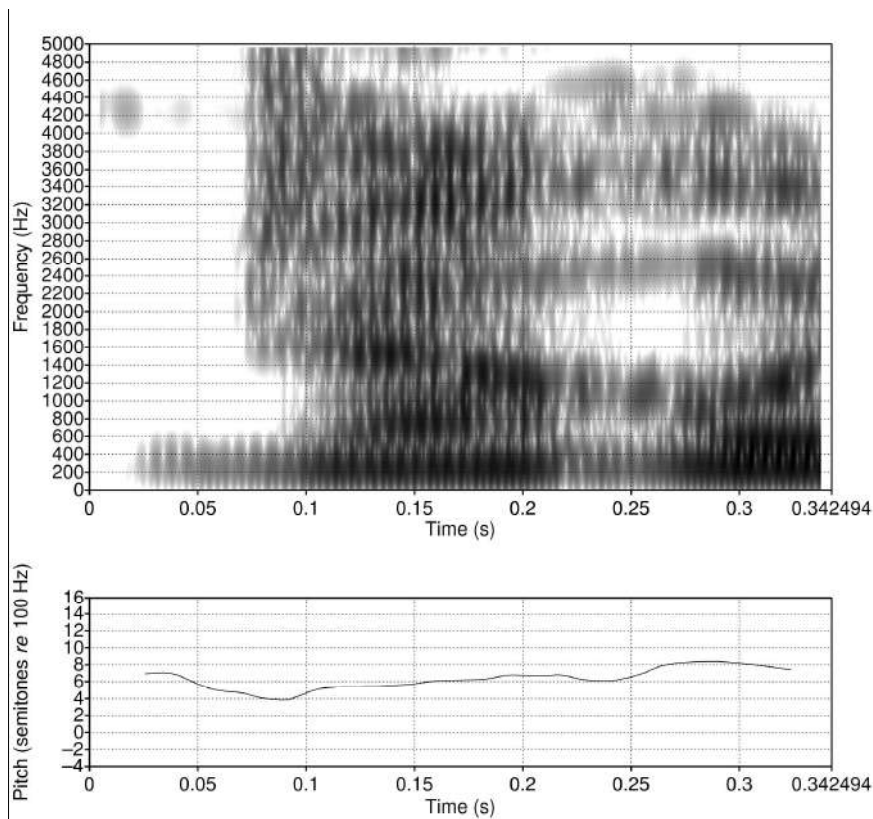

Рис. 3. Реализация слабой формы слова [raŋhoʊ] как /rʌŋhɔ/

тельно 0,135–0,2 сек.), η-финаль отсутствует во втором слоге (рис. 5, после 0,34 сек.).

Результаты перцептивного анализа указанных модифицированных служебных слов в целом коррелируют с их акустическими характеристиками. Так, слово *zui* было воспринято как /zi/ 70 % аудиторов, остальные 30 % не распознали слова (не дали вообще никакого ответа).

Слово *de* было распознано как канонический

слог только 24 % участников эксперимента; остальные 76 % интерпретировали гласный как [a], отразив в своей анкете это слово как /da/ и /na/. Такой результат может быть объяснен существованием слов *da* и *na* в китайском языке.

Больше половины аудиторов (57 %) восприняли гласный второго слога слова *yiŋwei* как [a] вместо канонического [ei], 28 % отказались от ответа, 14 % восстановили дифтонг с ядром

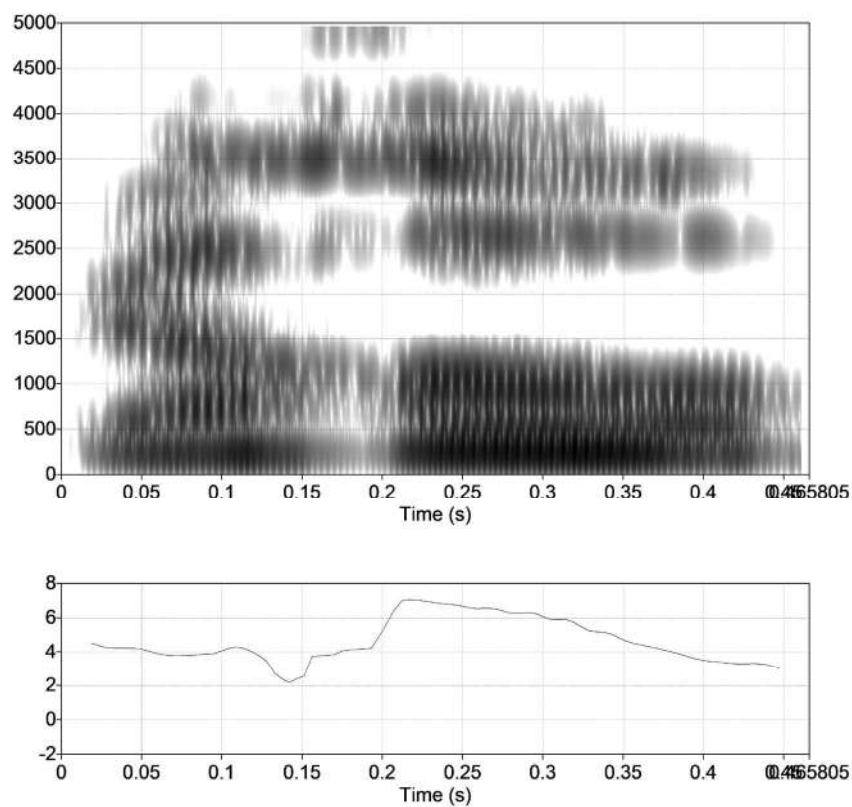

Рис. 4. Реализация полной формы слова [ranhou]

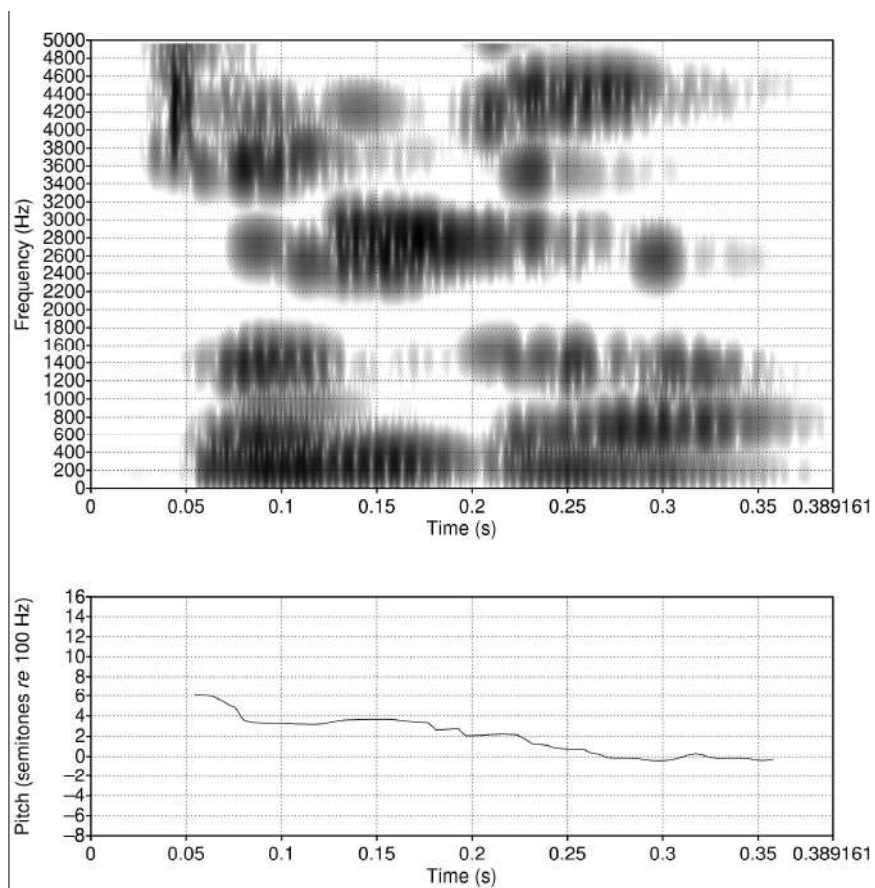

Рис. 5. Реализация слабой формы слова [deɪdeɪ] как /deɪdeɪ/

другого качества – [ai].

Редукция гласного во втором слоге слова *riguo* воспринималась носителями языка неоднозначно. Всего 14 % аудиторов восстановили канонический слог, тогда как 43 % восприняли модифицированный гласный [uo] как [e] (оба в путунхуа), столько же аудиторов не смогли предложить никакой интерпретации.

Озвончение канонически глухого согласного во втором слоге слова *feichang* воспринималось соответствующим образом 93 % аудиторов, которые услышали [ʒ] или [dʒ] вместо [f]. Аналогичное восприятие (как [ʒ]), но с большей надежностью (100 %), имело место при озвончении [ʃ] в слове *deshihou*.

В то же время оба слога слова *ranhou*, предъявленные аудиторам изолированно друг от друга, были восстановлены, несмотря на изменения, описанные выше (первый слог – элизия конечного носового, второй гласный – монофтонгизация). Такой результат представляется вполне очевидным, потому что в китайском языке отдельных слов *ran* и *hou* не существует. То же самое касается второго слога союза *hai you*, который также подвергся монофтонгизации, но был восстановлен всеми аудитором. Причина – отсутствие слова /jo/ в китайском языке.

Стимул *deng*, который представляет второй слог слова *dengdeng*, был воспринят как /de/ 70 % аудиторов (конечная периферия слога не была восстановлена). Однако ни один из

участников эксперимента не отреагировали на изменение качества гласного.

Как показали данные акустического и перцептивного анализа служебных слов, гипотеза о соотношении частотности слова и степени его модификацией в речи может быть подтверждена лишь частично. Результаты акустического анализа продемонстрировали наличие изменений у гласных, в том числе монофтонгизацию и качественную редукцию, и определенные изменениям согласных, в том числе элизию носовых [nʲ]- и [ŋ]-финалей. По результатам перцептивного анализа были выявлены такие замены гласных, как [ui]-[i], [e]-[a]. Данные перцептивного эксперимента позволяют предположить, что аудиторы реагировали на акустические изменения в соответствии с наличием или отсутствием реального слова в китайском языке, имеющего схожие акустические характеристики. При отсутствии такового модификации носителями языка были проигнорированы, а канонические слоги – восстановлены.

Результаты, полученные в данном исследовании, следует рассматривать как предварительные. Очевидно, что вопрос о фонетических моделях китайских служебных слов с точки зрения их сегментного состава и о направлениях и причинах их модификаций должен быть изучен более скрупулезно.

Список литературы

1. Задоевко, Т. П., Учебник китайского языка / Т. П. Задоевко, Хуан Шуин. – М., 2002. – 768 с.
2. Скрелин, П. А. Сегментация и транскрипция / П. А. Скрелин. – СПб., 1999. – 106 с.
3. Bei, Yu Function Words for Chinese Authorship Attribution / Yu Bei // Workshop on Computational Linguistics for Literature. – Montreal, 2012. – Pp. 45–53. – URL: beiyu.syr.edu/HLT2012-CLFL-cfwa.pdf.
4. Burnard, Lou Reference guide for the British National Corpus / Lou Burnard // Oxford University Computing Services. – Oxford, 2000. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
5. Fowler, C. A. Talkers' Signaling of "New" and "Old" Words in Speech and Listeners Perception and Use of the Distinction / C. A. Fowler // Journal of memory and language. – 1987. – Vol. 26. – Pp. 489–504. – URL: <http://www.haskins.yale.edu/Reprints/HL0596.pdf>.
6. Jones, J. The pronunciation of English. – Cambridge University Press, 1956. – URL: <https://www.waterstones.com/book/the-pronunciation-of-english/daniel-jones/9780521093>.
7. Kohler, K. J. IPDS Kiel. Articulatory reduction in German spontaneous speech / K. J. Kohler // First ETRW on speech production modeling. – Autrans, 1996. – URL: https://www.ipds.uni-kiel.de/kjk/pub_exx/.../JIPA.pdf.
8. Kohler, K. J. Segmental reduction in connected speech in German: phonological facts and phonetic explanations. / K. J. Kohler // Speech Production and Speech Modeling. – 1990. – Vol. 50. – Pp. 69–92. – URL: <https://www.ipds.uni-kiel.de/kk1990/reduction.pdf>.
9. Mitsuhiro Nakamura. Articulatory Characteristics of Function Words in English: a Case Study / Nakamura Mitsuhiro // 8th International Seminar on Speech Production. – 2008. – Pp. 213–216. – URL: <http://issp2008.loria.fr/Proceedings/PDF/issp2008-47.pdf>.

10. Wesener, T. The phonetics of function words in German spontaneous speech / T. Wesener // *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel (AIPUK)* 34. – 1999. – Pp. 323–373.

11. Zan, H. Research on the Chinese Function Word Usage Knowledge Base / H. Zan, K. Zhang, X. Zhu, S. Yu // *International Journal on Asian Language Processing*. – 2013. – Vol. 21 (4). – Pp. 185–198.

12. Zimmer, F. Reduction in natural speech / F. Zimmer. – Frankfurt am Main, 2009. – 183 p. – URL: <https://www.ublikationen.ub.unifr Frankfurt.de/files/7369/DissertationZimmerer.pdf>.

Сведения об авторе

Лобачева Марина Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск.
lomarinaa@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 97–105.*

THE PHONETIC FORMS OF SOME FUNCTIONAL WORDS IN SPONTANEOUS MANDARIN CHINESE SPEECH

M. V. Lobacheva

Amur State University, Blagoveshchensk. lomarinaa@mail.ru

The current paper presents the results of acoustic and perceptual study of functional words taken from spontaneous speech with the focus on conjunctions, prepositions, particles, and some adverbs that are characterized by high frequency rate and little information that they provide. The hypothesis was that the higher the frequency of a word occurrence is the more often is that word phonetically modified. The results of the study enabled to show changes in functional words of both consonants including voicing of the voiceless and modifications of nasals and vowels including monophthonging of diphthongs and quality reduction of monophthongs. However the hypothesis was proven only partly: there were cases where most frequent functional words were not modified and where functional words with much lower frequency rate occurred primarily in weak forms.

Keywords: *syllable, spontaneous speech, monophthonging, elision, functional words.*

References

1. Zadoenko T.P. *Uchebnyk kitajskogo jazika* [The guidebook in Chinese]. Moscow, 2002. 768 p. (In Russ.).
2. Skrelin P.A. *Segmentacija i transkripcija* [Segmentation and transcription]. Saint Petersburg, 1999. 106 p. (In Russ.).
3. Bei Yu. Function Words for Chinese Authorship Attribution. *Workshop on Computational Linguistics for Literature*. Montre'al, 2012. Pp. 45–53. Available at: <http://beiyu.syr.edu/HLT2012-CLFL-cfwa.pdf>, accessed 03.02.2016.
4. Burnard L. *Reference guide for the British National Corpus*. Oxford University Computing Services. Oxford, 2000. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk.aip>, accessed 03.02.2016.
5. Fowler C.A. Talkers' Signaling of "New" and "Old" Words in Speech and Listeners Perception and Use of the Distinction. *Journal of memory and language*, vol. 26. 1987. Pp. 489–504. Available at: <http://www.haskins.yale.edu/Reprints/HL0596.pdf>, accessed 03.02.2016.
6. Jones J. *The pronunciation of English*. Cambridge University Press, 1956. Available at: <https://www.waterstones.com/book/the-pronunciation-of-english/daniel-jones/9780521093>, accessed 03.02.2016.
7. Kohler K.J., IPDS Kiel. Articulatory reduction in German spontaneous speech. *First ETRW on speech production modeling*. Autrans, 1996. Available at: http://www.ipds.uni-kiel.de/kjk/pub_exx/JIPA.pdf, accessed 03.02.2016.

8. Kohler K.J. Segmental reduction in connected speech in German: phonological facts and phonetic explanations. *Speech Production and Speech Modeling*, 1990, pp. 69–92. Available at: <https://www.ipds.uni-kiel.de/kk1990/reduction.pdf>, accessed 03.02.2016.

9. Mitsuhiro Nakamura. Articulatory Characteristics of Function Words in English: a Case Study. *8th International Seminar on Speech Production*, 2008. Pp. 213–216. Available at: <http://issp2008.loria.fr/Proceedings/PDF/issp2008-47.pdf>, accessed 03.02.2016.

10. Wesener T. The phonetics of function words in German spontaneous speech. *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel (AIPUK)*, vol. 34. 1999. Pp. 323–373.

11. Zan H., Zhang K., Zhu X., Yu S. Research on the Chinese Function Word Usage Knowledge Base. *International Journal on Asian Language Processing*, 2013, vol. 21 (4), pp. 185–198.

12. Zimmer F. *Reduction in natural speech*. Frankfurt am Main, 2009. 183 p. Available at: <http://ublikationen.ub.unifrankfurt.de/files/7369/DissertationZimmerer.pdf>, accessed 03.02.2016.

УДК 811.133.1'01.373.46:612.2
ББК Ш147.11-4

Н. Н. Лыкова

МЕТАФОРА В ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВА (на материале старофранцузских источников)

Метафора в языках для специальных целей является одним из способов терминообразования. Рассматриваются изменившиеся подходы к изучению статуса и природы терминологической метафоры, ее функции и типы. Исследуются метафоры формирующейся терминологии права в старофранцузском языке. Высказывается предположение о преобладании в терминологии права на начальном этапе ее развития эпизодических метафор, не организованных в сети, однако способных образовать ряды производных или составных терминов, определяются концептуальные сферы-источники, используемые для создания терминологических метафор в языке старофранцузского права.

Ключевые слова: *терминологическая метафора, типы метафор, термины права, формирующиеся терминологии, старофранцузский язык.*

Большинство терминов становятся терминами, вовлекаясь в терминологию или терминосистемы, как правило, из сферы неспециальной лексики. Выделяют, как известно, три основных, принципиально различных способа образования терминов: 1) построение производных слов, сложных слов, усеченных слов и словосочетаний; 2) использование уже существующих слов путем изменения их значений; 3) заимствование терминов из другого языка [3. С. 7]. Терминологическая метафора как раз относится ко второму способу терминогенеза, обозначенному Д. С. Лотте.

Понимание терминологии и ее эпистемологического статуса существенно изменилось за последние десятилетия. Известный испанский терминолог Мария Тереса Кабре, которая предложила коммуникативную теорию терминологии, объясняет факторы и новый контекст, которые способствовали изменению терминоведческих интересов в своей работе, посвященной прошлому, настоящему терминоведческих изысканий и перспективам развития этой отрасли знаний [7]. В частности, она отмечает, что применение когнитивных теорий позволило терминоведению пересмотреть некоторые постулаты, а именно, стало понятным, что очень трудно провести границы между общими и специальными знаниями, что приобретение специализированных знаний опирается на общие знания о мире, что вездесущность культуры (в том числе научной) проявляется в любом восприятии действительности [7].

Это изменение подходов привело к изменению взглядов на терминообразование с помощью метафоры. Первые исследования о специфическом функционировании метафоры в терминологии восходят к девяностым годам XX века. В нашей стране метафорическое терминообразование рассматривалось в работах В. Н. Прохоровой (1996) [5], Л. М. Алексеевой (1998) [1]. Во Франции в работе А. Ассалья «Терминологическая метафоризация» (1994) [6] подчеркивается важность метафорического аспекта в оформлении и номинации понятий. Он считает, что метафоризация – необходимый элемент научной мысли, внутренне присущий ей. В процессе терминогенеза мысль часто вынуждена извлекать из общего языкового резервуара уже существующую лексему, которая переносится и метафорически переосмысливается, чтобы обозначить нарождающееся понятие [6. Р. 235]. В этой своей работе Аллаль Ассаль уточнил разницу между риторической метафорой и метафорой терминологической, подчеркнул, что аналогия, лежащая в основе терминологической метафоризации, носит символический характер: она внутренне не присуща тем реальным объектам, которые сравниваются, сопоставляются. Он считает, что фундаментальный механизм терминологической метафоризации состоит в том выборе, который осуществляется в процессе метафоризации, когда из всего плотного набора семантических признаков той или иной единицы выбираются те, что лежат в основе аналогии, подтверждают ее, обосновывают саму возмож-

ность ее метафорического употребления и нейтрализуются другие [6. Р. 236–237].

Микаэла Росси, итальянский лингвист, развивает идеи Ассала, изучая функции и статус терминологических метафор в языках для специальных целей. Она показывает вклад лингвистов, термиологов, философов, когнитивистов в развитие современной теории метафоры, рассматриваемой как поле понятийного взаимодействия. М. Росси настаивает на том, что метафора в специализированных подязыках базируется на сложных и многообразных процессах и явлениях, в которых задействуются разнообразные и меняющиеся семиотические функции [13].

Она выделяет пять функций терминологической метафоры, опираясь на типологию функций, предложенную Изабель Оливейра: номинативную, эвристическую, герменевтическую, объяснительную (просветительскую) и дидактическую [13. С. 714].

Заметим, что все эти функции свойственны не только терминологическим метафорам, но и любым терминологическим единицам. К этой типологии функций можно было бы добавить, например, классифицирующую, функцию моделирования знаний, кумулятивную функцию или прагматическую. Как бы то ни было, это разнообразие функций показывает, что статус терминологической метафоры в той или иной терминологии тот же, что и у нейтрального термина: она также предназначена для сохранения, аккумуляции знаний какой-либо отрасли знаний, она обеспечивает приобретение и передачу знания, а также доступ к культурному содержанию понятий во времени и в пространстве.

В восьмидесятых годах XX века, изучая терминологическую метафору, отечественные и зарубежные исследователи опирались в основном на чисто лингвистические критерии при характеристике типов метафоры. Так, например, канадская исследовательница Кристин Хорн пишет: «Следует различать два типа лексической метафоры: метафора, выраженная простым словом, и метафора, представленная лексической синтагмой (*pomme de terre*)» [9. Р. 36]. Тогда как сейчас популярна типология, предложенная итальянским лингвистом Микеле Пранди, которая опирается на статус и семиотическую природу метафоры в специальных текстах [12]. В этой типологии говорится о трех типах метафор:

1. Изолированные катахрезы (эпизодические метафоры). Такие метафоры не произво-

дят других метафор в той же самой области знаний. Они особенно часто встречаются в конкретных, практических сферах. Примером такой метафоры в русском языке может послужить железнодорожный термин *костыль*. В этом случае метафора рождается из концептуального взаимодействия с хорошо известной концептосферой и опирается на характеристики, общие для обоих референтов (возможность служить опорой, подпоркой).

2. Метафоры, организованные в связанные сети. Их еще называют метафорические сети, серии или множества. Эти сети вытекают из некоего общего концептуального взаимодействия. Например, в астрономии продуктивной является концептуальная метафора «Небесные тела – это люди». Эта метафора породила целую серию терминов: *поколения звезд, карликовая звезда (желтый карлик, черный карлик, белый карлик, красный карлик и т.п.), звезда-гигант (сверхгигант, гипергигант)*.

3. Конфликтная метафора – это тип, в котором метафора реализует весь свой проективный концептуальный потенциал. В этом случае метафора нарушает условия связности обычных высказываний. Она часто выполняет функцию введения в научный обиход новых парадигм знания, служит базисом для создания новых теорий. Ярким примером такой конфликтной метафоры является *теория струн* в теоретической физике, это направление, изучающее динамику взаимодействия одномерных протяженных объектов (так называемых *квантовых струн*). Метафора опирается на концептуальное взаимодействие между бранами (мембранами) пространства-времени и струнами скрипки. Подобные метафоры создают образ, способствующий развитию науки и знаний какой-то определенной научной или технической области [13; 8].

В отечественном терминоведении В. М. Лейчик, анализируя метафоры в компьютерном языке, выделяет три вида терминов-метафор: метафоры, основанные на сходстве физических признаков (*зеркало, клиент*); метафоры, основанные на сходстве функций предметов (*корзина*) или обозначающие близкие процессы в разных областях деятельности (*скачивание, закачивание*), и концептуальные, интеллектуальные метафоры (*спящий режим, корень*) [2. С. 296–298].

В последние годы терминологиями разных стран изучались терминологические метафоры самых различных областей знания: виноделие,

медицина и биомедицина, физика, астрономия, информатика. Право, юриспруденция также вызывают интерес исследователей, занимающихся проблемами терминологической метафоры [14; 10; 11].

Если обратиться к периоду формирования терминологии права, к стадии ее становления, развития, можно, во-первых, предположить, что концептуальные сферы, которые послужат источником для создания терминологических метафор, будут связаны с повседневной жизнью человека, с тем, что его окружает, поскольку право регламентирует отношения между людьми в том, что касается их взаимодействия. Кроме того, метафоры всегда вытекают из опыта специалиста, следовательно, в период возникновения терминологий метафоры будут тесно связаны с непосредственным опытом народа, с наивной картиной мира, отраженной в языке. И наш материал это предположение подтверждает. Так, при анализе составленного нами словаря старофранцузской правовой лексики [4] обнаруживается целый ряд терминологических метафор, сферой-источником для которых являются предметы обихода, одежда, человек (части тела), домашние животные, растения, поверхность или ландшафт.

К числу антропоморфных метафор относятся термины *main* и *ventree*. В языке права слово *main* 'рука' рано стало употребляться в значении 'руки правосудия', от которых никто не ускользнет и которые хватают преступника: *...et doit estre en la main au juige* 'и должен находиться в руках судьи'. Слово *ventree* 'живот' переосмысливается в праве и приобретает значение 'наследование детьми от разных браков'. Этот термин входит в состав устойчивого выражения *succéder par ventrées* 'наследовать детьми от разных браков'.

К зооморфным метафорам мы относим термины *coq* и *grif*. *Coq* 'петух' в праве обозначает часть земли, достающуюся старшему наследнику вместе с имением по праву на получение определенной доли имущества до его раздела и по праву первородства. В данном случае проводится аналогия с первым криком петуха, встречающего новый день, и появлением на свет первенца, обладающего некоторыми преимуществами по отношению к другим детям. *Grif* 'коготь' в средневековом французском праве имеет еще и значение 'кража': проводится аналогия с тем, что когтем можно легко зацепить и вытащить то, что скрыто в укромном месте, то есть украсть.

Растительные метафоры представлены терминами *esclie*, *rain*. Существительное *esclie* 'щепка' и глагол *esclicier* 'рубить, расщеплять' в языке права получают значения 'раздел наследства', 'делить наследство'. Образ, лежащий в основе этой аналогии, ярок и совершенно прозрачен. Слово *rain*, *rain* 'ветка, ветвь' имело еще символическое значение, это был знак инвеституры, ввода в наследство.

Слова, номинирующие различные предметы обихода, переосмысляясь, тоже могут приобретать иное, специальное, значение. Так, слово *gant* 'перчатка' во французском праве обозначает право сеньора на изменение феодалов. Этот предмет одежды вначале использовался в церемонии установления прямого наследования, по закону или по завещанию, кроме того, перчатка часто была символом ввода во владение. Отсюда старофранцузское выражение *gants et ventes*, которым обозначались налоги, пошлины, уплачиваемые сеньору новым владельцем феодала.

Сферой-источником для некоторых юридических терминов может послужить ландшафт. Так, главе рода путем метафорического переноса присваивалось наименование *mont* 'гора'.

Второе предположение, которое можно высказать о терминологических метафорах раннего периода формирования терминологии, касается ее типов. По-видимому, на начальном этапе преобладающим типом были изолированные, эпизодические метафоры. Метафоры, организованные в сети, и конфликтные метафоры характеризуют, очевидно, сложившиеся, более развитые терминологии, поскольку должно пройти какое-то время, чтобы возникла, развилась и нашла свое терминологическое выражение сеть ассоциаций. Однако и на раннем этапе формирования терминологии эпизодические метафоры способны были значительно расширить систему терминообозначений той или иной области знаний. Так, в старофранцузском языке права можно найти ряды, цепочки терминообозначений, образованных на основе одной метафоры. Например, от существительного *festu* 'соломинка' образованы термины-глаголы *festuer* 'заключить договор, соглашение согласно установленному обычаю', *efestuer*, *esfestuer*, *rompre le fétu* 'уступать право на собственность, отказаться от имущества, от собственности'; термины-существительные *festucation*, *esfestucation* 'отказ, уступка', *infestucation*, *infestucation* 'вступление во владение'. Древнее право неотделимо от действия, от ритуала, обряда, и терминология

иногда позволяет восстановить ритуал, сопровождающий определенную правовую процедуру: юридический акт уступки прав на имущество осуществлялся посредством бросания соломинки, которую держали в руке, а тот, кто поднимал брошенную соломинку, становился собственником данного имущества (землевладения). Эти образы, физические действия и легли в основу названных правовых терминов. Вообще, акт разламывания соломинки символизировал, что договор заключен, что отражено в глаголе *festuer*.

Глагол *vestir* 'надевать, одевать' в языке права имел значение 'ввести во владение феодем': надеть на себя, значит, сделать своим, получить в собственность. От этого глагола образованы следующие производные, обогатившие юридическую терминологию раннего периода: *vest* 'инвеститура; введение во владение наследством; жалование владением', *vesteure* 'инвеститура, ввод во владение феодем; налог, уплачиваемый за инвеституру', *vestue* 'обладание, владение ленным наследством', *avestir*, *advestir* 'ввести, вводить в законное владение феодем', *avesture*, *advest* 'инвеститура; юри-

дический акт введения вассала во владение феодем', *avestir un domaine* 'жаловать кого-л. владением, поместьем', *vest et devest* 'взятие и передача владения, собственности снова в руки сеньора'.

Еще одна предметная метафора связана со словом *lit* 'кровать'. В языке права это слово переосмысливается и получает значение 'брак'. От него не образованы производные, но тем не менее это был продуктивный термин, послуживший основой для создания многосоставных терминов, таких как *enfant du premier lit* 'ребенок от первого брака', *lit brisié* 'расторгнутый брак', *lit deffait* 'брак, окончившийся смертью одного из супругов', *lit entier* 'продолжающийся брак'.

В заключение отметим, что терминологическая метафора является полноценным источником пополнения формирующихся терминологий, она опирается на когнитивные механизмы аналогии, выделения общих, сходных признаков у разных объектов и процессов, обеспечивает понятийное взаимодействие между хорошо известной и новой областью знаний и отражает культурно-исторический контекст эпохи.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Термин и метафора / Л. М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 250 с.
2. Лейчик, В. М. Метафоризация как способ образования научных и технических терминов (на материале лексики языка компьютерного дела) / В. М. Лейчик // Терминология и знание: материалы II Международного симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г.). – М.: Азбуковник, 2010. – С. 292–306.
3. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
4. Лыкова, Н. Н. Словарь старофранцузской правовой лексики / Н. Н. Лыкова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. – 156 с.
5. Прохорова, В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В. Н. Прохорова. – М.: Филол. ф-т, 1996. – 125 с.
6. Assal, A. La métaphorisation terminologique / A. Assal // Terminologie et traduction. – 1994. – Vol. 2. – P. 235–242.
7. Cabré, M. T. La terminologie, une discipline en évolution : le passé, le présent et quelques perspectives / M. T. Cabré // L'Homme, M.-Cl.; Vandaele, S. Lexicographie et terminologie: compatibilité des modèles et des méthodes. – Ottawa: Les Presses de l'Université d'Ottawa, 2007. – P. 79–109. – URL: <http://www.docfoc.com/cabre-la-terminologie-une-discipline-en-evolution>.
8. Giaufret, A. Métaphores terminologiques, circulation des savoirs et contact entre langues / A. Giaufret, M. Rossi // Signes, Discours et Sociétés [en ligne], 10. La métaphore dans le discours spécialisé, 12 novembre 2013. – URL: <http://www.revue-signes.info/document.php?id3170>.
9. Horne, Ch. La Métaphore lexicale en terminologie: Comment mettre cent mille souris sur une puce? / Ch. Horne // Initiales. – 1986. – Vol. 6. – P. 35–41. – URL: <https://ojs.library.dal.ca/initiales/article/viewFile/5005/4510>.
10. Houbert, F. Caught in the Web of the Law. Le traducteur face à la métaphore / F. Houbert. – URL: <http://www.initerm.net/post/2011/05/18/Les-metaphores-juridiques>.

11. Jakimovska, S. Les tropes dans la langue juridique et leur traduction du français en macédonien et vice versa / S. Jakimovska // *Langue, littérature et culture françaises en contexte francophone : Actes du Colloque international* (Skopje, Macédoine, 12–13 décembre 2011). Skopje, 2012, pp. 95–110. – URL: <http://eprints.ugd.edu.mk/4823>.

12. Prandi, M. A Plea for Living Metaphors: Conflictual Metaphors and Metaphorical Swarms / M. Prandi // *Metaphor and Symbol*. – 2012. – Vol. 27, № 2. – P. 148–170.

13. Rossi, M. Métaphores terminologiques : fonctions et statut dans les langues de spécialité / M. Rossi // *Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2014 SHS Web of Conferences*. – P. 713–724. – URL: http://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2014/05/shsconf_cmlf14_01268.pdf.

14. Rossi, M. Terminologies et comparaison interculturelle : évolutions de quelques métaphores conceptuelles dans le domaine du droit de la famille / M. Rossi // *Lingua e Diritto. La Lingua della Legge, la Legge nella Lingua*, Publifarum, n.18, pubblicato il 2013, consultato il 19/02/2016. – URL: http://publifarum.farum.it/ezone_pdf.php?id255.

Сведения об авторе

Лыкова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Тюменского государственного университета.

nlykova@utmn.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).

Philology Sciences. Issue 100. Pp. 106–111.

METAPHOR IN LAW TERMINOLOGY (ON THE BASIS OF OLD FRENCH SOURCES)

N. N. Lykova

Tyumen State University. nlykova@utmn.ru

Metaphor in languages for specific purposes is one of the ways of terminology creation. This article discusses the shift in approaches of the study of the status and nature of terminological metaphor its functions and types. Metaphors in emerging law terminology in the Old French language are being researched in this article. The article is based on hypothesis that at the initial stages episodic metaphors prevailed and they were not organized into networks, however they were able to form the series of derivative or compound terms. We also define the conceptual scope of sources that are used to create terminological metaphors in the language of the Old French law.

Keywords: *terminological metaphor, types of metaphors, law terms, emerging terminology, Old French.*

References

1. Alekseeva L.M. *Termin i metafora* [Term and Metaphor]. Perm, 1998. 250 p. (In Russ.).
2. Leychik V.M. Metaforizatsiya kak sposob obrazovaniya nauchnykh i tekhnicheskikh terminov (na material leksiki yazyka komp'yuternogo dela) [Metaforizatcija as a way to create a scientific and technical terms (on a material of computer science vocabulary)]. *Terminologiya i znanie: materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Terminology and Knowledge]. Moscow, 2010. Pp. 292–306 (In Russ.).
3. Lotte, D.S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Questions borrowing and ordering foreign-language terms and terminoelements]. Moscow, 1982. 149 p. (In Russ.).
4. Lykova N.N. *Slovar' starofrantsuzskoy pravovoy leksiki* [Dictionary of the Old French legal vocabulary]. Tyumen, 2011. 156 p. (In Russ.).
5. Prokhorova V.N. *Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie)* [Russian terminology (lexical-semantic formation)]. Moscow, 1996. 149 p. (In Russ.).

6. Assal A. La métaphorisation terminologique [The terminological metaphORIZATION]. *Terminologie et traduction*, 1994, vol. 2, pp. 235–242 (In French).

7. Cabré M.T. La terminologie, une discipline en évolution : le passé, le présent et quelques perspectives [Terminology : discipline in evolution : the past, the present and prospects]: L'Homme, M.-Cl.; Vandaele, S. *Lexicographie et terminologie: compatibilité des modules et des méthodes*. Ottawa, 2007. Pp. 79–109. Available at: <http://www.docfoc.com/cabre-la-terminologie-une-discipline-en-evolution> (In French).

8. Giaufret A., Rossi M. Métaphores terminologiques, circulation des savoirs et contact entre langues [Terminological metaphors, knowledge circulation and contact between languages]. *Signes, Discours et Sociétés* [en ligne], 10. La métaphore dans le discours spécialisé, 12 novembre 2013. Available at: <http://www.revue-signes.info/document.php?id3170> (In French).

9. Horne Ch. La Métaphore lexicale en terminologie: Comment mettre cent mille souris sur une puce? [Lexical metaphor in terminology]. *Initiales*, vol. 6, pp. 35–41. Available at: <https://ojs.library.dal.ca/initiales/article/viewFile/5005/4510> (In French).

10. Houbert F. *Caught in the Web of the Law. Le traducteur face à la métaphore*. [Translator in the face of a metaphor]. Available at: <http://www.initerm.net/post/2011/05/18/Les-metaphores-juridiques> (In French).

11. Jakimovska S. Les tropes dans la langue juridique et leur traduction du français en macédonien et vice versa [Figures of speech in legal language and a translation from French to Macedonian and vice versa]. *Langue, littérature et culture françaises en contexte francophone: Actes du Colloque international* (Skopje, Macédoine, 12–13 décembre 2011), Skopje, pp. 95–110. Available at: <http://eprints.ugd.edu.mk/4823/> (In French).

12. Prandi M. A Plea for Living Metaphors: Conflictual Metaphors and Metaphorical Swarms. *Metaphor and Symbol*, 2012, vol. 27, no. 2, pp. 148–170.

13. Rossi M. Métaphores terminologiques : fonctions et statut dans les langues de spécialité [Terminological metaphors : functions and status in languages for special purposes]. *Congress Mondial de Linguistique Française – CMLF 2014 SHS Web of Conferences*, 2014, pp. 713–724. Available at: http://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2014/05/shsconf_cmlf14_01268.pdf (In French).

14. Rossi M. Terminologies et comparaison interculturelle : évolutions de quelques métaphores conceptuelles dans le domaine du droit de la famille [Terminologies and intercultural comparison : evolutions of several conceptual metaphors in family law]. *Lingua e Diritto. La Lingua della Legge, la Legge nella Lingua, Publifarum*, no. 18, pubblicato il 2013, consultato il 19/02/2016. Available at: http://publifarum.farum.it/ezine_pdf.php?id255 (in French).

УДК 8; 81:11
ББК 81

Е. Ю. Мамонова

ТРАНСТЕКСТУАЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО ДИСКУРСА: ПЕРЕВОД КНИГИ П. ЛОНЕРГАНА «ТЕАТР И ФИЛЬМЫ МАРТИНА МАКДОНАХА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рассматривается проблема передачи транстекстуальных связей научного дискурса в переводе. Архитекстуальные, паратекстуальные, метатекстуальные, интертекстуальные и гипертекстуальные отношения, реализующиеся в монографии П. Лонергана «Театр и фильмы Мартина МакДонаха», рассматриваются с точки зрения их транспонирования в пространство русской лингвокультуры. Доказывается, что адекватное восприятие переводной научной монографии реципиентом зависит от передачи всех уровней ее транстекстуальных взаимосвязей и является результатом сотрудничества автора, театра команды переводчиков, менеджера проекта, научного редактора и издателя.

Ключевые слова: научный дискурс, транстекстуальность, архитекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, интертекстуальность, гипертекстуальность.

В центре внимания данной статьи – лингвокультурный аспект проекта по переводу книги профессора Ирландского национального университета в Голуэе (*National University of Ireland, Galway*) Патрика Лонергана, специалиста в области ирландского языка и современной ирландской драматургии. Книга посвящена творчеству Мартина МакДонаха – автора таких уже получивших широкую известность в России пьес в жанре «черной комедии», как «Красавица из Линэна» (“*The Beauty Queen of Leenane*”, 1996), «Череп из Коннемары» (“*A Skull in Connemara*”, 1997), «Сиротливый Запад» (“*The Lonsome West*”, 1997) и др. Мартин МакДонах является также постановщиком двух полнометражных кинофильмов: «Залечь на дно в Брюгге» (“*In Bruges*”, 2008) и «Семь психопатов» (*Seven Psychopaths*, 2012). Его фильм «Шестизарядник» (“*Six Shooter*”, 2005) был удостоен премии «Оскар» в номинации «Лучший короткометражный игровой фильм».

Научный редактор русского издания книги Патрика Лонергана, проф. В. Б. Шамина так характеризует самого драматурга: «По мнению многих критиков, Мартин МакДонах сыграл значительную роль в развитии ирландского театра 1990-х. Не меньший вклад он внес и в развитие английского театра. Считается, что вместе с такими драматургами, как Сара Кейн, Патрик Марбер, он способствовал тому, что квалифицируется как ренессанс английской драматургии» [7. С. 320]. Перевод масштабного исследования работ Мартина МакДонаха

явился частью проекта пермского театра «Умоста» «Фестиваль М. МакДонаха в Перми» и осуществлялся по заказу данного коллектива, поставившего на данный момент все семь пьес Мартина МакДонаха.

«Театр и фильмы Мартина МакДонаха» – это монография, представляющая театроведческий (киноведческий) анализ драматургических текстов и фильмов ирландского автора и, таким образом, являющаяся жанром научного дискурса. В. И. Карасик в качестве одного из системообразующих признаков научного дискурса называет интертекстуальность [1]. Интертекстуальности научного дискурса, в частности, посвящена диссертация Е. В. Михайловой, где автор приходит к выводу о том, что «интертекстуальные связи применительно к тексту научной статьи представлены в виде цитат и ссылок и выполняют референционную, оценочную, этикетную и декоративную функции» [6. С. 3].

С нашей точки зрения, в отношении работы Патрика Лонергана более применим введенный Жераром Женеттом в 1982 г. в книге «Палимпсесты» термин «транстекстуальность», охватывающий, по мнению ученого, «все что включает [данный текст] в явные или неявные отношения с другими текстами» [8. С. 76]. Согласно работе Ж. Женетта, транстекстуальность включает в себя пять типов отношений:

– **архитекстуальность**, определяющаяся тем отношением, которое данный конкретный текст поддерживает с родовой категорией, к которой он принадлежит;

– **паратекстуальность**, обозначающая отношение текста со своим паратекстом (предисловия, предуведомления, иллюстрации и т. п.);

– **метатекстуальность** – отношение комментирования, «связывающее текст с другим текстом, о котором говорит первый текст, <...> связь критического типа»;

– собственно **интертекстуальность**, которая определяется «через отношение соприсутствия, существующее между двумя или несколькими текстами» (цитаты, плагиат, аллюзии);

– **гипертекстуальность** – это любое отношение, связывающее текст В (гипертекст) с текстом А (гипотекст), производным от которого он является: она предполагает не отношение включенности, но отношение прививки (стилизация, пародия) [8].

Будучи близкой в жанровом отношении к театральной рецензии, рассматриваемая монография определенно является метатекстом, критически комментирующим семь драм и два фильма Мартина МакДонаха. Композицию основной части книги определяет топография и хронология МакДонаха: в четырех главах последовательно характеризуются пьесы Линэнской трилогии (1996–1997 гг.), драмы Аранских островов (1996–2001 гг.), не соотносящиеся с каким-то конкретным локусом «драмы мира» (2003–2010 гг.) и фильмы (2005–2008 гг.).

В рамках метатекстуального уровня переводчик должен «вписать» заданную творчеством М. МакДонаха композицию книги П. Лонергана в систему межтекстовых связей современного русского театрального и театроведческого дискурса. Прежде всего, здесь нужно говорить о проблеме передачи имен. Уже само имя драматурга Martin McDonagh по правилам транскрипции в русском написании и произношении должно выглядеть как «Мартин МакДона», однако в нашей театральной традиции закрепился более привычный для русского синтаксиса вариант с согласным на конце, который и фигурирует в книге. Далее, в постановочной традиции существует достаточно широкая вариативность названий пьес МакДонаха в связи с тем, что на русский они были переведены сравнительно недавно и существуют в большинстве своем в Интернет-версиях. Например, пьеса «The Beauty Queen of Leenane» (в русской версии монографии «Красавица из Линэна») в переводе Валентина Хитрово-Шмырова звучит как «Королева красоты» [4]. На афише театра «На Таганке»

значится «Королева красоты из Линэна» [10]. Для монографии по требованию заказчика был выбран вариант хозяина фестиваля – театра «У Моста».

Имя одного из героев пьесы по-английски звучит как Pato Dooly. В переводе В. Хитрово-Шмырова, текст которого был передан театром в качестве сопроводительных материалов, – Пато Дули. Именно таким образом имя данного героя пишется на сайтах большинства театров, в том числе и на сайте самого театра «У Моста» [2]. Однако в сценической версии театра (по крайней мере, до перевода книги) бытовал вариант Пэйто Дули, и на этом варианте руководство театра настаивало. В конечной версии по решению научного редактора все-таки был выбран менее близкий английской норме произношения, но более распространенный в театральной традиции вариант «Пато». Таким образом, как видим, в отсутствии устойчивой для русского языка нормы переводчику при передаче метатекстуальных отношений монографии приходится скорее руководствоваться узусом.

Кроме этого, тексты М. МакДонаха насыщены сниженной лексикой, жаргонизмами, являясь своеобразной стилизацией ирландского английского. В ряде русскоязычных переводов в таких случаях используются самые прямые замены русского языка. Во-первых, это, на наш взгляд, не очень удачное решение: русские эквиваленты здесь имеют гораздо более вульгарное звучание, чем соответствующие ирландские в силу их однозначного сексуального подтекста, который в большинстве случаев «ирландского» текста МакДонаха отсутствует. Во-вторых, данные переводы выполнялись до 1 июля 2014 г., то есть еще до введения закона, запрещающего использование ненормативной лексики в теле- и радиоэфире, а также при публичном исполнении произведений искусства. Мы были благодарны художественному руководителю театра и организатору проекта фестиваля Сергею Федотову, изначально принявшему принципиальную позицию отказа от обсценизмов. Однако это потребовало некоторой, пусть и не очень сложной, коррекции текстов бытующих переводов.

Собственно интертекстуальность монографии больше всего эксплицируется в связи с ее метатекстуальным характером. Будучи метатекстом, монография апеллирует к насыщенным аллюзиями текстам МакДонаха и их архитекстам – каждая из пьес М. МакДонаха может быть рассмотрена как постмодернистский ин-

тертекстуальный коллаж. Практически каждое из названий разделов монографии содержит цитату. Например, в подзаголовке «Линэн: столица Европы по убийствам» – слова отца Уэлша из «Сиротливого Запада» [5]. Далее следует подзаголовок «Возвращение домой: „Красавица из Линэна“» [4], где обыгрывается архитект «Красавицы» – пьеса Гарольда Пинтера «Возвращение домой» (“The Homcoming”, 1967) и так далее. Связь пьесы МакДонаха с ее архитект, эксплицируемая в монографии при помощи прямого цитирования, в переводе иногда может быть выражена только на паратекстуальном уровне – в постраничных примечаниях, как, например, в разделе, посвященном анализу пьесы «Сиротливый запад». В этой комедии речь идет о любви-ненависти двух братьев. Один из них – Коулмэн – убивает собственного отца в гневе за то, что тот плохо отзывается о его прическе. Другой же – Вэлин – зная о случившемся, не доносит на брата в полицию, заставляя того взамен отказаться от отцовского наследства в свою пользу. Мотив отцеубийства в этой пьесе восходит к комедии Дж. М. Синга «Удалой молодец – гордость Запада». И, собственно, название “The Lonesome West” цитирует реплику одного из героев этой пьесы, кабатчика Флаэрти, который говорит своей дочери Пегин по поводу ее будущего мужа: «Oh, there’s sainted glory this day in the lonesome west!» [8. С. 30]. В литературном переводе В. Метальникова это фраза звучит как «Великого праведника обрели мы, видно, в нашем глухом углу!» [3. С. 32] и, являясь адекватным соответствием, тем не менее скрывает интертекстуальную связь пьес Дж. М. Синга и М. МакДонаха. В переводе монографии эту связь восстанавливает примечание:

* «в нашем глухом углу» – в литературном переводе В. Метальникова. В оригинале “*in the lonesome west*” – «На сиротливом западе» [Там же].

На уровне паратекста композиция монографии коррелирует с названием труда – «Театр и фильмы Мартина МакДонаха». При этом книга обнаруживает характерную для зарубежных монографий достаточно сложную паратекстуальную структуру. В самом начале даются краткие сведения об авторе, затем следует посвящение «Моей матери Мадлен и в память о моем отце Пэдди», «Благодарственное слово» [9] всем членам научного сообщества и семьи автора, так или иначе оказавшим поддержку в написании труда, список сокращений [Там

же] и Предисловие [Там же]. Заключительная часть манускрипта представлена собственно послесловием [Там же] и многочисленными приложениями, которые включают биографию Мартина МакДонаха [Там же], «Замечания о языке» [Там же], «Глоссарий трудных, необычных и жаргонных слов и выражений, использованных в работе» (около 80 единиц) [Там же], «Путеводитель по аллюзиям» [Там же] (около 100 единиц), Список рекомендуемой литературы и Указатель [Там же], а также сведения об авторах статей [Там же].

Характерно, что в русской версии данная структура еще более усложняется. Во-первых, она отражает сам проект по организации и проведению фестиваля: появляется предисловие художественного руководителя театра «У Моста» Сергея Федотова, фото сцен из спектаклей театра по пьесам МакДонаха. Во-вторых, на уровне паратекста предпринимается попытка приблизить сложный театроведческий материал к российскому зрителю: сам Патрик Лонерган специально сделал вступительное слово к русскому изданию, в конце книги даются заключительные статьи редактора В. Б. Шаминой и издателя А. Нерослова, вводится система подробных постраничных примечаний, при этом примечания даются также и к собственно справочным разделам, таким как «Путеводитель по аллюзиям».

Текст монографии характеризуется эксплицитной архитектстуальностью – а именно включает цитируемые целиком статьи исследователей творчества МакДонаха, особенно значимых для концепции самого П. Лонергана:

– **Жозе Лантер** «Как «Тоттенхэм»: постмодернистские моралите Мартина МакДонаха» [3. С. 188].

– **Карен О’Брайен** «Симбиотические отношения: работы Мартина МакДонаха и экокритика» [Там же. С. 204].

– **Имонн Джордан** «МакДонах и постколониальная теория: практики, сохранение колониализма, разделение страны и наследие колониального прошлого» [Там же. С. 216].

– **Джоан ФитцПатрик Дин** «Гендерное беспокойство в творчестве МакДонаха» [Там же. С. 235].

Данные работы дают представление о специфических зарубежных подходах к анализу современной драматургии и кино вообще и творчества МакДонаха в частности – гендерной, постколониальной и постмодернистской теориях, экокритике. Зачастую эти концепции

связаны с научным и культурным полем, неизвестным не только обычному зрителю, но и специалисту в России. Поэтому в целях адаптации монографии, например, статья **Карен О’Брайен** «Симбиотические отношения: работы Мартина МакДонаха и экокритика» после выполненного нами полного перевода была по согласованию с П. Лонерганом сокращена научным редактором на 4,5 страницы.

Если говорить о монографии как о гипертексте, то следует подчеркнуть, что она «получает прививку» (в терминологии Женетт «se greffer») [7. С. 78] от негативной или ошибочной критики творчества МакДонаха, цитируемой исследователем в ироничном ключе – П. Лонерган подчеркивает, что МакДонах в силу своей эпатажности часто становится жертвой отрицательных отзывов и неверных интерпретаций.

В качестве примера отрицательного восприятия П. Лонерган приводит мнение американского критика Хилтона Элса, утверждавшего, что «не знает ни одного уважающего себя афроамериканского актера, которого бы не охватывали стыд и ярость во время просмотра «Безрукого из Спокэна» (2010 г.)» [3. С. XVII]. По поводу данного высказывания автор монографии с явным сочувствием, но не без скрытой улыбки замечает: «Если ирландский театр или афроамериканский актер чувствуют «стыд и ярость» во время просмотра пьесы МакДонаха, то доказать им, что они не правы, очень сложно» [Там же].

Одна из ошибочных интерпретаций, анализируемых в книге – буколическое описание Ирландии МакДонаха в «Калекке с Инишмана», принадлежащее режиссеру Дороти Парлау

(Уэстерн-Спринг, 2003 г.): «Прекрасная Ирландия <...> модуляции света, удивительные моменты дождя. Сегодня вечером мы расскажем Вам великую маленькую историю, вызывающую и смех и слезы. <...> Когда двое или трое ирландцев собираются вместе, будь то на кухне или в пабе, то неизбежно начинается фестиваль песни. Будучи праздником историй, такой фестиваль открывает две стороны ирландского характера: смешную и полную слез» [Там же. С. 107].

Данный пассаж П. Лонерган комментирует уже в абсолютно ироническом ключе: «Любой из тех, кто живет в Ирландии (или просто побывал в этой стране), невесело улыбнется, прочитав в одном и том же предложении про “дождь” и “удивительные моменты” – очевидно, что режиссер, написавшая эти строки, обнаруживает существенные пробелы в своем понимании страны» [Там же]. Одной и переводческих трудностей при передаче гипертекстуального уровня монографии является корректное выражение на переводящем языке авторской модельности по поводу негативной и ошибочной критики. В первом примере чрезмерное усиление авторской иронии давало бы снижение политкорректности исходного текста. И, напротив, ослабление иронического модуса во втором случае повлекло бы за собой искажение позиции исследователя.

Правильное же понимание самой монографии П. Лонергана, как мы видим, зависит от передачи всех уровней ее транстекстуальных взаимосвязей и является результатом сотрудничества автора, театра команды переводчиков, менеджера проекта, научного редактора и издателя.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
2. Корсакова, Д. Королева «с приветом» / Д. Корсакова. – URL: <http://teatr-umosta.ru/press/2014/?id=529>. – Дата обращения: 25.05.2014.
3. Лонерган, П. Театр и фильмы Мартина МакДонаха / П. Лонерган. – Пермь, 2014. – 368 с.
4. МакДонах, М. Королева красоты / М. МакДонах. – URL: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=132456>. – Дата обращения: 25.05.2014.
5. МакДонах, М. Сиротливый Запад / М. МакДонах. – URL: http://bookz.ru/authors/martin-makdonah/sirotliv_678/1-sirotliv_678.html. – Дата обращения: 25.05.2014.
6. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 22 с.
7. Шамина, В. Б. Образ ирландской глубинки в пьесах Мартина МакДонаха / В. Б. Шамина // Филология и культура. – 2013. – № 2 (32). – С. 292–295.
8. Genette, G. Palimpsestes, La Littérature au second degree / G. Genette. – Paris, 1982. – 467 p.

9. Lonergan, P. *The Theatre and films of Martin McDonagh* / P. Lonergan. – London, 2012. – 303 p.
 10. URL: <http://taganka.theatre.ru/performance/inishman/16356/>.

Сведения об авторе

Мамонова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета.

mamonovael@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
 Philology Sciences. Issue 100. Pp. 112–116.*

TRANSTEXTUALITY OF SCIENTIFIC DISCOURSE: TRANSLATION OF THE PATRIC LONERGAN'S "THE THEATRE AND FILMS OF MARTIN MCDONAGH" INTO RUSSIAN

Ye. Yu. Mamonova

Perm National Research Polytechnic University. mamonovael@mail.ru

The article is devoted to the problem of the transfer of transtextual relationships in the scientific discourse by the translation. The architextual, paratextual, metatextual, intertextual and hypertextual relationships actualized in the Patric Lonergan's "The Theatre and Films of Martin McDonagh" are analyzed from the perspective of their transposition in the space of Russian linguoculture. The article demonstrates that the adequate perception of the scientific monograph depends on the transfer of all of its transtextual relationships and can be only created as a result of the co-operation of translator, author, science editor, theater direction, publisher, project manager, etc.

Keywords: *scientific discourse, transtextuality, architextuality, paratextuality, metatextuality, intertextuality, hypertextuality.*

References

1. Karasik V.I. *Yasykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p. (In Russ.).
2. Korsakova D. *Koroleva "s privetom"* [Crazy Queen]. Available at: <http://teatr-umosta.ru/press/2014/?id=529>, accessed 25.01.2016. (In Russ.).
3. Lonergan P. *Teatr i filmy Martina MacDonakha* [The Theater and Films of Martin McDonagh]. Perm, 2014. 368 p. (In Russ.).
4. McDonagh M. *Koroleva Krasoty* [The Beauty Queen of Leenane]. Available at: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=132456>, accessed 25.01.2016. (In Russ.).
5. McDonagh M. *Sirotlivyi Zapad* [The Lonesome West]. Available at: http://bookz.ru/authors/martin-makdonah/sirotliv_678/1-sirotliv_678.html, accessed 25.01.2016. (In Russ.).
6. Mikhailova Ye.V. *Intertextualnost' v Nauchnom Diskurse (na Materiale Statei)* [Intertextuality in Scientific Discourse]. Volgograd, 1999. 22 p. (In Russ.).
7. Shamina V.B. *Obraz Irlandskoï Glubinki v p'essakh Martina MacDonakha* [The Image of Ireland Province in the Plays of Martin McDonagh]. *Filologia i kultura* [Literature and Culture], 2013, no. 2 (32), pp. 292–295. (In Russ.).
8. Genette G. *Palimpsestes, La Littérature au second degree*. Paris, 1982. 467 p.
9. Lonergan P. *The Theatre and films of Martin McDonagh*. London, 2012. 303 p.
10. Available at: <http://taganka.theatre.ru/performance/inishman/16356/>.

УДК 81'373.45 (038)
ББК 81-4

Е. В. Маринова

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ РАЗНЫХ ТИПОВ И ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ

Рассматриваются основные терминологические обозначения иноязычных слов разных типов. В основе описания – классификации иноязычных слов по разным признакам, как универсальные (генетическая, хронологическая, тематическая), так и специальные (с точки зрения номинации, по наличию/отсутствию мотивированности, по форме заимствования). Обосновывается необходимость разграничения терминов *вторичное заимствование* и *семантическая калька*, обозначающих разные формы скрытого заимствования.

Ключевые слова: теория заимствования, иноязычное слово, терминологическое обозначение, проблема классификации.

В современной теории заимствования по-прежнему заметна терминологическая неупорядоченность обозначений иноязычных слов (ИС) разных типов, во многом объясняемая отсутствием их непротиворечивой типологии. Как мы уже неоднократно отмечали, «кочующая» из учебника в учебник классификация ИС, включающая: *заимствования, экзотизмы, интернационализмы, варваризмы, иноязычные вкрапления*, не является строгой, так как не имеет единого основания для выделения типов ИС [1. С. 40; 3. С. 362]. Так, например, отношение какого-либо ИС к экзотизмам (*коррида, фазенда* и под.), согласно приведенной выше классификации, «исключает» его из состава заимствований, что представляется нелогичным. Аналогичное заключение выстраивается и в отношении интернационализмов: если отнести, например, слова *банк, такси, метро* и т. п. к интернационализмам, то придется, следуя традиционной классификации ИС, отказать им в статусе заимствований, что сомнительно.

В ряде работ мы предлагали использовать при описании лексики неисконного происхождения классификации, строящиеся на разных основаниях. Считаем, что ИС могут быть охарактеризованы:

- по языку-источнику (генетическая классификация),
- с точки зрения времени появления в русском языке (хронологическая классификация),
- по тематической области (тематическая классификация),
- с точки зрения номинации,
- по наличию/отсутствию мотивированности,

– по форме заимствования.

Генетическая классификация ИС позволяет описывать неисконную лексику с точки зрения ее происхождения. Как правило, за основу берется язык-источник, или язык-донор; в отдельных случаях учитывается и язык-посредник (или языки-посредники). С точки зрения языка-источника ИС русского языка разделяются на две большие группы: ИС, пришедшие из близкородственных языков (славнизмы), и слова, заимствованные из неблизкородственных языков (европеизмы и ориентализмы – заимствования из восточных языков). С точки зрения наличия или отсутствия в процессе заимствования языка-посредника ИС разделяются на опосредованные заимствования и прямые заимствования [подробнее см.: 2. С. 182–184]. Хронологическая классификация ИС предполагает определение времени появления слова в системе языка. Обычно говорят о древних, или ранних, заимствованиях (период общеславянского и восточнославянского единства) и заимствованиях, или ИС, пополнивших собственно русскую лексику. Последние разделяются на «старые» заимствования (приблизительно до 90-х гг. XX в.) и новые заимствования (с конца XX в.). Тематическая классификация ИС строится на основании отнесенности слова, точнее словесной семантики, к той или иной тематической (предметной) области [2. С. 186].

Поскольку названные выше классификации традиционны (а хронологическая и тематическая универсальны, так как используются и при описании исконной лексики), остановимся подробнее на трех последних классификациях, поскольку именно они позволяют в большей

мере определять специфику освоения чужого лексического материала в языке-реципиенте.

В зависимости от того, являются ли слова единственными номинациями предметов и, следовательно, не имеют эквивалентов в русском языке, или же представляют собой вторичные номинации предметов или понятий, для обозначения которых в русском языке уже имеются однословные наименования, иноязычные слова разграничиваются на безэквивалентные и эквивалентные. Тип иноязычного слова с точки зрения номинации влияет на особенности его освоения, поэтому предложенная типология важна для описания и анализа иноязычных неологизмов. Еще одним фактором, влияющим на судьбу иноязычного слова в принимающем языке, является тип лексического значения. Внутри каждой группы – **безэквивалентная лексика** и **эквивалентная лексика** – можно выделить подгруппы, различающиеся типом лексического значения. Так, для выделения разных видов иноязычных слов в безэквивалентной лексике существенным является их разграничение – по типу денотативного значения – на слова с экзотическим и неэкзотическими значениями; для выделения разных видов иноязычных слов в эквивалентной лексике релевантным оказывается иное семантическое различие, а именно: терминологическое или бытовое, обиходное значение имеет эквивалентная иноязычная лексема.

Вычленение среди неисконной лексики эквивалентных и безэквивалентных слов позволяет фиксировать и описать переходные явления в процессе заимствования, когда граница между различными типами иноязычной лексики оказывается подвижной (например, в случае с бывшими экзотизмами – *гастарбайтер*, *тьютор* и т.п.).

Таким образом, классификация иноязычных слов с точки зрения номинации является многомерной и строится на двух основаниях:

- наличие/отсутствие эквивалента в принимающем языке;
- тип лексического значения слова: бытовое/терминологическое; экзотическое/неэкзотическое (см. таблицу).

Некоторые из представленных в таблице типов иноязычных слов имеют однословное терминологическое обозначение: иноязычное слово, обозначающее бытовое понятие и имеющее на русской почве эквивалент, называется *варваризм*; иноязычное слово с экзотическим значением (обозначает денотат, отсутствующий

в российской действительности) – *экзотизм*. Для обозначения безэквивалентных иноязычных слов с неэкзотическим значением нами предложен составной термин *активные заимствования* [1. С. 46].

Наличие/отсутствие эквивалента в принимающем языке			
эквивалентная лексика		безэквивалентная лексика	
Тип лексического значения (ЛЗ)			
терминологическое, специальное ЛЗ	бытовое, обиходное ЛЗ	экзотическое ЛЗ	неэкзотическое ЛЗ
<i>Нарратив префикс суицид</i>	<i>суперстар тинейджер фейс</i>	<i>коммандос прайвеси фазенда</i>	<i>файл сервер спам</i>

Вне этой классификации оказываются интернационализмы (напомним, что традиционно они выделяются среди иноязычных слов как отдельный тип). Этот факт объясняется следующими причинами: во-первых, интернациональной может быть не только иноязычная по происхождению лексика, но и исконная, образованная на русской почве (как, например, *спутник*, *чернозем*); во-вторых, интернациональными могут быть разные типы иноязычных слов: интернациональны, к примеру, некоторые экзотизмы (*коррида*), многие активные заимствования (*сервер*, *лобби*, *евро*, *папарацци*) и даже варваризмы (*вау*, *фан*). Иными словами, понятие *иноязычное слово* и понятие *интернационализм* не соотносятся между собой как род и вид; это понятия пересекающиеся. Мы соотносим понятие *интернационализм* с понятием *национальное заимствование*. В терминологическом словаре «Теория заимствования в основных понятиях и терминах» *национальное заимствование* поясняется следующим образом: «С точки зрения количества языков-реципиентов, заимствующих ту или иную единицу из чужого языка, выделяются национальные заимствования (язык-реципиент один) и *интернационализмы*» [2. С. 122].

Актуальной в настоящее время является еще одна классификация ИС, согласно которой выделяются мотивированные и немотивированные ИС. Мотивированными следует признать полиморфемные (членимые) ИС, значение которых выводится (полностью или частично) из значений его составляющих. Например: *паркинг* – мотивированное ИС, так

как соотносится по значению и морфемному составу с имеющимися в русском языке родственными словами (*парковать, парковка, парк*); см. также: *банкинг* – ср. *банк, банкир*; *планинг* ‘вид ежедневника, записной книжки’ – ср. *план, планировать*; и др. Немотивированным является ИС, не имеющее на почве принимающего языка ранее заимствованных слов или слова с тем же корнем. См., к примеру: *боулинг, логин, спам, брашинг* ‘круглая щетка для укладки волос’, *стартап* ‘принципиально новый прибыльный бизнес-проект’ и др. Наличие мотивированности у нового ИС влияет на процесс его адаптации, в частности семантической: такое слово быстрее включается в парадигматические отношения с уже имеющимися в языке-реципиенте словами, оно уже изначально, на «момент» заимствования, представляется более-менее знакомым, а значит, у мотивированного ИС больше шансов закрепиться в системе.

Возможна классификация ИС и по форме заимствования. Термин *форма заимствования* предложен нами в качестве родового термина, обобщающего представления о разных способах проникновения, перехода чужой языковой единицы в принимающий язык. Форма заимствования – это «способ лексического заимствования, зависящий от времени, причин и условий заимствования и влияющий на адаптацию заимствуемого слова» [2. С. 199–200]. Основные формы лексического заимствования обозначаются составными терминами, коррелирующими друг с другом: *устное заимствование* – *письменное заимствование*; *материальное заимствование* – *скрытое заимствование*; *прямое заимствование* – *опосредованное заимствование* – *обратное заимствование*; *одновременное (параллельное) заимствование* – *разновременное заимствование*. Особое место занимает термин *графическое заимствование* ‘воспроизведение заимствуемого слова

в графике языка-источника’: он не имеет коррелята, в отличие от остальных, и обозначает временную для большинства иноязычных слов стадию бытования в принимающем языке (исключения составляют иноязычные вкрапления типа *alter ego, status quo* и т. п.).

Для описания сложных процессов влияния чужой семантики на систему принимающего языка следует различать две разновидности скрытого заимствования, которые нередко в специальной литературе не разграничиваются, что сказывается на степени полноты и точности лингвистической информации. Это вторичное заимствование и семантическое калькирование. В случае вторичного, или повторного, заимствования звуковой оболочкой для нового значения является ранее заимствованное слово (*резюме* в значении ‘анкета’ заимствовано вторично из английского языка в конце XX века; первичное заимствование – из французского, в значении ‘вывод’). Таким образом, вторичное заимствование – такая форма скрытого заимствования, при которой значение какого-либо иноязычного прототипа закрепляется за словом, представляющим собой более раннее материальное заимствование этого же прототипа или его генетической параллели (если язык-источник иной) [2. С. 83]. В случае семантического калькирования материальной оболочкой для чужого значения становится слово исконное (*горячий* ‘актуальный’ – см., например, *горячие новости, горячая линия* и т. п.).

На наш взгляд, в современной лингвистической литературе термины, называющие разные формы заимствования, используются непоследовательно, и, как следствие, смешиваются сами реалии, обозначаемые данными терминами. Однако для полноты лингвистической информации следует более дифференцированно и строго подходить к разграничению ИС разных типов и форм заимствования.

Список литературы

1. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – М.: Элпис, 2008. – 495 с.
2. Маринова, Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник / Е. В. Маринова. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 240 с.
3. Маринова, Е. В. Терминологический аппарат теории заимствования и его отражение в словаре / Е. В. Маринова // Терминология и знание: материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.). – М.: Вест-Консалтинг, 2014. – С. 361–373.

Сведения об авторе

Маринова Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
marinova@list.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 117–120.*

**TERMINOLOGICAL DESIGNATIONS OF LOAN WORDS
OF DIFFERENT TYPES AND PROBLEM OF CLASSIFICATION**

E. V. Marinova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. marinova@list.ru

In the article the main terminological designations of loan words of different types are considered. On the basis of the description is loan words classification on different principles, such as universal classifications (genetic classification, chronological classification, thematic classification), and special classifications (according to the nomination, to the existence/lack) of motivation, to the form of borrowing). Special loan words classifications are analyzed in detail. In particular, loan words classification from the point of view of the nomination is presented as multidimensional: it is based on two principles – the existence/lack of an equivalent in the recipient language and the type of lexical meaning of a loan word. Need for differentiation of the terms *secondary loan* and *semantic calque* meaning different forms of hidden loan is justified.

Keywords: *loan theory, loan word, term, classification problem.*

References

1. Marinova E.V. *Inozazychnyie slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI v.: problemy osvojenija i funkcionirovanija* [Loan words in the Russian speech of the end of XX – the beginnings of the XXI century: problems of development and functioning]. Moscow, 2008. 495 p. (In Russ.).
2. Marinova E.V. *Teorija zaimstvovanija v osnovnyh ponjatijah i terminah* [The Loan Theory of in the basic concepts and terms: dictionary]. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.).
3. Marinova, E. V. Terminologičeskij apparat teorii zaimstvovanija i jego otrazčhenije v slovare [Terms framework of the loan theory and its reflection in the dictionary]. *Terminologija i znanije: Materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Terminology and knowledge. IV International Symposium materials] (Moscow, 6–8 June, 2014). Moscow, 2014. Pp. 361–373. (In Russ.).

УДК 821.161.1.09. 882 (092) Окуджава
ББК 83.3

Е. Н. Матюшкина

К ВОПРОСУ О «ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕКСТЕ» В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Б. ОКУДЖАВЫ «ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТОВ»

Рассматривается проблема «петербургского текста», выявляются его особенности в историческом романе Б. Окуджава «Путешествие дилетантов». Писатель сохраняет за собой право на эмоциональное, поэтическое воплощение городского пространства. В романе Петербург николаевской эпохи представлен как символ несвободы. Город способен оказывать значительное влияние на жизнь героев (дилетантов), подталкивая их к совершению роковых поступков.

Ключевые слова: *Б. Окуджава, «петербургский текст», исторический роман, «глоток свободы».*

Изучение «петербургского текста» как некоего культурного кода, объединяющего произведения писателей разных эпох, является одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем современного литературоведения, которая постоянно привлекает внимание ученых (В. Топоров, Ю. Лотман, З. Минц и др.). Примечательно, что, несмотря на большое количество исследовательских работ, «петербургский текст» в творчестве Б. Окуджава рассматривается довольно редко, это объясняется традиционным восприятием его только как московского автора. Здесь уместно вспомнить слова В. Топорова: «Петербургский текст менее всего был голосом петербургских писателей о своем городе. Устами Петербургского текста говорила Россия, и прежде всего Москва» [10. С. 25].

Обратившись к прозе, Б. Окуджава сохранил за собой право на поэтическое, эмоциональное воплощение городского пространства, представляя его сквозь призму человеческого сознания. И. Ничипоров, анализируя поэтические портреты городов, отмечает: «Город запечатлелся у Окуджава как многосложный психологический комплекс, как модель целостности мира, вместилище душевных переживаний лирического героя и его современников, в качестве прообраза всечеловеческого единства, средоточия личной и исторической памяти. В силу этого есть основания рассматривать данного рода “портреты” как художественную, смысловую и жанровую общность» [6. С. 68].

В окуджавоведении одним из центральных понятий является «московский текст» или «арбатский текст» (Г. Белая, С. Шмидт, Г. Кнабе, М. Муравьев и др.). Если Арбат в поэзии

автора – символ целого поколения людей, то «арбатство» – понятие, вобравшее в себя такие нравственные ценности, как добро, человечность и благородство. Нельзя не согласиться с Н. Кякшто: «Образы Арбата и арбатского двора при всей их конкретности и хоть и ретроспективной, но реальности обретают черты архетипа, перемещаются из мира Окуджава в индивидуальное и коллективное подсознательное целого поколения русских интеллигентов второй половины XX в. и всех тех, кто по своему мироощущению считает себя арбатцем. Эти образы вошли в русскую и мировую поэзию» [3. С. 132].

В 1960-е гг. Б. Окуджава несколько лет жил в Ленинграде. Восприятие города поэтом постепенно переходило от восторженного к разочарованию позднего периода творчества. Раннее произведение «Нева Петровна, возле вас – все львы...» (1957) представляет собой ироничное и непосредственное обращение к Неве, которая изображена в образе женщины в «платье цвета белой ночи» [8. С. 138].

Стихотворения Б. Окуджава проникнуты памятью о трагических событиях истории XX в. В центре внимания автора всегда находится «частный» человек. Например, «солдатик», охраняющий Летний сад во время гражданской войны:

...Это было тогда,
когда
помутнела в Неве
вода
и, отфыркиваясь устало,
всем пробоинам вопреки
допотопные броневики
становились на пьедесталы;

и по Летнему саду
бродил солдатик в шинели,
так что статуи
цепенели ... («Летний сад», 1959) [8. С. 171].

В «Песенке о Фонтанке» лирический герой обращается к ленинградцам, пережившим блокаду:

От войны еще красуются плакаты,
и погибших еще сняты голоса.

Но давно уж – ни осады, ни блокады –
только ваши удивленные глаза [8. С. 194].

Многие стихотворения, посвященные Ленинграду, можно считать лирическими размышлениями автора о своем времени, о себе и о друзьях («Ленинградская элегия», (1964), «Ленинградская музыка», (1962), «Плывут дома, как корабли, из дальних стран...», (1964) и др.):

Ни огонька, спят фонари – к чему они?
Зачем их слабый свет дорогам?
Ночь белая, остановись, повремени...
Мне хорошо с тобой молчать о многом.

Как корабли, плывут они из дальних стран,
спокойных дум не нарушая...

Ночь белая, сегодня ты – мой океан...

Мне по душе твоя душа большая [8. С. 560].

В 1980-е гг. в поэтическом наследии Б. Окуджавы на первый план выходят размышления о бессилии человека, звучит разочарование в прежних представлениях и идеалах. Показательным в этом отношении является стихотворение «Ленинград» (1984), где парадный облик города не вызывает у лирического героя преклонения и восхищения:

Год от года пышней позолота,
многослойнее тонны румян,
но погибелью тянет с болота,
и надежды съедает туман.

Он совсем для житья не пригоден:
нету в нем для души ничего...

Саша Кушнер и Шура Володин –
вот и все из полка моего [8. С. 574].

Современный писатель Д. Быков точно определяет значение Ленинграда-Петербурга в творчестве Б. Окуджавы: «Ленинград, где все напоминало о катаклизмах русского XIX в., заставил его обратиться к истории; он смягчил разочарование от печально закончившейся оттепели, а главное – заставил мыслить в иной системе координат <...> Петербург так устроен – его прямые улицы выпрямляют осанку и душу; ум здесь привыкает к дисциплине, все видится ясней. Если б не эта питерская пауза,

когда Окуджава был оторван и от литературской среды, и от “Литгазеты”, и от московских поклонников, – не было бы взлета во второй половине шестидесятых: впрочем, ситуация обманутой надежды всегда его стимулировала» [2. С. 426–427]. Действительно, сам писатель в одном из интервью рассказывал о том, что именно город пробудил в нем интерес к истории и к созданию исторической прозы: «В начале 60-х я переехал в Ленинград, бродил по его улицам, а он весь – история, у каждого здания свой сюжет. Я стал искать нужные книги, появились какие-то образы, постепенно они оживали. Я профессионал и мое изучение истории выразилось в писании, сначала были наброски, попытки киносценария, а потом созрел и роман» [9].

Примером «петербургского текста» в прозе Б. Окуджавы можно считать роман «Путешествие дилетантов» (1979). Основное действие произведения происходит в «суровом» Петербурге николаевской эпохи 1840–50-х гг., представленной как период подавления любой свободы человека. Важно учесть, что история в произведениях писателя всегда проецируется на современную автору реальность, так обнаруживается некое созвучие удаленных дуг от друга эпох.

Н. Анциферов время первой половины XIX в. назвал «сумерками Петербурга». Ученый обратил внимание на то, что в этот период наметился раскол между властью и обществом: «Русская интеллигенция стала развиваться независимо от самодержавия и против него, так как деспотизм царей давил ее. Все это изменило и “чувство Петербурга” в душе русского общества <...> Город олицетворяет отныне деспота, попирающего вольность. Так прямые линии города перестают казаться привлекательными своей простотой и строгостью» [1. С. 74]. В романе Б. Окуджавы николаевскую эпоху характеризует тотальный контроль над частной жизнью, в это время преследуется любая попытка самостоятельного мышления. Абсурдным представляется постоянное преследование и выслеживание влюбленных, осуждаемых петербургским обществом и властью: «...главную массу составляют шпионы по любительству, шпионы-бессребреники, совмещающие основную благородную службу с доношением и слежкой, готовые лететь с замирающим сердцем на Фонтанку и сладострастно, чтоб не сказать хуже, докладывать самому Дубельту о чьей-то там неблагонаме-

ренности. Шпионство у нас – не служба, а форма существования, внушенная в детстве, и не людьми, а воздухом империи» [7. С. 41].

Петербург в романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» становится символом несвободы. Главные герои – Мятлев и Лавиния – чувствуют себя здесь неуютно. Примером может служить концентрация определений-характеристик города, носящих явно негативный характер: «сумасбродный Петербург» [7. С. 147]; «В Москве дышалось легче, чем в Петербурге: дворцовые флюиды достигали Первопрестольной с опозданием и в ослабленном виде» [7. С. 159]; «черствое, расчетливое сердце Северной Пальмиры»; «сырое и продутое пространство» [7. С. 171]. В поисках личной независимости Лавиния и Мятлев покидают Петербург, отправляются на Кавказ, получая свой «глоток свободы»: «...и все-таки за шлагбаумом что-то ведь произошло, если они могли, безнаказанно обнявшись, покачиваться в дорожной рыдване <...>. А когда она возносится, эта полосатая палка, не вы ли слышите голоса воли, жизни, простора, надежды? И пусть вскоре все это гаснет, но разве единый вздох, доставшийся вам, восхищенное «ах!», вырвавшееся из вашей истомленной ожиданием души, – разве все это – пустая фантазия? Вздор?..» [7. С. 302–303]. Можно в этой связи привести слова С. Неретиной о «бегстве» дилетантов Б. Окуджавы: «Мятлев и Лавиния, пустившиеся во имя любви в свой крестный путь, на поиски рая, которого нет и о котором знали, что его нет. Раем было само их путешествие <...> Любовь и свобода сошлись на своем многотрудном пути» [5. С. 139].

«Степень» своей свободы герои определяют близостью к Петербургу: чем ближе город, тем они все больше чувствуют несвободу. «Путешествие» дилетантов на Кавказ воспринимается как «бегство» к свободе и спасению, но вместе с тем и как мнимый уход от действительности. Даже отдаляясь от города, герои осознают его влияние, ощущают прежние бессилие перед ним. В романе постоянно звучат восклицания Мятлева и Лавинии: «Давайте уедем поскорее, – предложил он. – Видимо, мы не очень отдалились от Петербурга» [7. С. 306]; «Сергей Васильевич, – сказала она глухо, – давайте уедем, миленький. Петербург все еще близок <...>. Петербург действительно был совсем близко. Восьмисот верст словно и не существовало, тверские и новгородские леса будто и не синели на громадном пространстве, а реки не рассе-

кали Петербургское шоссе подобно стальным клинкам. В довершение ко всему из кондитерской, расположенной напротив, вышел человек, как две капли воды похожий на полковника фон Мюфлинга» [7. С. 319]. Трагизм всего творчества Б. Окуджавы заключается в том, что каждый герой, познавший «глоток свободы», испытывает томительное ощущение пустоты. Показательно в этом отношении письмо Лавинии Мятлеву: «Я так надеялась, что за шлагбаумом начнется иная жизнь, да, видимо, мы выехали не за тот шлагбаум: особых перемен в своей судьбе не замечаю» [7. С. 233]. В конце романа князь Мятлев, сосланный на Кавказ, а затем помилованный, умирает в своем имении, а «господин ван Шонховен» (Лавиния) обречен на бесконечное скитание по «заснеженным пространствам» России: «По некоторым слухам, Лавиния Ладимировская, похоронив Мятлева, навсегда покинула Россию. Однако господин ван Шонховен в потертом армячке, по-видимому, продолжает пересекать заснеженные пространства, оставляя нам в назидание свои следы» [7. С. 528].

Создавая образ Петербурга, Б. Окуджава употреблял многочисленные топонимы, однако они скорее упоминаются, так как подробное описание улиц, переулков, площадей в романе отсутствует. Петербургский топос используется только для обозначения основного места действия: «Однажды на углу Большой Морской Мятлев отпустил коляску и пошел по Невскому, намереваясь посетить книжную лавку» [7. С. 50]; «он проходил по Гороховой, отпустив коляску, как вдруг из-за угла со светлоголубой вывески глянула на него будто с детства знакомая фамилия. “Салон Свербеев и К°. Шитье дамского и мужского платья по лучшим английским образцам”» [7. С. 178]; «Поэтому, мой дорогой друг, не заезжайте с Итальянской ни в коем случае. Оставьте коляску на Невском и прогуляйтесь по Садовой до красной свежесвыкрашенной калитки. Вас будут ждать...» [7. С. 272]; «Когда она вышла и направилась по набережной Фонтанки после разговора, ей все казалось почему-то, что разговор этот еще предстоит, и она, как урок, повторяла слова, которые должна будет сказать графу. Наконец она вышла на Невский. Был солнечный майский день. Публики было много» [7. С. 70].

Важную роль в поэтике «петербургского текста» играет цвет. Цветовая гамма города в романе Б. Окуджавы размыта: «Бледная душная пыль завивалась змейками под ко-

леса экипажа и оседала на лице и плечах» [7. С. 113]; «Внезапно, как это тоже случается в Петербурге, косая тень откуда ни возьмись напозла на беззащитное солнце, краски кругом померкли» [7. С. 51]. Автор использует традиционные для «петербургского текста» климатические зарисовки, представляя Петербург как город дождей и туманов: «Все приходилось начинать заново; прошлого не было вовсе, будущее не проглядывало сквозь грозный осенний петербургский туман» [7. С. 259]; «Сейчас пишу Вам, а за окнами – какой-то не весенний вечный дождь, серость, уныние, как и вся наша короткая жизнь <...> Вчера, например, еду из присутствия по Литейному. Грязь, ветер» [7. С. 427].

Белая ночь, делающая Петербург самым фантастическим городом, в романе «Путешествие дилетантов» становится фоном для лирических размышлений самого автора: «А там, в Петербурге, напротив, стояла светлая белая ночь, но в ее щедешной белизне словно таилось некое коварство: все это притихшее, притаившееся, белесое царство выглядело предостережением смертным, склонным к обольщениям, живущим с легкомысленной самоуверенностью в собственной непогрешимости. В такую ночь говорилось шепотом, дышалось с тревогой, думалось с оглядкой: что там? Кто? Где? Куда?.. Для чего?.. Возможно ли? Да не придумано ли все вокруг? Да вправду ли в домах – живые и видят сны? Да не лучше ли, расхохотавшись над собственной суетностью, над желанием властвовать и повелевать, самоутверждаться, царить, господствовать, править, поучать, неистовствовать, не лучше ли ахнуть, пасть на колени, прокричать свое “прости-прощай”, умолкнуть и ожидать наступления утра с гордой радостью просто живого и потому великого существа, трепещущего, ищущего, прозревшего и мудрого?..» [7. С. 383–384] Благодаря таким лирико-эмоциональным откровениям, когда писатель намеренно отвлекается от героев, создается эффект диалога с читателем.

Еще одна особенность петербургской «картины мира» – «театральность» (Ю. Лотман). В романе Б. Окуджавы одним из свидетельств «театральности» является маскарад как определенная реальность городской жизни второй половина XIX в., а также важный структурный элемент дворянского быта. Вся третья вставная глава произведения посвящена описанию

дворцовых маскарадов. Хотя Б. Окуджавы не дает подробного изображения масок и маскарадных костюмов, однако его герои появляются облаченные в наряды русалок, нимф, химер и рыцарей. В центре внимания находится маскарадный Цезарь, в образе которого предстает император Николай I: «Голубая туника Цезаря, возвышающегося в первой колеснице, казалась продолжением небес; венки из благородного лавра обрамляли его высокое чело; пергаментный свиток в руке знаменовал надежды, ради которых склонялись ниц его счастливые дети. Николай Павлович хорошо помнил этот вечер <...> и он сам – Цезарь, призванный ослепить, очистить, возвысить свой горький, мятежный, подобоострастный и великий народ...» [7. С. 335–336].

Определенной культурной реалией XIX в. можно считать карты и карточную игру. Справедливым представляется утверждение Ю. Лотмана: «Для честного игрока пушкинской эпохи <...> выигрыш был не самоцелью, а средством вызвать ощущение риска, внести в жизнь непредсказуемость. Это чувство было обратной стороной мундирной, пригвожденной к парадной жизни. Петербург, военная служба, самый дух императорской эпохи отнимал у человека свободу, исключал случайность. Игра вносила случайность» [4. С. 154]. Карточная игра в романе «Путешествие дилетантов», становясь воплощением определенных черт николаевской эпохи, очерчивает границы петербургского дворянского быта. Князь Мятлев, оказавшись на балу, наблюдает за игрой в карты: «В соседней комнате мужчины играли в карты и курили трубки, и, глядя на них, можно было подумать, что мир в своем развитии достиг окончательных высот и все остановилось, пребывая в полном совершенстве» [7. С. 226].

«Петербургский текст» Б. Окуджавы продолжает общую традицию моделирования образа города в русской литературе. Вместе с тем поэт, создающий историческую прозу, не может избежать субъективности в изображении городского пространства, а также необходимости звучания своего голоса в романе. Петербург у Б. Окуджавы способен оказывать значительное влияние на жизнь героев (дилетантов), подталкивая их к совершению роковых поступков, неизменно оканчивающихся глубоким разочарованием.

Список литературы

1. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – М., 1991. – 421 с.
2. Быков, Д. Л. Булат Окуджавы / Д. Л. Быков. – М., 2009. – 777 с.
3. Кякшто, Н. Н. «Московский текст» в поэзии Булата Окуджавы / Н. Н. Кякшто // Миры Булата Окуджавы: материалы Третьей международной научной конференции. 18–20 марта 2005 г. Переделкино. – М., 2007. – С. 128–136.
4. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб., 1994. – 414 с.
5. Неретина, С. С. Тропы и концепты / С. С. Неретина. – М., 1999. – 220 с.
6. Ничипоров, И. Поэтические портреты городов в лирике Булата Окуджавы / И. Ничипоров // Окуджавы. Проблемы поэтики и текстологии. – М., 2002. – С. 68–80.
7. Окуджавы, Б. Ш. Путешествие дилетантов / Б. Ш. Окуджавы. – М., 1986. – 560 с.
8. Окуджавы, Б. Ш. Стихотворения / Б. Ш. Окуджавы. – СПб, 2001. – 710 с.
9. Сотников, А. Булат Окуджавы: «Я грустный оптимист» (Неизвестное интервью Булата Окуджавы. Творческий вечер в Томске) / А. Сотников // Новый берег. – 2004. – № 6. – URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2004/6/ok11.html>.
10. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб., 2003. – 616 с.

Сведения об авторе

Матюшкина Екатерина Никитична – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

ekaterina-matyush@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 121–126.*

ON THE QUESTION OF «ST. PETERSBURG TEXT» IN THE HISTORICAL NOVEL B. OKUDZHAVA «JOURNEY OF AMATEURS»

E. N. Matiushkina

St. Petersburg State University of Economics. ekaterina-matyush@yandex.ru

The problem of «Petersburg text», revealed its peculiarities in the historical novel Okudzhava «Journey of amateurs». The author reserves the right to emotional and poetic expression of urban space, presenting it through the prism of human consciousness. Thanks to the numerous lyrical emotional revelations, when the writer deliberately distracted from the characters, creating the effect of a dialogue with the reader. Okudzhava tried numerous place names, but they are rather mentioned as a detailed description of streets, alleys and squares in the novel is not. Petersburg topos is used only to refer to the main scene. In the novel Petersburg era of the reign of Nicholas I presented as a symbol of unfreedom. The city is able to exercise significant influence on the lives of the characters (amateurs), pushing them to commit rock acts. The tragedy of creativity Okudzhava is that each hero has learned «breath of freedom», feels oppressive sense of emptiness.

Keywords: *B. Okudzhava, «St. Petersburg text», historical novel, «breath of freedom».*

References

1. Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Byl' i mif Peterburga* [The Soul of St. Petersburg. Petersburg Dostoevsky. True story and the myth of St. Petersburg]. Moscow, 1991. 421 p. (In Russ.).

2. Bykov D.L. *Bulat Okudzhava* [Bulat Okudzhava]. Moscow, 2009. 777 p. (In Russ.).
3. Kyaksho N.N. «Moskovskiy tekst» v poezii Bulata Okudzhavy ["Moscow text" in the poetry of Bulat Okudzhava]. *Miry Bulata Okudzhavy: materialy Tret'ey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 18–20 marta 2005 g. Peredelkino* [Worlds Bulat Okudzhava: Proceedings of the Third International Scientific Conference. 18–20 March, 2005. Peredelkino]. Moscow, 2007. Pp. 128–136. (In Russ.).
4. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – beginning of XIX century)]. Saint Petersburg, 1994. 414 p. (In Russ.).
5. Neretina S.S. *Tropy i kontsepty* [Tropes and concepts]. Moscow, 1999. 220 p. (In Russ.).
6. Nichiporov I. Poeticheskie portrety gorodov v lirike Bulata Okudzhavy [Poetic Portraits of Cities in the lyrics of Bulat Okudzhava]. *Okudzhava. Problemy poetiki i tekstologii* [Okudzhava. Problems of poetics and textual]. Moscow, 2002. Pp. 68–80. (In Russ.).
7. Okudzhava B.Sh. *Puteshestvie diletantov* [Journey of amateurs]. Moscow, 1986. 560 p. (In Russ.).
8. Okudzhava B.Sh. *Stikhotvoreniya* [Poem]. Saint Petersburg, 2001. 710 p. (In Russ.).
9. Sotnikov A. Bulat Okudzhava: «Ya grustnyy optimist» (Neizvestnoe interv'yu Bulata Okudzhavy. Tvorcheskiy vecher v Tomske) [Okudzhava: "I am sad optimist" (Unknown interview Bulat Okudzhava. Recital Tomsk)]. *Novyy bereg* [New Beach], 2004, no. 6. Available at: <http://magazines.russ.ru/bereg/2004/6/ok11.html>, accessed 26.01.2016. (In Russ.).
10. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [Petersburg Text of Russian Literature]. Saint Petersburg, 2003. 616 p. (In Russ.).

УДК 80, 82
ББК 82.3(2Рос=Рус)

М. Б. Машковский

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК УСЛОВИЯ КОММУНИКАЦИИ «СОБИРАТЕЛЬ – ИНФОРМАНТ» (на материале устных рассказов о «местах силы»)

*Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания
Минобрнауки России «Методологическое значение теории ценностей
в прикладных социогуманитарных исследованиях».*

Предпринимается попытка выяснить, является ли учет пространства и времени общения собирателя и информанта обязательным условием достижения цели коммуникации. Делается вывод о том, что пространство и время записи являются важными условиями возникновения фольклорных текстов, но их значение для коммуникации «собиратель–информант» минимально.

Ключевые слова: *пространство и время, условия коммуникации, собиратель, информант, устный рассказ, «места силы», Аркаим, Евдокия Чудиновская, Игнатьевская пещера.*

Одной из самых актуальных тем в современной фольклористике является необходимость учитывать условия записи фольклорного текста при его изучении. Мысль о том, что условия записи способны по-разному влиять на исполнение фольклорных текстов и поэтому должны интересовать исследователя не меньше, чем сам устный текст, последовательно проводилась в работах К. В. Чистова, который указывал на следующие условия: традиция и ее восприятие, язык, включенность в ход и смысл беседы, состав слушателей (социальный, возрастной, половой, профессиональный и т. д.) и др. [4. С. 38]. В дальнейшем этот ряд дополнялся исследователями применительно к различным жанрам фольклора: например, И. А. Голованов в качестве условий, определяющих воспроизводство фольклорных мотивов в жанре мемората (то есть, по сути, обеспечивающих бытование текста как фольклорного), выделил наличие лично значимых тем и атмосферу доверительности [1. С. 36; 2. С. 89].

Изучение условий записи фольклорных текстов действительно, как нам кажется, имеет большое значение для разрешения некоторых проблем теоретического характера, а также может помочь собирателю более плодотворно организовать полевую работу. В данной статье мы делаем попытку выяснить, является ли учет пространства, где происходит общение собирателя и информанта, и времени, на протяжении которого оно длится, обязательным условием записи фольклорного текста, максимально приближен-

ного к тексту, рассказываемому вне присутствия собирателя («естественному»), то есть условием достижения цели коммуникации «собиратель–информант». Выбор пространства и времени для рассмотрения в качестве условий записи фольклорных текстов определяется онтологическим характером этих универсалий и, следовательно, предположением об их особой значимости для успешного общения собирателя с информантом.

Выводы статьи не претендуют на универсальность по отношению ко всем жанрам фольклора, так как опорой для них служат устные рассказы, то есть тексты, еще не имеющие большого количества зафиксированных вариантов, однако в перспективе способные развиться до предания или легенды. Рассматриваемые тексты содержательно связаны с так называемыми «местами силы» Южного Урала: заповедником «Аркаим», могилой святой Евдокии Чудиновской, Игнатьевской пещерой. Именно с этими объектами почитания связано большое количество современных записей, имеющих в фольклорном архиве ЧГПУ, что свидетельствует о значимости этих мест для исследования современного состояния фольклора.

Все «места силы» осмысливаются фольклорным сознанием как сакральные пространства, то есть имеющие качественно иной статус по отношению к пространству обыденному: «Аркаим, вообще, это город солнца. <...> То есть, он имеет форму круга-солнца. Здесь нужно чувствовать что-то, чувствовать что-то от земли» (здесь и далее цитаты текстов

из фольклорного архива ЧГПУ) (зап. А. Ашпетовой, А. Зубановой в 2015 г. в з. «Аркаим» от женщины 40 лет из г. Кыштыма), *«Потом у нас пожар был на кладбище раза два. И вот пожар до Дуни доходит, и все, и останавливается!»* (зап. И. А. Головановым, М. Б. Машковским в 2014 г. в с. Чудиново от М. А. Филиппова), *«На первом этаже находится камень, камень расколот на две части: от одной холодно, от другой тепло идет. И вот где расколото, туда монетки кидают – желание загадывают, и оно сбывается <...> Вот у нас женщина из деревни – у неё стина болела. И она ложилась на этот камень каждый день якобы. И вот у неё в течение месяца прошло все»* (зап. М. Б. Машковским в 2015 г. в г. Челябинске от Н. Грачевой, 1993 г. р.).

Первый пример дает представление о художественной специфике всех текстов, записанных на Аркаиме, и исследователь может прийти к выводу, что только в «месте силы», пространстве примирения человека с миром, возможно достижение цели коммуникации «собирабель–информант». И действительно, «места силы» обладают огромным потенциалом для продуцирования фольклорных текстов, что отмечают сами информанты: *«У нас еще тут <на Аркаиме. – М. М.> случай был. За горой Шаманкой пожар был, тушили его, а утром слышу – легенда уже идет: ой, девочки, вы знаете, вчера НЛО прилетало, вон там даже пятно осталось от него»* (зап. А. Ашпетовой, А. Зубановой в 2015 г. в з. «Аркаим» от женщины 55 лет, продавца сувенирной лавки). Однако зачастую мы видим, что текст оказывается записан от информанта, никогда не посещавшего «место силы», а усвоившего рассказ от того, кто когда-то там побывал. Становится ясно, что пространство осуществления рассматриваемой коммуникации не главное условие ее успешности, в то время как действительно важным для собирателя является, по-видимому, учет эмоционального состояния информанта: фольклор есть вид исполнительского искусства [3. С. 91]. Другими словами, именно искренность эмоционального переживания делает текст действительно фольклорным. Это можно увидеть на примере текстов об Игнатьевской пещере, записанных в Челябинске от информантов, никогда не бывавших там: *«В этой Игнатьевской пещере есть какой-то камень. Туда женщины, которые хотят забеременеть, приходят, на этот камень садятся, и Бог им ребенка дарит»* (зап. М. Б. Машковским в 2014 г. в г. Челябинске от Н. Горшковой, 1993 г. р.) и др. Как

мы видим, текст, хотя и не записан в условиях сакрального пространства, но, как и вышеприведенный рассказ, связан с образом камня и мотивом исцеления.

Итак, пространство «места силы» благотворно влияет на продуцирование фольклорных текстов, однако для успеха коммуникации «собирабель–информант» условие нахождения ее субъектов на этой территории не является обязательным.

В сакральном пространстве и время сакральное. В «местах силы» наибольшая значимость придается информантами времени совершения обряда, о чем свидетельствует наличие множества правил и табу: *«С горы Любви камни можно собирать, уносить с собой, на Шаманке вообще ни к чему не прикасайтесь, потому что люди оставляют свою энергию. Рядом с Шаманкой лежит камень Здоровья. Люди просят у него что-то, хотят отдать ему свою боль, заболевание какое-то. Там путаются негатив и позитив, поэтому лучше ничего оттуда не брать»* (зап. А. Ашпетовой, А. Зубановой в 2015 г. в з. «Аркаим» от женщины 40 лет из Пермской обл.); *«Первый зал большой, в нем находится стол каменный, такой круглый стол, в нем еще разлом. Считается, что если лечь на этот камень (вдоль разлома), то это исцеляет заболевания»* (зап. М. Б. Машковским в 2014 г. в г. Челябинске от Е. Сажинной, 1993 г. р.); *«Заходишь и разговариваешь с ней. Землю брать нельзя <имеется в виду обряд на могиле Евдокии Чудиновской. – М. М.>»* (зап. М. Б. Машковским в 2014 г. в с. Чудиново от мужчины 45 лет из г. Челябинска).

Естественно, что непосредственно перед совершением ритуала и по завершении информант не расположен к продолжительной беседе с собирателем и, следовательно, цель коммуникации достигнута не будет. Однако опыт экспедиций показывает, что информант, уже заранее имеющий представление о «месте силы» и преодолевший, как правило, немалое расстояние, открыт для общения вне подготовки к обрядовому действию, его совершения и последующего переживания (рассказывают обычно шепотом). Обусловлено это, по-видимому, осознанием информантом временности своего пребывания в сакральном месте.

Мы уже выяснили, что достижение цели коммуникации «собирабель–информант» возможно и вне сакрального пространства. Думается, что аналогичный вывод можно сделать и в отношении сакрального времени, ощущение

которого так же, как и ощущение сакрального пространства, запускает и стимулирует механизмы фольклорного сознания.

Пространство и время записи могут и должны учитываться собирателем как важные условия возникновения фольклорных текстов, но влиять на них он не может, что, в общем-то, и не требуется для достижения цели коммуникации «собиратель–информант», так как текст может быть записан не только непосредствен-

но в «месте силы», но и в пространственном и хронологическом удалении от него. Таким образом, действительно важным для собирателя условием, которое он должен учитывать в процессе коммуникации, является психологическое состояние информанта, искренняя эмоциональная рефлексия исполняемого текста, потому что именно это позволяет ему настроиться на исполнение рассказа в форме, максимально приближенной к «естественной».

Список литературы

1. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.). – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 296 с.
2. Голованов, И. А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст / И. А. Голованов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (293). – С. 89–92.
3. Гусев, В. Е. Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. – Л.: Наука, 1967. – 320 с.
4. Чистов, К. В. Специфика фольклора в свете теории информации / К. В. Чистов // Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. – М.: ОГИ, 2005. – С. 26–43.

Сведения об авторе

Машковский Михаил Борисович – аспирант кафедры литературы и методики обучения литературе Челябинского государственного педагогического университета.
poligrafov2010@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 127–129.*

SPACE AND TIME AS CONDITIONS OF “RESEARCHER – INFORMANT” COMMUNICATION (BASED ON THE ORAL NARRATIONS ABOUT “ENERGY PLACES”)

M. B. Mashkovskiy

Chelyabinsk State Pedagogical University. poligrafov2010@yandex.ru

There is an attempt to find out whether considering of the space and time of “researcher–informant” communication is necessary condition of achieving the purpose of communication. It is concluded that space and time of communication are important conditions of the emergence of folklore texts, but their importance for communication “researcher–informant” is minimal.

Keywords: *space and time, conditions of communication, researcher, informant, oral narration, “energy places”, Arkaim, Evdokiya Chudinovskaya, Ignatievskaya cave.*

References

1. Golovanov I.A. *Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoy narodnoy proze Urala (XX–XXI vv.)* [Constants of folklore consciousness in the oral people prose of the Urals (XX–XXI cc.)]. Moscow, 2014. 296 p. (In Russ.).
2. Golovanov I.A. *Ustniy rasskaz-vospominanie v sovremennoy kommunikacii kak folklorniy tekst* [Oral narration-memory in the modern communication as a folklore text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 2 (293), pp. 89–92. (In Russ.).
3. Gusev V.E. *Estetika folklor* [Aesthetics of folklore]. Leningrad, 1967. 320 p. (In Russ.).
4. Chistov K.V. *Specifika folklor* v svete teorii informacii [The specificity of folklore in the light of the information theory]. *Folklor. Tekst. Tradicija* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow, 2005. Pp. 26–43. (in Russ.).

УДК 81-2
ББК 81.2. Рус-3

А. А. Миронова

МОДАЛЬНОСТЬ КАК СМЫСЛОВОЙ ПРИЗНАК РЕКЛАМНЫХ ЖАНРОВ В XIX–XX ВЕКАХ

В статье прослеживается формирование модальности как важного жанрообразующего и смыслового признака рекламных текстов. На материале провинциальных текстов показано, что увеличение количества коннотативных единиц в русской рекламе отмечается с середины XIX в. Анализируются способы выражения субъективного отношения к предмету.

Ключевые слова: русская реклама, жанрообразующие признаки рекламных текстов, модальность, оценочность.

Одной из главных характеристик рекламного текста является антропоцентризм. Образ адресанта – воплощенное в речевой структуре текста личностное отношение к предмету изображения – соединяет все элементы рекламного текста и является одной из его семантико-стилистических характеристик. В свою очередь, субъективное отношение к предмету речи формирует модальность. Под **модальностью** понимается функционально-семантическая категория, выражающая разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Это «текстовая категория, в которой находят отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения. Определяется ценностными воззрениями автора и характером речевого воздействия» [4. С. 549]. Модальность отражает отношение содержания к действительности, коммуникативную целеустановку, оценку говорящим сообщаемого.

Класс текстов, объединенных общей текстовой модальностью, представляет собой жанр. «Смысловым признаком жанра является <...> модальность в широком смысле этого слова, модальность текста как внутренне единого произведения словесности. <...> с точки зрения содержания каждый жанр представляет собой определенный тип модального значения» [3. С. 19, 26].

В исследованных нами рекламных жанрах XVIII – начала XX в. таких, как объявление, каталог, прейскурант, некролог, частично рекламная статья, ориентированных прежде всего на сообщение информации, модальность либо нейтральная, либо она сводится к актуа-

лизации волеизъявления. Побудительная модальность, при которой актуализируется волеизъявление, долженствование, обязательность, необходимость, становится ведущей в жанре рекламного объявления, развернутого рекламного сообщения, рекламного письма лишь к концу XIX – началу XX в.

В рамках исследования истории рекламных жанров в аспекте диахронической стилистики существенна текстовая модальность, определяемая лингвистами как субъективная модальность (тональность). Языковыми средствами выражения модальных значений в рекламе являются: согласие/несогласие, волеизъявление, оценка.

В конце XIX в. самоназвание жанра (например, *Объявление*, *Письмо*), обязательное для XVIII в. и отражающее модальное значение, исчезает.

Выделим лексические и грамматические средства выражения основных модальных значений, определяющих тональность рекламного текста. Значение **волеизъявления** создается с учетом социальной роли, профессионального знания адресанта. Изъявление воли к осуществлению необходимого действия выражают глаголы в изъявительном или повелительном наклонении, которые могут служить предикативным центром и сочетаться со словами категории состояния, наречиями, отыменными единицами (*можно, необходимо, надо, обязан* и др.), например: *Не смѣшивать съ Варшавой; Всѣ... должны заниматься только по часам; Пишите немедленно по адресу...; Надо теперь же купить себѣ хотя одинъ билетъ...; Задатокъ можно высылать...; Срочно нуженъ расторопный мальчикъ...*

Намерение, стремление совершить необходимое для адресата действие отражается в

сочетании инфинитива с глаголами *желать, намереваться, стараться, советовать* и др. в формах изъявительного или условного наклонения: *Желаемъ видеть въ своемъ магазинѣ; Достоинства сепараторовъ «Альфа» стараемся объяснить Вам...; Желаю получить мѣсто...; Советую каждому записаться въ эти ПРАКТИЧНЫЕ и ВѢРНЫЕ часы...; Желаемъ ли Вы обладать сверхъ-естественной силой?*

Просьба о волеизъявлении может оформляться конструкциями «инфинитив + глагол со значением просьбы»: *Покорнѣйше прошу обмѣняться обмѣнными объявленіями о подпискѣ...; Просимъ обращать вниманіе на клеймо...; Просимъ покупателей <...> спрашиваться о преимуществѣ и качествахъ у соседей...*

Побудительную, волеизъявительную модальность усиливают частицы, прилагательные в форме превосходной степени, а также эмоционально-экспрессивная лексика.

В рекламном тексте волеизъявительный компонент часто доминирует над нейтральной тональностью. Тональность дифференцируется в зависимости от жанра текста. Так, в рекламной статье в специализированном издании преобладает нейтральная тональность с включением усиления и логизированных оценок. Прямое выражение «воли» и повелительное наклонение для нее не характерны. В рекламном объявлении и развернутом рекламном сообщении в начале XX в. главенствует предписание, волеизъявление, выражающееся лексическими единицами с семой волеизъявления (*необходимо, требуют, следует обращаться, невозможно обойтись безъ*) и грамматическими конструкциями, выдвигающими на первый план требование, указание, просьбу, рекомендацию, совет. Тональность иногда выступает как важный жанрообразующий признак (объявление-документ).

Составной частью модальности является оценочность – отношение к сообщаемому. В рекламном тексте адресант обязательно оценивает качество товара или услуги, их преимущества, уникальность, выгодность для адресата. Именно наличием оценки и волюнтаривной функции рекламный жанр отличается от информативного. Как справедливо утверждает Н. Д. Арутюнова, «оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе» [1. С. 6]. Выбор типа печатного издания, целевая аудитория (социальная роль читателя и потенциального покупателя), соответствие локальному

и глобальному контексту определяют выраженные оценки в рекламных жанрах.

В настоящее время в лингвистике сложились различные точки зрения на текстовую категорию оценки и критерии ее классификации (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. Ф. Папина, Н. В. Глухих и др). Мы опираемся на положения, высказанные А. Ф. Папиной, и на предложенное ею разграничение трех основных типов оценки: рациональной, аксиологической, количественной [5].

Рациональная оценка связана с практической деятельностью человека. Она представлена прагматической (утилитарной), нормативной, телеологической и логической оценкой [5. С. 322].

В специализированной газете выражение оценки обусловлено предметом речи, социальной ролью адресанта и адресата, а также профессионализмом последнего. В анализируемых рекламных жанрах преобладают **прагматические оценки** со значениями *полезный – вредный: общепризнанные за самые лучіе и выгодные сливкоотдѣлители; отдѣляютъ лучше всѣхъ. Нормативные оценки* отражают особенности производства (качественный/бракованный, правильный): *изъ лучшаго желѣза собственной двойной посуды чистымъ лавомъ; высокое качество материаловъ даетъ обоюдную пользу. Телеологические оценки* подчеркивают целесообразность выбора товара или предмета, действия: *Имѣя въ виду всѣ хорошія качества СЕПАРАТОРА «ЛАНЦЪ» и невысокую цѣну его (въ зависимости отъ производительности) не могу не пожелать широкаго распространенія его среди русскихъ хозяевъ и заводовъ.*

Значимой является **количественная оценка**, поскольку в рекламном тексте одним из аргументов выступают цена, количество товара, объем перерабатываемой продукции и др.: *Производительность по каталогу фирмы 50 ведеръ молока въ часъ; сепараторъ останавливается лишь черезъ 45 минутъ, что подтверждаетъ легкость его хода...; Эти нѣмые цифры должны побудить...*

Основным средством формирования оценочного значения выступают наречия и слова категории состояния, обстоятельственные обороты со значением цели, превосходная степень имени прилагательного, качественно-оценочные существительные (*лучшее твореніе, общечеловеческіе ценности, эффеktivность, ново и модно, новинки сезонов*).

Оценка может быть открытой, выраженной с помощью недвусмысленных номинаций (*собственное производство, заграничные товары, всё в каждой конкуренции, захватывающий интерес, хороший тонь!*) или скрытой, осуществляемой через сравнение (*всё другие – реклама; ... других мнѣ не надо*).

Адресант в некоторых рекламных жанрах для выражения модальных значений использует коннотативные языковые единицы, для которых свойственно отклонение от нейтрального, общепринятого значения слова или фразеологизма. По наблюдениям лингвистов, «коннотация» включает в себя четыре компонента: интенсивность (мера явления); эмоциональность («словесная оболочка чувства»), оценочность (субъективное сравнение любого явления с представлением о норме), образность (представление информации через сравнение, скрытое или явное) [2. С. 198].

Коннотативные единицы в рекламных жанрах выражают разные эмоции и оценки: надежду, доверие, благодарность и др. Преобладающей является положительная оценка: *полезнейшее; вѣрные часы, благодаря...; надежны*. Очень редко для характеристики предмета применяется отрицательная оценка, подчеркивание его преимуществ методом «от противного». В основном такой прием встречается в рекламной статье, рекламном письме в редакцию и в жанре консультации специалиста: *плохо отдѣляются..., невыгодны ... в нашей мѣстности*.

Развитие русского рекламного текста осуществляется от объективной информации без оценки, экспрессии, навязчивой установки на покупку к противоположному диктуму и модусу рекламы. При этом жанры рекламного объявления, каталога, прейскуранта и частично развернутого рекламного сообщения содержат только рекламную информацию.

Часто в рекламных сообщениях имитируется диалог, являющийся главной формой взаимодействия с аудиторией, поэтому сообщение адресуется конкретной, ясно очерченной группе. Диалогичность до сих пор выступает важным принципом организации рекламы и объявлений. Категория диалогичности по отношению к диалогу – явление более широкое. Под **диалогичностью** понимается учет адресантом речи фактора адресата (реального или воображаемого), его смысловой позиции, а также обозначение данной ориентации при помощи определенных языковых средств. Этот прием усиливает

воздействие текста на аудиторию. В рекламных текстах диалогичность является функциональной семантико-стилистической категорией – категориальным свойством текста.

Адресация и авторизация дают стимул к появлению диалогичности монологического по форме текста. Средствами диалогизации в рекламных текстах могут быть также обращения, средства адресации, риторические вопросы, вопросно-ответная форма речи и т.д., например: *«Выемка и сушка тарелокъ! – Нѣтъ надобности въ разборкѣ и сборкѣ тарелокъ!»*, *«Господа маслодѣлы хорошо ли обезжириваетъ Вашъ сепараторъ? Если нѣтъ, то ...»*. Смена источника информации или точки зрения в монологическом контексте является сигналом внутренней диалогичности текста. При этом диалогичность свойственна, казалось бы, полностью монологичным текстам: объявлениям, рекламной статье, рекламному сообщению.

Таким образом, маркерами диалогичности являются: вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы с нестандартным элементом (цепочки вопрос – ответ – следующий вопрос, не требующий ответа, но вызывающий на обмен мнениями). При этом вместо четкого ответа адресата, адресант выдает свое мнение, выгодное рекламодателю, как правильное.

Чужая речь в жанре консультации специалиста, письма часто оформляется как косвенная при помощи сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными, обязательным атрибутом которых являются частицы группы субъективной передачи чужой речи.

На уровне синтаксиса маркерами диалогичности в этих жанрах выступают слова и словосочетания с семантикой согласия/несогласия, отрицательные конструкции.

Сложноподчиненные предложения с придаточными условия и причины в жанре рекламной статьи, аннотации, рецензии помимо необходимой информации содержат элементы рассуждения, доказательства преимущества перед аналогичным товаром, создают адресату, то есть потенциальному покупателю, возможность выбора.

С другой стороны, для некоторых жанров диалогичность – ведущий жанрообразующий признак. На основе процесса двустороннего общения функционирует рекламное письмо (открытое письмо, письмо-опровержение), отзыв. Так, рекламодатель или издатель может вынести на страницы газеты события, связан-

ные с конкретным объявлением или статьей, содержащей рекомендации. В результате читатель становится свидетелем целой истории, например, спора о комбинированных маслобойках, разгоревшегося на страницах «Справочного листка...» в 1912 г. В № 2 было опубликовано письмо Э. Штиглица с опровержением статьи Карпенкова, напечатанной в № 23 за 1911 г., а в № 5 – ответ оппонента на письмо Штиглица.

В № 3 за этот же год была размещена статья «По поводу комбинированных маслобоек», где противником выступила «Народная газета»: *...Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ мѣстѣ у него встрѣчается, что я «убѣдительно доказал на основаніи какихъ-то своихъ изслѣдованій» вредъ комбинированныхъ маслобоекъ. Если бы «Ф.В.» прочиталъ въ 13 № Справоч. Листка мою замѣтку и немножко подумалъ, то онъ увидаль бы, что я ровно ничего не «Доказалъ», потому что не собирался ничего доказывать... Въ заключеніи не могу не пожелать еще разъ таинственному «Ф.В.» заняться изученіемъ русскаго языка, чтобы въ будущемъ составляя статью: «Вліяютъ-ли комбинированные маслобойки на качество масла?», говорить о качестве масла, а не о процентномъ содержаніи воды, которое, какъ извѣстно, на русскамы языкѣ къ качеству масла не относится. Да и вообще больше фактов, а не пустой болтовни [7. С. 21].*

Эти споры разворачиваются в окружении рекламных объявлений, предлагающих комбинированные маслобойки. Таким образом адресат оказывается вовлеченным в обсуждение достоинств товара, знакомится с практикой его использования.

Диалогичность повышает читаемость текста, выделяет его среди других материалов как необычный и достаточно редко встречающийся в газетной рекламе. Диалог всегда обращает на себя внимание и запоминается, дает возможность для индивидуализации потребителя и выражения его точки зрения.

Анализ показывает, что навязчивая целевая установка «любой ценой, лишь бы купили» и ты-общение, свойственные западной и современной российской рекламе, не были характерны для русской рекламы очень долгое время (до начала XX в.).

Реклама, которая в XXI в. стремится оформиться в самостоятельный функциональный стиль, в начале XX в., как демонстрирует изученный материал, не имеет еще своей специфической тональности. Проникновение в рекламные жанры большого количества коннотативных единиц, отражающих субъективное отношение адресанта к предмету речи, диктуму, происходит в середине XIX в., постепенно превращаясь в стилистический признак рекламного текста.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Глухих, Н. В. Деловой эпистолярный конец XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста / Н. В. Глухих. – Челябинск, 2008. – 150 с.
3. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. II. Филологический метод анализа документов / А. Н. Качалкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 119 с.
4. Матвеева, Т. В. Текстовая модальность / Т. В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 549–550.
5. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
6. Справочный листок по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделению. – Курган, 1909–1918.
7. Справочный листок по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделению. – Курган. – 1912.– № 3.

Сведения об авторе

Миронова Александра Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета.

amiron_rus@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 130–134.*

MODALITY AS A SEMANTIC SIGN OF THE ADVERTISING GENRES IN THE XIX–XX CENTURIES

A. A. Mironova

Chelyabinsk State Pedagogical University. amiron_rus@mail.ru

The article traces the formation of modality as an important genre-forming and semantic feature of advertising texts. On the basis of the provincial texts material it is proved that the increasing usage of a large number of connotative units in the Russian advertising comes to the middle of the XIX century. The means of expressing subjective attitude to the object are analyzed.

Keywords: *Russian advertising, genre-forming features of advertising texts, modality, evaluation.*

References

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobitie. Fakt.* [Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, 1988. 341 p. (In Russ.).
2. Gluhih N.V. *Delovoi epistolyarii kontsa XVIII – nachala XIX vekov na Iuzhnom Urale: lingvistika texta* [Business epistolary of the late XVIII - early XIX centuries in the Southern Urals: text linguistics]. Chelyabinsk, 2008. 150 p. (In Russ.).
3. Kachalkin A.N. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoi epohi. Ch. II: Filologicheskii metod analiza dokumentov* [Genres of the Russian document before the Petr era. Part II. Philological method of documents analysis]. Moscow, 1988. 119 p. (In Russ.).
4. Matveeva T.V. *Textovaya modalnost' [Text modality]. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006. Pp. 549–550. (In Russ.).
5. Papina A.F. *Text: iego iedinitisi i global'nyie kategorii* [Text: its unities and global categories]. Moscow, 2002. 368 p. (In Russ.).
6. *Spravochnii listok po molochnomu hoz'aistvu, skotovodstvu i artel'nomu maslodeliu* [Data sheet dairy farming, animal husbandry and co-operative dairies]. Kurgan, 1909–1918. (In Russ.).
7. *Spravochnii listok po molochnomu hoz'aistvu, skotovodstvu i artel'nomu maslodeliu* [Data sheet dairy farming, animal husbandry and co-operative dairies]. Kurgan, 1912, no. 3. (In Russ.).

УДК 811
ББК 81.2Рус-5 22.318

Г. Г. Москальчук

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ ТЕКСТА

Рассматриваются дискуссионные вопросы лингвистической метрологии применительно к работе лингвиста с текстом, дискурсом, гипертекстом. Предлагается измерять тексты и их составляющие в относительных величинах, с учетом самоподобия, пропорциональности инварианта структуры текста, реализующегося независимо от показателей поверхностного лингвистического уровня. Измерения в тексте осуществляются относительно целого текста, выбор единицы измерения зависит от задач исследования.

Ключевые слова: *лингвосинергетика, текст, лингвистическая метрология, физические параметры текста, конструктор, инвариант.*

Проблемное поле современной лингвистики расширяется, что делает актуальными новые методы и методики фиксации, обработки и хранения различных данных. Разработка новых способов обобщения результатов исследования в инвариантные модели и конструкты необходима, чтобы общее в разнообразных текстах высветилось яснее, обрело статус продукта, фиксирующего новое знание о тексте на естественном языке.

Вопрос о лингвистических измерениях обсуждается психолингвистикой, стилеметрией, семантикой, что касается слова, но измерения параметров бытия единиц и единств в текстах, а также измерения самих текстов практически не затрагиваются. Метрология как точная наука устанавливает процедуры измерительной деятельности, эталоны, относительно которых ведутся измерения, что способствует качественным изменениям в жизни цивилизации [9]. Цель лингвистической метрологии определяется как «исследование корреляции языковой и ментальной информации с объективной действительностью» [8].

В центре внимания теории языка и ее практических приложений оказываются коммуникативно и информационно значимые результаты речемыслительной деятельности, фиксируемые в текстах и сверткестовых продуктах. Общая теория текста – это учение о свойствах и качествах основной единицы языка и информационного пространства человечества – цельном, отдельном, завершенном тексте, независимо от его содержательного наполнения [2; 3; 7]. Текст как объект лингвистической теории изучается на материале неизбежных вероятностно-статистических и модельных обоб-

щений, ибо науку интересует повторяющееся, воспроизводимое, общее и всеобщее, просвечивающее сквозь индивидуальное, вариативное, случайное.

Текст с информационно-структурных позиций изучен недостаточно. Активно развивавшаяся во второй половине XX века математическая лингвистика описывала различные языки как субстрат, то есть, минуя текст. Собраны обширные базы данных о строении и количественных особенностях досинтаксических единиц [1. С. 222–368]. Но вопросы об измерениях в текстах, тем более о конвенциональности процедур количественного анализа и сводимости результатов, полученных исследователями в различных условиях опыта, в некоторую единую картину в профессиональном лингвистическом сообществе обсуждаются недостаточно.

Текст как организованный по особым правилам субстрат обладает собственными качественно-количественными свойствами. В нем проявляются латентные процессы, регулируемые не только лингвистическими законами и правилами, но и законами природы (физики, физиологии человека, психологии и др.). Текст является сложной самоорганизующейся системой и далеко не все процессы его организации лежат в светлом поле сознания субъектов, как порождающих, так и воспринимающих тексты. Поэтому актуально теоретическое знание о тексте как интегральной целостности, чтобы понять сферу возможного и невозможного в тексте, судить об информационном, эмотивном, выразительном потенциале данного текста в сравнении с другими, понять способы оптимизации многочисленных составляющих текста для различных практических задач и т. п.

Лингвистические измерения текстов и текстовых ансамблей (дискурсов, гипертекстов и проч.) дискуссионны также в силу нечеткости самих измеряемых лингвистических объектов, их неоднозначной формализации исследователями, поскольку необходимо корректно сравнивать некоторые часто имплицитные качества, переводить их в считающиеся показатели. Усложняет процедуру и то, в сознании человека доминирует содержательная неповторимость каждого текста. Сходство же качественных свойств, объективно проявляющихся во всяком и любом тексте (размеры, объемы, форматы текстов и их составляющих) позволяет достичь консенсуса в измерениях.

Наиболее бесспорным представляется измерение в печатных знаках с пробелами, что не всегда удобно для лингвистических макроструктур и объектов (язык – текст – дискурс – языковая система / единица / конструкт / суперконструкт и т. п.). Указанные макроструктуры обладают собственными материально проявляемыми свойствами, но некоторые из них могут быть эксплицированы из реальных текстов с помощью специально организованных измерительных процедур, а затем возможно их воплощение в виде моделей (конструктов), созданных по экспериментальным данным [2; 4; 6].

Безусловно, качественный анализ и содержательная интерпретация лингвистических объектов традиционно являются ценностью филологии. Тем не менее современная информационная ситуация настоятельно требует квантитативно-формализованных описаний, все новых статистических данных о бытии текста. Особенно важны в данном контексте исследования текста как сложной самоорганизующей системы. Формообразование и функционирование текста осуществляется по алгоритмам природы, достаточно убедительно изученным естественными науками [2–7]. Стратегия формализованного квантитативно-квалитативного изучения текста представляется перспективной, особенно для анализа восприятия текста человеком, поскольку алгоритмы природы объединяют деятельность человека и порождаемый (воспринимаемый) им текст в едином темпо-ритмическом процессе. Их можно методологически рассматривать как однопорядковые явления, как проявления единства человека и окружающей его природной среды.

Вопросы о размерах текстов и их составляющих изучены недостаточно. Этот вопрос важен, поскольку в исторической перспективе

идет сокращение размера одних текстов и нарастание объемов других. Так, в современную эпоху ценятся лаконичные тексты, вписанные в некоторые размерные рамки (страница, экран монитора, телефона и т. д.), обусловленные социальными, прагматическими, экономическими соображениями. И речь идет только лишь о размере (объеме) текстовой продукции, безотносительно к содержательно-информационным параметрам. Не ясно реальное распределение текстов и его составляющих (абзац, предложение...) по размерным нишам, данные об этом скупы и довольно случайны. Практически интересен вопрос об оптимальных размерах текстовой продукции в той или иной информационной области. Размер является важной составляющей оптимальности какой-либо деятельности с участием текста, например, вопрос об оптимальности текстов школьных учебников, размере правил в них, о параметрах предложения и/или текста при оценке разного рода творческих письменных работ, дидактического материала в педагогическом дискурсе и т. п.

Текстовые измерения касаются фиксации в данном тексте расположения элементов и иных лингвистических явлений (единиц, ансамблей из текстовых единиц, динамических, смысловых, стилистических, функциональных проявлений и т. п.). Актуальны следующие вопросы: в каких единицах и для каких именно целей рациональнее оценивать размеры текстов; какова организация внутритекстовых ансамблей разного рода; как взаимодействуют друг с другом и с целым языковые структуры различного масштаба; как происходит, постепенно или скачкообразно, вхождение и взаимоподчинение микроструктур интересам и целям текста как интегрального объекта и др. Принципы самоорганизации, действующие в природе, выражающиеся в том, что степени свободы низших уровней сложности подчиняются закономерностям высших уровней организации, реализуются и в языке.

Текст обладает обозначенными границами либо открывается в пред- и/или затекст. Единицы, входящие в текст, образуют некоторое линейно распределенное друг за другом пространство, лингвистическим измерителем которого является позиция [4; 6], что позволяет обозначить и точно описать место любой единицы внутритекстовой последовательности, установить функциональную неравноценность единиц дискретно организованной последовательности во внутритекстовом континууме.

Позиционный подход к изучению структуры текста эффективен для понимания бытия данного текста в кругу других цельных и отдельных текстов, позволяет описывать отдельное на фоне общего (инвариант), поскольку следование в необратимом физическом времени является онтологическим свойством текста.

Текст как ритмически и процессуально организованный в пространстве-времени информационный пакет реализуется статистически, абстрактная модель процесса самоорганизации текста является реальностью, наблюдаемой в опыте лингвиста и носителя языка. Человек как часть природы не свободен от действия

скрытых правил организации последовательности дискретных единиц по неустранимым из действительности правилам.

Текст, понятый как последовательность, практически неизбежно включает элементы повторения тех или иных сегментов предыдущего сообщения в последующем. Самое повторяемое в тексте: графемы и пробелы, слова, предложения, абзацы. Именно в данных единицах и единствах, выделение которых часто спорно, можно измерять внутритекстовое пространство, оценивать относительно целого местоположение любых языковых проявлений.

Список литературы

1. Андреев, Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении / Н. Д. Андреев. – Л.: Наука, 1967. – 404 с.
2. Манаков, Н. А. К основаниям текстосимметрии / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы : материалы второй школы-семинара. – Барнаул, 2001. – С. 57–63.
3. Манаков, Н. А. Фрактальная природа языка / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: материалы первой школы-семинара. – Барнаул, 2000. – С. 24–33.
4. Москальчук, Г. Г. Позиционный подход к изучению текста / Г. Г. Москальчук // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 29 (320). – С. 101–106.
5. Москальчук, Г. Г. Самоподобие структуры текста как переводческая стратегия / Г. Г. Москальчук, Я. А. Бузаева // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. – 2013. – № 3 (24). – С. 199–207.
6. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М.: УРСС, 2010. – 296 с.
7. Москальчук, Г. Г. Теория формообразования текста / Г. Г. Москальчук // Язык. Время. Личность: материалы Междунар. науч. конф. – Омск, 2002. – С. 517–524.
8. Слизкова, М. В. Теоретико-методологические основы лингвистической метрологии / М. В. Слизкова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2011. – № 143. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-lingvisticheskoy-metrologii#ixzz3fGVy1JcA>.
9. Широков, К. П. Метрология // Физический энциклоп. словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 413–414.

Сведения об авторе

Москальчук Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

manakov2004@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 135–138.*

LINGUISTIC MEASUREMENTS OF THE TEXT

G. G. Moskalchuk

Orenburg State Pedagogical University. manakov2004@mail.ru

The article deals with debatable points of linguistic metrology in terms of work with texts, hypertexts, discourse. The author offers to measure the text and its components with relative values, taking into consideration self-similarity, proportional invariant of the text structure which is realized independently from the elements of the surface linguistic level. All the measurements in the text are carried out in relation to the whole text. Choice of the unit of measurement depends on the aims of the research.

Keywords: *linguistic synergetics, text, linguistic metrology, physical parameters of the text, construct, invariant.*

References

1. Andreev N.D. *Statistico-kombinatornye metody v teoreticheskom i prikladnom yazykovedenii* [Statistic and combinative methods in theoretical and applied linguistics]. Leningrad, 1967. 404 p. (In Russ.).
2. Manakov N.A., Moskalchuk G.G. K osnovaniyam tekstosimetriki [To the Origins of Text Symmetries]. *Lingvosinergetika: problemy i perspektivy. Materialy vtoroi shkoly-seminara* [Linguosynergetics: problem and the prospect: the materials of the second school-seminar]. Barnaul, 2001. Pp. 57–63. (In Russ.).
3. Manakov N.A., Moskalchuk G.G. Fraktalnaya priroda yazyka [Fractal Nature of the Language]. *Lingvosinergetika: problemy i perspektivy. Materialy pervoi shkoly-seminara* [Linguosynergetics: problems and perspectives: the materials of the first school-seminar]. Barnaul, 2000. Pp. 24–33. (In Russ.).
4. Moskalchuk G.G. Pozitsionnyi podhod k izucheniyu teksta [Positional approach to text study]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 29 (320), pp. 101–106. (In Russ.).
5. Moskalchuk G.G. Teoriya formoobrazovaniya teksta [Theory of text formation]. *Yazyk. Vremya. Lichnost: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Language. Time. Personality: the materials of the international scientific conference]. Omsk, 2002. Pp. 517–524. (In Russ.).
6. Moskalchuk G.G.. *Struktura teksta kak sinergeticheskii protsess* [Text structure as a synergetic process]. Moscow, 2010. 296 p. (In Russ.).
7. Moskalchuk G.G., Buzaeva Y.A. Samopodobie teksta kak perevodcheskaya strategiya [Self-similarity of a text as a translation strategy]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2013, no. 3 (24), pp. 199–207. (In Russ.).
8. Slizkova M.V. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy lingvisticheskoi metrologii [Theoretic and linguistic base of linguistic metrology]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2011, no. 143. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-lingvisticheskoy-metrologii#ixzz3fGVy1JcA> (In Russ.).
9. Shirokov K.P. Metrologiya [Metrology]. *Fizicheskii entsiklopedicheskii slovar* [Physical encyclopedic dictionary]. Moscow, 1983. Pp. 413–414. (In Russ.).

УДК 81'255
ББК 81

Л. А. Нефёдова, Д. А. Миронова

ТАКТИКИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ СРЕДСТВ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности», проект №15-04-00455.

Статья посвящена специфике перевода такого средства реализации лингвокреативного потенциала в заголовках медиатекстов, как трансформированное прецедентное высказывание. Выявлены следующие тактики решения данной переводческой трудности: 1) тактика лингвистического транскодирования; 2) тактика «вписывания» в принимающую культуру; 3) тактика «переписывания», или рерайтинг.

Ключевые слова: *лингвокреативное средство, трансформированное прецедентное высказывание, заголовок медиатекста, медиатекст онлайн-формата, терциарная стратегия перевода, тактика перевода, операция перевода.*

Условия информационного обилия и особого режима чтения в интернет-пространстве повышают значимость использования в заголовках медиатекстов онлайн-формата различных лингвокреативных средств, в частности языковой игры, основанной на трансформации прецедентных высказываний.

Под *прецедентным высказыванием* понимается репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, для которой характерны динамичность и изменчивость, наличие собственной структуры, способность выступать единицей дискурса, будучи феноменом собственно-лингвистической природы [3. С. 83–84]. Корпус прецедентных высказываний включает паремии, крылатые слова, цитаты, афоризмы, лозунги, слоганы, названия произведений и т. д.

Трансформация прецедентного высказывания предполагает намеренное внесение автором изменений в исходное выражение с целью достижения определенного коммуникативного эффекта. Изучение трансформированного прецедентного высказывания (далее – ТПВ) в аспекте текстопорождения выявляет стремление языковой личности к критическому осмыслению прецедентных феноменов, интенсификации экспрессивности текста, а также актуализации собственного лингвокреативного потенциала. Восприятие ТПВ связано с этапами обнаружения, идентификации и интерпретации и предполагает обращение к линг-

вистическим, экзистенциальным и логическим пресуппозициям. Усложненность коммуникации обусловлена сопряженностью текста «по вертикали» и «по горизонтали», что требует особой роли читателя в качестве соучастника языковой игры и интерпретатора, способного декодировать содержательно-подтекстовую информацию.

Трансформированное прецедентное высказывание предстает как явление двойственной природы: окказиональное творение базируется на узуальном материале, творческое комбинируется с апелляцией к стандартному, в то время как деструктивный механизм порождения высказывания обладает конструктивной силой, способствующей реализации коммуникативных стратегий автора.

Языковая игра, основанная на намеренном искажении прецедентных, то есть значимых для конкретного национально-лингвокультурного сообщества высказываний, выступает в качестве инструмента борьбы за внимание читателя, к которому нередко прибегают авторы медиатекстов. Наличие «вертикального контекста» (термин О. С. Ахмановой, И. В. Гюббенет [1. С. 49]), национальная детерминированность и экспрессивная насыщенность исследуемых единиц создают особую трудность при их трансляции на другой язык. С одной стороны, они существуют в открытой и общедоступной системе медиaprостранства, становясь единицей глобального диалога. С другой, в их использовании проявляется ориенти-

ванность на определенный сегмент аудитории, поскольку они апеллируют к содержанию когнитивной базы конкретного лингвокультурного сообщества.

Перевод трансформированных прецедентных высказываний, функционирующих в медиадискурсе, осуществляется на базе терциарной стратегии. Ее реализация обусловлена самим фактом перевода текста, созданного для носителей исходного языка, в интересах третьих лиц (см. [4]). Терциарная стратегия освобождает от примата коммуникативной эквивалентности и реализуется с ориентацией на коммуникативную ситуацию.

Анализ исходных текстов и текстов перевода на материале американских и британских СМИ показал, что стратегия перевода трансформированных прецедентных высказываний в заголовках медиатекстов онлайн-формата на русский язык реализуется с помощью нижеописанных тактик перевода.

Тактика *лингвистического транскодирования* (термином *linguistic transcoding* оперирует М. Snell-Hornby [5]) проявляется в «переключении» языкового кода исходного текста (далее – ИТ) на языковой код текста перевода (далее – ТП). Например:

ИТ: *How to Win Friends and Influence Putin* (Foreign Police; Dec 26, 2014; Jeffrey Taylor) ← *How to Win Friends and Influence People* («Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», бестселлер Д. Карнеги, 1936 г.). ТП: *Как завоевать друга в лице Путина и оказать на него влияние* («Инопресса»).

Данная тактика реализуется путем применения операций *прямого* и *косвенного* перевода (см. [2]). Под прямым, или буквальным, переводом понимается такая операция перевода, при которой ТПВ перенесено в русский язык «слово в слово», по принципу структурного и металингвистического параллелизма. Операция косвенного перевода, в свою очередь, предполагает внесение лексико-грамматических трансформаций в исходное трансформированное прецедентное высказывание без значительного изменения буквального семантического наполнения исходной конструкции.

Таким образом, описанная тактика проявляется в «переключении» языкового кода, при этом переводчик выступает, прежде всего, в роли интерпретатора вербальных знаков. Предполагаем, что реализация тактики лингвистического транскодирования может быть связана со следующими причинами:

1) ошибки в идентификации и декодировании, в результате чего ТПВ воспринимается линейно, как сумма значений его компонентов;

2) экономия времени (невозможность применения креативного подхода в заданных временных рамках);

3) стремление сделать ТПВ «прозрачным» в структурно-семантическом плане, что предоставляет возможность для определенной части лингвокультурного сообщества успешно его декодировать;

4) отражение ТПВ в тексте перевода не требует более значительных преобразований, поскольку оно имеет прецедентное соответствие в когнитивной базе носителей языка перевода, идентичное по своим структурно-семантическим признакам;

5) отказ от внесения изменений, которые могут привести в заголовок дополнительные смыслы, не предполагаемые автором текста.

В основе *тактики «вписывания»* ТПВ в принимающую культуру лежит стремление компенсировать межкультурную асимметрию. Причиной переводческих манипуляций является понимание того, что трансформированное прецедентное высказывание в случае сохранения верности структурно-семантическому плану исходного текста не будет понято реципиентами перевода. Тактика «вписывания» предполагает стремление отразить наличие прецедентной основы языковой игры в заголовке. Одной из операций, применяемой в рамках данной тактики, является *замена исходного ТПВ* на трансформированное или нетрансформированное прямое прецедентное соответствие на языке перевода. Например:

ИТ: *All's Fair in Bromance and War* (Foreign Policy; May 5, 2015; S. Radchenko) ← *All is fair in love and war* («В любви и на войне все средства хороши», устойчивое выражение). ТП: *На войне и в мужской дружбе все средства хороши* («Инопресса»).

Эксплицитным способом «вписывания» ТПВ является операция *разъяснения*, в ходе которой переводчик приоткрывает «завесу» в незнакомый прецедентный фонд. Примером является использование вставки-комментария в тексте перевода, благодаря чему смыслообразующая роль языковой игры излагается в пересказе, а фигура переводчика становится «видимой» для реципиента (согласно концепции L. Venuti [6]).

Тактика «вписывания» ТПВ в принимающую культуру предполагает, что переводчик

выступает, прежде всего, в роли эксперта межкультурной коммуникации. В этом случае переводчик с помощью ряда манипуляций стремится к преодолению лингвоэтнического барьера между реципиентами исходного текста и текста перевода, чтобы отразить наличие прецедентной основы языковой игры в заголовке.

Тактика «переписывания» (рерайтинг).

Термин рерайтинг (от англ. *rewriting* – переписывание), заимствованный нами из интернет-сферы, означает обработку исходных материалов в целях уникализации текстового контента. В отношении перевода ТПВ рерайтинг предполагает вольный подход к исходной языковой игре: переводчик опускает её в переводе или заменяет формально-содержательную основу оригинала. Одной из операций рерайтинга является *перифразирование*, в ходе которого осуществляется преобразование структуры и семантического наполнения исходной трансформы. ТПВ «растворяется» в заголовке текста перевода, при этом опущение языковой игры восполняется за счет стилистической компенсации. Например:

ИТ: *Russian vigilantes give restaurants food for thought* (The Times; Aug 1, 2015; C. Weaver) ← *Food for thought* («пища для ума», в заголовке актуализируется как буквальное, так и переносное значение). ТП: *Еда – да не та* («ИноСМИ»).

К другой операции рерайтинга относится *нейтрализация* (заголовок становится не игровым, а информационным, стилистически «нейтральным»):

ИТ: *Putin upbeat on Russian recovery, but doth he protest too much?* (The Christian Science Monitor; Apr 16, 2015; M. Holtz) ← *The lady doth protest too much* («Леди слишком бурно протестует», цитата из произведения «Гамлет» У. Шекспира, используемая в следующем значении: если кто-либо слишком активно старается убедить собеседника в чем-либо, это может иметь обратный эффект и убедить в обратном). ТП: *Путин с оптимизмом говорит о возрождении российской экономики, но не означает ли это ратное?* («ИноСМИ»).

В рамках рерайтинга применяются также операции *элиминации* (ТПВ опускается в тексте перевода) и *замены исходного ТПВ* на трансформированное или нетрансформированное прецедентное высказывание, не являющееся его прямым соответствием.

В рамках тактики рерайтинга переводчик выступает прежде всего в роли соавтора заголовка на языке перевода, то есть предполагается активная и даже вольная позиция переводчика по отношению к переводимому тексту (при этом не исключено активное участие со стороны редактора). В круг целей переводчика при реализации тактики «переписывания» могут входить:

1) стремление отразить экспрессивность исходного ТПВ за счет выбора собственных стилистических средств;

2) стремление повысить экспрессивность исходного заголовка, сделать его более «кликабельным» путем реализации собственного творческого потенциала;

3) реализация контактоустанавливающей функции за счет «русификации» исходного заголовка;

4) отказ от перевода ТПВ ввиду существующих параметров исходного текста, а также допустимости такого действия в рамках переводческого задания;

5) смена игрового заголовка на информационный для того, чтобы он отвечал требованиям ясности, точности, предметности; при этом возможна ошибка в идентификации и декодировании ТПВ переводчиком;

6) отказ от перевода ТПВ при ошибке в идентификации и декодировании, нерелевантности прямого или косвенного перевода, а также в целях экономии времени;

7) отказ от перевода ТПВ для достижения лаконичности заголовка на русском языке (возможно, требование переводческого задания).

Таким образом, выбор тактик и операций перевода трансформированных прецедентных высказываний обусловлен комбинацией параметров исходного текста, компетентностным уровнем переводчика, переводческим заданием редакции, а также частными интенциональными установками.

Предполагаем, что представленная классификация тактик может быть экстраполирована на перевод ряда иных лингвокреативных средств. Дальнейшее комплексное исследование специфики трансляции трансформированных прецедентных высказываний является необходимым в условиях повышающегося интереса к переводу англоязычных медиатекстов онлайн-формата на русский язык.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // *Вопр. языкознания*. – 1977. – № 3 – С. 47–54.
2. Вине, Ж.-П. Технические способы перевода / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. – М., 1978. – С. 157–167.
3. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // *Язык, сознание, коммуникация*. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
4. Сдобников, В. В. К проблеме построения типологии переводческих стратегий / В. В. Сдобников // *Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та*. – 2011. – Вып. 9 (615). – С. 89–99.
5. Snell-Hornby, M. Linguistic transcoding or Cultural transfer ? A Critique of Translation Theory in Germany / M. Snell-Hornby // *Translation, History and Culture*. – Pinter, 1990. – P. 78–86.
6. Venuti, L. *The Translator's Invisibility: a History of Translation* / L. Venuti. – London; New York: Routledge. – 2008. – 366 p.

Сведения об авторах

Нефёдова Лилия Амирянвна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.

lan2@mail.ru

Миронова Дарья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета.

daria28@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 139–143.*

TACTICS OF TRANSLATION OF LINGUOCREATIVE MEANS IN THE HEADLINES OF MEDIA TEXTS

L. A. Nefyodova

Chelyabinsk State University. lan2@mail.ru

D. A. Mironova

Chelyabinsk State University. daria28@mail.ru

The paper studies translation of transformed precedent phrases, which function as special linguo-creative means in the headlines of online media texts. Precedent phrases (adages, sayings, proverbs, aphorisms, slogans, titles of works, etc.) are characterized by recognizability, reproducibility and an absolute cultural value. Precedent phrases can function in a transformed mode, which implies an intentional change with the purpose of achieving desired communicative effect. Vertical context, ethnical and cultural determinance, as well as expressive intensity account for the specific character of the phenomenon. On the one hand, transformed precedent phrases exist in the public media landscape being an element of a global dialogue. On the other hand, they are targeted at a specific segment of the audience by appealing to the cognitive base of a certain linguocultural community. These reasons considerably complicate the process of translation. Based on the analysis of media headlines, the following translation tactics have been identified: 1) tactic of linguistic decoding; 2) tactic of ‘writing-in’; 3) tactic of ‘rewriting’.

Keywords: *linguocreative means, transformed precedent phrases, headlines of media texts, online media text, tertiary translation strategy, translation tactic, translation operation.*

References

1. Akhmanova O.S., Gyubbenet I.V. “Vertikalnyiy kontekst” kak filologicheskaya problema [“Vertical context” as a philological issue]. *Voprosyi yazykoznaneya* [Issues in language studies], 1977, no. 3, pp. 47–54. (In Russ.).
2. Vinay J.–P., Darbelnet J. Tehnicheskie sposobyi perevoda [Technical translation procedures]. *Voprosyi teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Issues of translation theory in foreign linguistics]. Moscow, 1978. Pp.157–167. (In Russ.).
3. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagayeva D.B. Pretsedentnoe imya i pretsedentnoe vyiskazyivanie kak simvoliyi pretsedentnyih fenomenov [Precedent name and precedent phrase as symbols of precedent phenomena]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], iss. 1. Moscow, 1997. Pp. 82–103. (In Russ.).
4. Sdobnikov V.V. K probleme postroeniya tipologii perevodcheskih strategiy [On the issue of creating translation strategies typology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2011, iss. 9 (615), pp. 89–99. (In Russ.).
5. Snell-Hornby M. Linguistic transcoding or Cultural transfer? A Critique of Translation Theory in Germany. *Translation, History and Culture*. S. Bassnett, A. Lefevere (eds), Pinter, 1990, pp. 78–86.
6. Venuti L. *The Translator’s Invisibility: a History of Translation*, 2nd ed., Routledge, London, New York, 2008. 366 p.

УДК 81'373.612.2
ББК 81.2 Англ – 8я73

С. А. Панкратова

ДВОЙНАЯ МЕТАФОРА И ЕЕ ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: КЛЮЧ К РАЗГАДКЕ МЕХАНИЗМА МЕТАФОРОТВОРЧЕСТВА

Рассматривается один из интереснейших аспектов когнитивной теории метафоры – двойная или смешанная метафора, демонстрирующая вариативность способов понимания действительности в терминах различных концептуальных схем. Предлагаемые объяснения данного феномена включают когнитивное метафорическое состояние как результат ментального проецирования (блендинга); идентифицирующее переносность профилирование одной из двух метафор; прагматическая направленность на продуманное применение тактик (этикетных, пейоративных, приукрашивающих, упрощающих и т. п.).

Ключевые слова: *двойная метафора, эпифора, диафора, блендинг, вариативность, контрадикторность.*

Метафора есть уникальное явление языка, существующее на стыке образа и реальности, смысла и двусмысленности, логики и алогизма. Она представляет собой нерасторжимое единство, «двойное видение», рождающее многообразие смыслов. Предлагаемая вниманию заинтересованных читателей статья рассматривает один из интереснейших аспектов теории метафоры, а именно двойную, или, как ее еще называют, смешанную метафору, которая в одном контексте «сдваивает» концепт с несколькими предметными концептами отличных друг от друга предметных концептосфер. К примеру, смешанной является следующая метафора: «the president will put **the ship** of state on its **feet**». Эта метафора, как мы постараемся показать, есть не только и не столько языковая аномалия, сколько уникальнейший ключ к разгадке когнитивных механизмов мышления и концептуализации человеком действительности.

Проблема двойственности метафоры не может быть решена вне фундаментальной проблемы взаимоотношения сознания и тела. В нашей статье мы постараемся ответить на вопрос о когнитивной сущности двойной метафоры, для чего необходимо обратиться к историческому обзору понимания проблемы соотношения сознания и тела. Еще в Античности Аристотель высказался по этой проблеме, полагая, что ум способен мыслить сам себя. Он мыслим так же, как и все другое мыслимое. Дж. Локк и Р. Декарт предположили, что в основе ментальной деятельности лежит сознание, которым обладает человек, в котором он отдает себе отчет, а методом его изучения может быть философ-

ствование и интуиция. К. Вундт и Б. Титченер разработали учение об интроспекции (словесное описание внутренних переживаний), а З. Фрейд подверг его сомнению, показав, что существует «подсознательное» и «бессознательное». К. Юнг добавил и «коллективное бессознательное». Таким образом, вплоть до последней четверти XIX в. изучить сознание казалось невозможным ввиду того, что нельзя «подключиться к человеческому мозгу, чтобы наблюдать процессы кодирования и извлечения информации» [15]. Психологи задавались вопросом, действительно ли индивид может иметь доступ к психическим процессам высших уровней. Р. Нисбетт в статье под названием «Говорим больше, чем можем знать» приходит к заключению, что у нас нет свободного доступа к собственным мыслительным процессам. Загвоздка здесь состоит в том, что естественнонаучные критерии научной объективности (наблюдение, эксперимент, измерение) сложились задолго до появления в XIX в. психологии как самостоятельной экспериментальной дисциплины, изучающей сознание. Психология приняла естественнонаучные критерии за основу, что заставило радикально разграничить сознание и тело. Признавая вербальные средства «приблизительными» и неадекватными способами познания в отличие от прямого наблюдения, молодая психология предлагала отбросить непроверяемые «псевдопроблемы» (к примеру, существование и сущность души и духа) и изучать лишь чувственно-образные репрезентации мира. Единственным методом изучения сознания признавались философ-

ствование и интуиция. Защитники идеи экстралингвистического знания стали рассматривать язык как эпифеномен, то есть побочный продукт мысли, предлагая элиминировать все ментальные термины как ненаучные. Отказавшись впоследствии от радикального подхода, современная когнитология занимает срединную позицию. За аксиому принято положение о том, что сознание есть функция мозга и что «...лингвистические термины есть альтернативные способы ссылки на сопровождающие опыт нейронные процессы, когнитивные корреляты сознания» [12. С. 198].

Что касается метафоры, ментальный процесс ассоциирования привлек к себе внимание психологов задолго до того, как концептуальная метафора стала объектом внимания когнитологии. Несомненным итогом изучения ассоциирования стало выявление его количественных параметров. Было установлено, что сознание «оперирует» 10-ю арабскими цифрами, 26-ю клавишами печатной машинки и предельным количеством слов типичного английского вокабуляра (если речь идет о носителях английского языка). Было определено и время, требуемое для построения внутренних репрезентаций – 22 бита информации (около 10-ти операций) в секунду, что составляет примерно по 38 мс. на каждый элемент. Измеримость придала ассоциированию статус формального математического алгоритма [1]. Показательно, что в зарубежной литературе ассоциирование именуется механистичным термином «извлечение» информации (англ.: *retrieval*) и видится как часть когнитивной «переработки» информации (англ.: *cognitive processing*) [12]. Компьютерная программа «NETMET», основываясь на системности понятийных полей, даже смогла самостоятельно генерировать метафору «*a still-born idea*» [20]. В лингвистике ассоциативный эксперимент применяют в обнаружении объективно существующих в психике семантических связей слов и в изучении механизмов порождения высказывания [21].

Вместе с тем существуют и слабые стороны ассоциативных экспериментов. Психолог Г. Олпорт привел занимательный пример человеческой изобретательности в избегании направленных экспериментов. Офицер, о котором было известно, что он равнодушен к спиртному, мечтал поступить в разведку. Чтобы вывести его на чистую воду, ему предъявляли названия известных марок джина («Haig», «Booth», «Gordon», «Vat 69») и просили при-

вести первые ассоциации. «Офицер хитроумно вышел из положения, заявив, что «Haig» – это генерал Первой мировой войны, «Booth» – генерал из Армии Спасения, «Gordon» – китайский генерал, а «Vat 69» – телефон Папы римского» [5. С. 88]. Постепенно когнитологи осознали, что цельная человеческая личность с ее интуицией и воображением бесконечно выходит за узкие пределы научного мышления, а измерительные методы следует применять с осторожностью. Была осознана внутренняя неполнота психологических методов и возникла заинтересованность в гуманитарных науках. Ст. Прист в «Теориях сознания» выносит безжалостный приговор: «Мы не способны объяснить самих себя, используя существующие неврологические методы. Психологическая глубина несводима к физической внешней стороне, человеческие действия не являются неизбежными и потому не улавливаются детерминистской паутиной. Вся философия и психология XX века были каталогом научных попыток объяснить то, что в принципе лежит за пределами достижений науки, попытки, сравнимые со старанием вбить квадратные колышки в круглые отверстия» [9. С. 279]. Итак, изучение процессов обработки информации поставило психологов перед необходимостью некогнитивных объяснений, необходимостью отказа от крайне материалистического подхода, необходимостью работать в более широком когнитивно-семантическом контексте. Это подразумевает такие приемы, как «...самонаблюдение, самоотчеты и словесное описание самочувствия людей, находящихся в необычных внешних условиях (к примеру, в невесомости), эстетические переживания творцов» [11]. Это означает, что мышление можно изучать и опосредованно – через «творения» разума и рук человеческих: изобретения, искусство, литературу, религиозные верования, этические системы, политические институты и так далее. Это также позволяет лингвисту в психолингвистических исследованиях апеллировать к собственной речевой деятельности» [11. С. 194].

Интегративные процессы имели масштабные положительные следствия – была признана сама возможность постижения человеком собственных мыслительных процессов, возможность самопознания. Философ-позитивист Р. Карнап так писал об этом: «То обстоятельство, что человек осознает состояние своего ума, свое воображение, чувства и т. п., вполне может рассматриваться как своего рода наблю-

дение, в принципе не отличающееся от любого внешнего наблюдения, а потому его можно считать таким же законным источником научного познания» [4]. Утвердилась «срединная» точка зрения на проблему соотношения мышления и языка и хотя единогласия по вопросу соотношения мысли и языка не существует и по сей день, поскольку ни одна из трех точек зрения (язык и мысль идентичны, язык произведен и зависим от мысли, мысль зависит от языка) не может быть однозначно отвергнута, интеграция приводит к признанию взаимозависимости мышления и языка. Суммируя, отметим, что интеллект и язык иллюстрируют, уточняют и развивают представления друг о друге, они также позволяют поставить целый ряд новых проблем, одна из которых – противоречивость, двойственность образной речи.

Полемизуя с вышеизложенными точками зрения, отметим, что человеческое мышление обладает такой способностью, как дискретность, дискурсивность мышления, которая создает тот стройный мир нашего сознания, за пределы которого мы не выходим. Человек склонен представлять – то есть думать сложными рядами мыслей и те мысли, которые не нуждаются в помощи языка, обычно протекают очень быстро. Вспомните, как при неожиданном вопросе мы моментально можем передумать очень многое. Язык усиливает способность к представлениям. Эту же мысль высказывает и Н. Н. Болдырев. Он полагает, что многие концепты первоначально возникают на предметно-образной, чувственной основе, как определенный эмпирический образ предмета или явления (образ дерева, дома, языковой единицы) и лишь затем первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных в результате других видов познавательной деятельности [2]. Мы полагаем, что язык накладывает свой отпечаток на метафоротворческий процесс. Благодаря языку человек получает возможность «вкладывать» в слова больше информации, чем в них явным образом выражено, а также закладывать иногда противоречивые смыслы [3]. Но язык также дает возможность перефразирования, объяснения и другие многочисленные способы извлечения «вербального» из «невербального». Обращение к категории метафоры актуально, поскольку метафора с ее двойственной, вербально-образной природой являет собой наиболее «рыхлый», то есть легко поддающийся анализу материал. Обобщая, отметим, что

мышление оперирует как картинно-подобными (образными), так и пропозициональными (вербальными) репрезентациями. Объяснение мыслительных процессов возможно благодаря тому, что две методологически различные дисциплины – лингвистика и психология – делают шаг навстречу друг другу, признавая роль языка в науке и привлекая когнитивные данные в решении лингвистических проблем.

Обращаясь к предмету нашей статьи, оговоримся, что в нашей статье речь идет не о развитии метафоры одной предметной сферы, развертывании образной схемы. Если взять для примера финансовую когнитивную модель «MIND > FUND», где актант (“I”) ищет метафорическое описание концептов ‘mind’, ‘idea’, мы продемонстрируем, что каждая из подобных схем системно структурирует наши знания. Так, в финансовой модели человек «оценивает» информацию, делает «скидку» на неточности, вносит «вклад» в фонд знаний. Финансовая когнитивная модель может быть представлена в виде краткого текста: «My problem is like a bank. It is only a small depository in the fund of knowledge. I possess a precious gift of creativity. It is a tremendous asset and my greatest treasure etc.» [8. С. 12]. Идеализированной финансовой когнитивной модели подчинена частная развернутая образная схема «MISTAKES > CAPITAL», где ошибки образно уподобляются капиталу, из которого следует извлекать прибыль, становясь мудрее. Ex.: “Past can be constructive if we calmly analyze our past mistakes and **profit** by them, not **squandering** our lives” [14. С. 35]. Два свойства вспомогательного субъекта (доход, растрачивать) проецируются на свойства основного субъекта (ошибки, жизнь), однако эта проекция далеко не полна, в реальности не все возможные слоты (нами обнаружено 52 метафоры финансовой концептосферы: allowance, appointment, auction, budget for, asset, balance-sheet, bank, bankrupt etc.) задействуются носителями языка для метафорического описания концептов. Существуют и более семантически насыщенные сферы (104 концепта природной сферы, 103 технической и др.), потенциал которых остается не на все 100 % задействованным. Такое положение вещей естественно в свете все ускоряющегося темпа нашей жизни.

Учитывая вышеприведенные аргументы, касающиеся неполноты метафоризации, нами была предложена теория эвристического потенциала, понимаемого как мозаика призна-

ков той или иной концептосферы, установление совокупности которых помогает выделить непознанные «белые пятна» и точки роста в постижении предмета, установить нереализованные концептуальные возможности, ранее скрытые аргументы и контраргументы [8]. Эвристический потенциал измерим: мерой продуктивности той или иной концептосферы служит количество конвенциональных языковых выражений, кодирующих данную концептуальную метафору. Нами сформулирована гипотеза объема эвристического потенциала: какой бы полной ни была идеализированная когнитивная модель осмысления той или иной предметной области, актуальные образные схемы обладают эвристическим потенциалом, равным « 7 ± 2 лексические единицы», что не противоречит представлениям о памяти, согласно которым объем памяти является константой, и если количество информации превышает пропускную способность памяти, то «лишняя» информация теряется [10]. Таким образом, мы пришли к выводу, что возможность исчисления абсолютного метафорического потенциала находится в противоречии с реальным несистемным, а зачастую и противоречивым применением метафор в обычной жизни, в публицистике, где этот потенциал игнорируется ради иных соображений. Наша статья написана в русле когнитивного подхода к осмыслению многозначного слова, она отводит ведущую роль в метафоризации познающему человеку, обладающему здравым смыслом и наивной (обыденной) логикой. Переходя к анализу актуальных примеров, мы постараемся показать, во-первых, насколько осознаваема двойная смешанная метафора и, во-вторых, каким целям она служит. Для этого мы выдвинули ряд базовых постулатов, объясняющих возможные причины существования в языке двойных метафор:

1. Постулат **когнитивного состояния**. Как нам представляется, в существовании двойных метафор нет предумышленного алогизма, вызова логике высказывания. Носитель языка входит в особое когнитивное метафорическое состояние, где двойные метафоры работают в механизме ментального проецирования (блендинг), при котором в сознании человека создаются промежуточные концептуальные зоны, «встраиваемые» в структуру знания в момент речи. Именно поэтому творческие способности человека, его воображение (породившее смешанные образы кентавра, русалки), позво-

ляют образно репрезентировать даже противоречивые, нелогичные метафоры.

2. Постулат **идентификации переносности**. Двойная метафора может сослужить ценную службу в идентификации переносности. Если в одном контексте встречаются несколько противоречащих метафор, одна из них профилируется. Это иллюстрирует бытие в языке стереотипных ассоциативных ментальных установок (англ.: *mental sets*) и стремление выйти за их рамки. Двойственность метафоры требует аннулирования образности одного из ее участников. «Логическая совместимость в развернутой метафоре указывает на лексикализацию (внутренняя форма не осознается) и неметафорический статус единицы» [6. С. 49]. Теория креативного мышления С. А. Медника говорит в этой связи, что появление «отдаленной» (англ.: *remote*) ассоциации особенно важно в метафоре, поскольку подобная ассоциация ослабляет ментальную установку на применение общеизвестной, стертой метафоры, доминирующей в сознании своими сильновероятными ассоциациями» [18].

3. Постулат **прагматической направленности** высказывания. Здесь имеется в виду тот вариант, когда смешение смыслов употребляется намеренно как нацеленное на продуманное введение манипулятивных тактик (этикетных, пейоративных, приукрашивающих, упрощающих и т. п.). В смешанной метафоре вроде высказывания Р. Рейгана: «Корабль государства плывет не в ту сторону по улице с односторонним движением», – предполагается, что автор сказал в точности то, что имел в виду (дезорганизация госуправления) и руки педантов не должны касаться столь эффективной коммуникации [7].

Проиллюстрируем выдвинутые нам постулаты. Во-первых, когнитивное состояние метафоротворчества предполагает «блендинг», интеграцию семантических сфер, ведущую к появлению слабоконтрадикторных двойных метафор. Особенно ярко это видно на примере исконной, устоявшейся и частотной природной сферы, хорошо знакомой человеку. Она включает метафоры стихий: воды, огня и воздуха. В примере: “As days passed he and Chloe found it increasingly hard to conceal the disdain they felt, and the **coolness** around them **sharpened**” [17. С. 44], – душевный «холод», безразличие ассоциируется с чем-то острым, ранящим. Механизм блендинга сдвигает свойства холода и остроты, не вызывая когнитивного диссонан-

са. В другом примере: “A bright **flame** of pain **burned** just under **the surface** of controlled reason” [16. С. 92], – в описании такого концепта, как боль, блендинг соединяет метафору огня и воды, противоречие налицо, но оно тем не менее имеет место быть. В третьем примере концепт «энтузиазм» двояко охарактеризован через метафоры огня и растения: “Staring at his face in the mirror in the morning as he shaved he could see something had changed, as if some **spark** had **faded** from his eyes, and he had adapted to match his failure” [17. С. 51]. Причиной относительно мирного со-существования таких метафор можно назвать их принадлежность к исконной, естественной для человека сфере природы, первой осваиваемой им в онтогенезе и филогенезе и воспринимаемой как данность. Отсутствие явного когнитивного диссонанса, позволяющее воспринимать и понимать даже противоречивые (смешанные) метафоры, свидетельствует о гибкости человеческого сознания, его умении «переключаться» с одной концептуальной области на другую, концептуализировать проблемные понятия различными способами.

Постулат идентификации переносности также проиллюстрируем примерами двойных метафор, которые мы бы назвали семиконтрадикторными. Здесь идет речь о том, что один из элементов двойной метафоры акцентирован, а другой остается в тени, лексикализуясь и входя в фонд буквальных обозначений языка. “As things were, Hirskowitz **packed a world** of doubt and menace into four words” [22. С. 17]; “I know. Dowling **packed a world** of meaning into two words” [22. С. 298]. В примере с метафорой контейнера иллюстрируется осмысление концептов сомнение и смысл, которые одновременно и широкие, необъятные как мир, но в то же время вмещаются, «упаковываются» в слова. Очевидно, что с логической точки зрения упаковать мир нельзя – в данной двойной метафоре профилируется метафора «мир», именно на ней акцентировано внимание говорящего, соответственно, метафора контейнера, «упаковки», служит лишь фоном. В трех следующих примерах обращает на себя внимание причинно-следственная связь: “The fury that had been **building** since the afternoon **exploded**” [22. С. 277]. “Up till that damned unfortunate incident the Freedom party had gone from success to success, each **building momentum** for the next” [22. С. 33]. “The lawyers and businessmen

circled the **building crash** like a man circling a rattlesnake in a small room” [22. С. 285]. Здесь явно профилируется не причина событий – злоба, успех или крах, которые метафорически «выстраиваются», а результат – «взрыв», «импульс», «крах».

Прагматическая направленность высказывания подтверждается следующими примерами: “Some days he could comprehend new things easily, other days he seemed **further behind** than ever” [19. С. 13]. Прагматически метафора «все дальше отставать» акцентирует недовольство и разочарование матери, надеявшейся на успехи сына.

Подводя итог нашей статье о двойных, смешанных, контрадикторных метафорах, укажем вектор развития этого интереснейшего направления – это нормализующаяся метафорическая цепочка, в которой метафоры не предцированы одному концепту, а следуют одна за другой, иллюстрируя творческий ход мысли. Направленность на спецификацию мысли иллюстрируется следующим примером: “We both know the reason I went to Rodanthe, but I can’t stop thinking that greater forces were at work. I went there **to close a chapter** in my life, hoping it would help me **find my way**” [19. С. 13]. Нормализующаяся метафорическая цепочка демонстрирует то, как именно человек распорядается метафорами в активном поиске обозначения ословливания концепта, которому пока не находит имени. В качестве вывода отметим, что метафорическое описание мира при помощи концептуальных систем не обязательно является монолитным и внутренне последовательным. Двойные (смешанные) метафоры (he decided **to embark** on a new career **path**) свидетельствуют, что в процессе когнитивных способы понимания действительности в терминах различных концептуальных схем не только отличаются, но даже могут противоречить друг другу. Двойные метафоры – интересный материал для углубленного исследования метафоризации, еще раз доказывающий, что один и тот же концепт может моделироваться не единственным способом, а осознание алогизма метафоризации – важный когнитивный фактор, поскольку именно логическая синтагматическая рассогласованность слов в развернутой метафоре указывает на неполную, незавершенную лексикализацию метафорической единицы.

Список литературы

1. Ассоциативные системы мозга : сб. науч. тр. / под ред. А. С. Батуева. – Л., 1985. – 287 с.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – 123 с.
3. Вопросы русского языкознания. – М., 1979. – Вып. 2. – 207 с.
4. Карнап, Р. Философские основания физики: введение в философию науки / Р. Карнап. – М., 2008. – 360 с.
5. Когнитивная психология / отв. ред. Б. Ф. Ломов. – М., 1986. – 196 с.
6. Кульчицкая, Л. В. Живая и мертвая метафора: Лингвистическая «верификация» современных гипотез когнитивной теории метафор / Л. В. Кульчицкая // *Вопр. когнитив. лингвистики.* – 2012. – № 1 (030). – С. 40–49.
7. Миллер, Дж. Образы и модели, употребления и метафоры / Дж. Миллер // *Теория метафоры.* – М., 1990. – С. 236–284.
8. Панкратова, С. А. Когнитивно-семантические механизмы метафоризации в современном английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2014. – 34 с.
9. Прист, Ст. Теории сознания / Ст. Прист. – М., 2000. – 288 с.
10. Солсо, Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. – М., 2002. – 600 с.
11. Шульц, Д. П. История современной психологии / Д. П. Шульц, С. Э. Шульц. – СПб., 2002. – 532 с.
12. Anderson, B. F. *Cognitive psychology. The study of knowing, learning and thinking* / B. F. Anderson. – Michigan, 1975. – 402 p.
13. Andrade, J. *Cognitive psychology* / J. Andrade, J. May. – London, 2004. – 237 p.
14. Carnegie, D. *How to stop worrying and start living.* Simon and Schuster / D. Carnegie. – New York, 1998. – 297 p.
15. Cohen, G. *Memory: A Cognitive Approach* / G. Cohen. – Philadelphia, 1986. – 169 p.
16. French, M. *Family money.* Signet book. New American library / M. French. – New York, 1990. – 406 p.
17. Kneale, M. *Small Crimes in the Age of Abundance* / M. Kneale. – London, 2005. – 324 p.
18. Mednick, S. A. *Theory and test of creative thought* / S. A. Mednick // *Processing of the XIV international congress of applied psychology.* – Copenhagen, 1961. – Vol. 5. – Pp. 45–67.
19. Sparks, N. *The Rescue.* Hachette Book USA / N. Sparks. – N.-Y., 2000. – 420 p.
20. Steinart, D. *Interpretation of the semantic field theory of metaphor* / D. Steinart, C. Kittay // *Aspects of Metaphor.* – Boston, 1994. – Pp. 41–94.
21. Szalay, L. B. *Verbal associations in the analysis of subjective culture* / L. B. Szalay, B. C. Maday // *Current anthropology.* – 1973. – Vol. 14. – P. 3–50.
22. Turtledove, H. *The Center Cannot Hold* / H. Turtledove. – Random House Publisers, 2002. – 500 p.

Сведения об авторе

Панкратова Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского института кино и телевидения.
svetpankrat@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 144–150.*

**DOUBLE METAPHOR AND ITS HEURISTIC POTENTIAL:
THE KEY TO SOLVING THE MECHANISM OF CREATIVITY**

S. A. Pankratova

Saint Petersburg State Institute of Cinema and Television. svetpankrat@yandex.ru

The article deals with one of the most interesting aspects of the cognitive theory of metaphor – the double or mixed metaphor, which demonstrates the variability of ways of understanding in terms of

different conceptual schemes. In foreign sources the process of associative thinking is viewed mechanically, as retrieval and cognitive processing of information. In view of this problem exact sciences must integrate their results with humanitarian sciences. Thus, the method of cognitive-semantic analysis of actual linguistic contexts offers interesting insights into the nature of double metaphor like ‘The president will put the ship of state back on its feet’. In the article the author made an attempt to show the degree of awareness of the double metaphor and the purpose of its use when the speaker is aware of its contradictory nature. Explanations of this cognitive phenomenon are stated in the forms of axioms – of cognitive blending, of cognitive identification and of pragmatic value of double metaphors. Summing up, the author states that explanations of this interesting cognitive phenomenon include cognitive metaphoric condition, as a result of mental blending, profiling of one of two double metaphors as a means of metaphor identification and pragmatic orientation on deliberate use of such tactics as etiquette, pejoration, embellishment, simplification etc. All axioms are supported by actual examples from modern original English and American literature.

Keywords: *double metaphor, epiphora, diaphora, blending, variability, contradictory proposition.*

References

1. Batueva A.S. (ed.) *Assotsiativnye systemy mozga* [Associative systems of brain]. Leningrad, 1985. 287 p. (In Russ.).
2. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, 2001. 123 p. (In Russ.).
3. *Voprosy russkoy lingvistiki* [Questions of the Russian Linguistics]. Moscow, 1979. 207 p. (In Russ.).
4. Carnap R. *Filosofskie osnovaniya fiziki: vvedenie v filosofiju nauki* [*Philosophic Basics of Physics: introduction in the Philosophy of Science*]. Moscow, 2008. 360 p. (In Russ.).
5. Lomov B.F. (ed.) *Kognitivnaya psikhologaya* [Cognitive Psychology]. Moscow, 1986. 196 p. (In Russ.).
6. Kul'chtskaya L.V. Zhivaya i mertvaya metaphora: Lingvisticheskaya verificatsiya sovremennykh teoryy metaphory. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Live and Dead Metaphor: Linguistic verification of modern theories of cognitive metaphor]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki. Nauchno-teoreticheskij zhurnal* [Questions of Cognitive Linguistics. Scientific magazine], 2012, no. 1 (030), pp. 40–49. (In Russ.).
7. Miller G. Obrazy i modeli, ispol'zovaniya i metaphory [Images and models, usages and metaphors]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990. Pp. 236–284. (In Russ.).
8. Pankratova S.A. *Kognitivno-semanticheskiye mekhanizmy metaphorizatsii v sovremennom angliyskom yazyke* [Cognitive-semantic mechanisms of metaphorization in modern English]. Saint Petersburg, 2014. 34 p. (In Russ.).
9. Priest St. *Teorii poznaniya* [Theories of Cognition]. Moscow, 2000. 288 p. (In Russ.).
10. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. Moscow, 2002. 600 p. (In Russ.).
11. Schultz D.P., Schultz S.E. *Istoriya sovremennoy psikhologii* [The History of modern psychology]. Saint Petersburg, 2002. 532 p. (In Russ.).
12. Anderson B.F. *Cognitive psychology. The study of knowing, learning and thinking*. Michigan, 1975. 402 p.
13. Andrade J., May J. *Cognitive psychology*. London, 2004. 237 p.
14. Carnegie D. *How to stop worrying and start living*. New York, 1998. 297 p.
15. Cohen G. *Memory: A Cognitive Approach*. Philadelphia, 1986. 169 p.
16. French M. *Family money. Signet book. New American library*. New York, 1990. 406 p.
17. Kneale M. *Small Crimes in the Age of Abundance*. London, 2005. 324 p.
18. Mednick S.A. Theory and test of creative thought. *Processing of the XIV international congress of applied psychology*, vol. 5. Copenhagen, 1961. Pp. 45–67.
19. Sparks N. *The Rescue*. New York, 2000. 420 p.
20. Steinart D., Kittay C. Interpretation of the semantic field theory of metaphor. *Aspects of Metaphor*. Boston, 1994. Pp. 41–94.
21. Szalay L.B., Maday B.C. Verbal associations in the analysis of subjective culture. *Current anthropology*, vol. 14. 1973. Pp. 3–50.
22. Turtledove H. *The Center Cannot Hold*. Random House Publishers, 2002. 500 p.

УДК 802. 0 – 561. 8
ББК 81-3

С. А. Песина, О. Л. Латушкина

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНВАРИАНТНОСТИ

Отказ от взглядов на репрезентацию значений в структуре многозначных слов, предполагающих, что слово присутствует в сознании во всей системе значений, послужил поводом для обращения к гипотезе существования содержательного ядра многозначного слова – лексического инварианта. Выделение инвариантного значения предположительно облегчает человеку оперирование концептами. Задачей статьи является проведение детального исследования семантики многозначных слов с целью определения инвариантного значения. Предложенный этимологический анализ позволит определить динамику и направление развития семантики слова: от общего, многомерного значения к частным второстепенным лексико-семантическим вариантам (ЛСВ) или, наоборот, от конкретного значения, которое в процессе исторического развития слова может стать второстепенным.

Ключевые слова: многозначное слово, семантический инвариант, содержательное ядро слова, когнитивная лингвистика.

Проблема семантического единства многозначного слова может быть решена с помощью признания внеконтекстного инвариантного значения, имеющего общий характер, который формируется на основе функционирования слова на уровне системы языка. Подобный конструкт формируется у человека во временном континууме по мере актуализаций неглавных значений в различных контекстах. Когда мы говорим о варьировании, то неизбежно встает вопрос об инварианте всех вариантов [1-4].

В качестве основного метода определения лексического инварианта (ЛИ) используется когнитивный анализ лексических значений посредством реконструкции процессов семиозиса, а также компонентный анализ словарных дефиниций.

Так, на основе тринадцати толковых словарей нами было выведено номинативно-непроизводное значение (ННЗ) *root*, включающее наиболее частотные признаки: *the underground part of a plant that takes necessary things from the surrounding soil and serves as anchorage*.

Анализ остальных ЛСВ проводится на основе и в терминах установленного ННЗ. В метафорах отражается уподобление внешнему виду и функции корня. В задачу данной части исследования входит показать, что выступает в качестве исходной базы при формировании и декодировании метафорических значений. Приведем некоторые из них.

Так, в основе метафоры *root of a hair* (3) лежит уподобление корня волоса корню растения. В той степени, в какой корень крепится к земле и питает растения, в той же степени и корень волоса соединяет волос с телом, питает его, что позволяет ему расти. Этот ЛСВ содержит как идентифицирующие признаки корня (удлиненный), так и функциональные (прикрепляться, питать). Кроме того, предположительно, данное значение мотивировано образом корня, как части, скрытой от глаз. Таким образом, выделенный нами в ННЗ семантический компонент *underground* переосмысливается и реализуется как признак *hidden from view*. В основе этого значения можно выделить следующие семантические компоненты: *part of a hair, important, from which a hair starts to grow, firmly fixed in the skin, hidden from view, gets necessary elements from the surroundings, lengthened*.

Аналогичные компоненты мы находим в следующих значениях: *root of a tooth* (4), *root of a tongue* (5), *root of a nerve* (6). Значение *root of a family* (7) носит антропоцентрический характер: предок, положивший начало роду, является его основателем и сравнивается с корнем, который являет собой начало жизни растения. Подобно тому, как ветви дерева удалены от корня, который скрыт под землей, так и основатель рода далек от своих потомков, так как существовал много лет назад. Тем не менее, положив начало своей семейной ветви, он навсегда останется ее наиважнейшей частью.

Значение основано на компонентах *a person, belongs to a family history, important, lived long time ago, started a family*.

Следующее метафорическое выражение основано на состоянии привязанности человека к определенному месту: *root sin a town* (8). В семантике данной метафоры присутствуют компоненты *a feeling, strong, important, of belonging to the place of origin*. Подобные компоненты обнаруживаем и в значении *roots of society* (9), в котором, в отличие от *root* (8), носитель языка испытывает чувство принадлежности к определенному обществу: *a feeling, strong, important, of belonging to a society*.

Метафора *root of music /art* (10) обнаруживает связь с ЛСВ *root* (8, 9), так как фактически является их расширением. Данная метафора обозначает принадлежность не только к обществу или родному городу, но и к определенной культурной среде, характерной для данного ареала, включающей музыку, искусство и т. д. В основе этого значения лежат признаки *a feeling, strong, important, of belonging to particular culture/music/art*.

Следующая метафора также носит абстрактный характер: *root of a word* (11). Данное значение основано на представлении о корне как основной части растения, без которой в принципе невозможно его существование. В той же степени и корень слова является основной смысловой морфемой, без которой невозможно существование самого слова. В данном значении актуализируются компоненты, упомянутые одним из словарей при толковании главного значения *lacks buds, leaves, nodes*. Подобно корню растения, лишённого листьев почек, корень слова лишен префиксов и постфиксов. Представляет интерес также термин из математики *root of a number* (12) Подобно тому, как корень растения извлекают из земли, так и корень извлекают из чисел (метафора *корень повлекла за собой использование метафоры извлекать*). В данном случае можно выделить следующие семантические компоненты: *a number, should be multiplied by itself, hidden from view calculation, important*.

Метафора *root* «укоренилась» и в области музыки: *root of a chord* (13). В этом значении актуализируется компонент *the lowest part*, так как корневая хорда, на основе которой берутся аккорды, является самой низкой. Представляет интерес значение *grass roots* (14), которое является термином в современной политологии: так в США называют народные движения.

Данный термин впервые был использован в качестве политической метафоры сенатором от штата Индиана А. Бевериджем в 1912 г. Выступая на съезде своей Прогрессивной партии, политик декларировал: «This party has come from the grass roots. It has grown from the soil of people's hard necessities» (Партия возникла из корней, из той почвы, которая является основными людскими потребностями). Данное выражение означает обыкновенных людей, которые важны для развития общества в целом. *Root* (15) представлен техническим термином 'the root of a weld seam' (корень сварного шва). Данное толкование мотивировано признаком *hidden from view* и не противоречит тому, что корнем является именно скрытая от поверхности часть, которую сверху «для красоты» покрывают облицовкой. Нам также известно, что корень сварного шва служит для закрепления кромок (*serves as a fixation*) по аналогии с корнем, который выполняет функцию прикрепления к земле.

Значение *root* (16) – male sexual organ – важный орган, дающий начало жизни, основан на сходных идентифицирующих признаках. Еще одно сленговое значение *root* (17) – a cigarette. Употребление данной метафоры мотивировано сходством корня с сигаретой по внешнему виду (длинный, тонкий). Выскажем предположение, что лексемой *root* в данном случае обозначается не вся сигарета, а только та ее часть, которая находится во рту (как корень, которого не видно), хотя словари и не дают такого толкования. В компьютерной сфере мы также находим значение *корень: root* (18) Оно обозначает пользователя, имеющего неограниченный доступ к системе. Как корень растения лежит в основе существования самого растения: через него необходимые вещества попадают в самый отдаленный участок, он имеет «доступ» к самым дальним уголкам растения, в той же степени и пользователь имеет доступ к компьютерной системе без ограничений.

Рамки данной статьи не позволили привести анализ семантики *root* в полном объеме, а также расчет частотности выделенных нами компонентов, так же как и результаты этимологического анализа данной лексемы. В итоге нами сформулировано абстрактное содержательное ядро данного полисеманта (его ЛИ): *a lengthened, hidden from view important part of an object often firmly fixed to the surface or a strong feeling of belonging to sth which is important for a person's life or an essential hidden*

from view cause which makes sth happen. Данный ЛИ возник вследствие того, что в памяти человека естественным образом остаются воспоминания о случаях реализаций актуальных переносных значений в смысловых структурах высказываний.

Следует отметить наличие фразеологических оборотов, входящих в структуру полисеманта. Согласно традиционной точке зрения, в основе фразеологизма лежат основные признаки главного значения (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский). В процессе анализа нами было установлено, что такое наблюдается не всегда, и для интерпретации фразеологического выражения носитель языка может прибегнуть не к первому значению, а к инвариантному, который неизбежно формируется у носителя языка по мере актуализации метафорических значений полисеманта. Так, *root* (20) – *to have a good root round* (Alice had a good root round in her desk drawer to find a pen) обозначает «перерыть все вверх дном в поисках чего-либо». Анализ данного выражения основывается не на ННЗ, а на семах ЛИ: потеря чего-то важного, скрытого от глаз. Таким образом, ЛИ лежит в основе не только множества ЛСВ многозначной лексемы, но мотивирует фразеологические обороты, в которых лексема *root* основана на компонентах, носящих абстрактный характер.

Предпринятое в данной статье исследование в немалой степени опровергает известные высказывания зарубежных философов языка и лингвистов. Так, в соответствии с точкой зрения Дж. Р. Серля, метафора является буквальным сравнением и большая часть знаний, необходимых для понимания метафоры уже содержится в сознании говорящего и воспринимающего, являясь частью картины мира, что обеспечивает понимание буквальных значений:

«We understand the metaphors as hortened version of the literal simile. Since simile requires no special extralinguistic knowledge for its comprehension, most of the knowledge necessary for the comprehension of metaphor is already contained in the speaker's or hearer's semantic competence, together with a general background knowledge of the world that makes literal meaning comprehensible» [8. P. 264]. Похожей точки зрения придерживается Д. Дэвидсон, который утверждает, что все переносные значения, появляющиеся в высказывании, являются эффектами речевого функционирования *системных* значений этих слов [7. P. 43]. Следует отметить, что данные точки зрения авторитетных авторов являются уважаемыми, но не единственными. Мы придерживаемся альтернативного мнения, которое заключается в том, что множество фразеологических оборотов мотивированно не первым значением, а ЛИ, который включает в себе наиболее частотные и важные семантические компоненты всех метафорических значений данного полисеманта [5; 6].

Будучи изначально однозначной лексемой, слово *root* в конечном итоге своего развития приобрело максимально абстрактное метафорическое значение *something essential, important*. Можно утверждать, что исследуемый полисемант продолжит развиваться в сторону лексического инварианта. Ввиду того, что лексема содержит много компонентов, способных породить новые ассоциации, в ней могут возникнуть новые метафорические образы. При этом метонимических переносов у данной лексемы практически нет. Таким образом, метафорическое, то есть инвариантное направление развития семантической структуры этого слова является приоритетным.

Список литературы

1. Песина, С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления / С. А. Песина // Вестн. Оренб. гос. ун-та. – 2009. – № 7 (101). – С. 178-180.
2. Песина, С. А. Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта / С. А. Песина, О. Л. Латушкина // Вопр. когнит. лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 105-108.
3. Песина, С. А. Прототипический подход к осмыслению структуры словаря / С. А. Песина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2 (24). – С. 570-575.
4. Песина, С. А. Репрезентация слов в лексиконе // Международный конгресс : сб. материалов. Тамбов: Издат. дом ТГУ, 2010. С. 121-123.
5. Песина, С. А. Слово в понимании философии языка и лингвистики / С. А. Песина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2011. – № 2 (4). – С. 122-131.
6. Песина, С. А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка / С. А. Песина // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 4 (88). – С. 12-16.

7. Davidson, D. Truth and predication. Cambridge, Mass; London: Harvard University Press, 2005.
8. Searle, J. Metaphor // Philosophical Perspectives on Metaphor. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981.

Сведения об авторах

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры английского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

spesina@bk.ru

Латушкина Ольга Леонидовна – старший преподаватель кафедры английского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

olgalatushkina87@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 151–155.*

EMPIRICAL ANALYSIS OF A METAPHOR ON THE BASIS OF THE LEXICAL INVARIANCE THEORY

S. A. Pesina

Nosov Magnitogorsk State Technical University. spesina@bk.ru

O. L. Latushkina

Nosov Magnitogorsk State Technical University. olgalatushkina87@mail.ru

View declaimer on representation of values in a structure of polysemantic words which are presented in a semantic system of meanings gave rise to the hypothesis about the existence of a semantic core in a polysemantic word structure - a lexical invariant. Invariant determination is able to help a person operate concepts. The main aim in this article is to analyze polysemantic word structure in detail for defining an invariant meaning. The applied etymological analysis will allow to determine dynamics and a semantic direction of polysemantic word development: from a common, multidimensional meaning to a particular minor lexical-semantic variant and, on the contrary, from a specific meaning which can become secondary in language history.

Keywords: *polysemous words, semantic invariant, semantic core of a word, cognitive linguistics.*

References

1. Pesina S.A. Kognitivnyj podhod k vzaimodejstviyu jazyka i myshlenija [Cognitive approach to interaction of language and thinking]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2009, no. 7 (101), pp. 178–180. (In Russ.).
2. Pesina S.A., Latushkina O.L. Leksicheskij invariant kak sodержatel'noe jadro polisemanta [Lexical invariant as the meaningful nucleus of polysemant] *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2014, no. 1 (038), pp. 105–108. (In Russ.).
3. Pesina S.A. Prototipicheskij podhod k osmysleniju struktury slovarja [Proto-typical approach to the comprehension of the structure of the dictionary]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2009, no. 2 (24), pp. 570–575. (In Russ.).
4. Pesina S.A. Reprеzentacija slov v leksikone [Representation of words in the lexicon]. *Mezhdunarodnyj kongress: sbornik materialov* [International Congress: Materials]. Tambov, 2010. Pp. 121–123. (In Russ.).

5. Pesina S.A. Slovo v ponimanii filosofii jazyka i lingvistiki [Word in understanding of the philosophy of language and linguistics]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State University], 2011, no. 2 (4), pp. 122–131. (In Russ.).
6. Pesina S.A. Specifika filosofskogo i lingvisticheskogo podhodov k central'nym problemam jazyka [Specific character of philosophical and linguistic approaches to the central problems of the language] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adygeyskiy State University], 2011, iss. 4 (88), pp. 12–16. (In Russ.).
7. Davidson D. *Truth and predication*. Cambridge; London, 2005.
8. Searle J. *Metaphor. Philosophical Perspectives on Metaphor*. Minneapolis, 1981.

УДК81-26
ББК 81

С. А. Питуна

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ТЕНДЕНЦИИ ДЕРИВАЦИИ

В статье предпринята попытка проанализировать тенденции деривации современной лингвистической терминологии на примере авторефератов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук. Выявлены наиболее частотные и противоречивые деривационные процессы.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, деривация, термин.

Консубстациональность метаязыка лингвистики и языка-объекта, открытость лингвистической терминосистемы, ее разнообразие и сложность, с одной стороны, простота и упорядоченность, с другой, обилие заимствований из других терминосистем, оригинальность и традиционность представляют не только интерес для исследователей, но и целый ряд проблем. Принято считать, что система лингвистических терминов является «системой систем» [13. С. 560], особой терминосистемой (подробнее см.: [2. С. 51]).

Необходимость унификации, упорядочения терминов лингвистики доказывает знакомство с научными поисками отечественных лингвистов, обобщенных в виде авторефератов диссертационных работ. Авторефераты отбирались методом сплошной выборки. Проанализировано 50 авторефератов диссертаций, 30% из них составили работы на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В рассмотренных авторефератах наименее удачным способом терминодеривации считаем словосложение, к которому авторы прибегают, вероятно, в целях экономии. Среди окказиональных терминов-композиций преобладают прилагательные. Зачастую авторы предлагают труднопроизносимые громоздкие многокомпонентные термины: например, в работе М. Э. Ахметовой неоднократно употребляется термин *антикризисноуправленческий* в словосочетаниях «*антикризисноуправленческая литература*», «*антикризисноуправленческая терминология*», «*антикризисноуправленческие термины*» [1]. В автореферате О. Б. Бурдиной использовано сложное прилагательное *высокотерминизированный* в составе словосочетания *высокотерминизированный текст* [5. С. 10]. По сравнению с приведенными примерами

почти «непроизносимых терминов» раздельно оформленные композиты представляются вполне оправданными в научном тексте: *логико-когнитивный, субстантивно-номинативный, логико-семантический, коммуникативно-прагматический, функционально-семантический* [11], *проксимально-дистантные предлоги, пространственно-предложная лексика* [18], *устно-формульная теория* [15]. Сложные прилагательные с соединительным гласным: *антропосемиотический анализ* [15], *лингвоэкологическая вариативность* [10] и десятки аналогичных примеров весьма частотны в авторефератах диссертационных работ. Сложные термины-прилагательные более точно эксплицируют значение в отличие от сложных терминов-существительных. Громоздкий композит *терминоварианты* [5] вряд ли благозвучнее словосочетания *варианты терминов*, обозначение *миромоделирование* компрессивнее, но ничуть не точнее сочетания *моделирование реальности*, равно как и *диалектоносители*, а не *носители диалектов* [7].

Об англоязычных заимствованиях в лингвистической терминологии упоминалось неоднократно. Сравнительно новой тенденцией можно считать использование блендинга в метаязыке лингвистики. Так, Е. В. Чистова использует существительное *глобанглизация* вслед за В. В. Кобакчи для наименования сложного лингвистического процесса, характеризующегося интернациональностью, интенциональностью, реверсивностью, манипулятивностью и практически обязательным в лингвистических работах антропоцентризмом [16. С. 8]. Бленды-кальки *фанфик, фэнфик* встречаем в автореферате Н. В. Уканаковой для обозначения «производного текста, основанного на каком-либо оригинальном произведении, использующего

его идеи сюжета и (или) персонажей» (цит. по: [14. С. 9]).

Аффиксация также широко востребована авторами рефератов в процессе деривации терминов: *терминируемый* [1], *порционирование текста*, *самоструктурирование* [17].

Новые термины нередко отражают общую тенденцию авторов работ быть оригинальными, поэтому чтение авторефератов превращается в весьма сложный и увлекательный процесс (подробнее см.: [12]). Предлагаются оригинальные словосочетания: *нечеловеческая коммуникация*, *денатурализация языкового знака*, *лексические репелленты*, *слова клича* (С. С. Шляхова). Авторы используют цепочки сложных слов с совпадающим первым, часто ядерным, компонентом: *этнодетерминация*, *этноэнергия детерминатов*, *этнолингводетерминация*, *этнодетерминат*, *этноэлементы*, *этнолингводетерминированные силы*, *этносодержание* [9]. Обратный процесс наблюдается в равной степени креативном подходе к терминодеривации в работе М. Г. Вершининой, когда неизменным остается конечный компонент сложного слова: *биофоносфера*, *антропофоносфера*, *атмофоносфера*, *сигналофоносфера*, *технофоносфера*, *музыкафоносфера*, *мифофоносфера*, *соматофоносфера*, *кинемофоносфера*, *сигналофоносфера*, *социофоносфера* [6], аналогичные по структуре примеры обнаружены нами в диссертации С. С. Шляховой: *лингвофоносфера*, *лингвосемиосфера*, *семиофоносфера* [17].

Нередко в авторефератах по лингвистике встречаются избыточные словосочетания: *научно-теоретические тексты* [8], синони-

мичные термины: *дальнеродственные языки* (*неблизкородственные языки*), соискатели используют не только книжные слова типа *манифестировать* [9], *устность* [15], но и разговорную лексику: *инаковость* [17], активно привлекают специальные наименования из других областей знания, например, термин *самоподобие* из фрактальной геометрии Б. Мандельброта вынесен в заголовок автореферата Я. А. Бузаевой [4], нередко заимствования в виде калек: *реляции* [9], *брендинг* [16].

Создание авторских терминосистем можно оправдать используемой в работе парадигмой, однако это не всегда облегчает восприятие научного текста. По мнению Е. А. Петровой, ее исследование «основывается на логико-когнитивной парадигме, следовательно категориальный аппарат реализованного подхода складывается из эмических составляющих терминологического порядка, таких как *деонтема*, *пропозиема*, *клаузема*, *логема*, *алетема*, *аподиктема*, *ассертема*, *деонтема*, *эпистема*, *энтимема*, *эпихейрема*, *диктема...*» [11. С. 25]. Автор последовательно конструирует единообразный понятийный аппарат работы при помощи суффикса *-ема*.

Авторские термины довольно часто информативны, но при этом неоднозначны. Словосочетание *военный корпоративный текст* [3] можно интерпретировать как созданный военными текст, как текст о военных и т. д.

Проведенный анализ доказывает необходимость унификации лингвистической терминологии, что никоим образом не противоречит развитию лингвистики и появлению новых терминов.

Список литературы

1. Ахметова, М. Э. Особенности формирования терминологии предметной области «Антикризисное управление»: экстралингвистические и когнитивно-деривационные аспекты (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Э. Ахметова. – Майкоп, 2015. – 24 с.
2. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М., 2001. – 360 с.
3. Битюцких, К. В. Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Битюцких. – Челябинск, 2015. – 24 с.
4. Бузаева, Я. А. Самоподобие формы как принцип организации вторичного текста (на материале сонетов У. Шекспира и их русских переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я. А. Бузаева. – Челябинск, 2015. – 23 с.
5. Бурдина, О. Б. Моделирование терминологической вариативности в фармацевтическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Б. Бурдина. – Пермь, 2013. – 20 с.

6. Вершинина, М. Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Вершинина. – Пермь, 2013. – 20 с.
7. Воробьева, Н. А. Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Воробьева. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.
8. Копылова, Т. Р. Языковая репрезентация научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Р. Копылова. – Ижевск, 2007. – 20 с.
9. Медведев, В. Б. Этнодетерминационная концепция языка в энергетическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Б. Медведев. – Пермь, 2014. – 35 с.
10. Моисеенко, А. В. Лингвоэкологическая вариативность субстандартной синонимии в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Моисеенко. – Ярославль, 2008. – 18 с.
11. Петрова, Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозем в диктумной дискурсивации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Петрова. – Уфа, 2012. – 55 с.
12. Питина, С. А. Простота и сложность лингвистической терминологии / С. А. Питина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 31 (322). – С. 152-154.
13. Русский язык : Энциклопедия /под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2003. – 704 с.
14. Уканакова, Н. В. Особенности когнитивного механизма формирования проекции текстов различной материальной представленности (на материале фанфикшен-текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Уканакова. – Кемерово, 2014. – 24 с.
15. Центнер, А. С. Антропосемиотический анализ реликтов устной традиции в ранних письменных памятниках (на материале древнегерманских языков и культур) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Центнер. – Иркутск, 2008. – 24 с.
16. Чистова, Е. В. Терминосистемы в условиях глобанглизации: симметрико-ориентированный подход (на материале брендинг-литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Чистова. – СПб., 2014. – 22 с.
17. Шляхова, С. С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. С. Шляхова. – Пермь, 2006. – 41 с.
18. Юсупова, Ю. Р. Пространственная и непространственная семантика английских проксимально-дистантных предлогов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Р. Юсупова. – Уфа, 2006. – 23 с.

Сведения об авторе

Питина Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
sap.pitina@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 156–159.*

LINGUISTIC TERMINOLOGY: DERIVATION TENDENCIES

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University. sap.pitina@rambler.ru

Tendencies of modern linguistic terms derivation are studied on the example of dissertation abstracts. Most frequent ways of derivation are viewed, controversial means of term formation are revealed.

Keywords: *linguistic terminology, derivation, term.*

References

1. Akhmetova M.A. *Osobennosti formirovanija terminologii predmetnoj oblasti 'Antikrizisnoe upravlenie': exstralinguisticheskie I kognitivno-derivatsionnye aspekty (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [Special features of shaping of the terminology of subject area "anticrisis administration": extralinguistic and cognitive- derivation aspects (on the material of Russian and English)]. Maikop, 2015. 24 p. (In Russ.).
2. Baranov A.N. *Vvedenie v prikladnuju linguistiku* [Introduction into the applied linguistics]. Moscow, 2001. 360 p. (In Russ.).
3. Bitytskikh K.V. *Otrazhenie korporativnoj kultury voennykh v iazykovom soznanii kursantov* [Reflection of the corporate culture of servicemen in the lingual consciousness of the cadets]. Chelyabinsk, 2015. 24 p. (In Russ.).
4. Buzajeva J.A. *Samopodobie formy kak printsip organizatsii vtorichnogo teksta (na materiale sonetov W. Shekspira i ikh Russkikh perevodov)* [Self-similarity of form as the principle of organization of secondary text (on the material of sonnets W. Shakespeare and their Russian transfers)]. Chelyabinsk, 2015. 23 p. (In Russ.).
5. Burdina O.B. *Modelirovanie terminologicheskoy variativnosti v farmatsevticheskom diskurse* [Modelling of terminological variability in pharmaceutical discourse]. Perm, 2013. 20 p. (In Russ.).
6. Vershinina M.G. *Eksplikatsija fonosferu v russkoj fonosemanticheskoj zvukovoj kartine mira (na material permskikh govorov)* [Explication of phonosphere in the Russian phonosemantic sonic view of the world (on the material of Permian talks)]. Perm, 2013. 20 p. (In Russ.).
7. Vorobieva N.A. *Russkaja sakralnaja idiomatika: lingvokulturologicheskij aspekt* [Russian sacral idiomatics: the linguo-cultural aspect]. Ekaterinburg, 2007. 22 p. (In Russ.).
8. Kopylova T.R. *Jazukovaja reprezentatsija nauchnogo kontsepta 'kommunikatsija' v spetsializirovannom nauchnom lingvisticheskom diskurse* [Lingual representation of scientific concept "communication" in specialized scientific linguistic discourse]. Izhevsk, 2007. 20 p. (In Russ.).
9. Medvedev V.B. *Etnodeterminatsionnaja kontseptsija jazyka v energeticheskom aspekte* [Ethno-determinative concept of language in the energy aspect]. Perm, 2014. 35 p. (In Russ.).
10. Moiseenko A.V. *Lingvoekologicheskaja variativnost substandartnoj sinonimii v anglijskom i russkom jazykakh* [Linguo-ecology variability of sub-standard synonymy in English and Russian]. Jaroslavl, 2008. 18 p. (In Russ.).
11. Petrova E.A. *Logiko-kognitivnaja interpretatsija substantivno-nominativnykh propozem v dikturnoj diskursivatsii* [Logical-cognitive interpretation of substantive-nominative proposems in dictum discoursivation]. Ufa, 2012. 55 p. (In Russ.).
12. Pitina S.A. *Prostota i slozhnost lingvisticheskoy terminologii* [Simplicity and the complexity of the linguistic terminology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 31 (322), pp. 152–154. (In Russ.).
13. *Russkij jazyk : Entsiklopedija* [The Russian language: Encyclopedia]. M., 2003. 704 p. (In Russ.).
14. Ukanakova N.V. *Osobennosti kognitivnogo mekhanizma formirovanija proektsii tekstov razlichnoj materialnoj predstavlenosti (na materiale fanfikshin tekstov)* [Special features of cognitive mechanism of the formation of the projection of texts of different material representation (on the material of fanfiction-texts)]. Kemerovo, 2014. 24 p. (In Russ.).
15. Tsentner A.S. *Antroposemioticheskij analiz reliktovej ustnoj traditsii v rannikh pismennykh pamjatnikakh (na materiale drevnegermanskikh jazykov)* [Anthropo-semiotic analysis of the relicts of oral tradition in the early written monuments (on the material of ancient-German languages and cultures)]. Irkutsk, 2008. 24 p. (In Russ.).
16. Chistova E.V. *Terminosistemy v uslovijakh globanglizatsii: simmetriko-orientirovannyj podkhod (na primere brending-literatury)* [Terminology systems in terms of globalization: the symmetric-oriented approach (on the material of branding-literature)]. Sankt-Petersburg, 2014. 22 p. (In Russ.).
17. Shliakhova S.S. *Fonosemanticheskie marginalii v russkoj rechi* [Phonosemantic marginalia in the Russian speech]. Perm, 2006. 41 p. (In Russ.).
18. Jusupova Ju.R. *Prostranstvennaja i neprostranstvennaja semantika anglijskikh proksimalno-distantnykh predlogov* [The spatial and non-spatial semantics of proximally-distant English prepositions]. Ufa, 2006. 23 p. (In Russ.).

УДК 81
ББК 81-25

Н. Б. Попова, Б. А. Бобнев

КАЧЕСТВЕННЫЕ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматривается структурно-семантический критерий разграничения качественных и относительных прилагательных в итальянском и русском языках. Утверждается, что относительные прилагательные выступают производными от других слов, которыми они и мотивируются, тогда как качественные прилагательные первообразны по форме выражения и многозначны в системе языка.

Ключевые слова: семантический критерий, признак предмета, исконное прилагательное, модальные признаки, мотивированность, семантическая производность.

Имя прилагательное – лингвистическая категория, служащая для характеристики предметов и явлений действительности и связанная с антропоцентрической парадигмой в лингвистике. Прилагательное, характеризуя существительное, как бы «прилагается» к нему и в некоторых языках приобретает его грамматические признаки, например, род и число в русском, немецком и романских языках. В других языках, например английском, прилагательное остается свободным от данного согласования с существительным. При этом в том и другом случае прилагательное в отличие от существительного не имеет своей денотации. Характеризуя вещь, прилагательное информативно обогащает существительное своим семантическим или оценочным признаком, определяемым субъектом в отношении объекта, субъекта, его действия или их описания. Данный признак прилагательного релевантен для итальянского и русского языков.

На основе семантического критерия в итальянском и русском языках можно выделить разные лексико-семантические группы прилагательных: прилагательные формы (*rotondo* – *круглый*, *quadrato* – *квадратный*), цвета (*rosso* – *красный*, *nero* – *черный*), параметрические прилагательные (*basso* – *низкий*, *alto* – *высокий*). Значительную группу представляют оценочные прилагательные (*buono* – *хороший*, *malo* – *плохой*, *intelligente* – *умный*, *stupido* – *глупый*), к ним относят также прилагательные, обозначающие физические и психические свойства людей или животных (*vigoroso* – *сильный*, *debole* – *слабый*, *malato* – *болезненный*, *nervoso* – *нервный*).

В данном исследовании остановимся на двух группах прилагательных: качественных

(*aggettivi qualificativi*) и относительных (*aggettivi di relazione*), которые имеют оценочный характер и предполагают антропоцентрический подход к изучению этой лексико-грамматической категории.

Качественные прилагательные обозначают признаки предметов и событий, заложенные в самих вещах, включая свойства предметов, воспринимаемые органами чувств: цвет, пространство, физические свойства. И в этой связи качественные прилагательные считаются первообразными по форме выражения, первичными и одновременно сложными по своему содержанию, так как им изначально свойственна многозначность. Именно поэтому денотативный компонент значения у качественных прилагательных нивелируется, стремится к нулю. Например, красивым может быть любой объект и любое явление: человек, цветок, рассвет, река, лес. Другими словами, качественные прилагательные, характеризуя внутренние свойства предметов, могут осмысливаться и в отвлечении от самих предметов. При этом помимо когнитивного и семантического компонента качественного прилагательного, выражающего основной признак красоты, налицо еще и его субъективная оценка.

Качественные прилагательные необычайно разнообразны по семантическим признакам. Как уже было нами отмечено ранее, денотативный блок информации многозначного слова связан с типовым образом, и, следовательно, его семантическое пространство, вырастая из базисного архе- или прототипического значения, способно обрастать рядом других значений [2]. К таким семантическим признакам основных значений исследуемых нами прилагательных можно отнести прилагательные со

значением признака формы, размера, свойства, цвета, вкуса, запаха и т. д.

Например, прилагательное *diritto* (*прямой*) указывает на первичный признак *формы* как в итальянском, так и в русском языках.

В итальянском языке прилагательное *diritto* имеет следующие значения: 1) прямой по форме линии (*via diritta* – прямой путь); 2) прямой, честный, справедливый (*rigare/filare diritto* – вести себя безупречно); 3) правый; 4) ловкий, находчивый; 5) буквальный (о значении слова).

В русском языке прилагательное *прямой* имеет значения: 1) прямой по линии; 2) без сущности, 3) имеющий поступательное направление; 4) осуществляемый без промежуточных этапов; 5) буквальный (о значении слова); 6) правдивый, откровенный, нелицемерный; 7) подлинный, настоящий, неподдельный.

Сравним содержательный объем прилагательных с денотативным значением *размера stretto* (узкий).

В итальянском языке: 1) узкий, тесный (*scarpe strette* – узкие ботинки); 2) сжатый (*pugni stretti* – сжатые кулаки); 3) строгий, точный (*stretta regola* – строгое правило); 4) срочный, неотложный (*lo stretto necessario* – самое необходимое); 5) близкий (*parente stretto* – близкий родственник); 6) фонетический термин *vocale stretta* «закрывать гласный».

В русском языке: 1) небольшой по ширине; 2) тесный (об одежде, обуви и т. п.); 3) ограниченный; 4) лишенный широты взглядов, кругозора; 5) лингвистический термин *узкий гласный звук*.

Рассмотрим прилагательные с денотативным значением *свойства* на примере *fragile* (хрупкий).

В итальянском языке: 1) хрупкий, ломкий (*merce fragile* – хрупкий товар); 2) слабый, хрупкий (*salute fragile* – слабое здоровье); 3) слабый, податливый (*la fragile natura umana* – слабая человеческая природа); 4) недолговечный (*una fragile speranza* – слабая надежда).

В русском языке: 1) ломкий; 2) недолговечный. 3) требующий бережного обращения; 4) нежный, изящный; 5) болезненный, слабый.

В отличие от качественных прилагательных, относительные прилагательные выражают качества и свойства путем указания на отношение к другому предмету.

Напомним семантическую характеристику относительного прилагательного, данную Е. М. Вольф: «отношение, устанавливаемое между предметом (или признаком) и другим предметом, признак которого обозначается

прилагательным» [3. С. 397]. Близкое к этому определение встречаем и у итальянского лингвиста Марчелло Маринучи: «Gli aggettivi di relazione non designano qualità, bensì esprimono la relazione che intercorre tra il nome a cui si riferiscono e il nome da cui derivano: popolo italiano, cucina francese, unione europea ecc» (*Относительные прилагательные не означают качества, но скорее выражают отношение, которое вводится между именем, к которому они относятся и именем, от которого они производятся: итальянский народ, французская кухня, европейский союз и т.д.*) [5. Р. 111].

Действительно, различительным признаком между значениями качественных и относительных прилагательных является введение для определения относительных прилагательных следующих предикатов: «состоящий из» или «сделанный из», «похожий на» или «относящийся к» и др. Ю. Д. Апресян достаточно подробно описал такие типы относительных прилагательных в моделях регулярной многозначности: 1) являющийся X (*военные операции*), 2) содержащий X (*золотой песок*), 3) сделанный из X (*золотое кольцо*), 4) каузирующий X (*золотой прииск*)..., 7) предназначенный для X (*военная операция*) [1. С. 509–523].

М. Маринучи также дает детальное описание относительных прилагательных, рассматривая типы отношений между существительным и производным от него прилагательным. Это отношение со значением территории: *zona periferica* (*периферийная зона*), *via centrale* (*центральная улица*); отношение между объектом и материей: *statua marmorea* (*мраморная статуя*), *scultura lignea* (*деревянная скульптура*); отношение между болезнью и большим органом *enfisema polmonare* (*эмфизема лёгких или легочная*); отношение между действием и органом, которое ему подвергается: *trapianto cardiaco* (*пересадка сердца*); отношение между личностью и учреждением: *studente liceale, universitario* (*учащийся лицея, университета*) [5. Р. 111].

Как видим, относительные прилагательные характеризуют предметы и явления через сеть отношений и связей с объектами реального мира. Именно поэтому в основе относительных прилагательных лежит их мотивация другими единицами языка, именно поэтому они семантически, морфологически и синтаксически производны, именно поэтому они могут быть структурно и/или семантически членимы.

Таким образом, в основе разграничения качественных и относительных прилагательных

лежит определенное различие в семантической сущности каждого из разрядов. Качественные прилагательные – это чаще всего прилагательные исконные, характеризующие, а относительные прилагательные – производные и по содержанию специфицирующие. И это свойственно как русским, так и итальянским прилагательным.

В заключение заметим, что семантическая граница между качественными и относительными прилагательными не всегда явно выражена, ибо и те и другие имеют тенденцию приобретать значения друг друга. Так, качественные прилагательные развивают относительные

признаки значения, например, *глухой согласный, большой палец, высокая мода*. И, соответственно, относительные прилагательные способны приобретать качественные признаки значения: *каменное сердце, стальные нервы, медвежья услуга*. Близость по значению качественных и относительных прилагательных объясняется тем, что за данным классом слов стоит единый, принципиально неделимый концепт «качество», различные концептуальные признаки которого находят свое отражение в семантике как качественных, так и относительных прилагательных.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. О регулярной многозначности / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX, вып. 6. – М., 1971. – С. 509–523.
2. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков / Е. М. Вольф. – М., 1978.
3. Вольф, Е. М. Прилагательное / Е. М. Вольф // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – С. 397–398.
4. Попова, Н. Б. Концептуальное представление семантического пространства многозначного слова / Н. Б. Попова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 10 (225). – С. 114–117.
5. Marinuci, M. L'aggettivo // M. Marinuci. La lingua italiana. Grammatica. – Torino: Edizioni Scolastiche, 2000. – P. 110–150.
6. Hoepli: Grande dizionario italiano di Aldo Gabrielli [Testo con CD-ROM per Windows]. – Milano, 2008. – 2799 p.

Сведения об авторах

Попова Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
popova@csu.ru

Бобнев Борис Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
bor337@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 160–163.*

QUALITATIVE AND RELATIVE FEATURES OF ADJECTIVE IN ITALIAN AND RUSSIAN LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

N. B. Popova

Chelyabinsk State University. popova@csu.ru

B. A. Bobnev

Chelyabinsk State University. bor337@mail.ru

In this paper, the author studies the structure-semantic criterion of qualitative and relative features of adjectives in the Italian and Russian languages. The relative adjectives are derived from other words

and are motivated from them whereas the qualitative adjectives are prototypical, or preimage, by wording and multivalued, or polysemantic, in the language system.

Keywords: *semantic test, sign of object, primordial adjective, modal signs, motivational factor, semantic derivation.*

References

1. Apresian Yu.D. O reguliarnoj mnogoznachnosti [On the regular ambiguity]. *Izvestia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazika* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of literature and language]. vol. XXX, iss. 6. Moscow, 1971. Pp. 509–523. (In Russ.).
2. Volf E.M. *Grammatica i semantica prilagatel'nogo. Na materiale iberio-romanskih iazikov* [Grammar and semantics of adjective. On the material of the Iberian-Romance languages]. Moscow, 1978. (In Russ.).
3. Volf E.M. Prilagatelnoie [Adjective]. *Jazykoznanie. Bolshoi entsiklopedicheskij slovar* [Linguistics. Large encyclopedic dictionary]. Moscow, 1998. Pp. 397–398. (In Russ.).
4. Popova N.B. Kontseptualnoe predstavlenie semanticheskogo prostranstva mnogoznachnogo slova [Conceptual view of semantic space ambiguous word]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 10 (225), pp. 114–117. (In Russ.).
5. Marinuci M. L'aggettivo [The adjective]. *La lingua italiana. Grammatica* [Italian language. Grammar]. Torino, 2000. Pp. 110–150. (In Italian).
6. *Hoeppli: Grande dizionario italiano di Aldo Gabrielli* [Great Italian dictionary of Aldo Gabrielli]. Milano, 2008. 2799 p. (In Italian).

УДК 81'367.628
ББК 382-3

А. В. Раздужев

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №15-18-10006
«Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте»)
в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.*

Статья посвящена анализу некоторых особенностей репрезентации научно-профессиональных знаний посредством терминологических единиц. Рассматривается когнитивная функция языка и его свойство выступать одним из средств объективации знания. Уделено внимание структуре специального понятия, которое представляет специальное (научно-профессиональное) знание. В отличие от неспециального, специальное знание, связанное с определенной научной и/или профессиональной деятельностью человека, репрезентируется в языке, главным образом, при помощи терминологических единиц.

Ключевые слова: *когниция, знание, репрезентация, научная картина мира, термин, терминологическая лексика, вербализатор, понятие, язык для специальных целей.*

Язык представляет собой сложное по своей структуре образование, элементы которого, располагаясь на разных уровнях, вступают в различные отношения друг с другом [21. С. 13-14]. С точки зрения современной когнитивной парадигмы язык рассматривается как один из модусов *когниции* [10], под которой понимают формирование сведений о мире, происходящие в сознании человека процессы, связанные с получением и обработкой информации, репрезентацией, хранением и использованием знания [14. С. 34-35; 15. С. 6]. Язык представляет собой одновременно процесс и результат *когнитивной деятельности* [26], а также особую когнитивную способность человека аккумулировать, трансформировать и передавать знания. Он выступает главной составляющей когнитивной системы человека, которая обеспечивает деятельность человеческого сознания, открывает доступ к когнитивному миру человека, его интеллекту, структурам сознания [14; 24. С. 57; 1].

В узком смысле под когнитивной функцией языка понимается его способность быть средством получения нового знания о действительности, в широком смысле – выступать в роли орудия познания и средства овладения знаниями, общественно-историческим опытом (в том числе опытом научного познания), организовывать, хранить и передавать из поколения в

поколение знания о мире, а также быть средством отражения, моделирования внеязыковой действительности [13. С. 198, 217].

Помимо выполнения коммуникативной функции, язык является одним из средств объективации знания. Под знанием понимается проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека [22. С. 465]. Для обеспечения нормального существования человек должен обладать определенной совокупностью сведений об окружающем мире, его отдельных объектах, а также способах обращения с ними. Подобную совокупность данных обычно и называют **знанием**, разделяя его на знания *декларативные* («знания о том, **что** ...») и *процедуральные* («знания о том, **как** ...»). Е.С. Кубрякова предлагает иное разграничение знаний – на *языковое (знание о языке)* и *объектное (знание о мире)*, при этом не отрицая, что первое входит составной частью во второе [15. С. 10; см. также: 4; 5]. *Кроме того, знание может быть условно разделено на специальное (научное, профессиональное) и неспециальное (обыденное) (см.: [11. С. 166; 2. С. 15]).*

Разница между обыденным и специальным (научно-профессиональным) знанием заключается в конкретизации и степени существенности отражаемых признаков объектов и явлений, глубине их постижения, а также в раз-

личных способах познания действительности [20. С. 22], которые отражаются в семантике и структуре языковых знаков [27]. Научно-профессиональное и обыденное знание по-разному отражаются в языке, в языковых знаках, что позволяет говорить о неоднородности различных языковых подсистем, в частности, лексических подсистем.

В более или менее крупных лексических подсистемах (например, подъязыках, языках для специальных целей, специальных/профессиональных языках) наличествует лексика, непонятная или недостаточно понятная для большинства обычных людей, неспециалистов, – *терминологическая и профессиональная лексика*. Термины, в отличие от профессионализмов, – это слова с четко ограниченным значением (зачастую – конкретным денотатом), играющие главную роль в каждом профессиональном языке [21. С. 45-46] или языке для специальных целей, общепринятые среди специалистов. Терминологическая лексика – это «слова или словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, установления содержания понятий, их отличительных признаков» [25. С. 178]. Термины являются основной составляющей специальной лексики.

Терминологическая единица – это средство вербализации специального понятия. Любое понятие, используемое человеком, будь оно специальное или неспециальное, имеет две стороны – *экстенционал* и *интенционал*. Экстенционал понятия включает набор конкретных фактов, соответствующих данному понятию; под интенционалом же понимают определение или описание некоторого понятия через его свойства, через соотнесение с понятием более высокого уровня абстракции, то есть содержательную сторону понятия, которую образует совокупность свойств и признаков, конструирующих определенный класс [3. С. 87]. Интенционал и экстенционал находятся в обратной зависимости друг от друга. Чем богаче интенционал понятия, чем больше признаков он содержит, тем беднее экстенционал этого понятия, тем меньше число предметов (денотатов), к которым применимо данное понятие (имя) [19. С. 26], и наоборот.

По нашему мнению, *специальное понятие*, в отличие от большинства неспециальных по-

нятий, характеризуется достаточно обширным интенционалом и, соответственно, небольшим экстенционалом, то есть меньшим числом предметов (процессов, явлений), которые данное понятие может обозначать.

По мнению Б. Н. Головина [9. С. 7], терминологическая единица отличается от нетермина тем, что термин соотносится со специальным понятием, а его значения соотносятся со значениями других терминов в пределах соответствующей терминологической системы; термин соотносится с определенной профессиональной деятельностью человека и т. д. «Термин – наиболее информативная единица естественного языка. Термин – точный носитель информации о научном понятии» [12. С. 19]. Терминологическая единица представляет собой «слово или словосочетание <...>, обозначающее профессиональное понятие» [18. С. 218], это «языковой знак, выражающий специальное понятие и отражающий место этого понятия в соответствующей системе понятий» [23. С. 30]. Под термином также понимается «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области или деятельности» [17. С. 508; 6. С. 128].

С лингвокогнитивной точки зрения термины вполне закономерно рассматривать в качестве единиц, являющихся «вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации» [7. С. 58; 8. С. 77-78]. Иными словами, акцент в данном случае делается не на коммуникативной составляющей терминологической лексики, не на ее принадлежности ее определенному языку для специальных целей, а на взаимосвязи терминов с научной картиной мира, элементы которой они призваны объективировать. Значимость данной корреляции сложно переоценить, поскольку она дает возможность реконструировать вербализуемые терминами структуры профессионального знания в их взаимосвязи.

Таким образом, термин выступает в качестве основного репрезентанта научно-профессиональных знаний и вербализатора научной картины мира.

Список литературы

1. Алимуратов, О. А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций / О. А. Алимуратов. – Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. – 316 с.
2. Алимуратов, О. А. Фреймовое моделирование специализированного знания и его репрезентация в речи (на материале терминологической музыкальной лексики современного английского языка) / О. А. Алимуратов, О. В. Чурсин // Теорет. и приклад. аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 6. – С. 6–27.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – 416 с.
4. Болдырев, Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка / Н. Н. Болдырев // Вопр. когнитив. лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17–27.
5. Болдырев, Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке / Н. Н. Болдырев // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 12–28.
6. Васильева, Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виногоградов, А. М. Шахнарович. – М.: Рус. яз., 1995. – 176 с.
7. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е. И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 224 с.
8. Голованова, Е.И. Теоретические аспекты интерпретации термина как языкового знака / Е. И. Голованова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр. Посвящается юбилею В. М. Лейчика. – М.; Рязань, 2003. – С. 73–78.
9. Головин, Б. Н. Термин и слово / Б. Н. Головин // Термин и слово: межвуз. сб. – Горький, 1980. – С. 3–11.
10. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX века : сб. ст. – М., 1995. – С. 239–320.
11. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 166 с.
12. Квитко, И. С. Термин в научном документе / И. С. Квитко. – Л., 1976. – 125 с.
13. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
14. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–37.
15. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.
16. Лату, М. Н. К вопросу об объеме репрезентации когнитивных знаний в структуре семантики лексических единиц в динамике их развития / М. Н. Лату // Когнитив. исслед. яз. – 2010. – № 6. – С. 318–321.
17. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 686 с.
18. Немченко, В. Н. Основные понятия лексикологии в терминах: учеб. словарь-справ. / В. Н. Немченко. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – 251 с.
19. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
20. Перезова, Ю. Е. Репрезентация научного и обыденного знания в языковых единицах, обозначающих химические вещества : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Е. Перезова. – Тамбов, 2004. – 22 с.
21. Раскин, В. К теории языковых подсистем / В. Раскин. – 2-е изд., доп. – М.: ЛКИ, 2008. – 424 с.
22. Советский энциклопедический словарь. – М., 1982. – 1600 с.
23. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии / В. Д. Табанакова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 200 с.
24. Троянова, И. М. Когнитивная функция как одна из важнейших функций языка / И. М. Троянова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2008. – Вып. 2 (76). – С. 56–58.

25. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология: учебник / М. И. Фомина. – М.: Высш. шк., 2001. – 415 с.
26. Clark, H. H. Using language / H. H. Clark. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 432 p.
27. Cruse, D. A. Lexical Semantics / D. A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 310 p.

Сведения об авторе

Раздубев Алексей Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

arazduev@bk.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 164–168.*

SOME PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE SCIENTIFIC-PROFESSIONAL KNOWLEDGE BY MEANS OF TERMINOLOGICAL UNITS

A. V. Razduev

Pyatigorsk State Linguistic University,

G.R. Derzhavin Tambov State University. arazduev@bk.ru

The article is devoted to the analysis of some peculiarities of representation of the scientific-professional knowledge by means of terminological units. The cognitive function of language and the characteristic feature of the latter to act as a means of knowledge objectivation are considered. Attention is paid to the structure of the special notion that presents the special (scientific-professional) knowledge. In contrast to non-special knowledge, special knowledge that is concerned with a certain scientific and/or professional human activity is mainly represented in language by means of terminological units.

Keywords: *cognition, knowledge, representation, scientific view of the world, terminological unit, terminological lexis, verbalizer, notion, language for special purposes.*

References

1. Alimuradov O.A. *Koncept i lingvisticheskaja semantika. Znachenie, smysl, koncept i intencional'nost': sistema korreljacij* [Concept and linguistic semantics. Meaning, concept and intentionality], Saarbrücken, 2011. 316 p. (In Russ.).
2. Alimuradov O.A., Chursin O.V. Frejmovoe modelirovanie specializirovannogo znanija i ego reprezentacija v rechi (na materiale terminologicheskoy muzykal'noj leksiki sovremennogo anglijskogo jazyka) [Frame modelling of special knowledge and its representation in speech (on the material of terminological musical lexis of the modern English language)]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izuchenija rechevoj dejatel'nosti* [Theoretical and applied aspects of the speech activity research], 2011, no. 6, pp. 6–27. (In Russ.).
3. Balli Sh. *Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, 1955. 416 p. (In Russ.).
4. Boldyrev N.N. Reprezentacija znanij v sisteme jazyka [Knowledge representation in the language system]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2007, no. 4, pp. 17–27. (In Russ.).
5. Boldyrev N.N. O tipologii znanij i ih reprezentacii v jazyke [The typology of knowledge and its representation in the language]. *Tipy znanij i ih reprezentacija v jazyke: sbornik nauchnyh trudov* [Types of knowledge and their representation in the language], Tambov, 2007. Pp. 12–28. (In Russ.).

6. Vasil'eva N.V., Vinogradov V.A., Shahnarovich A.M. *Kratkij slovar' lingvisticheskikh terminov* [Brief dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1995. 176 p. (In Russ.).
7. Golovanova E.I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction into Cognitive Terminology Study]. Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.).
8. Golovanova E.I. Teoreticheskie aspekty interpretatsii termina kak yazykovogo znaka [Theoretical aspects of the interpretation of term as the lingual sign] *Leksikologiya. Terminovedenie. Stilistika: sbornik nauchnykh trudov* [Lexicology. Terminology Science. Stylistics: collection of scientific works]. Moscow; Ryazan', 2003. Pp. 73–78. (In Russ.).
9. Golovin B.N. *Termin i slovo* [The term and the word]. Termin i slovo [The term and the word]. Gor'kij, 1980. Pp. 3–11. (In Russ.).
10. Dem'jankov V.Z. *Dominirujushhie lingvisticheskie teorii v konce XX v.* [Dominating linguistic theories in the end of the XXth century]. Jazyk i nauka konca XX veka [Language and Science of the XXth century]. Moscow, 1995. Pp. 239–320. (In Russ.).
11. Zalevskaja A.A. *Psiholingvisticheskie issledovanija: Slovo. Tekst: Izbrannye Trudy* [Psychological studies: Word. Text: Selected Works]. Moscow, 2005. 166 p. (In Russ.).
12. Kvitko I.S. *Termin v nauchnom dokumente* [Term in the scientific document]. Leningrad, 1976. 125 p. (In Russ.).
13. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaja semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, 2007. 352 p. (In Russ.).
14. Kubrjakova E.S. Nachal'nye jetapy stanovlenija kognitivizma: Lingvistika – psihologija – kognitivnaja nauka [First stages of cognitivism development: Linguistics – psychology – cognitive science]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics], 1994, no 4, pp. 34–37. (In Russ.).
15. Kubrjakova E.S. *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of obtaining language knowledge: Parts of speech from the cognitive point of view]. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.).
16. Latu M.N. K voprosu ob obyeme reprezentacii kognitivnyh znanij v strukture semantiki leksicheskikh edinic v dinamike ih razvitija [To the question of the volume of cognitive knowledge representation in the semantic structure of lexical units in the dynamics of their development]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive studies of language], 2010, no. 6, pp. 318–321. (In Russ.).
17. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990. 686 p. (In Russ.).
18. Nemchenko V.N. *Osnovnye ponjatija leksikologii v terminah* [Basic notions of lexicology in terms]. N. Novgorod, 1995. 251 p. (In Russ.).
19. Nikitin M.V. *Osnovy lingvisticheskoi teorii znachenija* [Foundations of the linguistic theory of meaning]. Moscow, 1998. 168 p. (In Russ.).
20. Perevozova Ju.E. *Reprezentacija nauchnogo i obyden'nogo znanija v jazykovykh edinicah, oboznachajushchih himicheskie veshhestva* [Representation of the scientific and everyday types of knowledge in the language units that denote chemical substances]. Tambov, 2004. 22 p. (In Russ.).
21. Raskin V. *K teorii jazykovykh podsystem* [To the theory of language subsystems]. Moscow, 2008. 424 p. (In Russ.).
22. *Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'* [Soviet encyclopedic dictionary] Moscow, 1982. 1600 p. (In Russ.).
23. Tabanakova V.D. *Ideograficheskoe opisanie nauchnoj terminologii* [Ideographic description of the scientific terminology]. Tjumen', 1999. 200 p. (In Russ.).
24. Trojanova I.M. Kognitivnaja funkcija kak odna iz vazhnejshih funkcij jazyka [Cognitive function as one of the most important functions of language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Teacher-Training University], vol. 2 (76), pp. 56–58. (In Russ.).
25. Fomina M.I. *Sovremennyj russkij jazyk. Leksikologija* [Modern Russian language. Lexicology: textbook]. Moscow, 2001. 415 p. (In Russ.).
26. Clark H.H. *Using language*. Cambridge, 1996. 432 p.
27. Cruse D.A. *Lexical Semantics*. Cambridge, 1986. 310 p.

УДК 81-13, 81'276.6
ББК 81

Э. А. Сорокина

ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

В статье рассматривается проблема формирования общей теории языка для специальных целей (ЯСЦ) как средства общения. При анализе отраслевого ЯСЦ предлагается учитывать его многоуровневую систему, а также то, что ЯСЦ как средство общения способен иметь не только письменную, но и устную форму. Устная форма так же, как и письменная, может быть официальной и неофициальной. Предлагается рассматривать профессиональный жаргон как явление неофициальной разновидности устной формы языка для специальных целей.

Ключевые слова: язык для специальных целей, уровень языка, термин, устная форма ЯСЦ, профессиональный жаргон, профессиональный жаргонизм.

В отечественной лингвистике уже утвердилось представление о том, что каждая отрасль научного и научно-практического знания оперирует своей системой языковых средств. В научной литературе присутствует множество примеров обозначения данной системы: *научная речь, стиль научного изложения, научный стиль, научно-технический стиль, научно-технический язык, научный язык, специальный язык, подязык науки, профессиональная языковая подсистема, профессиональный язык, язык профессиональной коммуникации* и множество других наименований. Следует подчеркнуть, что перечисленные термины воспринимаются как синонимы термину *язык для специальных целей* (ЯСЦ) и в некоторых текстовых ситуациях во избежание тавтологии используются как взаимодополняющие и взаимозамещающие лексические единицы.

Одним из первых определений *языка для специальных целей* является описание, принадлежащее А. И. Комаровой: *язык для специальных целей* – это «особая разновидность языка, обладающая выраженными категориальными – понятийными и языковыми – свойствами» [3. С. 12]. Достаточно интересным представляется определение, которым в своих исследованиях пользуется И. С. Кудашев: «*Язык для специальных целей* – это совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, использующаяся в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающая понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка» [4. С. 74].

Основной функцией *языка для специальных целей* является информативная функция, которая проявляется в способности языка хранить и передавать накопленный человечеством опыт в определенной профессиональной сфере. С точки зрения когнитивного языкознания, лексическая единица языка для специальных целей – *термин* – закрепляет в языке результат научного осмысления и одновременно становится средством познания данной профессиональной отрасли. Иначе говоря, язык для специальных целей, принадлежащий определенной профессиональной отрасли, является одновременно и средством фиксации научных достижений, и средством обучения, средством получения профессиональных знаний и специальных навыков.

Язык для специальных целей — это одна из функциональных разновидностей национального языка и поэтому имеет все признаки, свойственные данному языку. В настоящее время *язык для специальных целей* рассматривается как многоуровневая система, имеющая на каждом уровне свои отличительные черты, определяемые спецификой профессиональной отрасли. При этом, будучи подсистемой конкретного национального языка, ЯСЦ одновременно обладает и теми особенностями, которые характерны для данного национального языка, и теми, которые отличают его от общепотребительного языка.

В современном языкознании классическим традиционным пониманием строения языка является понимание его как многоуровневой системы, в которой все элементы связаны и взаимообусловлены (см.: [6. С. 15–85]). Сове-

менное понимание *языка для специальных целей* исходит из того, что все его средства можно представить в виде иерархически устроенной многоуровневой системы. К настоящему времени наиболее исследованным является лексический уровень, поскольку центральной единицей лексического уровня является слово – *термин*. Современное терминоведение обладает большим запасом сведений, касающихся практически всех отраслей научного и научно-практического знания, которые были накоплены почти за вековое существование самой терминоведческой науки. Достаточно полно исследована подсистема грамматического уровня – морфологическая, поскольку практически во всех терминоведческих работах освещается вопрос о морфемной структуре термина и так или иначе затрагивается проблема частеречной характеристики специальной лексики. Менее изучены фонетический, синтаксический и текстовый уровни *языка для специальных целей*. Следовательно, постепенно формируется общая теория языка для специальных целей.

Общепринятым считается мнение о том, что для *языка вообще* первичной и главной является устная форма, а письменная форма – вторична. А при исследовании системы языковых средств, принадлежащей определенной конкретной профессиональной области научного знания, прежде всего главное внимание уделяется *термину* как лексической единице, которая является кодифицированной, узаконенной, стандартизированной, закреплённой в нормативных документах. Следовательно, на передний план выдвигается письменная форма языка. Но ЯСЦ как средство общения присутствует и в устной форме. Изучение характеристик фонетического уровня *языка для специальных целей* имеет свои особенности. Поскольку особенности функционирования фонетического уровня проявляются преимущественно в устной профессиональной речи, то его исследование связано с применением особых способов, приемов и технических средств, с проведением экспериментов.

Устная форма ЯСЦ так же, как и устная форма языка вообще, предполагает общение, которое может быть официальным и неофициальным. Думается, что устная форма ЯСЦ способна иметь свои особенности, причиной появления которых могут быть характеристики профессиональной деятельности. И здесь необ-

ходимо указать на то, что одной из особенностей неофициального общения людей является использование жаргона. Жаргон присутствует и в общении профессионалов. В работах терминоведов проблема профессионального жаргона, его места в общей системе ЯСЦ, статуса жаргонизмов в лексической системе ЯСЦ (в терминологиях) – не нова. Она затрагивается практически во всех работах терминоведов-классиков (см.: А. В. Суперанская [7. С. 71–80], В. М. Лейчик [5. С. 139–140], С. В. Гринев-Гриневиц [2. С. 45–46], В. А. Татаринov [8. С. 35, 44, 58, 147, 235]). Присутствие профессиональных жаргонизмов в речи (особенно – в устной) становится характерологическим признаком принадлежности говорящих к определенной социальной группе (см., например, [1. С. 26–29]). На основе описаний, имеющих в современной литературе, можно дать такое обобщенное определение понятию, обозначенному термином *профессиональный жаргон*: профессиональным жаргоном называется разновидность жаргона, которой пользуется та группа людей, которая характеризуется принадлежностью к определенной профессии как виду деятельности. Следует отметить, что профессиональный жаргон изучался и изучается преимущественно в границах его лексического уровня: рассматриваются особенности наполнения его словарного состава (заимствование из общеупотребительного языка и из смежных профессиональных отраслей), исследуются стилистические особенности лексических единиц и их эмоционально-экспрессивная окраска. Думается, что профессиональный жаргон, будучи составным компонентом сложной системы ЯСЦ (его устной разновидности), имеет и определяемые принадлежностью к конкретному виду профессиональной деятельности характерные особенности на других (фонетическом, морфемном, синтаксическом) уровнях.

Следовательно, язык для специальных целей как средство общения, являясь функциональной разновидностью национального языка, имеет письменную и устную формы, при этом каждая форма представляет многоуровневую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных языковых единиц, выбор и стилистическая окраска которых зависят от степени профессиональной компетенции языковой личности и жанра письменной или устной специальной речи.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Социолект шахтеров как отражение стереотипов профессионального сознания / Е. И. Голованова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 26 (355). – С. 26-29.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
3. Комарова, А. И. Язык для специальных целей (LSP): теория и метод / А. И. Комарова. – М.: МАЛП, 1996. – 193 с.
4. Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики / И. С. Кудашев. – Helsinki: Helsinki University Translation Studies, 2007. – 444 с.
5. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
6. Сорокина, Э. А. Основы теории языка для специальных целей / Э. А. Сорокина, Е. С. Закирова. – М.: Дашков и К, 2014. – 152 с.
7. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
8. Татаринов, В. А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь / В. А. Татаринов. – М.: Москов. лицей, 2006. – 527 с.

Сведения об авторе

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

ellazor@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 169–172.*

LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES (LSP) AS A MEANS OF COMMUNICATION

E. A. Sorokina

Moscow State Regional University. ellazor@mail.ru

The article examines the issue of forming the general theory of the language for special purposes (LSP) as a means of communication. When analysing the LSP of some specific field, it is suggested that its multilevel system as well as the fact that a LSP as a means of communication can have not only its written but also its oral form (which can be both formal and informal) should be taken into account. The article considers professional jargon as a phenomenon within the informal oral form of a language for special purposes.

Key words: *language for special purposes, language level, term, oral form of LSP, professional jargon, professional jargonism.*

References

1. Golovanova E.I. Sotsiolekt shakhterov kak otrazhenie stereotipov professional'nogo soznaniya [Miners' sociolect as a reflection of professional thinking stereotypes]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 26 (355), pp. 26–29. (in Russ.).
2. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie: uchebnoe posobie* [Terminology study: a Textbook for High school students]. Moscow, 2008. 304 p. (in Russ.).
3. Komarova A.I. *Yazyk dlya spetsial'nykh tseley (LSP): teoriya i metod* [Language for Special Purposes (LSP): Theory and method]. Moscow, 1996. 193 p. (in Russ.).

4. Kudashev I.S. *Proektirovanie perevodcheskikh slovarey spetsial'noy leksiki* [Designing of specialized vocabulary translation dictionaries]. Helsinki, 2007. 444 p. (in Russ.).
5. Leychik V.M. *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura* [Terminology studies. Object, methods, structure]. Moscow, 2006. 256 p. (in Russ.).
6. Sorokina E.A., Zakirova E.S. *Osnovy teorii yazyka dlya spetsial'nykh tseley* [The Basics of language for special purposes theory]. Moscow, 2014. 152 p. (in Russ.).
7. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General terminology. Theory issues]. Moscow, 2003. 248 p. (in Russ.).
8. Tatarinov V.A. *Obshchee terminovedenie. Entsiklopedichesiy slovar'* [General terminology studies. Encyclopedic dictionary]. Moscow, 2006. 527 p. (in Russ.).

УДК 81-119
ББК 81

И. В. Стеколыщикова

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА В ТРУДАХ ЛИНГВИСТОВ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена сопоставительному исследованию теоретических вопросов языкознания в рамках натуралистической концепции языка в научных трудах некоторых лингвистов XIX в.: Августа Шлейхера, Макса Мюллера, Эрнеста Ренана, Абеля Овелака и Уильяма Уитни. Анализируется подход названных исследователей к проблеме происхождения языка и некоторым другим смежным проблемам с позиций лингвистического натурализма.

Ключевые слова: *язык, речь, натурализм, происхождение, междометие, звукоподражание, корень.*

Последние десятилетия отмечены значительным возрастанием интереса к проблематике, связанной с прошлым науки о языке. Это объясняется тем, что переход от господствовавшей в первой половине прошлого столетия структуралистической парадигмы к антропоцентрической стимулирует и пересмотр многих суждений и оценок о языковедах и лингвистических течениях прошлого, а также анализ оставленного ими наследия. Среди таких направлений определенное место принадлежит и лингвистическому натурализму, по отношению к которому в существующей научной и учебно-методической литературе наблюдается известная односторонность: если взгляды Августа Шлейхера достаточно хорошо известны и изучены, то труды его коллег в различных странах (Фридриха Макса Мюллера, Абеля Овелака, Уильяма Дуайта Уитни) нередко при характеристике данного течения остаются в тени. Настоящая статья в известной степени восполняет этот пробел по вопросу, играющему одну из наиболее важных ролей в языкознании: вопросу о происхождении языка.

Таким образом, основным предметом исследования в предлагаемой статье являются взгляды вышеназванных ученых на проблему происхождения языка.

Начнем мы рассмотрение данного вопроса с классического представителя лингвистического натурализма, специалиста по сравнительно-историческому языкознанию, немецкого ученого Августа Шлейхера. В своей работе «Немецкий язык» (1869) Август Шлейхер выражает следующее суждение: «Где развиваются люди, там возникает и язык; первоначально, очевидно, это были звуковые рефлексы полу-

ченных от внешнего мира впечатлений...» [1. С. 114]. По его мнению, если человека человеком делает речь, то наши предки не были настоящими людьми, а стали ими тогда, когда образовалась их речь, благодаря развитию мозга и словесных органов. Август Шлейхер считает, что «становление человека начинается, следовательно, с возникновения языка, и обратно – с человеком возникает язык» [1. С. 114]. В этом убеждении он сходится с английским ученым Максом Мюллером и французским ученым Абедем Овелаком, в чем мы убедимся в дальнейшем.

Английский филолог и востоковед, профессор Оксфордского университета Фридрих Макс Мюллер тоже склоняется к теории, что предки человека не имели языка, то есть были простыми животными, пока не социализировались. Необходимость совместно трудиться и общаться в процессе работы вынудила их изобрести язык. По его мнению, «точка, где кончается животное и начинается человек, может быть определена с абсолютной точностью, так как она должна совпадать с корневым началом периода языка, с первым образованием общих понятий, воплощенных в единственной форме, в которой мы видим воплощенные понятия, то есть в корнях нашего языка» [3. С. 125].

Французский лингвист и антрополог Абель Овелака, в свою очередь, полагает, что предки человека не обладали способностью членораздельной речи, и человечество приобрело способность использовать язык, благодаря постепенному развитию словесных органов. Об этом он пишет в своем труде «Лингвистика» («La linguistique») (1881): «Так как нельзя допустить, не впадая в представления метафизи-

ческие и безосновательные, что способность членораздельной речи была приобретена человеком в один прекрасный день без причины, без начала, ex nihilo, то приходится признать ее плодом прогрессивного развития органов» [4. С. 29]. Именно появление членораздельной речи, согласно Абелью Овелаку, явилось собой «ту точку превращения, на которой человекообразное получает право на имя человека» [4. С. 28]. Таким образом, французский ученый разделяет понятия языка и речи. Язык, по его мнению, — это самостоятельный организм (эта точка зрения является отправной точкой лингвистического натурализма), речь же — произведение человечества, созданного путем постепенного развития речевых органов. Абель Овелака утверждает, что «пользование способностью речи» является трудным искусством, приобретаемым постепенно и передаваемым друг другу рядом поколений [4].

Похожую фразу можно найти и в работе американского ученого, специалиста по санскриту, профессора Йельского университета Уильяма Дуайта Уитни «Жизнь и рост языка» («The Life and Growth of Language») (1908). Он называет язык образованием, над созданием которого трудились сотни поколений и бесчисленные тысячи тружеников: «... every language in a gross is an institution, on which scores of hundreds of generations and unnumbered thousands of individual workers have labored» [13. С. 309].

Французский философ, историк и лингвист Эрнест Ренан, много писавший о натурализме в языкознании, напротив, в своем труде «О происхождении языка» («De l'origine du langage») (1859) утверждает, что открытие языка явилось не результатом длительного подбора, «нащупывания» нужных слов, а результатом примитивной интуиции каждой расы: «La seule chose qui me semble incontestable, c'est que l'invention du langage ne fut point le résultat d'un long tâtonnement, mais d'une intuition primitive, qui révéla à chaque race la coupe générale de son discours et le grand compromis qu'elle dut prendre une fois pour toutes avec la pensée» [10. С. 20].

Следует отметить, что в плане возникновения языка Эрнест Ренан соглашается с немецким философом, психологом и языковедом Хейманом Штейнталем. Эрнест Ренан полагает, что язык не создается по замыслу, а рождается в душе, на определенном уровне психологического развития человека: «M. Steinthal pense comme nous que le langage n'a pas été créé de dessein prémédité, avec une conscience

distincte de la fin et de moyens, mais qu'il naît dans l'âme, à un certain degré de la vie psychologique...» [10. С. 31].

Уильям Уитни в вышеупомянутом труде «Жизнь и рост языка» похожим образом трактует вероятность появления языка. Он считает необходимость коммуникации мощным импульсом, который дал толчок внутренним силам в душе человека изобрести язык: «Just so in language: the great and wonderful powers of the human soul would never move in this particular direction but for the added push given by the desire of communication...» [13. С. 284–285].

Уильям Уитни полагает, что если бы у человека не было необходимости в общении, человек бы не заговорил, точно так же, как человек, выросший в одиночестве, не изобрел бы культуру: «Where the impulse to communication is wanting, no speech comes into being. Here, again, the parallelism between language and the other departments of culture is close and instructive. The man growing up in solitude would initiate no culture» [13. С. 284].

Язык, по мнению американского лингвиста, выступает как продукт человеческих нужд, желаний и побуждений («the product of social wants and impulses» [11. С. 404]), как способ выразить свои мысли: «Man speaks, then primarily, not in order to think, but in order to impart his thought. His social needs, his social instincts, force him to expression» [11. С. 404].

Возвращаясь к теории Абелья Овелака о происхождении языка, скажем, что, по мнению ученого, выраженному в работе «Эволюция языка» («L'évolution du langage») (1885), возникновению языка как такового предшествовало появление определенных жестов, мимики лица. Это соотносит человека с его ближайшими прародителями — обезьянами, которые с помощью лицевых мышц могут выражать самые разные эмоции и чувства: «Les gestes, les mouvements de la physionomie ont précédé le langage proprement dit, le langage articulé, et en cela il est intéressant de comparer l'homme à ses plus proches parents, aux singes, qui savent exprimer par le jeu des muscles du front, de l'orifice palpebral, des lèvres, du nez, de la mâchoire, un nombre si considerable et si varié de sentiments» [7. С. 3].

Уильям Уитни не столь категоричен в принятии дарвиновской теории происхождения человека. В своей работе «Язык и изучение языка» («Language, and the study of language») (1867) он допускает вероятность божественно-

го творения человека и пишет о том, что язык в какой-то степени является божьим даром, а в какой-то степени – творением рук человека: «The origin of language is divine, in the same sense in which man's nature, with all its capacities and acquirements, physical and moral, is a divine creation; it is human, in that it is brought about through that nature, by human instrumentality» [11. С. 400].

Похожие мысли можно найти и в его вышеупомянутом труде «Жизнь и рост языка», вышедшим спустя тридцать лет: «If language itself were a gift, a faculty, a capacity, it might admit of being regarded as subject of direct bestowal; being only a result, a historical result, to assert that it sprang into developed being along with man is assert a miracle; the doctrine has no right to make its appearance except in company with a general miraculous account of the beginnings of human existence» [13. С. 302–303]. Таким образом, по мнению американского ученого, нельзя сказать, что язык – это чудесный дар, как и нельзя согласиться, что язык – это только результат человеческих трудов.

Макс Мюллер в «Лекциях по науке о языке» («Lectures On the Science of Language») (1861–1864) тоже не исключает божественного происхождения человека от одной пары и, соответственно, божественного творения языка, хотя рассматривает эту версию лишь как одну из многих и не доказанных наукой. При этом он полагает, что язык можно считать как «прирожденным человеку», так и искусственным изобретением: «Ибо если считать язык природным человеку, то он мог произойти в различные времена и в разных странах между распространенными потомками одной первобытной пары; если же, напротив, считать язык искусственным изобретением, то тем более каждое последующее поколение могло изобрести свой собственный язык» [2. С. 248].

Макс Мюллер выдвигает теорию об общем происхождении языка, но делает оговорку, что вопрос об общем происхождении языка не имеет ничего общего с вопросом об общем происхождении человечества: «The problem of the common origin of languages has no necessary connection with the problem of the common origin of mankind» [8. С. 339]. Он пишет: «Если же возможно доказать, что языки человечества указывают на один общий источник, то из этого не следует, чтобы человеческая раса должна была произойти от одной пары: язык мог быть принадлежностью одной благопри-

ятствуемой расы и сообщаться другим расам с течением времени» [2. С. 248–249].

В защиту своей гипотезы о том, что человеческий язык имеет общее происхождение, несмотря на различные типы и формы языков, Макс Мюллер приводит следующие аргументы: хотя каждый язык сохраняет тот морфологический характер, который имел, когда впервые получил свое индивидуальное или национальное существование, он не теряет способности производить грамматические формы, присущие более развитому состоянию: «though each language, as soon as it once becomes settled, retains its morphological character which it had when it first assumed individual or national existence, it does not lose altogether the power of producing grammatical forms that belong to a higher stage» [8. С. 342].

Другими гипотезами возникновения языка, рассмотренными Максом Мюллером в работе «Наука о мысли» («The Science of thought») (1887), являются междометная и звукоподражательная теории [3. С. 227–228]. Макс Мюллер, ссылаясь на немецкого ученого Людвигу Нуаре, рассуждает о том, что, когда матросы гребут, женщины прядут, солдаты маршируют, они часто сопровождают свою работу более или менее ритмичными возгласами. А эти «возгласы, шумы восклицания, глухой ропот или песни представляют род естественной реакции против внутренней тревоги, вызванной мускульным напряжением» [3. С. 227]. Макс Мюллер приводит в качестве доказательства этой теории аргумент, что первобытные, или первичные, корни арийской (индоевропейской) семьи выражали по большей части акты, а не состояния [3. С. 228].

Макс Мюллер соглашается с Людвигом Нуаре, что эти звуки обладают двумя преимуществами. Во-первых, они являются знаками повторяемых актов, совершаемых нами самими, а потому и воспринимаемых нами и сохраняющихся в нашей памяти как знаки этих актов. Макс Мюллер размышляет: «Что же есть знак повторенного акта, как не настоящая реализация того, что мы называем корнем, заключающим в себе понятие, разумеющее многие акты, как один акт?» [3. С. 227]. По его мнению, эти знаки – не знаки объектов, воспринимаемых нашими чувствами, не знаки самих вещей, а «знаки нашего сознания повторных или продолженных трудов» [3. С. 228]. Во-вторых, эти звуки, издаваемые с самого начала не одним индивидом, а людьми, занятыми общей рабо-

той и объединенными общей целью, «обладают великим преимуществом быть понимаемыми всеми» [3. С. 228]. Таким образом, теория Людвигу Нуаре, по мнению Макса Мюллера, вполне логична и имеет право на существование.

В этой связи интересно рассмотреть отношение Уильяма Уитни к взглядам Макса Мюллера на проблему происхождения языка. Уильям Уитни в своем труде «Макс Мюллер и наука о языке: критика» («Max Müller and the Science of Language: a criticism») (1892) опровергает и называет «фантастической» теорию Макса Мюллера, взятую им у Людвигу Нуаре, о том, что первые корни слов возникли из произвольных восклицаний групп людей, занимающихся общим трудом [12]. Хотя, следует отметить, что сам Уильям Уитни в работе «Жизнь и рост языка» утверждает, что основой происхождения языка являются естественные крики человеческих существ, выражающих свои чувства и способных быть понятыми своими собратьями: «The basis was the natural cries of human beings, expressive of their feelings, and capable of being understood as such by their fellows» [13. С. 287].

Из теории Макса Мюллера, по мнению Уильяма Уитни, следует, что корни – начальные элементы слов: «So much in least is clear that to him roots are the initial elements in speech» [12. С. 36]. Мы встречаем такие мысли у Макса Мюллера: «The simplest parts into which language can be resolved are the roots» [9. С. 86]. Согласно Макс Мюллеру, корни «составляют существенные элементы всех языков», а их открытие «упростило вопрос о происхождении языка» следующим образом: «Оно отняло всякое снисхождение к тем восхитительным описаниям языка, которые неизменно предшествуют доводу, что язык должен иметь божественное начало» [2. С. 271]. Иными словами, теория корней опровергает теорию божественного происхождения языка.

Следует отметить, что похожей точки зрения придерживается и Август Шлейхер. Как указывает немецкий ученый в своем труде «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863), языки произошли путем постепенного развития из более простых форм, что следует из их строения. Сначала это были осмысленные звуки, простые обозначения понятий в форме корней при отсутствии грамматических категорий. Согласно Августу Шлейхеру, их строение можно уподобить одноклеточным

организмам, причем по форме все языки имеют одинаковое происхождение [5]. Таким образом, Август Шлейхер тоже является последователем теории об общем происхождении языка, как и Макс Мюллер.

Возвращаясь к вышеупомянутой работе Уильяма Уитни «Макс Мюллер и наука о языке: критика», скажем, что ученый осуждает английского ученого за то, что тот называет «умственными инстинктами» междометия и звукоподражания, которые произвели языковой материал, и делает вывод, что сама теория Макса Мюллера в итоге расходится с междометной и звукоподражательной теориями [12]. Действительно, с одной стороны, Макс Мюллер во втором томе «Лекций по науке о языке» говорит о том, что ничто не может отделить язык от криков и междометий: «There is nothing to separate language from cries and interjections» [9. С. 102]. С другой стороны, Макс Мюллеру принадлежат мысли, представленные в первом томе «Лекций по науке о языке», которые не соотносятся с упомянутыми теориями. Например, в отношении звукоподражательной теории Макс Мюллер высказывается следующим образом: «Ответ наш таков, что, хотя в каждом языке встречаются названия, образовавшиеся на основании простого звукоподражания, однако они составляют весьма небольшую часть нашего словаря. Они игрушки, а не орудия языка, и всякая попытка обратить самые простые и необходимые слова в подражательные корни кончается полным неуспехом <...>. Если правила звукоподражания где-либо и применимы, то это в образовании названий животных» [2. С. 274]. Относительно междометной теории английский ученый выражает подобное суждение: «нельзя отрицать, что с помощью междометий мог образоваться некоторый род языка, но не тот язык, который мы находим в многочисленных разновидностях между всеми человеческими расами. Одно краткое междометие может быть выразительнее, точнее, красноречивее длинной речи <...>. Однако не должно забывать, что хм, ух, фу, ба, также мало могут быть названы словами, как и выразительные жесты, обыкновенно сопровождающие эти восклицания» [2. С. 282–283].

В своей работе «Наука о мысли» Макс Мюллер идет еще дальше и проводит существенную разграничительную черту между корнями с одной стороны и междометиями и звукоподражаниями с другой: «Корни не суть ни междометия, ни подражания естественным

звукам. Междометия, как напр. *rooh*, и подражания, как *bow-bow*, представляют полную противоположность с корнями. А почему? Потому что корни определены в звуке, но общи в значении, между тем как междометия и подражания общи, то есть смутны и изменчивы в звуке, но определенным или единственными в значении» [3. С. 139]; «Под корнем я понимаю нечто реальное, нечто такое, что действительно употребляется в речи, хотя я охотно соглашусь с логиком, что корень, как только он образует часть предложения, должен быть отмечен новым именем и назван словом» [3. С. 319].

Итак, Макс Мюллер признается, что действительно не готов безоговорочно согласиться с концепцией Людвига Нуаре: «Но, хотя я с самого начала почувствовал, что в теории Нуаре есть элемент истины, я ни в каком случае не готов был сейчас же принять ее, как решение всей задачи» [3. С. 229]. По теории Людвига Нуаре, звуки, соединенные с повторенными общественными актами человека, превращаются в корни, если выражают сознательность этих актов. Макс Мюллер принимает это положение, но полагает, что слабой стороной теории Людвига Нуаре является, в частности, то, что она далека от восклицательной теории, согласно которой некоторые корни «обязаны своим происхождением простому подражанию или повторению звуков» [3. С. 232]. Макс Мюллер предпочитает придерживаться точки зрения, что корни выражают определенные понятия, а «только обладание общими понятиями составляет полную существенную разницу между человеком и животным...» [2. С. 284].

Возвращаясь к взглядам Уильяма Уитни на вопрос о происхождении языка, скажем, что американский ученый предлагает свое видение проблемы. Разговорный язык, согласно Уильяму Уитни, возник тогда, когда исторгнутый человеком крик боли был понят, вызвал сочувствие и был повторен подражанием: «Spoken language began, we may say, when a cry of pain, formerly wrung out by real suffering, and seen to be understood and sympathized with, was repeated in imitation...» [13. С. 288]. Уильям Уитни называет человека «подражательным животным», но не в инстинктивном или механическом виде, а в артистическом плане, так как он обладает способностью замечать и оценивать все, что происходит в природе, и может представить это в подражательном шоу: «Man is, to be sure, an imitative animal, as we may fairly say; but not in an instinctive or mechanic way; he is

imitative because he has the capacity to notice and appreciate what he sees, in other animals or in nature, and to reproduce it in imitative show <...> He is an imitator just as he is an artist...» [13. С. 295].

Уильям Уитни говорит о том, что слова (а не корни, как считает Макс Мюллер) – это внутренние знаки понятий: «words are only external signs for conceptions» [12. С. 38]. Таким образом, полноценный человеческий язык, по мнению американского ученого, начинается там, где заканчивается подражание, а история языка начинается тогда, когда знаки теряют свою изобразительность и передаются от поколения к поколению: «<...> language begins where imitation ends: that is human speech, as a system of conventional signs, began its history when the signs lost their pictorial or depictive character, and were used because others had used them before» [12. С. 40]. Макс Мюллер парирует: «Язык начинается, когда заканчиваются междометия» [2. С. 281].

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что проблема происхождения языка не нашла однозначного решения в лингвистической мысли XIX столетия. Большинство ученых, придерживающихся натуралистической концепции в языкознании (Август Шлейхер, Абель Овелак, Макс Мюллер) соотносят возникновение языка с развитием мозга и речевых органов у прародителей человека, утверждая, что совместный труд привел их к необходимости использовать речь в процессе работы. Некоторые лингвисты-натуралисты не исключают варианта божественного происхождения языка (Макс Мюллер, Уильям Уитни), рассматривают междометную и звукоподражательную теории происхождения языка (Макс Мюллер), а также теорию корней (Август Шлейхер, Макс Мюллер). Другие ученые натуралистического течения в лингвистике (Уильям Уитни) полагают возможным объяснить возникновение языка сочувствующей и подражательной натурой человека.

Таким образом, сложно не оценить значение научного творчества лингвистов натуралистического направления, способствовавших изучению различных языков, составлению генеалогической и морфологической классификаций языков, освещению многих лингвистических явлений и процессов. Это свидетельствует в пользу того, что данная проблематика требует дальнейшего углубленного исследования.

Список литературы

1. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М., 1964. – Т. 1. – 466 с.
2. Мюллер, Ф. М. Лекции по науке о языке / Ф. М. Мюллер. – М., 2009. – 314 с.
3. Мюллер, Ф. М. Наука о мысли / Ф. М. Мюллер. – М., 2011. – 496 с.
4. Овелака, А. Лингвистика / А. Овелака. – М., 2009. – 328 с.
5. Шлейхер, А. Теория Дарвина в применении к науке о языке / А. Шлейхер. – СПб, 1864. – 14 с.
6. Hovelague, A. La linguistique / A. Hovelague. – Paris, 1881. – 436 p.
7. Hovelague, A. L'évolution du langage / A. Hovelague. – Paris, 1885. – 24 p.
8. Müller, F. M. Lectures On the Science of Language / F. M. Müller. – London, 1871. – Vol. 1. – 371 p.
9. Müller, F. M. Lectures On the Science of Language / F. M. Müller. – London, 1871. – Vol. 2. – 371 p.
10. Renan, E. De l'origine du langage / E. Renan. – Paris, 1859. – 258 p.
11. Whitney, W. D. Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science / W. D. Whitney. – London, 1867. – 490 p.
12. Whitney, W. D. Max Muller and the Science of language: a criticism / W. D. Whitney. – New-York, 1892. – 80 p.
13. Whitney, W. D. The Life and the Growth of Language. An outline of linguistic science / W. D. Whitney. – New-York, 1908. – 328 p.

Сведения об авторе

Стекольщикова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

vasiliy333@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 173–179.*

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF LANGUAGE IN THE SCIENTIFIC WORKS OF LINGUISTS OF NATURALISTIC CONCEPTION

I. V. Stekolshchikova

Moscow City Teacher Training University. vasilij333@mail.ru

The article is devoted to the comparative analyses of theoretical questions of linguistics connected with linguistic conception of naturalism in the scientific works of some scientists of the XIX-th century: German linguist August Schleicher, English linguist Max Müller, French philosopher Ernest Renan, French linguist and anthropologist Abel Hovelague and American linguist William Whitney. The article touches upon the approach of the named research workers to the problem of the origin of language and to some other adjacent problems from the position of linguistic naturalism. The article also deals with the similarity and difference between linguistic conceptions of the named scientists. The analytical review showed that the XIX century linguists belonging to natural school did not come to unanimous opinion in regard to this problem.

Keywords: *language, speech, naturalism, origin, interjection, sound-imitation, root.*

References

1. Zvegincev V.A. Istoriya yazykoznanija XIX–XX vv. [History of Linguistics]. *V ocherkah i izvlecheniyah* [In essays and extracts], vol. 1. Moscow, 1964. 466 p. (In Russ.).
2. Myuller F.M. *Lekcii po nauke o yazyke* [Lectures on the Science of Language]. Moscow, 2009. 314 p. (In Russ.).

3. Myuller F.M. *Nauka o mysli* [The Science of Thought]. Moscow, 2011. 496 p. (In Russ.).
4. Ovelak A. *Lingvistika* [Linguistics]. Moscow, 2009. 328 p. (In Russ.).
5. Shleiher A. *Teoriya Darvina v primenenii k nauke o yazyke* [Theory of Darwin as applied to the Science of Language]. Saint Petersburg, 1864. 14 p. (In Russ.).
6. Hovelaque A. *La linguistique*. Paris, 1881. 436 p. (In French).
7. Hovelaque A. *L'évolution du langage*. Paris, 1885. 24 p. (In French).
8. Müller F.M. *Lectures On the Science of Language*, vol. 1. London, 1871. 371 p.
9. Müller F.M. *Lectures On the Science of Language*, vol. 2. London, 1871. 371 p.
10. Renan E. *De l'origine du langage*. Paris, 1859. 258 p. (In French).
11. Whitney W.D. *Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science*. London, 1867. 490 p.
12. Whitney W.D. *Max Muller and the Science of Language: a criticism*. New-York, 1892. 80 p.
13. Whitney W.D. *The Life and the Growth of Language. An outline of linguistic science*. New-York, 1908. 328 p.

УДК 81-2
ББК 81

А. Ж. Суюнбаева

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ В СОСТАВЕ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В авиационной терминологии широко представлена интернациональная лексика различных типов: однословные наименования, аббревиатуры, номинативные словосочетания, терминологические элементы. Активное применение интернационализмов в технической терминологии удовлетворяет одному из основных требований к специальной лексике — способствовать однозначному пониманию специалистами передаваемой информации.

Ключевые слова: интернациональная лексика, техническая терминология, терминологический элемент, номенклатурное обозначение, аббревиатура.

Интернациональной называют лексику общего происхождения, функционирующую в трех и более языках с одним и тем же значением, обычно оформленную в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами данного языка.

Тенденцию к интернационализации принято считать одной из важных характеристик современной терминологии [3. С. 164]. Не случайно основную часть интернациональных слов составляют термины из области науки и техники (*климат, каталог, микроскоп, телеграф*), общественно-политической жизни (*партия, конституция, революция, диктатура, администрация, республика*), экономики (*импорт, экспорт, банк, кредит, процент*), литературы и искусства (*драма, комедия, трагедия, поэт, опера, балет, стиль*).

Языком-источником интернационализмов, как правило, является язык той культуры, где возникли соответствующие предметы или явления. Так, например, слово *спорт* заимствовано из английского языка, наименования *космос, спутник* проникли в другие языки из русского [7. С. 11].

В авиационной терминологии, функционирующей на территории Республики Казахстан и являющейся объектом нашего исследования, разнообразно представлена интернациональная лексика — в виде простых однословных наименований, в составе терминологических сочетаний и в виде аббревиатур (которые могут выступать как самостоятельный термин либо как терминологический элемент).

В рамках настоящей статьи обратимся к анализу различных групп интернационализмов в профессиональном языке авиации. Заметную

часть лексики составляют интернациональные слова, представляющие собой единицы вторичной номинации, образованные путем сокращения компонентов исходного слова или словосочетания.

Некоторые ученые считают аббревиацию лишь средством количественной экономии («синтаксической композицией», разновидностью лексической конденсации [8. С. 105]), проявлением лексико-синтаксического варьирования. Другие рассматривают аббревиатуры как новые слова, в подтверждение чего указывают на наличие производных слов и появление дополнительных коннотаций у некоторых аббревиатур.

Для нас важно, что интернациональная лексика, в том числе аббревиатурного характера, выполняет в составе авиационной терминологии свою основную номинативную функцию, обеспечивая точное указание на реальные объекты и явления, устанавливая однозначное понимание специалистами передаваемой информации [9. С. 48].

Аббревиации чаще всего подвергаются наименования объектов, находящихся на периферии. Например, большая часть авиационного оборудования обозначается с помощью аббревиатурной интернациональной лексики, помогая специалистам дифференцировать однородные предметы, распределять их по типам, рядам, уточнять, ускоряя процесс визуального и слухового восприятия [10. С. 151–152].

Деятельность современных авиационных инженеров-механиков и ремонтников требует подключения различных форм восприятия и мышления. Результаты их деятельности воплощаются в техническом тексте, сопровожда-

ющемся таблицами, схемами и насыщенном различными наименованиями, включая интернациональную лексику.

Комбинацию терминоэлементов интернационального характера, буквенных и числовых компонентов можно отнести к специфическим способам образования терминов в технической терминологии. Как отмечают исследователи, в процессе терминообразования гораздо свободнее, чем в общелитературном языке, комбинируются исконные, заимствованные и интернациональные словообразовательные средства [5. С. 188]. Числовые и символные компоненты в сочетании с интернациональной лексикой отражают стремление терминологической единицы к точности, краткости за счет увеличения емкости знака.

Буквенный компонент в номенклатурных буквенно-числовых единицах, выполняя функцию своеобразного маркера, обычно обозначает химический состав, качество, область применения, а числовой компонент указывает на процентное содержание какого-либо химического элемента, цветовую маркировку, емкость и некоторые другие параметры. Поэтому интернациональная лексика с буквенно-числовыми компонентами удобна в использовании при стремительном развитии терминологии. Например, при усовершенствовании имеющегося прибора можно изменить числовой компонент, заменить или добавить букву-маркер при уточнении видового понятия. Это позволит быстро дифференцировать нужный материал или инструмент. Интернациональная лексика, символы и числовые обозначения взаимосвязаны в терминологии авиации и играют в ней важную роль.

Наименования материалов, инструментов и аппаратуры, посредством которых и осуществляется полет, составляют значительный пласт лексики авиации. Дифференциация названий инструментов, приборов, оборудования, средств ремонта (сплавов, жидкостей) требуют соответствующего языкового оформления.

В составе авиационных терминов (словосочетаний или композитов) можно выделить интернациональные аббревиатуры практически всех структурных типов: инициальные, слоговые, смешанные. Наибольшей продуктивностью в авиационной терминологии обладают компоненты-интернационализмы инициального типа. Чаще всего такого рода единицы соединяются с общенаучным или узкоспециальным термином, образуя номенклатурные

названия материалов (*смывка СЭУ-2*), приборов (*отсчетный микроскоп МБП-2*), деталей (*ротор ГТД*).

Иногда образуется сложная терминологическая единица типа *АРД-диаграмма*, *АЭ-импульс*, *МГД-установка*. Подобные единицы обладают признаками грамматической и фонетической цельнооформленности. Соединение буквенной интернациональной аббревиатуры, не имеющей самостоятельного статуса, со специальным словом является характерной современной тенденцией. Вероятнее всего, этот способ получил развитие под влиянием английского языка [6. С. 55; 3. С. 209]

Таким образом, продуктивность интернациональной лексики в названных тематических группах обусловлена не только необходимостью экономии языковых средств, но и наличием многочисленных наименований, потребностью четко дифференцировать разнообразные виды материалов и оборудования.

Авиационная аббревиатурная терминология используется в следующих тематических группах: наименования деталей летательного аппарата; наименования инструментов, аппаратуры (дефектоскоп АД-40И, толщинометр УТ-30К, аппараты типа РИД, ГУП, приборы типа РВП, приборы типа ПДК); названия мощных средств (*смывка СЭУ-2*, *смывка СД (СП)*, *АФТ-1*, *С-77*), названия жидкостей (*жидкость СМЖ-411-201*, *жидкость СМС типа МС*), наименования различных материалов (*анионоактивные ПАВ*, *герметик ВТУР*, *герметик УТ-32*). Модели образования терминов с интернациональными лексическими компонентами разнообразны.

Наряду с русскими терминоединицами в профессиональном языке сферы авиации в Казахстане функционируют англоязычные наименования (они используются во время коммуникации пилотов и диспетчеров при обслуживании международных рейсов).

Рассмотрим примеры подобного рода интернационализмов в составе терминологических единиц.

Наиболее распространены атрибутивные словосочетания с именем существительным в функции препозитивного определения: N + N (*aerodrome zone* – зона аэродрома, *aerodrome of destination* – аэродром назначения, *aerodrome mountain* – аэродром горный).

Атрибутивные терминологические сочетания с именем прилагательным в функции препозитивного определения A + N (*aerodynamic*

chord – аэродинамическая хорда, *hydraulic fluid* – гидравлическая жидкость) занимают следующую позицию.

Симптоматично, что 75% интернациональной лексики в авиационной терминологии требует расшифровки, уточнения, поскольку она не понятна неспециалистам, студентам. В учебных и учебно-научных текстах список используемой интернациональной лексики предваряет изложение материала, либо интернациональная лексика вводится вместе с расшифровкой.

В авиационных словарях, в сборнике терминов международной организации гражданской авиации ИКАО (1986) можно обнаружить ряд наименований, которые заимствованы из английского языка и функционируют в авиационных устных и письменных текстах без перевода:

ИКАО (ICAO < International Civil Aviation Organization),

автоматическое испытательное оборудование АТЕ (ATE < Automatic Test equipment),

бортовой аварийный приводной радиомаяк ЕЛБА (ELBA < Emergency Location Beacon-aircraft),

классификационный номер нагрузки ЛСН (LCN < Load Classification Number).

Использование интернациональной лексики подобного рода обусловлено необходимостью максимально оптимизировать, довести до автоматизма коммуникацию авиационных специалистов при различных обстоятельствах.

Таким образом, активность интернациональной лексики в технических терминологиях связывают с появлением значительного количества многокомпонентных составных наименований, отражающих существенные признаки понятия, с одной стороны и стремлением термина к краткости и экономии языковых средств, с другой. Аббревиация помогает сохранять оперативность специалистов, оптимизируя процесс коммуникации в условияхложения информационных потоков.

Список литературы

1. Астен, Т. Б. Проблемы языковой экономии и аналитизма в условиях глобализации // Философские проблемы глобализации: общество, культура, право. – Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2007. – 131 с.
2. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале средств массовой информации) / М. Н. Володина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 127 с.
3. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Элпис, 2008. – 304 с.
4. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
5. Кудрявцева, Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – Киев: ИПП «Киевский университет», 2014. – 208 с.
6. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
7. Столярова, Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – Киев, 2003. – 192 с.
8. Сухов, Н. К. О применении буквенных сокращений в качестве научно-технических терминов / Н. К. Сухов // Изв. АН СССР. Отдел. технич. наук. – 1953. – № 7. – С. 105–131.
9. Татаринов, В. А. Дискурсивные параметры метафорического термина / В. А. Татаринов // Лингвопоэтика. Лингвостилистика. Лингвориторика. – 1999. – Вып. 3. – С. 153–158.
10. Татаринов, В. А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / В. А. Татаринов. – М.: Москов. лицей, 2006. – 528 с.

Сведения об авторе

Суюнбаева Алтынгуль Жакиповна – соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета; старший преподаватель кафедры государственного языка Военного института Сил воздушной обороны Республики Казахстан, г. Актобе.

altin_suenbaeva@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 180–183.*

FEATURES APPLICATIONS INTERNATIONALISM PART OF AVIATION TERMINOLOGY

A. Zh. Sujnbayeva

*Chelyabinsk State University. Republic of Kazakhstan Air Forces Defence Military Institute. al-
tin_suenbaeva@mail.ru*

International vocabulary of different types is widely represented in aviation terminology: single-word names, abbreviations, nominative phrases, term elements. Active usage of internationalisms in technical terminology meets one of the basic requirements of special vocabulary – to provide an accurate indication of the actual objects and phenomena, to establish an unmistakable understanding of transmitted information for experts.

Keywords: *international vocabulary, technical terminology, term element, differentiation nomenclatures, abbreviation.*

References

1. Asten T.B. Problemy yazykovoy ekonomii i analitizma v usloviyakh globalizatsii [Problems of language and analytism economy in terms of globalization]. *Filosofskie problemy globalizatsii: obshchestvo, kul'tura, pravo* [Philosophical problems of globalization: society, culture, law]. Rostov-na-Donu, 2007. 131 p. (In Russ.).
2. Volodina M.N. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale sredstv massovoy informatsii)* [Cognitive-term nature of the information (based on the media)]. Moscow, 2010. 127 p. (In Russ.).
3. Golovanova E.I. *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [Category of the professional worker: Formation. Development. Status in the language]. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.).
4. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology. Experience linguistic description]. Moscow, 1977. 246 p. (In Russ.).
5. Kudryavtseva L.A. *Modelirovanie dinamiki slovarnogo sostava yazyka* [Modeling the dynamics of the vocabulary of the language]. Kiev, 2014. 208 p. (In Russ.).
6. Leychik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, 2007. 256 p. (In Russ.).
7. Stolyarova L.P., Pristayko T.S., Popko L.P. *Bazovyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Basic Dictionary of linguistic terms]. Kiev, 2003. 192 p. (In Russ.).
8. Sukhov N.K. O primeneniі bukvennykh sokrashcheniy v kachestve nauchno-tekhnicheskikh terminov [On the application of letter abbreviations as scientific and technical terms]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie tekhnicheskikh nauk* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Technical Sciences], 1953, no. 7, pp. 105–131. (In Russ.).
9. Tatarinov V.A. Diskursivnye parametry metaforicheskogo termina [Discourse parameters metaphorical term]. *Lingvopoetika. Lingvostilistika. Lingvoritorika* [Linguistic poetics. Linguistic stylistics. Linguistic rhetoric], 1999, iss. 3, pp. 153–158. (In Russ.).
10. Tatarinov V.A. *Obshchee terminovedenie: Entsiklopedicheskiy slovar'* [General Terminology Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2006. 528 p. (In Russ.).

УДК 802.0-3

В. Д. Табанакова

ПЕРЕВОД С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА, ИЛИ С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПЕРЕВОД БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОГО ТЕРМИНА В ЗАГОЛОВКЕ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Рассматривается перевод термина в заголовке научного текста на этапах восприятия и интерпретации его лингвистической формы. Автором предлагается свое видение безэквивалентности термина, который эксплицитно или имплицитно отражает предикативность заголовка научного текста. Материалом для исследования послужили темы научных докладов на 18-ом европейском симпозиуме «Языки для специальных целей» в 2011 г.

Ключевые слова: перевод, безэквивалентный термин, заголовок, научный текст.

Ответ на заданный вопрос начнем с уточнения нашего предмета исследования:

1. Попытаемся наполнить своим содержанием понятие «безэквивалентного термина».
2. Многошаговый процесс перевода термина в тексте ограничим этапом восприятия и интерпретации его лингвистической формы.
3. В заголовке научного текста будем ориентироваться на предикативную функцию термина.

В переводоведении сложилось достаточно устойчивое сочетание «безэквивалентная лексика», которое традиционно в практике перевода обозначает лексические единицы исходного языка, не имеющие регулярных словарных соответствий в языке перевода. В теории перевода это понятие может рассматриваться более широко. Так, у В. С. Виноградова безэквивалентная лексика является разновидностью лексики, содержащей фоновую информацию [4], а у Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова она определяется как слова, план содержания которых не сопоставим с иноязычными понятиями [3]. С другой стороны, конкретизируя данное понятие, мы найдем в литературе разные типы безэквивалентной лексики, такие как реалии, имена собственные, географические названия, экзотизмы и тому подобное [1; 2; 6; 8; 12].

Термины, как правило, не входят в разряд безэквивалентной лексики [5]. Это, прежде всего, связано с тем, что термины, в отличие от культурологически окрашенной лексики не имеют коннотаций. В то же время в некоторых исследованиях по переводу специальных текстов транслитерированные термины, не имеющие переводных эквивалентов, называют вслед за Л. Л. Нелюбиным [12] «временно-безэквивалентными терминами» [10]. Транслитерация

как способ перевода термина используется обычно в тех случаях, когда в языке перевода отсутствует знак-термин, либо еще не сформировалось само понятие.

В нашем исследовании понятие «безэквивалентный термин» наполняется несколько другим содержанием. Мы рассматриваем безэквивалентность термина в контексте научного заголовка. Обратимся к трем примерам, в которых выделенные слова с первого взгляда воспринимаются безэквивалентными терминами: 1) English **Contactemes** in Russian Computer Sublanguage; 2) Traduction et **Harmonie**: concepts de base de la communication professionnelle interculturelle; 3) «Planning. **A Thinking Ability** Serving Industrial Culture of Work in ESP». Мы видим, что первое слово **Contactemes** не имеет переводного эквивалента, потому что оно придумано автором и за ним стоит новое понятие. Во втором и третьем примерах слова требуют переосмысления их неспециальных значений с тем, чтобы выявить признаки соответствующих специальных понятий. Для понимания этих слов бесполезно начинать перевод с поиска словарных эквивалентов, если под *эквивалентом* понимать единственное, независимое от контекста словарное соответствие [13]. Они требуют понятийного анализа и установления объема и содержания специального понятия, имплицированного автором. В этом смысле можно назвать их «авторскими терминами» [14]. Таким образом, ограничим понятие «безэквивалентного термина» результатом анализа его лингвистической формы.

Безэквивалентность термина в заголовке научного текста обусловлена его предикативностью. Предикативность темы – это специфика научной речи, связанная с компрессией,

«сжатием» содержания текста и использованием номинативных структур для «свертки» расширенного текста. В качестве лексических средств «сворачивания» содержания и выражения предикативности используются краткие причастия, краткие прилагательные, отглагольные существительные и сами глаголы. На синтаксическом уровне таким средством служат атрибутивные фразы, эллиптические структуры, пунктуационные средства. С точки зрения тема-рематических отношений в заголовке всегда есть субъект (то, что уже известно всем) и предикат (то новое и неизвестное, что сообщается автором о субъекте). За предикатом в научном заголовке всегда будет стоять специальное понятие. Следовательно, предикативность заголовка эксплицитно или имплицитно отражена в терминах.

Кратко остановимся на категориях восприятия, интерпретации и ограничим их значение нашей лингвистической ситуацией.

В психологии «восприятие» обычно понимается как процесс порождения перцептивного образа [9]. В психолингвистике «восприятие» толкуется также достаточно широко: как образное восприятие, основывающееся на наших ощущениях от того, что мы видим и слышим. Поэтому в когнитивных исследованиях часто встречаются такие сопутствующие термины, как перцептивный образ, наглядно-чувственный образ, образный концепт и т. п. Термин «восприятие» активно используется в когнитивной лингвистике, где его определяют как основу познания и ставят первым элементом в так называемой «когнитивной цепочке: восприятие – сознание – концептуализация – категоризация – репрезентация – язык» [9]. Все элементы данной цепочки являются базовыми, абстрактными категориями и относят нас к ментальным процессам. Из перечисленных в цепочке этапов познания нас интересуют «восприятие» и «категоризация», поскольку они непосредственно связаны с процессом понимания терминов.

Проблему восприятия в профессиональном дискурсе часто связывают с пониманием как переходом от образного восприятия к понятийному. При этом следует отметить, что исследования этапов познания носят обычно общий, описательный характер. Так, вывод, который делает Е. В. Харченко в своем исследовании «Восприятие и понимание в профессиональном общении» сводится к тому, что основные проблемы восприятия и понимания в профес-

сиональном дискурсе связаны с наличием или отсутствием общности образа мира [15]. Поэтому в данном исследовании мы предлагаем конкретизировать восприятие до восприятия лингвистической формы термина.

Наше восприятие термина лингвистически обусловлено и базируется на **мотивированности** его лингвистической формы. При этом мотивированность может быть трех видов:

1) лексическая мотивированность, например, термин *словообразование*, значение которого просматривается в лексическом значении его составляющих: *образования слов*;

2) категориальная мотивированность, когда общее категориальное значение заложено в его морфологической структуре, например, значение *процесс или результат* в лексико-грамматическом значении деривативной морфемы *-ие*;

3) понятийная мотивированность этого же термина просматривается в специальном понятии, которое стоит за этим термином – *раздел лексикологии*.

Интерпретация термина-знака предполагает определение объема специального понятия и его содержания, то есть раскрытие существенных и отличительных признаков понятия, обозначенного термином. Интерпретация термина требует контекстуального анализа, то есть соотнесения термина с другими терминами в тексте. Таким образом, на этапе **восприятия** термина мы ставим себе задачу «прочтения» его лексической формы и проводим семантический анализ слова в его прямом неспециальном значении. На этапе **интерпретации** термина мы будем проводить категориальный анализ специального понятия, чтобы определить его объем и содержание.

Перейдем непосредственно к анализу термина на этапах восприятия и интерпретации. В качестве языкового материала исследования были использованы темы докладов 18 европейского симпозиума 2011 г. «Языки для специальных целей» (The 18 European Symposium on Language for Special Purposes (LSP)) [16]. В данной статье мы ограничимся рассмотрением нескольких из них: 1) Terminological Aspects of Language Policy; 2) History and Development of Russian Medical Terminology Science; 3) Multilingual Communication in South Tyrolean Businesses; 4) Designing and Implementing Strategies of Global, Multilingual «Disaster Communication»; 5) Parameters of Special Language Planning; Knowledge Representation and Transla-

tion Process; 6) English Contactemes in Russian Computer Sublanguage; 7) Traduction et Harmonie: concepts de base de la communication professionnelle interculturelle; 8) «Planning». A Thinking Ability Serving Industrial Culture of Work in ESP; 9) Better Communication in the Air; 10) Term Quality and Language Efficiency at the Basic Level of Concepts; 11) «Language policy and LSP planning»; 12) «When cognitive sciences meet real life: Decoding the semiotic cocktail of food labels from a fairness perspective»; 13) «The work of today's TC/37 in the light of 'semantic interoperability'. Standardisation as an issue of corpus planning».

На первом этапе, на этапе восприятия прямого, закреплённого за терминами и словами вне контекста лексического специального и неспециального понятия, все темы были условно разделены на два типа: **описательные**, состоящие только из номинаций, и **предикативные**, в которых вербально выражено отношение автора к номинациям.

Так, примерами описательных тем являются первые три темы из представленных выше: *Terminological Aspects of Language Policy; History and Development of Russian Medical Terminology Science; Multilingual Communication in South Tyrolean Businesses*. Как мы можем предположить, в этих темах вполне определенно, однозначно заданы понятия, о которых пойдет речь в докладе, и в них нет безэквивалентных терминов. Остальные темы мы рассматриваем как предикативные. Интересно отметить, что большая часть тем, предложенных на симпозиуме, носила номинативный характер. Предикативный характер в основном носили темы пленарных докладов.

Рассмотрев каждую из предикативных тем как тезис, то есть утверждение многоаспектного, многозначного, противоречивого характера, мы отобрали слова-термины (ниже они выделены жирным шрифтом), которые несут эту предикативную нагрузку.

Designing and Implementing Strategies of Global, Multilingual «Disaster Communication».

– Knowledge Representation and Translation Process.

– English **Contactemes** in Russian Computer Sublanguage.

– Traduction et **Harmonie**: concepts de base de la communication professionnelle interculturelle.

– «Planning. A **Thinking Ability** Serving Industrial Culture of Work in ESP».

– **Language policy** and LSP planning.

– «When cognitive sciences meet real life: Decoding **the semiotic cocktail** of food labels from a fairness perspective».

– «Code Switching **Supervisory Discourse**».

– «**Better communication in the air**».

– The work of today's TC/37 in the light of '**semantic interoperability**'. Standardization as an issue of corpus planning.

Начнем наш анализ с терминов, восприятие которых определяется их мотивированностью.

1. Самым ярким примером морфологической мотивированности авторского термина нам послужит термин *Contactemes* в заголовке «*English Contactemes in Russian Computer Sublanguage*». Лексическое, лексико-грамматическое значение деривативной морфемы «eme» и словообразовательная модель этого слова позволяют установить категориальное значение термина как «минимальной единицы компьютерного подязыка». При этом корневая морфема *contact*, не являясь специальной, не дает возможности определить содержание специального понятия и его место в соответствующей системе понятий, вне авторского текста. Следовательно, для интерпретации термина нам нужно будет перейти к контекстуальному уровню анализа.

2. Не менее выразительным представляется лексическое значение слова *cocktail* в заголовке «*When cognitive sciences meet real life: Decoding the semiotic cocktail of food labels from a fairness perspective*». На этапе первичного восприятия авторского термина *semiotic cocktail* мы опираемся на метафорическое значение «коктейль» и тем самым понимаем весь термин как «семиотический коктейль». Дальнейшая концептуализация термина также требует контекстуального понятийного анализа.

3. Очевидно предположение, что наше восприятие термина *Harmonie* также будет опираться на метафорический и метонимический характер лексического значения слова «гармония», но содержание специального понятия мы сможем установить только из специального контекста.

4. Отдельно следует остановиться на терминах, за которыми стоят слова с широким абстрактным значением: *Designing and Implementing Strategies; Knowledge Representation; Language policy*. Эти слова можно отнести к общенаучным терминам, которые мы понимаем в силу их понятийной мотивированности, закреплённой в научном дискурсе. Вместе с тем они приобретают специальный концепту-

альный характер, поскольку соотнесены в заголовке с системами специальных понятий. Так, понятие *Designing and Implementing Strategies* сужается и конкретизируется понятием *Global, Multilingual Communication* и тем самым включено в терминосистему «глобальной, многоязычной коммуникации». Термин *Knowledge Representation* внесен в контекст «Translation Process», что предполагает его связь с теорией перевода. Понятие *Language policy* соотносится с понятием *LSP planning*, а, следовательно, включается в сетку понятий ЯСЦ.

Таким образом, в тексте заголовка на первом этапе «прочтения» мотивированного авторского термина мы можем провести категориальный анализ и установить объем понятия, стоящего за ним. Для определения его содержания нам необходимо обратиться к контексту. Если мы вспомним, что заголовок по своей содержательно-смысловой функции представляет собой свернутый текст, и учтем логику тезисного построения научного текста, то можем попытаться «развернуть» предикативность заголовка, обратившись к первым абзацам текста доклада. Проследим текстовую развертку заголовочных предикаций на следующих примерах.

А) Kathen Quattous в первом абзаце своего доклада «Parameters of Special Language Planning» ограничивает объем понятия «Planning», определяя его через понятие ‘management’: «this lecture I will discuss five parameters of terminology & LSP planning on the basis of the following statement: “*Language can always be exposed to ‘management’*”». А в следующем абзаце уточняет понятие «Parameters», перечисляя их: *parallel language use, horizontal vs. vertical specialization, convention and subversion, indeterminacy*.

Б) Раскрытие понятия «*Supervisory Discourse*» в заголовке «Code Switching Supervisory Discourse» мы находим в первых строках текста: «As the literature suggests, practicum or teaching practice is a process in which student teachers are required to teach actual students in real classrooms out pre and post-observation conferences with the *supervisors offer suggestions to student teachers*, guide and evaluate their teaching».

В) В заголовке «*Better communication in the air*» лексическое значение слова *better* в сочетании с общенаучным понятием *communication* и метонимическим «в воздухе, то есть в самолете» контекстуально прочитывается в

значении «смысловая нагрузка на произношение в данном специальном подязыке». Контекстуальное значение устанавливается после знакомства с текстом аннотации: «This study investigates the possible causes of **miscommunication between pilots and air traffic controllers** by analyzing pronunciation, L1 indifference, use of non-standard vocabulary variables. The purpose of this study is to help aviation LSP instructors apply this knowledge to their teaching and the development of materials».

В заголовке «The work of today’s TC/37 in the light of ‘*semantic interoperability*’. Standardization as an issue of corpus planning taking e-learning as an example» слова, выделенные курсивом, в буквальном значении имеют очень широкую семантику. Для того чтобы установить объем и содержание всего термина, нам придется обратиться к его составляющим *semantic* и *interoperability*. В тексте доклада понятие «*semantic*» сужается и структурируется до концептуального значения трех уровней: *синтаксического, концептуального и прагматического*. «Over the last 10 years the limitations of *semantic interoperability* under a computer science perspective have become obvious. Further to technical (i. e. hardware- and software-related) and organizational interoperability, *semantic interoperability should comprise syntactic, conceptual and pragmatic interoperability*». Слово «*interoperability*» семантизируется только после концептуального анализа используемого в тексте словосочетания *content interoperability*. В тексте доклада сначала ограничиваются признаки (выделим их в тексте жирным курсивом) понятия «*content*»: «*content interoperability* is the capability of content items (i. e. structured content at the level of lexical semantics) to be:

– *integrated* into or *combined with other* (types of) content items;

– extensively *re-used for other purposes* (including sub-items to be re-purposable);

– *searchable, retrievable, re-combinable* from different points-of-view.

“*Content*” here is seen as *structured content* at the level of lexical semantics comprising linguistic and non-linguistic representations of concepts or “objects” (incl. concepts understood as “immaterial objects”)). И только после раскрытия понятия *content* мы можем предположить, что за словом *interoperability* стоят такие признаки-отношения, как *integrated, combined with other items, re-used for other purposes, searchable, retrievable, re-combinable*.

Интересным в этом же тексте также представляется авторское уточнение термина *standardization*: «*Standardization* is an activity for establishing, with regard to actual or potential problems, provisions for common and repeated use, aimed at the achievement of the optimum degree of order in a given context. In particular, the activity consists of the processes of formulating, issuing and implementing standards».

Таким образом, перевод безэквивалентного термина в заголовке научного текста начина-

ется с анализа его мотивированной лингвистической формы. На этапе восприятия термина мы проводим его морфологический, лексико-семантический и категориальный анализ, а на этапе интерпретации – контекстуальный. Морфологический, семантический, категориальный, понятийный и концептуальный анализ термина дают возможность вскрыть его предикативный характер.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М., 2004. – 352 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М., 1975. – 237 с.
3. Верещагина, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагина, В. Г. Костомаров. – М., 1983. – 387 с.
4. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М., 2001. – 224 с.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М., 2009. – 360 с.
6. Иванов, А. О. Безэквивалентная лексика / А. О. Иванов. – СПб., 2006. – 200 с.
7. Лаенко, Л. В. Восприятие – сознание – язык: онтология и гносеология взаимосвязи / Л. В. Лаенко // *Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии.* – М., 2010. – С. 92–104.
8. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М., 2005. – 320 с.
9. Морева, Г. И. Общая психология. Познавательные процессы / Г. И. Морева. – Тюмень, 2007. – 556 с.
10. Лебедева, А. А. Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе юридических терминов / А. А. Лебедева // *Вестн. Москов. гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. Сер. «Филологические науки».* – 2013. – № 3. – С. 74–79.
11. Нелюбин, Л. Л. Перевод и прикладная лингвистика / Л. Л. Нелюбин. – М., 1983. – 207 с.
12. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М., 2004. – 216 с.
13. Рецкер, Я. И. Что же такое лексическая трансформация? / Я. И. Рецкер // *Мосты. Журнал переводчиков.* – М., 2011. – № 3 (31). – С. 10–21.
14. Табанакова, В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу / В. Д. Табанакова. – Тюмень, 2013. – 208 с.
15. Харченко, Е. В. Восприятие и понимание в профессиональном общении / Е. В. Харченко // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* – 2011. – № 24 (239). – *Филология. Искусствоведение.* Вып. 57. – С. 48–49.
16. The 18th European Symposium on Language for Special Purposes (LSP). *Special Language and Innovation in Multilingual World.* – Perm, 2011 – 115 p.

Сведения об авторе

Табанакова Вера Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета.

veratab@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 184–190.*

THE TRANSLATION AT FIRST VIEW OR WITH WHAT THE TRANSLATION OF THE NON-EQUIVALENT TERM IN THE SCIENTIFIC TEXT HEAD-LINE BEGINS

V. D. Tabanakova

Tyumen State University. veratab@inbox.ru

In this article the translation of the term in the scientific text head-line at stages of perception and interpretation of its motivated linguistic form is considered. At a stage of perception the term needs morphological, lexico-semantic and conceptual analyses to carry out and at an interpretation stage – contextual. The morphological, semantic, conceptual and context analyses of the term give the chance to reveal its predicative character. Making a start from the translation theory concept “culture-specific words” the author offers his own conception of the non-equivalent term which explicitly or implicitly reflects predicative of the scientific text head-line. The scientific reports subjects on the 18th European symposium “Languages for special purposes” were analyzed to illustrate the results of the research.

Keywords: *translation, non-equivalent term, text head-line.*

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to the translation theory]. Moscow, 2004. 352 p. (In Russ.).
2. Barkhudarov L.S. *Jazyk i perevod: voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda* [Language and translation: questions on the general and special translation theory]. Moscow, 1975. 237 p. (In Russ.).
3. Vereshchagina E.M., Kostomarov V.G. *Jazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow, 1983. 387 p. (In Russ.).
4. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to the translation theory (general and lexical questions)]. Moscow, 2001. 224 p. (In Russ.).
5. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, 2009. 360 p. (In Russ.).
6. Ivanov A.O. *Bezjektivnaja leksika* [Non-equivalent words]. St. Petersburg, 2006. 200 p. (In Russ.).
7. Layenko L.V. *Vosprijatie – soznanie – jazyk: ontologija i gnoseologija vzajmosvjazi* [Comprehension – consciousness – language: ontology and gnoseology of interrelation]. *Non multum, sed multa: nemnogo o mnogom. U kognitivnyh istokov sovremennoj terminologii* [Non multum, sed multa: a little about much. At the origins of modern terminology. The collection of scientific works in honor of V.F. Novodranova]. Moscow, 2010. Pp. 92–104. (In Russ.).
8. Latyshev L.K. *Tehnologija perevoda* [Technology of translation]. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.).
9. Moreva G.I. *Obshhaja psihologija. Poznavatel'nye processy* [General psychology. Informative processes. Manual]. Tyumen, 2007. 556 p. (In Russ.).
10. Lebedeva A.A. *Problema jektivnosti i bezjektivnosti leksicheskix edinic pri perevode juridicheskix terminov* [The Problem of equivalence and nonequivalence of lexical units in the translation of legal terms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Ser. «Filologicheskie nauki»* [Bulletin of MGSU of M.A. Sholokhov. “Philological sciences”], 2013, no. 3, pp. 74–79. (In Russ.).
11. Nelyubin L.L. *Perevod i prikladnaja lingvistika* [Translation and applied linguistics]. Moscow, 1983. 207 p. (In Russ.).
12. Retsker Ya.I. *Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika* [Translation theory and translation practice]. Moscow, 2004. 216 p. (In Russ.).
13. Retsker Ya.I. *Chto zhe takoe leksicheskaja transformacija?* [What is the lexical transformation?]. *Mosty. Zhurnal perevodchikov* [Bridges. Magazine of translators], 2011, no. 3 (31), pp. 10–21. (In Russ.).

14. Tabanakova V.D. *Avtorskij termin: znaju, interpretiruju, perevozhу* [The author's term: I know, I interpret, I translate]. Tyumen, 2013. 208 p. (In Russ.).

15. Harchenko E.V. *Vosprijatie i ponimanie v professional'nom obshhenii* [Comprehension and understanding in professional com)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university], 2011, no. 24 (239), iss. 57, pp. 48–49. (In Russ.).

16 *The 18th European Symposium on Language for Special Purposes (LSP). Special Language and Innovation in Multilingual World*. Perm, 2011. 115 p.

УДК 81
ББК 80

Н. В. Уканакова

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО «Я» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ПРОЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВТОРИЧНЫХ АВТОРСКИ-СФОКУСИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ)

Цель публикации состоит в рассмотрении характерных особенностей когнитивного механизма выражения авторского «Я» в ходе продукции вторичного текста и соотнесении их со стратегиями и тактиками процесса формирования текстовой проекции. Выявлены и описаны когнитивные механизмы частичной трансфигурации и динамизации, направленные на сохранение авторских «следов» в проекции первотекста. В качестве объекта исследования выступают вторичные авторски-сфокусированные тексты в жанре гонзо-журналистики, предметно-структурные особенности последних, направленные на проявление авторского «Я» в продукции текстов. Область применения полученных результатов распространяется на разработку универсальной когнитивной модели текстового восприятия и продуцирования. Перспективу исследования составляет дальнейшее выявление особенностей структуры авторски-сфокусированных текстов, направленных на сохранение «авторских следов» в структуре проекции первотекста.

Ключевые слова: стратегии восприятия и продукции текста, когнитивная модель, гипермедиальность, вторичный авторски-сфокусированный текст.

«Язык есть искусство, и речь,
как всякое произведение искусства,
не равна отражаемому»
А. А. Потебня

Изучение процессов текстовой перцепции и продукции представляет центральную область исследований современной лингвистики, в рамках которой многие научные работы направлены на выявление универсальных закономерностей процесса «создания текстовой проекции» [6]. Вопрос о том, в какой степени индивидуальность, авторское «Я» влияет на процесс восприятия окружающей действительности и текстов как ее фрагментов, представляет особую сложность для исследования. Какие части когнитивного механизма создания проекции текстов (относительно универсального по своей природе) наиболее подвержены структурным изменениям, зависящим от личности автора-реципиента, его возрастных, гендерных и иных признаков? В задачи нашей публикации входит выявление «авторских следов» в получаемой на выходе текстовой проекции.

Абстрактный характер читательской проекции текста делает ее недоступной для прямого изучения [16]. Приведенные выше цели и задачи определили необходимость проведения исследования на материале вторичных текстов

с присутствующей ярко выраженной позицией автора. Подобным оптимальным материалом, на наш взгляд, выступают кино- и литературные рецензии в жанре гонзо-журналистики.

Цель исследования предусматривает сопоставление текстовой проекции, к которой нами приравнивается вторичный гонзо-текст, в частности англоязычные и русскоязычные кино- и литературные рецензии, и текста-источника различной материальной представленности (мультимедиаальный и традиционный текст) с опорой на когнитивную модель создания текстовой проекции. Анализ позволит выяснить степень устойчивости форм текста (по классификации Г. И. Климовской [8]) и элементов текста (макро-, схематики и стилистики) в процессе переработки первотекста сознанием.

Эпитет «gonzo» (*having a very strange or unusual quality, подчеркнуто необычный, эксцентричный, безумный*) [28] применительно к течению журналистики предусматривает крайнюю субъективность подобных репортажей, в корне отличающую их от традиционной «объективной» журналистики: *idiosyncratically subjective, engagé (journalism)* [28]; *often including the reporter as part of the story via a first-person narrative* [21]. Характерными чертами гонзо-текстов являются эмоциональная насыщенность («*energetic ... writing style*» [21. С. 92]),

яркая стилистическая окраска, и, зачастую, острая социальная тематика («... *draws its power from a combination of both social critique and self-satire...*» [21. С. 92]). Структура гонзо-текста неоднородна, повествование нелинейно. События и мысли, увиденное и услышанное преподносятся не в порядке, которого требует традиционный репортаж, а в том, в котором они возникают в голове автора. «Дистиллированный» субъективизм противопоставляет гонзо-тексты-продукты иным видам вторичных текстов (например, фанфик-историям, в которых авторское «Я» буквально «растворяется» во вселенной текста-первоисточника). «Не события создают репортера, а репортер – события» [35], автор текста – наблюдатель, без которого невозможно возникновение самого события текста. Указанное созвучно с антропным принципом космологии, принятым современной методологией науки: «Вселенная и наше положение в ней определяются нашим существованием в ней в роли наблюдателей» («... *the universe must be compatible with our existence as observers...*») [20]. Пространство текста, подобно Вселенной, предполагает существование двух субъектов (я и Другого в ипостасях автора и читателя) [2]. Формы диалогических отношений этой пары отражаются в тексте как в эстетическом событии и определяют жанровую, стилевую, сюжетно-композиционную специфику текста [12]. Сегодня в условиях стремительного роста гипертекстового пространства, заполнения его интертекстуальными связями, феномена массового сетевого творчества, диалог мультиплицируется, становится открытым и бесконечным. Фигуры создателя и реципиента, на наш взгляд, сливаются в единый образ автора и читателя в одном лице – «Наблюдателя», который сталкивается с «Наблюдаемым» в форме первотекста-источника. Это приводит к образованию жанров и жанровых сплавов (истории фанфикшен, веб-комиксы, мемы, жанр интернет-блога, интернет-дневника, «гоблинские» переводы, авторские кинокритицизмы, гонзо-тексты, жанр форумного комментария). Очевидны две противоположные тенденции:

– деградирование образа автора как такового, «высветление» его «Я» в тексте. Тенденция соотносится с физической и эмоциональной позицией «Наблюдателя» относительно окружающего мира и текстов как фрагментов последнего. Сегодня создание текста – больше не «привилегия для избранных». Автор сетевого

творчества (веб-комиксов, форумных комментариев, фанфиков) анонимен, по собственной воле лишен свойств возрастной, гендерной, социальной принадлежности, поскольку его индивидуальность «не значима», значим лишь сам по себе текст, переходящий в категорию «Наблюдаемого». Единственный прямой носитель информации – «никнейм», опционно включаемый в подобный текст, обманчив и продолжает оставлять реального создателя за кадром. Деиндивидуализированные тексты, существующие в шаблонной, клиповой среде гипермедиапространства, – подходящий материал для выявления универсальных закономерностей процесса восприятия и создания текстов.

Концентрация текста на образе автора. К числу подобных текстов и относятся в первую очередь кино- и литературные рецензии в жанре гонзо-журналистики. Авторское «Я» «разрывает пути» пассивности и безволия «Наблюдателя», становится одновременно субъектом, объектом и истинным предметом текста, осью для вращения текстового пространства. Феномен «гонзо» вышел за рамки журналистики и сегодня реализуется в авторских интернет-блогах, интернет-дневниках, персональных youtube-каналах (например, канал обзора киноновинок «Синий Фил» под авторством Д. Пучкова), кино- и литературные рецензии профессиональных критиков (авторский проект А. Экслера «Субъективные заметки о фильмах»). И авторы, и реципиенты авторски-сфокусированных текстов, заинтересованы в «преломлении» объекта текстового повествования сквозь призму личности автора, в уникальной авторской интерпретации дескрибируемого события. В таком случае, на наш взгляд, само авторское «Я» автоматически становится текстом совершенно особого рода, вплетаясь в канву основного текста, и придавая последнему особые качества. Среди признаков авторски-сфокусированных текстов:

1. Повышенная эмоциональность текста – пониженный стилистический ключ (неформальная разговорная лексика), насыщенность текста языковыми единицами с большим «когнитивно-языковым аргументативным потенциалом» [11. С. 304], стилистическими фигурами, метафорами, тропами.

2. Принцип включенности автора в событие текста. Авторская позиция ярко обозначена, авторитарна и непререкаема, его индивидуальность постоянно пунктирной линией присутствует в образе текста. Существует два проти-

воположно направленных способа реализации данного принципа:

Создатель текста «снижается» до уровня происходящих событий, позиционирует себя в их гуще, эпицентре. По «правилам игры» гонзо-журналист обязан участвовать в событии репортажа. Стилистический уровень кинорецензий свидетельствует о применении авторами вкусовых, звуковых и тактильных метафор, говорящих об их погружении в фильм как репортируемое событие. Буквально физическое погружение в первотекст зачастую выражается развернутой метафорой (*extended metaphor*) *movie*→*3-D space*, *фильм*→*трехмерное физическое пространство*. *Get past the improbable "music biz" moments... Не оставайтесь на неправдоподобных историях музыкальной тусовки... Winning moments aside... Оставим в стороне удачные моменты фильма... Ruffalo's Dan, staring out at a typical New York street corner... Марк Руффало в роли Дэна, стоящего на углу обычной нью-йоркской улицы...* [31].

Создатель текста критически «возвышается» над событием текста и порой над его возможными реципиентами; он занимает позицию учителя, «ментора». Изобличающую позицию «один против системы» демонстрирует сборник эссе Х. С. Томпсона *Generation Of Swine: Tales Of Shame And Degradation In The '80s* (*Поколение свиней*), обвиняющих общество в чрезмерном потакании собственным потребностям, в философии потребления (*consumption philosophy*). Авторская позиция дистиллируется в метафору *modern society member* → *animal* (*типичный представитель современного общества* → *животное*) и проходит через весь текст оскорбительными эпитетами *money-sucking animals* (*жаждущие денег твари*), *brainless freaks* (*безмозглые уроды*), *geeks* (*сумасшедшие*), *greed-crazed lunatics* (*свихнувшиеся на жажде наживы*), *the drunken mob* (*пьяное сборище*) [35]. Позиция «ментора» настолько сильна, что приводит к феномену сдвига в области макроэлементов, смещения топика текста. Эссе Х. С. Томпсона *The Kentucky Derby Is Decadent And Depraved* (*Кентуккийское дерби упадочно и порочно*), изначально полагавшееся быть спортивной статьей, вместо описания скачек фокусируется на описании поведения их зрителей. Наблюдается «конфликт между потенциальным текстом (ассоциируемым словосочетанием *sports article*) и наблюдаемой реальностью текста» [11. С. 307]: крупным планом показана толпа «морально разлагающихся

аборигенов», погрязших в пьянстве, тупости, наркотическом угаре. *«We didn't give a hoot in hell what was happening on the track. We had come there to watch the real beasts perform. ... Но нам-то было по барабану, что происходит на ипподроме. Мы приехали понаблюдать за настоящим зверинцем»* [36]. Автор не скупится в выражениях и на протяжении всего текста поддерживает метафору *modern society member* → *animal*. Ипостась «всезнающего» автора как точки отсчета и меры всех вещей по умолчанию принята в рецензирующих, «интерпретирующих» (в терминологии Л. Г. Ким) [9] вторичных текстах, в пространстве которых создатель получает исключительное право на выражение безапелляционного, единственно корректного мнения относительно объекта «интерпретируемого» текста. *«Carney's idea of romance leaves me frustrated. Романтические отношения, как их видит Карни, оставили бы меня разочарованной»* [37]. Возможно подчеркнутое отграничение авторского «Я» и от индивидуальностей прочих создателей вторичных текстов и реципиентов: *«... любовную историю в манере, явно заточенной под восторженных школьниц и экзальтированных дам. <...> говорю исключительно о своем собственном глазе. <...> Простите, если кого обидел»* [17].

Возможен переход текстового жанра из категории авторски-сфокусированных в категорию авторски-депривированных. Подобным примером является феномен «гоблинских» переводов. «Гоблинский деконструктивизм» – *сэмплирование* существующего художественного образа, его деформация и включение в кардинально иной контекст, в результате чего получается самостоятельное художественное целое [7]. Позднее гоблинские «переводы» потеряли принадлежность перу Д. Пучкова (Гоблина) и, соответственно, авторскую сфокусированность: сегодня это массовый феномен «карнавальная», искажающей смысл озвучки фильмов с широким использованием интертекстуальных ссылок на литературные и кинопроизведения.

Полагаем, что схематически *авторски-сфокусированный вторичный текст* представляет собой трехслойную сферу, ядро которой – первотекст, «обернутый» в «вуаль» авторского восприятия. Реципиент авторски-сфокусированного текста в первую очередь «сталкивается» с внешним слоем, именно он эмоционально важен для первого и вызывает чувство личностной привязанности. *Авторски-депривированный вторичный текст* двухслоен: его ядром, «костью» выступает читательская (зрительская) проекция текста-источника, на которую «наращивается» плоть вторичного текста-продукта. Целью создателя авторски-депривированного текста-продукта (например, текста жанра фанфикшен) является возможно более точное повторение уникальной, причудливой формы и структуры текста-источника на всех текстовых уровнях (что обеспечивает тесную комплексную связь с первотекстом, жизненно необходимую для существования текста-продукта). Когнитивная операция трансфигурации (переворачивания), реализуемая в тактиках поляризации персонажей первотекста (добро и зло меняются местами) и переноса действия в альтернативную вселенную, на наш взгляд, является особой, «зеркальной», формой мимезиса, поскольку содержит намеки на начальную форму первотекста. Указанное вписывается в концепцию мимезиса по Аристотелю: «мимезис – подражательное воссоздание» [13], – и позволяет поставить знак равенства между проекцией текста-источника в сознании реципиента и текстом-продуктом (историей жанра фанфикшен) [16].

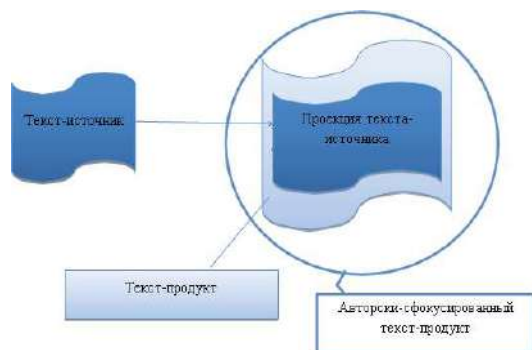

Рис. 1 Авторски-депривированный и авторски-сфокусированный тексты-продукты

Во втором случае текст-продукт, миметически повторяющий форму, структуру и содержание текста-источника, оказывается скрытым под внешним, «выравнивающим» слоем, имеющим непосредственное отношение к про-

явлению авторской индивидуальности в процессе создания вторичного текста-продукта. Рис. 1 демонстрирует, что «авторский» слой способен «сгладить» все уникальные неровности, присущие тексту-источнику. Назовем данный компонент вторичного текста *эго-слоем* по аналогии с термином «эго-текст», определяемым как «лично наполненный текст культуры, в котором мыслитель концентрирует внимание на собственном Эго» [15. С. 3], «черновик сознания» [14. С. 23], «автобиографический текст, скрепой которого является авторское «Я», выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [10]. Эго-слой «обезличивает», в достаточной степени «деиндивидуализирует» текст-источник, лишая проекцию уникальных особенностей, присущих первотексту, заменяя их на не менее уникальные отпечатки авторского «Я» в структуре авторски-сфокусированного текста-продукта.

Проведем анализ процесса на материале авторски-сфокусированных вторичных текстов с опорой на когнитивные операции, определенные нами для процесса формирования читательской (зрительской) проекции текста различной материальной представленности [16]. В качестве яркого примера гонзо-текста возьмем статью Х. С. Томпсона «*Биг Сюр: Тропик Генри Миллера*» (*Big Sur: The Tropic of Henry Miller*) [34]. Текст представляет собой репортаж-рассуждение о доме писателя Генри Миллера, расположенном на побережье Биг-Сюр в центральной Калифорнии, и мысли журналиста о **тексте-источнике 1** – скандальном романе «Тропик Рака» (*Tropic of Cancer*) – и **тексте-источнике 2** – книге «*Биг Сюр и апельсины Иеронима Босха*» (*Big Sur and the Oranges of Hieronymus Bosch*).

Применение создателем авторски-сфокусированных текстов когнитивной операции сохранения на различных текстовых уровнях является, на наш взгляд, *комплексным* явлением, с большей частотностью запускающим трансфигурирующие и моделирующие механизмы стратегий и тактик, нежели это происходит в случае продуцирования авторски-депривированных текстов. Полагаем это связанным с изначальной интенцией выражения собственной индивидуальности, «наращивания» эго-слоя на проекцию текста-источника, присущей авторски-сфокусированным текстам. Очевидны два особых подвида когнитивной операции сохранения, характерных в основном для авторски-

сфокусированных текстов, как основные тенденции реализации когнитивных механизмов:

1. Когнитивная операция частичной трансфигурации. На уровне макростратегий проявляется в критическом взгляде на проблему текста, позиции пророка, открывающего глаза миру: «все говорят так, но на самом деле дело обстоит следующим образом». Так, основные макротопики и ключевые слова романа Г. Миллера – *жизнь среди богемы (community of bohemians)*, *бездумное предание излишествам (a last expiring dance)*, *размышление о границах состояний души (an immersive meditation on human condition)*, *чувство обреченности (we are doomed)* [22, 24]. Анализируемая статья Х. Томпсона трансформирует макротопики обреченности и безнравственности (например, *a great health spa, a virtual bastion of decency and clean living, настоящее сна, бастион пристойности и душевной чистоты*), намекая, что скандальный первотекст Миллера не автобиографичен. *Homelessness и squalor (отсутствие жилья и грязь, разруха, деградация)* подменяются описанием уюта в доме писателя, *physical and mental hunger (плотский и духовный голод) – plenty of things to see and people to meet*, множеством любопытных вещей и знакомств (*the coast <...> is nothing short of awesome, прекрасных видов побережья хватит с лихвой; colorful characters, живописные персонажи; plenty of artists, полно художников; the local poets outnumber the wild boars, местные поэты по числу превосходят диких кабанов в местных лесах*), *despair (отчаяние) – freedom and relaxation (свобода и расслабление)*, *loneliness (одиночество)* приобретает положительную коннотацию в лексической единице *solitude (уединение)*.

На уровне стилистических стратегий когнитивная операция частичной трансфигурации в процессе создания авторски-сфокусированного текста реализуется особой **тактикой частичной трансфигурации стилистических фигур**. Анализируемая статья распространяет и частично трансфигурирует метафору Г. Миллера *Big Sur → sacred place, paradise (Биг Сюр → священное место, рай)*, примененную в тексте-источнике *2. I would go to the cabin door <...> filled with such contentment, such gratitude, that instinctively my hand went up in a benediction... (Я подходил к двери хижины <...> и переполнялся таким счастьем и благодарностью, что пальцы сами складывались в крестное знамение)* [29]. Г. Миллер со-

общает концепцию святости предмету текста, сравнивая единение с природой Биг Сюра с церковным ритуалом причастия «*to taste peace and solitude*» (*вкусить тишину и покой*) [29]. Развернутая метафора встречается на протяжении всего текста: третья часть книги выходит годом позже под названием *Paradise Lost (Потерянный рай)*. Статья Томпсона трансфигурирует метафору Миллера, частично отражая ее со знаком минус. Таблица представляет тактику поляризации метафоры и ценностный разброс эпитетов, примененных к Биг Сюру. Представленные отрицательные, нейтральные и положительные эпитеты объединены семантическим концептом уединенности (*loneliness, solitude*), не-физичности, нематериальности (отдаленности от всего сущего, в том числе, от материального мира) (*immateriality*), не-наполненности, пустоты.

Применение когнитивной операции сохранения в процессе создания авторски-сфокусированного текста на уровне стилистических стратегий не оставляет сомнения: перенос метафоры осуществлен комплексно. Текст Миллера, персонифицирующий *тишину и уединение (peace and solitude)*, провоцирует автора вторичного текста на применение олицетворений: *silence is driving crazy (тишина сводит с ума)*, *words came back to haunt him (слова возвращались, словно призраки, чтобы преследовать его)*. Сохраняется и нематериальный компонент метафоры Г. Миллера, переходя из религиозного в мифический: Томпсон проводит параллель с Валгаллой, «дворцом павших», *раем* для доблестных воинов скандинаво-германской мифологии. Ранее по тексту метафора полярно переворачивается, и Биг Сюр сравнивается с библейским Содомом и Гоморрой. *If half the stories were true... it would make the destruction of Sodom and Gomorrah seem like the work of piker (Окажись хоть половина историй о Биг Сюре правдой, разрушение Содома и Гоморры казалось бы трусливой выходкой)*. Кроме того, оригинальная метафора *Big Sur → sacred place, paradise* получает развитие, приобретая связь с концептом *curiosity (любопытность)*. Далее по тексту туристы, посещающие местечко, именуются *curiosity-seekers (охотники за редкостями)*, а сам Биг Сюр занимает достойное место на карте любопытных мест (*... put Big Sur squarely on the map of national curiosities...*). Развитие метафоры логично, поскольку один из субконцептов *CURIOSITY desire to know (желание узнать новое)* [4] се-

Шкала эпитетов в статье Х. С. Томпсона

Big Sur		
Negative	Neutral	Positive
<p>– Damn wilderness (чертова глушь);</p> <p>– brutally primitive (совершенно примитивный);</p> <p>– people [there] without the vaguest idea of what is happening in the world (люди там и понятия не имеют, что творится в мире);</p> <p>– silence is driving crazy (тишина сводит с ума).</p>	<p>– not a place at all, but a state of mind (не место даже, а состояние души);</p> <p>– three hundred souls spread across the hills and along the coast (три сотни душ, разбросанных по холмам и побережью);</p> <p>– very like Valhalla – a place that a lot of people have heard of, and that very few can tell you anything about (та же Валгалла – место, о котором слышали все, но мало кто может поведать).</p> <p>– has been «discovered» (было «открыто»; Биг Сюр приравнивается к неизведанным экзотическим землям);</p> <p>– art colony (островок искусства, подчеркивается изолированность места).</p>	<p>– a myth maker's paradise, so vast and so varied and so beautiful that the imagination of the visitor is tempted to run wild at the sight of it (рай для мифотворца, настолько просторный, разнообразный и прелестный, что при виде его воображение сбрасывает с себя оковы);</p> <p>– people [who] own whole mountains of virgin land (люди, владеющие горами неисследованных земель);</p> <p>– the freedom and relaxation... couldn't find anywhere else (свобода и расслабление, какие не найти больше нигде);</p> <p>– live entirely by himself (жить свободно, самому по себе);</p> <p>– solitude (уединение, одиночество, не несет отрицательного коннотативного значения, присутствующего русскоязычной лингвокультуре).</p>

мантически соотносится с компонентом метафоры Миллера о непознанном, затерянном рае (**undiscovered, lost paradise**). Создатель авторски-сфокусированного текста сообщает оригинальной стилистической фигуре движение, привнося вместе с субконцептами CURIOSITY новые семантические компоненты:

– STRANGE OBJECT, *an object of interest valued as curious, rare or strange* (**любопытный, редкий предмет**);

– INTRUSION OF PRIVACY, *in a blamable sense: inquisitiveness in reference to matters which do not concern one* (негативно-оценочно: вторжение в личную сферу, любопытство к вещам, которые не касаются человека) [4].

Ассоциация CURIOSITY с концептом PRIVACY получает дальнейшее развитие в статье, когда Томпсон описывает «паломничество» туристов в дом писателя: ... *no doubt in their minds that any place Miller lives in is bound to be some sort of... мецца... When all Miller wanted was a little privacy, at times it seemed like half the population of Greenwich Village was camping on his lawn. Miller did his best to stem the tide but it was no use. В их мозгу не возникало и тени сомнения в том,*

что дом легендарного Генри Миллера – настоящая Мекка... Миллер не желал ничего больше уединения, в то время как добрая половина населения Гринвич Вилледж разбивала палатки на его газоне. Миллер изо всех сил старался сбить волну туристов, но тщетно.

Другая особенность реализации когнитивной операции сохранения в авторски-сфокусированных текстах – тенденция к заимствованию и переносу тропов и стилистических фигур (coined stylistic figures) из первотекста полностью в неизменном виде. Так, фраза «*endless fornication carnival*» (бесконечный карнавал прелюбодеяний), примененная в оригинальном тексте Г. Миллера, напрямую применяется Томпсоном: «... *if there was a fornication carnival going on up there [at Miller's house] they were damn well going to be in on it*» (раз уж в доме Миллера наверняка происходил **карнавал прелюбодеяний**, уж кто-кто, а они, черт возьми, должны присутствовать на нем). Однако употребление книжной фразы в контрастном стилистическом окружении разговорной лексики (*damn well, черт возьми; фразовый глагол to be in, участвовать*) вновь иллюстри-

рует применение автором (реализацию) когнитивной операции трансфигурирования, тем самым создавая иронический эффект.

2. Когнитивная операция динамизации.

Происходит сохранение элементов целевого текстового уровня, но в то же время им придается развитие, движение, происходит распространение, углубление образа в направлении, изначально заданном текстом-источником. На уровне макростратегий реализуется в углублении основной темы, топика текста. Так, транслированный в статью Х. С. Томпсона топик разочарования в жизни главного героя *текста-источника 1*, получает развитие, – происходит подмена актора, действующей фигуры, – разочарование испытывает среднестатистический турист, ожидавший увидеть писателя бунтарем и анархистом, а обнаруживший праведника, ведущего тихий образ жизни. Топик *текста-источника 2 loneliness (одиночество)* развивается гонзо-журналистом в положительно-коннотативный концепт *PRIVACY*, личное пространство, священный для западного человека.

На уровне стилистических стратегий *когнитивная операция динамизации* зачастую реализуется через применение синонимичного ряда стилистических фигур, распространение, оживление его «однородными» художественными образами. Отсюда указанное выше применение художественных образов Мекки, библейского потерянного рая и скандинавской мифологической Валгаллы для динамизации метафоры *Биг Стюр* → *святыня*.

Уровень схематических стратегий не рассматривался в рамках настоящей публикации, в виду большей самостоятельности авторски-сфокусированных текстов (в сравнении с авторски-депривированными текстами-продуктами) и свойства креативности, присущего им. Полагаем, что среди прочих текстовых уровней в случае восприятия печатного текста на долю текстовой схематики в процессе текстовой рецепции отведена наименьшая роль.

Гипотеза об уникальности описываемых когнитивных механизмов *частичной трансфигурации и динамизации* для авторски-сфокусированных текстов находит подтверждение в анализе вторичных авторски-депривированных текстов, демонстрирующем большую связь с текстом-источником и чистое, не-комплексное применение когнитивных операций сохранения, моделирования и трансфигурации. Так, на уровне стилистических стратегий большой

частотностью обладает когнитивная операция сохранения, реализуемая в *тактике имитации стилистических фигур* [16]. Например, перечисление (enumeration), характерное для гонзо-прозы Х. С. Томпсона, неизбежно встречается в таких вторичных текстах, как эссе и статьи, посвященных его творчеству. Сравним:

– У Томпсона: *Everything you hear about Big Sur is rumor, legend or an outright lie... (Все, что Вы слышали о Биг Стуре – слух, легенда, или наглая ложь...)* *They can be lawyers, laborers, beatniks, or wealthy dilettantes... (Среди них – адвокаты, рабочие, битники, богачи-бездельники)* [34].

– В *рецензиях-продуктах* неоднородное перечисление создает комический эффект: (1) *... owing to his unconcealed fondness for recreational drugs, hyperbole, Wild Turkey, fictionalized dialogue, explosives, and Ominous Capitalization – all crucial components to what he termed «gonzo journalism» (благодаря нескрываемой тяге к психоактивным веществам, преувеличениям, виски «Дикая индейка», вымышленным интервью, взрывчатке и Зловещему Выделению Слов С Большой Буквы – неотъемлемым компонентам явления, окрещенного им «гонзо-журналистикой»)* [18].

– (2) *They combine name-calling, bomb-throwing and sardonic humor. ([Статьи] – смесь публичных оскорблений, бомбометания и злобного юмора)* [30].

Очевидно также применение во вторичных текстах тактики имитации тропов относительно синонимичного повторения (выражение одной и той же идеи синонимичными фразами) [3] (когнитивный механизм сохранения в чистом виде). Например:

– *... the orphans are the spiritually homeless, the disinherited souls of a complex and nerve-wracked society (...они – духовные сироты, оставленные без наследства души современного общества, надломленного нервным срывом). ... to find him a quiet, fastidious and very moral man... (обнаружив тихого, разборчивого и высокоморального человека) ... this place was as lonely and isolated as any spot in America... (в этом месте, как в любом американском городке, чувствуешь себя одиноким и потерянным)* [34];

– (3) *Thompson's early journalism is both uniformly excellent and every bit "traditional" ... (Ранние статьи Томпсона официально-безукоризненны и до последней строчки «традиционны»...)*;

– (4) *with a voice that's understated and not a little bit wonkish, laced with reportorial authority and a touch of literary flair, totally free from bombast and authorial asides* (его голос мягок, не бьет в нос, самую малость приправлен острым авторитетным мнением, каплей литературного таланта, и не имеет в составе напыщенных комментариев);

– (5) *he uses the ominous capitals and apocalyptic adjectives* (он использует зловещие заглавные буквы и прилагательные, наводящие на мысль о Судном дне...).

Приведенные вторичные тексты, представляющие собой форумные комментарии к эссе Б. Кевина [18] о раннем творчестве писателя, демонстрируют применение когнитивной операции сохранения в чистом виде, в то время как применения когнитивных механизмов частичной трансформации и динамизации не наблюдается. Имитируется сама концепция гонзо-журналистики как многокомпонентного взрывоопасного коктейля с помощью кулинарной метафоры *piece of writing in journalism* → *cocktail* в примерах (1) и (4).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о задействовании особых когнитивных механизмов (когнитивные операции частичной трансформации и динамизации) в комплексном процессе восприятия и создания авторски-сфокусированного текста. Полагаем факт влияния интенции создателя вторичного текста по выражению собственной индивидуальности на процесс и результат текстовой продукции в достаточной мере обоснованным. Феномен гонзо-текстов, вышедший в условиях массового интернет-блоггинга за рамки первичных текстов и журналистского жанра, позволяет исследовать способы и лимит выражения авторского Я на каждом отдельно взятом текстовом уровне, с большей точностью и релевантностью определять соотношение «первоисточниковое – авторское» во вторичном тексте. Дальнейшее исследование в направлении поиска новых, зарождающихся способов «фокусирования» «обезличенного гиперпространством» текста на авторском «Я» (что составляет, на наш взгляд, одну из тенденций развития информационного пространства) выглядит вполне перспективным.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 482 с.
2. Гадамер, Х. Г. Истина и метод / Х. Г. Гадамер. – М., 1974. – 704 с.
3. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 316 с.
4. Григорова, Л. Э. Mind your own business или so kind of you to ask? (синкретизм концепта CURIOSITY) / Л. Э. Григорова // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. – 2012. – № 17. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mind-your-own-business-ili-so-kind-of-you-to-ask-sinkretizm-kontseptsa-curiosity>.
5. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 153–208.
6. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М., 1999. – 382 с.
7. Иваненко, А. Гоблинский деконструктивизм / А. Иваненко. – URL: <http://kitezh.onego.ru/goblin.html>.
8. Климовская, Г. И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста / Г. И. Климовская // Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. – Томск, 2009. – 168 с.
9. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. – Кемерово, 2009. – 260 с.
10. Козлова, О. Д. Эго-текст в культурно-речевом пространстве / О. Д. Козлова, Л. В. Кушникова. – URL: <http://www.science-education.ru/104-6831>.
11. Колмогорова, А. В. Социальная когниция в языке и речи / А. В. Колмогорова. – Томск, 2013. – 384 с.
12. Кондаков, Б. В. Автор и читатель в пространстве художественного текста / Б. В. Кондаков, В. С. Абрамова. – URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenty/2009/vol1/2/11.pdf>. – Дата обращения: 01.11.2015.
13. Лосев, А. Ф. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев // История античной эстетики. – М., 1975. – Т. IV. – 641 с.
14. Митина, С. Н. Философский эго-текст: бытие в культуре : автореф. дис. ... д-ра филос.

наук / С. Н. Митина. – Саранск, 2008. – 43 с.

15. Михеев, М. С. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) / М. С. Михеев. – М., 2007. – 263 с.
16. Уканакова, Н. В. Особенности когнитивного механизма формирования проекции текстов различной материальной представленности : дисс. ... канд. филол. наук / Н. В. Уканакова. – Кемерово, 2014. – 252 с.
17. Экслер, А. Мелодрама «Великий Гэтсби» / А. Экслер. – URL: <http://www.exler.ru/films/02-09-2013.htm>.
18. Before Gonzo: Hunter S. Thompson's Early Underrated Career. – URL: <http://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2014/04/hunter-s-thompsons-pre-gonzo-journalism-surprisingly-earnest/361355/>.
19. Bowe, B. A Brain Full Of Contraband: The Islamic Gonzo Writing Of Michael Muhammad Knight / B. Bowe. – 2012. – P. 92. – URL: http://www.ialjs.org/wp-content/uploads/2013/10/A-Brain-Full-of-Contraband-_Brian-Bowe.pdf.
20. Carter, B. Anthropic principle / B. Carter. – URL: <http://abyss.uoregon.edu/~js/cosmo/lectures/lec24.html>.
21. Gonzo journalism. – URL: http://www.princeton.edu/~achaney/tmve/wiki100k/docs/Gonzo_journalism.html.
22. Gutierrez, D. Hypocrite Lecteur: Tropic of Cancer as Sexual Comedy / D. Gutierrez // Mosaic. – 1978. – № 11 (2). – P. 21–33.
23. Ibáñez, F. J. R. Cognitive Linguistics: Internal Dynamics And Interdisciplinary Interaction / F. J. R. Ibáñez, M. S. Cervel. – 2008. – 434 p. – URL: <http://books.google.ru/>.
24. Jackson, P. R. Caterwauling and Harmony: Music in Tropic of Cancer / P. R. Jackson // Critique. – 1979. – № 20 (3). – P. 40–50.
25. Kayashima, M. What Do You Mean by to Help Learning Metacognition? / M. Kayashima // Artificial Intelligence in Education: Supporting Learning Through Intelligent And Socially-Informed Technology. – Amsterdam, 2005. – URL: <http://books.google.ru/books>.
26. Keestra, M. The Diverging Force of Imitation: Integrating Cognitive Science and Hermeneutics / M. Keestra // Review of General Psychology. – 2008. – Vol. 12, № 2. – URL: http://www.academia.edu/204371/The_diverging_force_of_imitation.
27. Know Your Meme. – URL: <http://knowyourmeme.com/memes/college-freshman>.
28. Merriam-Webster Dictionary. – URL: <http://www.merriam-webster.com/>.
29. Miller, H. Tropic Of Cancer / H. Miller. – М., 2011. – 352 с.
30. Mitgang, H. The Art of the Insult, or Gonzo Writer Strikes Again / H. Mitgang // The New York Times, August 11. – 1988. – P. 23.
31. Moore, R. Movie Nation / R. Moore. – URL: <http://rogersmovienation.com/2014/06/24/movie-review-begin-again-revisits-the-charms-of-once/>.
32. Quickmeme. – URL: quickmeme.com.
33. Ricoeur, P. Mimesis and representation / P. Ricoeur // Reflection and imagination. – New York, 1991. – 516 p.
34. Thompson, H. S. Big Sur: The Tropic Of Henry Miller / H. S. Thompson // Rogue, October. – 1961. – P. 33–37. – URL: <http://totallygonzo.org/gonzowriting/rare-articles/>.
35. Thompson, H. S. Generation Of Swine / H. S. Thompson // H. S. Thompson: Tales Of Shame And Degradation In The '80s. – Picador, 2010. – 336 p.
36. Thompson, H. S. The Kentucky Derby Is Decadent And Depraved / H. S. Thompson. – URL: <http://english138.web.unc.edu/files/2011/08/The-Kentucky-Derby-is-Decadent-and-Depraved.pdf>.
37. Wloszczyna, S. Begin Again Movie Review / S. Wloszczyna. – URL: <http://www.rogerebert.com/reviews/begin-again-2014>. – Дата обращения: 06.07.2015.

Сведения об авторе

Уканакова Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Новосибирского военного института им. Яковлева.

natalia-ukanakova@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 191–201.*

SECONDARY AUTHOR-FOCUSED TEXT AS A PRIMARY SOURCE-TEXT PROJECTION

N. V. Ukanakova

Novosibirsk Military Institute. natalia-ukanakova@yandex.ru

The aim of the paper is to analyze and describe specific ways for expressing the author's individuality in the process of secondary texts production and correlations of the former with the strategies and tactics of text projection forming process.

The following cognitive mechanisms are described: partial transfiguration and dynamic cognitive mechanism which are aimed at preserving authorial «footprints» both in the primary text projection and in the procreated text. Secondary author-focused texts of the gonzo journalism genre and their structural characteristics are analyzed. Suggested practical implications of the research include developing general cognitive model of text perception and text production.

Secondary author-focused texts and their peculiarities aimed at preserving the author's image in the procreated text require further exploration.

Keywords: *text perception and production strategies, cognitive model, hypermediality, secondary (product) author-focused text.*

References

1. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics in verbal creativity]. Moscow, 1979. 472 p. (In Russ.).
2. Gadamer H.G. *Istina i metod* [The Truth And the Method]. Moscow, 1974. 704 p. (In Russ.).
3. Galperin I.R. *Stilistika angliiskogo yazyka* [Stylistics of the English Language]. Moscow, 1981. 316 p. (In Russ.).
4. Grigороva L.E. Mind your own business ili so kind of you to ask? [Mind You Own Business Or So Kind Of you To Ask?]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2012, no. 17. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/mind-your-own-business-ili-so-kind-of-you-to-ask-sinkretizm-kontsept-a-curiosity>, accessed 10.09.2015. (In Russ.).
5. Dijk T.A.van Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies of Discourse Comprehension]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 23. Moscow, 1988. Pp. 153–208. (In Russ.).
6. Zalevskaya A.A. *Vvedenie v psicholingvistiku* [Introduction into Psycholinguistics]. Moscow, 1999. 382 p. (In Russ.).
7. Ivanenko A. *Goblinskiy dekonstruktivizm* [Goblin's Deconstructivity]. Available at: <http://kitez.h.onego.ru/goblin.html>, accessed 11.10.2015. (In Russ.).
8. Klimovskaya G.I. *Tonkyi mir smyslov hudozhestvennogo (prozaicheskogo) teksta* [Subtle World of Fictional Text Meanings]. Tomsk, 2009. 168 p. (In Russ.).
9. Kim L.G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta* [Variative-Interpretative Functioning of Text]. Kemerovo, 2009. 260 p. (In Russ.).
10. Kozlova O.D. *Ego-tekst v kulturno-rechevom prostranstve* [Ego-Text In The Sphere Of Cultural Discourse]. Available at: <http://www.science-education.ru/104-6831>, accessed 09.08.2015. (In Russ.).
11. Kolmogorova A.V. *Sotsialnaya kognitsiya v yazyke i rechi* [Social Cognition In Language And Discourse]. Tomsk, 2013. 384 p. (In Russ.).
12. Kondakov B.V. *Avtor I chitalatel v prostranstve hudozhestvennogo teksta* [Author And Reader In Fictional Text Space]. Available at: <http://philologicalstudies.org/dokumenty/2009/vol1/2/11.pdf>, accessed 12.11.2015. (In Russ.).
13. Losev A.F. *Aristotel i pozdnyaya klassika* [Aristotle And The Late Classics]. *Istoriya antichnoy estetiki* [History of ancient aesthetics], part IV. Moscow, 1975. 641 p. (In Russ.).
14. Mitina S.N. *Filosovskiy ego-tekst: bytie v kulture* [Philosophical Ego-text: Existence in a Culture]. Saransk, 2008. 43 p. (In Russ.).

15. Mikheev M.S. *Dnevnik kak ego-text* (Rossiya, XIX–XX) [Diary As An Ego-Text]. Moscow, 2007. 263 p. (In Russ.).
16. Ukanakova N.V. *Osobennosti kognitivnogo mekhanizma formirovaniya proektsii tekstov razlichnoy materialnoy predstavlenosti* [Features of the Cognitive Mechanism Of Text Projection Forming]. Kemerovo, 2014. 252 p. (In Russ.).
17. Eksler A. *Melodrama «Velikiy Gatsby»* [The Great Gatsby Drama]. Available at: <http://www.exler.ru/films/02-09-2013.htm>, accessed 07.08.2015. (In Russ.).
18. Before Gonzo: Hunter S. Thompson's Early Underrated Career. *The Atlantic*. Available at: <http://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2014/04/hunter-s-thompsons-pre-gonzo-journalism-surprisingly-earnest/361355/>.
19. Bowe B. *A Brain Full Of Contraband: The Islamic Gonzo Writing Of Michael Muhammad Knight*. Available at: http://www.ialjs.org/wp-content/uploads/2013/10/A-Brain-Full-of-Contraband_-_Brian-Bowe.pdf.
20. Carter B. *Anthropic principle*. Available at: <http://abyss.uoregon.edu/~js/cosmo/lectures/lec24.html>.
21. *Gonzo journalism*. Available at: http://www.princeton.edu/~achaney/tmve/wiki100k/docs/Gonzo_journalism.html.
22. Gutierrez D. Hypocrite Lecteur: Tropic of Cancer as Sexual Comedy. *Mosaic*, 1978, no. 11 (2), pp. 21–33.
23. Ibáñez F.J.R. *Cognitive Linguistics: Internal Dynamics And Interdisciplinary Interaction*, 2008. 434 p.
24. Jackson P.R. Caterwauling and Harmony: Music in Tropic of Cancer. *Critique*, 1979, no. 20 (3), pp. 40–50.
25. Kayashima M. What Do You Mean by to Help Learning Metacognition?. *Artificial Intelligence in Education: Supporting Learning Through Intelligent And Socially-Informed Technology*. Amsterdam, 2005.
26. Keestra M. The Diverging Force of Imitation: Integrating Cognitive Science and Hermeneutics. *Review of General Psychology*, 2008, vol. 12, no. 2. Available at: http://www.academia.edu/204371/The_diverging_force_of_imitation.
27. *Know Your Meme*. Available at: <http://knowyourmeme.com/memes/college-freshman>.
28. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <http://www.merriam-webster.com/>.
29. Miller H. *Tropic Of Cancer*. Moscow, 2011. 352 c.
30. Mitgang H. The Art of the Insult, or Gonzo Writer Strikes Again. *The New York Times*, August 11, 1988, p. 23.
31. Moore R. *Movie Nation*. Available at: <http://rogersmovienation.com/2014/06/24/movie-review-begin-again-revisits-the-charms-of-once/>.
32. *Quickmeme*. Available at: quickmeme.com.
33. Ricoeur P. Mimesis and representation. *Reflection and imagination*. New York, 1991. 516 p.
34. Thompson H.S. Big Sur: The Tropic Of Henry Miller. *Rogue*, October, 1961, pp. 33–37. Available at: <http://totallygonzo.org/gonzowriting/rare-articles/>.
35. Thompson H.S. Generation Of Swine. *H.S. Thompson: Tales Of Shame And Degradation In The '80s*. Picador, 2010. 336 p.
36. Thompson H.S. The Kentucky Derby Is Decadent And Depraved. Available at: <http://english138.web.unc.edu/files/2011/08/The-Kentucky-Derby-is-Decadent-and-Depraved.pdf>.
37. Wloszczyzna S. *Begin Again Movie Review*. Available at: <http://www.rogerebert.com/reviews/begin-again-2014>.

УДК 81-19
ББК 81-7

Е. В. Шелестюк, Э. Д. Гриценко

О ФОРЕНИЗАЦИИ И ДОМЕСТИКАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

В статье предлагается обзор становления и развития двух противоположных концепций перевода: «очуждения» и «освоения» оригинала. На основании современных тенденций развития теории и практики перевода делается вывод о растущем понимании необходимости форенизации – точной, лишенной «сглаживания» передачи инокультурного и иноязычного текста. Кратко очерчиваются возможности лингвистической оценки степени доместикации и форенизации перевода.

Ключевые слова: *доместикация, форенизация, невидимый переводчик, видимый переводчик, доминантная культура, принимающая культура, лингвокультурный анализ перевода, степень форенизации / доместикации переведенного текста.*

Споры о стратегиях перевода велись с древнейших времен. При этом различия в культурах языка оригинала и языка перевода оказались в центре внимания мыслителей сравнительно поздно. До XVIII в. акцент в этих спорах преимущественно ставился на более очевидном, повторяющемся и не имеющем однозначного решения вопросе о том, должен ли перевод передавать форму оригинала или его смысл, а также о поиске «золотой середины» между свободным (вольным) и дословным (буквальным) переводом. Начиная с Цицерона (106–43 гг. до н. э.), Блаженного Иеронима (347–420 гг. н. э.) и других переводчиков, писателей, общественных и религиозных деятелей, дихотомия стратегий буквального перевода священных текстов и более или менее вольного перевода светских текстов была центральной темой переводоведения.

Вместе с тем явление «доместикации» (культурной адаптации, «приближения автора» к культуре языка перевода) при переводе неосознанно признавалось и использовалось с древности. Согласно Routledge Encyclopedia of Translation Studies, «доместикацией» пользовались еще со времен Древнего Рима, когда, как писал Ницше, перевод стал особой формой завоевания и осуществления власти. Писавшие на латыни поэты, такие как Гораций и Проперций, интерпретировали греческие тексты для римского читателя (цит. по: [9. С. 77]).

В XVIII–XIX вв. немецкими мыслителями были впервые очерчены понятия очуждения и культурного освоения как две противоположные стратегии при переводе. С историко-поли-

тической точки зрения этот период характеризовался распространением почвеннических настроений в Германии, с культурной – расцветом классицизма и романтизма в литературе и искусстве. Прежде всего следует упомянуть И.-В. Гете, который сформулировал два принципа перевода: один из них требует «переселения иностранного автора к читателям», так, чтобы они могли увидеть в нем соотечественника; другой требует, чтобы «читатели перевода отправились к этому чужеземцу» и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям. В переводе эти принципы могут сочетаться, когда переводчик выбирает средний путь, но каждый из них имеет свои достоинства [5]. Ф. Шлейермахер в работе «О различных методах перевода» (1813) настаивал на необходимости «отчуждения» при переводе, позволяющего узнать в тексте перевода чужое и дать читателю почувствовать данную чуждость. Шлейермахер утверждал, что переводы с разных языков на немецкий должны звучать и восприниматься по-разному. Так, в переводе с испанского должны угадываться черты испанского языка, а в переводе с греческого – черты греческого. Он считал, что если бы переводы со всех языков выглядели и звучали одинаково, своеобразие текста оригинала было бы утеряно в культуре языка перевода.

XX век, большая часть которого характеризовалась господством структурализма в языковых исследованиях, породил систематический и ориентированный на язык подход к переводоведению, При этом до 1950-х и 1960-х гг. внимание акцентировалось в основном на осо-

бенностях перевода единиц различных языковых уровней. В 1970-х гг. в переводоведении возродился интерес к культурологической составляющей переведенных текстов.

В отечественном переводоведении извечный спор решался преимущественно в пользу «золотой середины», умеренной адаптации текста оригинала. Формальный перевод воспринимался как плохой. Не обходилось без крайностей. Так, в 1930-1950-е гг. переводчиков, декларирующих принцип «точности» в переводе и стремящихся к сохранению как можно большей части особенностей текста оригинала, обвинили в буквализме. Это слово быстро получило отрицательную коннотацию, а его антонимами стали такие термины, как реалистический и адекватный перевод, которые вскоре превратились в простую положительную оценку. Реалистический подход был сформулирован М. Л. Гаспаровым следующим образом: «переводчик как будто сквозь слова подлинника видит прямо изображенную в нем действительность и воссоздает из нее то, что нам близко и дорого, с собственным творческим размахом» (цит. по: [1]).

Сторонником реалистического перевода стал видный переводчик и теоретик советской школы переводоведения И. А. Кашкин. Его критике подверглись переводчики Е. Л. Ланна и Г. А. Шенгели. Лишь недавно результаты «борьбы с буквалистами» стали переосмысливаться. Так, в своей книге «Поверженные буквалисты» А. Г. Азов, оправдывая позицию необходимости «точности» при переводе, говорит о том, что под одним далеко не лестным именем «буквалисты» оказались переводчики с разными позициями. Так, Е. Ланна призывал точно воссоздавать стилистические приемы текста оригинала, в то время как Г. Шенгели говорил о сохранении всех единиц смысла оригинала [1]. Тот факт, что сегодня вновь встает вопрос о правильности принятых ранее решений, свидетельствует о том, что вечный переводческий спор далек от завершения.

За рубежом наиболее заметными фигурами в этом споре стали американские исследователи Юджин Найда, с одной стороны, и Лоуренс Венути, с другой. Найда склонялся к доместикации как доминирующей стратегии при переводе, Венути же последовательно выступал в поддержку форенизации.

Ю. Найда полагал, что для успешного перевода сосуществование двух культур в иноязычном тексте – более важный фактор, чем

сосуществование двух языков, так как слова имеют значения лишь в рамках той культуры, в которой они используются. Он выделял два типа эквивалентов, на которых основывается переводчик при выборе стратегии: формальные и динамические (функциональные). При формальной эквивалентности в центре внимания оказывается само сообщение, его форма и содержание. Для формальной эквивалентности характерно проникновение в лексическую, грамматическую и синтаксическую структуру оригинального текста, в этом смысле она схожа с буквальным переводом. Функциональная эквивалентность основывается на принципе эквивалентного эффекта, что означает, что отношение иностранного читателя к тексту должно быть максимально приближено к отношению читателя и текста оригинала. В сферах лингвистики, культурологии и перевода функциональная эквивалентность в узком смысле означает, что читатели переведенного текста должны воспринимать его настолько глубоко, что они могут представить, какой эффект этот текст может произвести на читателей оригинала.

В широком смысле функциональная эквивалентность предполагает, что читатели переведенного текста должны воспринимать текст так же, как его воспринимают читатели оригинала. Пример такого рода нам являют оригинал и переводы Библии, в этой связи функциональная эквивалентность, по Найда, основана на переводе Библии, который служит для него ориентиром. Переводоведческая работа этого ученого была направлена на специфическую цель – перевод христианского текста, призванный помочь обращению последователей других религий в христианство. Чтобы обеспечить хорошее понимание переведенного текста читателями, а также его влияние на них, строка из Библии, дословно переводимая с латыни как «не позволяй своей левой руке знать, чем занята правая рука», может быть трансформирована в «поступай таким образом, чтобы даже твой близкий друг не узнал о том, что ты делаешь». Найда отмечает, что такой перевод позволяет избежать возможного недопонимания и таким образом подчеркивает отсылку к условиям современной жизни. Здесь также следует упомянуть хорошо известные примеры Ю. Найда, который предлагал переводить выражение «белый как снег» для жителей тропиков, которые никогда не видели снега, как «белый как перо цапли»; «хлеб жизни» для мексиканских индейцев как «тортилью»; «волка» как «койота» [4; 7; 9].

Сторонники христианской Реформации, возможно, согласились бы, что такой прием может быть подходящим при переводе Библии. Однако при работе с культурными факторами других текстов функциональная эквивалентность при переводе часто неадекватна и может даже ввести читателя в заблуждение. Питер Ньюмарк полагал, что функциональная эквивалентность Найда слишком упрощает читателю задачу понимания текста, причем нецелесообразность чрезмерной доместикации касается в том числе и перевода Библии. Ньюмарк писал: «В отношении теории Найда о том, что перевод есть тип коммуникации, в которой делается акцент на понятном и удобочитаемом тексте (хотя Найда все же настаивает на том, что точность и правильность передачи информации также необходимы), стоит отметить, что опущение такого количества библейских метафор, которые, как утверждает Найда, читатель не в силах понять, влечет за собой потерю значительной части смысла» (цит. по: [9. P. 78]).

Л. Венути впервые использовал термины *доместикация* и *форенизация*, обозначающие две основные стратегии, которыми переводчик руководствуется при решении лингвокультурологических вопросов. Согласно Венути, доместикация – это этноцентрический подход, при котором текст оригинала зачастую сокращается, акцент делается на культурных ценностях языка перевода, а «автор приближается к читателю»; форенизация – это подход, при котором акцент делается на сохранении иностранных языковых и культурных ценностей, при этом «читатель приближается к автору». В широком смысле, доместикация предполагает «прозрачный», легкий для понимания стиль, благодаря которому иностранный текст предстает перед читателем менее странным; при форенизации же текст перевода нарушает некоторые общепринятые нормы языка перевода, сохраняя черты текста оригинала [8].

Для сопротивления агрессивной одноязычной среде, каковой, по мнению Лоренса Венути, является англо-американская культура, распространяющая свое влияние на весь мир, в большей степени подходит стратегия форенизации. Венути считает, что в основе самих целей доместикации и деятельности, связанной с ней, лежит принуждение к звучанию текста в привычных для доминантной культуры словах и выражению привычных для нее представлений.

Стратегия доместикации предполагает этноцентрический подход, при котором текст

оригинала редуцируется и изменяется в угоду лингвокультуре перевода, что отражает евроцентричную и, конкретно, англоцентричную тенденцию эпохи империализма. Противоположный подход, в свою очередь, приводит к необходимости устранения сглаживания отличительных черт иностранного текста. Стратегии «сглаживающего перевода», при котором переводчик становится «невидимым», попросту опускает понятия и явления, требующие дополнительного объяснения, или же заменяя их сходными явлениями культуры языка перевода, то есть стратегии доместикации, Венути противопоставляет стратегию перевода-сопротивления – стратегию форенизации, при которой переводчик становится «видимым», поясняя и комментируя непередаваемые особенности иноязычного текста и культуры при переводе.

Форенизация предполагает выбор иноязычного текста и применение метода перевода, подчеркивающего отличительные черты культуры текста оригинала, которые отсутствуют в культуре языка перевода. В результате появляется текст, не похожий ни на текст оригинала, ни на любой другой текст на языке перевода. При методе форенизации акцент ставится на лингвокультурной ценности языка перевода, подчеркиваются языковые и культурные особенности оригинального текста, при этом читатель приближается к культуре оригинала.

Венути отмечает, что для переводчика «желательно уменьшить этноцентрическое принуждение при переводе». Метод форенизации позволяет ограничить принудительное «одомашнивание» мировых культурных ценностей англоговорящей частью мира. Таким образом, форенизация – это очуждающий перевод текста оригинала, направленный на то, чтобы подчеркнуть особенности текста оригинала, и не скрывающий «присутствие переводчика». Так будет обеспечена защита от идеологического давления культуры доминантного языка перевода.

Согласно Венути, доместикация и форенизация – это эвристические понятия. Их полюса при переводе меняются в зависимости от времени и статуса стран текстов оригинала и перевода. Однако неизменным остается тот факт, что *акцентирование или игнорирование культурных особенностей того или иного конкретного иноязычного текста обусловлены доминантностью / подчиненностью его культуры в мире на данный момент*.

Упомянем еще несколько современных подходов к стратегиям перевода. В 1970-х гг.

израильский ученый Итамар Эвен-Зохар предложил теорию полисистемы. Согласно этой теории, литературное произведение рассматривается как часть целой литературной системы, которая, в свою очередь, является совокупностью функций, находящихся в постоянном взаимодействии. Литература – это часть общественной, культурной и исторической структур, составляющих некую систему. Согласно гипотезе полисистемы, переводчики, работающие с сильной литературной полисистемой, чаще пользуются стратегией доместикации, получая в итоге крайне свободный перевод, в то время как в слабых культурах преобладает стратегия форенизации, или перевод-сопротивление (цит. по: [1. С. 78]).

Андре Лефевр подчеркивал важность языковых особенностей аудитории иностранных читателей, а также самого текста. Он считал, что нормы перевода меняются в зависимости от того исторического периода, когда выполняется перевод. Выбор стратегии перевода – доместикации или форенизации – может, в свою очередь, повлиять на общественные и культурные тенденции в обществе того или иного времени. Однако типичной, по А. Лефевру, является все же доместикация – «адаптация оригинала к конкретной идеологии или художественным вкусам аудитории». Идеология в теории А. Лефевра получает тройственное выражение: как идеологическая установка самого переводчика, которая выражается в элементе субъективности при восприятии оригинала; как идеология власти, которая реализуется в требованиях цензуры; как идеология целевой читательской аудитории, которая предопределяется идеологией власти и всем социокультурным контекстом эпохи. «Неважно, производят ли переписчики переводы, литературные рецензии или статьи в справочниках, хрестоматиях, критических очерках, они адаптируют оригинал, производят с ним манипуляции, чтобы привести его в соответствие с доминирующим дискурсом (букв. идеологическими и художественными течениями) своего времени. <...> «Интерпретирующие сообщества» <...> будут влиять на переписывание оригинала» [6. С. 8].

Антуан Берман утверждает, что перевод – это не простое посредничество, а процесс, в котором идет постоянное взаимодействие с «иным», «другим» или «чужим», его менталитетом, эстетикой, культурой, что связано не только с языковой или литературной перспективой, но и с антропологией и герменевтикой

[2; 3]. В таком случае нежелательным будет как безоглядное нивелирование «чужого» по образцу «своего» (это может означать культурный шовинизм, а также вести к неверному восприятию чужой культуры), так и безоглядное усвоение «чужого» в качестве «своего» (это может повлечь гибель собственной культуры).

В 1970-е гг. появилась теория скопоса (от гр. *skopos* – цель, задача). В переводоведении ее впервые предложил Ганс Вермеер. Его идеи позже развивали последователи, особенно Кристиана Норд. С точки зрения теории скопоса, перевод подразумевает создание текста в целевых условиях, с целевой задачей и для целевой аудитории. В рамках теории скопоса основным правилом, которым следует руководствоваться при любом переводе, является «правило скопоса». Благодаря этому правилу решается проблема таких противоположностей, как свободный и дословный перевод, доместикация и форенизация и т. д. Это значит, что скопос (цель) конкретного перевода может потребовать использование как доместикации или форенизации, так и любой стратегии, лежащей между этими двумя крайностями, выбор зависит от конкретной задачи переводчика. Однако это не означает, что хороший перевод должен в любом случае подстраиваться под культуру языка перевода или же отдаляться от нее, хотя именно в таком ключе теория часто понимается (цит по: [9. С. 79]).

В заключение отметим, что вопрос доместикации и форенизации можно считать развитием долгое время существующего спора о свободном и дословном переводе, причем развитием в культурном и политическом, а не лингвистическом ракурсе. Поэтому вполне логично, что до сих пор этот вопрос освещался преимущественно с социальной, культурной и исторической точек зрения. Между тем, несомненно, лингвистический и лингвокультурный анализ переведенных текстов, в совокупности с филологическим анализом их содержательно-смысловой стороны, могут предоставить методологию исследования доместикации и форенизации. Так, количество иностранных заимствований в тексте может служить мерой того, к какой стратегии склонялся переводчик. Не менее существенными показателями являются трансформации синтаксических структур оригинала, его морфологических форм, стилистических особенностей и т. д. Избыточность этих трансформаций свидетельствует об активном применении технологии сглаживания,

свойственной доместикации, и наоборот, их небольшое количество – о стремлении к формально точному переводу, «сплошному калькированию», свойственному форенизации.

Особо важным аспектом при лингвокультурной оценке перевода можно считать отношение переводчика к реалиям: их сохранение и донесение до читателя в адекватной ориги-

налу форме (то есть переведенными транскрибированием, транслитерацией или калькированием), а также их экспликация (комментарии, сноски) свидетельствует об избрании форенизации, напротив, их опущение либо перевод «функциональными аналогами» в переводящем языке без лингвокультурных пояснений свидетельствует о доместикации.

Список литературы

1. Азов, А. Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960-е гг. / А. Г. Азов. – М.: Высш. шк. экономики, 2013. – 304 с.
2. Берман, А. Культура и перевод в романтической Германии / А. Берман // Логос. – 2011. – № 5–6 (84). – С. 92–113.
3. Грибановская, Е. С. Категории «свое» и «чужое» в философии и теории перевода / Е. С. Грибановская // XVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М., 2011. – URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/2366281/>.
4. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: ЧеРо, 1999. – 136 с.
5. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Федоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 303 с.
6. Lefevere, A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame / A. Lefevere. – London, New York: Routledge, 1992. – 208 p.
7. Nida, E. Toward a science of translating / E. Nida. – Leiden, 1964. – 331 p.
8. Venuti, L. The Translator's Invisibility / L. Venuti. – London, New York: Routledge, 1995.
9. Yang, W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation / W. Yang // Journal of Language Teaching and Research. – 2010. – Vol. 1, no. 1. – Pp. 77–80.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
shelestiuk@yandex.ru

Гриценко Элина Дмитриевна – студентка 4 курса историко-филологического факультета Челябинского государственного университета.
elinal74@list.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 202–207.*

FOREIGNIZATION / DOMESTICATION IN TRANSLATION AND THEIR LINGUISTIC EVALUATION

E. V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University. shelestiuk@yandex.ru

E. D. Gritsenko

Chelyabinsk State University. elinal74@list.ru

The article provides an overview of the formation and development of two opposing trends in the translation: “domestication” and “foreignization” of the original. It concludes that there is a growing understanding of the need of foreignization of translation, i.e. of precise transmission of a foreign text, applying but few fluency techniques. We also briefly outline the possibilities of the linguistic evaluation

of the degree of domestication and foreignization.

Keywords: *domestication, foreignization, invisible/visible translator, dominant culture, the subordinate culture, linguocultural transfer analysis.*

References

1. Azov A.G. *Poverzhennyye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920-1960-ye gody* [Defeated literalists: From the history of literary translation in the USSR in 1920-1960-ies]. Moscow, 2013. 304 p. (In Russ.).
2. Berman A. Kul'tura i perevod v romanticheskoy Germanii [Culture and translation in Romantic Germany]. *Logos*, 2011, no. 5–6 (84), pp. 92–113. (In Russ.).
3. Gribovskaya E.S. Kategorii «svoye» i «chuzhoye» v filosofii i teorii perevoda [Categories “own and “alien” in the philosophy and theory of translation]. *XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchennykh «Lomonosov»* [XVIII International conference of students, graduate students and young scientists “Lomonosov”]. Moscow, 2011. Available at: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/2366281/> (In Russ.).
4. Komissarov V.N. *Obshchaya teoriya perevoda* [General theory of translation]. Moscow, 1999. 136 p. (In Russ.).
5. Fedorov A.V. *Osnovy obshchey teorii perevoda: lingvisticheskiye problemy* [Fundamentals of general theory of translation: linguistic problems]. Moscow, 1983. 303 p. (In Russ.).
6. Lefevere A. *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London, New York, 1992. 208 p.
7. Nida E. *Toward a science of translating*. Leiden, 1964. 331 p.
8. Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London, New York, 1995.
9. Yang W. Brief Study in Domestication and Foreignization in Translation. *Journal of Language Teaching and Research*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 77–80.

УДК 81-19

К. С. Шестакова

ПРИЧИНЫ ВЫБОРА КУЛЬТУРНОГО КОДА

Анализируется проблема выбора культурного кода русскоязычного носителя и этапы формирования русского языка в зависимости от взаимодействия с языками-донорами до начала XVIII в.

Ключевые слова: *русский язык, культурный код, культурная ориентация, язык-донор, словарный состав языка, заимствование.*

Современные методы изучения заимствований показывают, что процесс заимствования лексики – исторически обусловленное детерминированное явление, складывающееся веками, и уже само по себе обусловлено генетическими стереотипами народа: что воспринимать, а что не воспринимать. Этот посыл побудил нас провести самостоятельное исследование о корнях (генезисе) русского лексического заимствования, что стимулировало дополнительно заняться вопросами культурных контактов, культурного кода русского народа.

Этнос живет и развивается только при условии сохранения своего культурного кода. Но каковы же условия формирования данного культурного кода, и какова роль языка в этом вопросе.

Выбор языка-донора зависит от возможных контактов народа, которые в древний период весьма ограничены и обусловлены физическими контактами с соседними родственными и неродственными племенами и народами. С увеличением численности людей, говорящих на одном языке, с развитием ремесла и торговли, а затем и с развитием промышленных и внешних контактов, когда неизмеримо возрастает выбор экономических и культурных связей, неизбежно встает вопрос культурной ориентации. Культурный выбор, культурная ориентация в дальнейшем независимо от экономического развития, политической ориентации социальной верхушки, многовекового иноязычного господства в основных своих проявлениях остается неизменным. Эталоны, ориентиры на культуру того или другого народа со временем могут меняться и меняться даже значительно, но только в пределах одной заранее выбранной парадигмы. В этой парадигме, по исторически сложившимся представлениям народа, находятся культурно-родственные народы. Эта культурно-родственная парадигма складывается в период формирования этно-

са и приходится, вероятно, для большинства народов на переходный период от язычества к единоверию. Для русского народа и его генетически родственных и неродственных, но географических соседей культурный код определяется сохранением язычества в разных его формах и/или приходом в течение последних двух тысячелетий к той или иной форме монотеизма. Язычество постепенно теряет свои позиции, но в той или иной форме трансформируется и сохраняется у соседей. Последним из индоевропейских соседей Руси переходит в католичество в 1385–1569 гг. Великое Княжество Литовское. Финно-угорские народы севера Европы, Поволжья, Урала; самодийские, тунгусо-манчжурские, палеоазиатские, тюркские народы Сибири и Дальнего Востока сохраняют различные архаичные формы язычества вплоть до современности. Для русского народа определяющим моментом явился «выбор веры» в конце X в.

В отличие от язычества выбор монотеистического учения сопровождается неременным введением письменности. Письменная речь, как и устная, при зарождении предназначалась для синхронического функционирования в горизонтальной плоскости от одного носителя к другому. Ее существенный недостаток – необходимость обучения чтению – компенсируется колоссальным преимуществом: отделением носителя слова от самого слова. Письменный текст при чтении заменяет и исключает присутствие самого автора, создателя текста. Это дает возможность диахронического функционирования слова, текста, передачи текста от старшего поколения младшему. Устная передача текста ограничена физиологическими границами, жизнью одного поколения и поэтому требует постоянного «обновления» носителя текста, то есть поиска более молодого хранителя текста. Забывание текста физическими носителями предполагает одновременное зна-

ние этого текста достаточно большим числом носителей. В целях адекватного воспроизведения текста проходят состязания хранителей памяти народа, в форме поэтических соревнований сказителей (акынов, скальдов, гусарманов, ашугов, манасчы, йырау, туулчи, сэсэнов, меддахов, баксы и так далее), которые, поочередно пересказывая эпические произведения в состязательной форме перед своими соплеменниками, уточняют текст и при всеобщем одобрении запоминают «редактированный» текст. Таковую форму передачи текста точно отражает тюркский термин *ajtuş* (баш. *Әйтеш*, казах. *айтыс*), который буквально обозначает «попеременное проговаривание – передачу определенного текста в состязательной форме». Несмотря на то, что основные эпические «этнообразующие» тексты в устной передаче от одного поколения другому многим народам удалось сохранить, однако не удалось избежать текстовых искажений, приведших к их вариативности. Об этом свидетельствуют такие харизматические эпические тексты как «Веды», «Авеста», поэмы Гомера, «Энеида» Вергилия, армянский эпос «Давид Сасунский», скандинавские саги, киргизский «Манас» и др. Древнейшие эпические тексты легли в основу мировых религий: иудаизма, буддизма, христианства, ислама.

Письменная речь обнаружила свое огромное преимущество перед устной речью, сразу оцененное авторами. Письменный текст однозначно точно диахронически передавал потомкам содержание сообщения. Этим письменный текст низвел сказителей – хранителей памяти народа – до роли только толкователей текстов. Поэтому первоначально любой письменный текст пользовался сакральной силой непререкаемого авторитета, который не терпит лжи. Устанавливается мнение, что сакральный текст не может содержать неправды, и его необходимо передавать буквально слово в слово. А профессиональные чтецы, облеченные особыми полномочиями, могли лишь интерпретировать его.

Последнее обстоятельство как нельзя лучше соответствовало идеалам монотеистического учения – установлению незыблемой веры в написанное слово, если даже язык, на котором оно написано, совершенно чужд народу.

Еще одно преимущество письменного текста перед устным: высказанная мысль в устной речи неразрывно связана с говорящим и не может существовать отдельно от него. Письменно заимствованное слово существует изо-

лированно от своего создателя в пространстве: может быть одновременно в копиях (экземплярах) востребовано в разных частях земли и во времени – и через столетия может произвести впечатление только что созданного текста. Письменное слово, текст не только может существовать отдельно от создателя, но и сам может заменять автора, то есть стать демиургом, созидующим началом, творцом.

Поэтому, несмотря на то, что столетиями письменной речью владели лишь избранные единицы: жрецы, монахи – относительно незначительная социальная верхушка, в современных национальных языках основной словарный фонд составляют «культурные» слова, письменные тексты, независимо от того, создавались ли они на базе родного языка или были заимствованы из других языков.

Принятие культурного кода, таким образом, в раннее средневековье для русского народа определяется выбором веры, который произошел вследствие крещения страны. Уже выбор имени *Василий* по имени крестившего его византийского императора predetermined Владимиром Святославовичем сына, по происхождению скандинава – Рюрикovichа, на выбор культурной ориентации – христианства вместо язычества и римско-византийской культуры и даже древнегреческой, языческой по сути, философии и мифологии. В этот период в новокрещенной Древней Руси (конец X–XII вв.) широкое распространение получают старославянизмы, болгарские по происхождению лексемы, потому что за более чем столетний период после крещения Дунайской Болгарии (865 г.) Борисом-Михаилом основная христианская и светская литература уже были переведены с греческого и латинского языков на болгарский язык.

Близкородственный старославянский язык значительное время использовался в ряде славянских западно- и южнославянских государств в качестве церковного и литературного письменного языка. Через старославянский язык пришли в древнерусский греческие церковные термины: *иерей*, *архимандрит*, *икона*, *евангелие*, *жезл*, *жертва*, *крест*, *священник*, *миса* «миска», *ангел*, *анафема*, *архиепископ*, *демон*, *икона*, *клирос*, *лампада*, *митрополит*, *протоиерей*, *пономарь* и др. В русском языке сохранились церковнославянские слова, относящиеся к сфере интеллектуально-эстетической, хозяйственно-экономической, религиозно-культурной, естественнонаучной жизни:

благодать, благой, бедствие, безбрежный, бытие, влага, власть, вселенная, время, возраст, гражданин, главный, добродетель, древесный, закон, заглавие, зрачок, мрак, млечный, награда, охрана, праздник, мрачный, племя, пекло, прах, преграда, растение, прекословить, сознание, согласие, трезвость, чуждый и др. Старославянский язык обогатил древнерусский синонимическим избытком: *одр – ложе, чрево – утроба, оток – остров, реснота – истина, балии – врач, зрети – видеть, година – час, ближний – искренний, поститися – алкати, треба – жертва* и др.

Более поздние заимствования из других близкородственных славянских языков, например, из польского, украинского, белорусского, чешского и др., в основном относятся к бытовой тематике (*байка* «ткань», *бекеша, драгва, замша, водка, вензель, рама, пригород, карета, квартира, козлы, глаза, кофта, скорбь*); названия чинов, рода войск (*полковник, солдат, вахмистр, рекрут, гусар*); обозначение действия (*малевать, рисовать, тасовать, кланчить*); названия животных, растений, пищи (*кролик, петрушка, каштан, барвинок* «растение»), *повидло, булка, фрукт, миндаль*) и др.

Наряду со словами славянских языков в русскую лексику на разных этапах ее развития входили и неславянские заимствования, например, греческие, латинские, тюркские, скандинавские, западноевропейские.

Значительными были греко-византийские заимствования и в более поздний период: из делового языка Московской Руси XIV–XVII вв. нам известны разнообразные лексемы от религиозных до бытовых: *кутья, баня, корабль, якорь, полати, литавры, саван, хандра, фонарь, кровать, лохань, тетрадь, огурец, свекла, капуста, оладья, известь, аксамит, олифа, охра, сурик, лазурь*.

Более поздние заимствования относятся главным образом к области искусства и науки: *аналогия, театр, вирши, анатест, идея, комедия, логика, мантия, стих, физика, хорей* и др.

Заимствования XVI–XVIII вв. составляют многочисленные латинизмы – это терминология специальных учебных заведений (*аудитория, декан, диктант, директор, каникулы, канцелярия, школа, экзамен* и др.); группа терминов (*диктатура, конституция, корпорация, лаборатория, меридиан, максимум, минимум, пролетариат, процесс, публика, революция, республика, эрудиция* и др.).

Слова из тюркских языков проникали в русский язык в силу разных обстоятельств: в результате ранних торговых и культурных связей и как следствие военных столкновений. Тюркизмы русского языка свидетельствуют о тысячелетних контактах русских с тюркскими народами: *аманат, амбар, басма, бурка, камка, аркан, караван, кобура, курган, колчан, каракуль, кистень, казна, лачуга, деньга, алтын, аргамак, каурый, буланый, базар, коврига, изюм, караковый, алый, бурый, чалый, арбуз, таз, уютюг, очаг, епанча, шаровары, кушак, тулуп, аршин, охабень, кумган, бакалея, латша, чулок, башимак, сундук, халат, туман, кавардак* и мн. др.

Заимствования из западноевропейских языков образуют одну из многочисленных (после старославянской) групп. Заметную роль в XVII–XVIII вв. (в связи с реформами Петра I) сыграли слова из германских (немецкого, английского, голландского) и из романских (французского, итальянского, испанского) языков.

Само слово ориентация (франц. *orientation*, букв. – «направление на восток», от лат. *oriens* – «восток»), вероятно, следствие влияния длительных контактов европейских народов с восточными народами, подразумевает общую тенденцию копирования культурных ценностей с Востока как носителя более богатой и экономически развитой среды. Ситуация последнего времени (конец XX – начало XXI столетий) показывает концентрацию передовых технологий на Западе. Всеобщее признание английского языка как международного обуславливает активное пополнение русского вокабуляра, в основном, за счет англицизмов.

Одним из важнейших этапов в формировании словарного состава языка XVII в. является обогащение за счет пополнения его иноязычной лексикой. Со второй половины XVII в. заимствование иноязычной лексики становится характерной чертой развития языка. Уже с этого времени укрепляются в русском языке слова из научной, административно-государственной, военной и бытовой сфер: *байка, вертикальный, глобус, градус, сатин, трагедия, циркуль, наждак, нашатырь, ртуть* и так далее. Эта ситуация закладывает начало традиции заимствования лексики в XVII в. Однако, мощный приток иноязычной лексики начинается в петровскую эпоху: «На этот период и 30-е годы приходится 52 % заимствований всего XVIII века» [1. С. 170]. Такая ситуация была

обусловлена исторической необходимостью: с развитием военных, политических и административных контактов России с другими европейскими странами.

Приток заимствований осуществляется в основном письменным путем посредством перевода (на первом месте по интенсивности перевода стоит латинский, далее немецкий и французский языки, также осуществляются переводы с итальянского, голландского, польского, шведского и английского языков; с 30-х гг. постепенно переводы с латинского и голландского языков уменьшаются, на первое место выходит немецкая литература). Перевод литературы возводится в ранг государственной важности. По преимуществу, это – научная и профессионально-техническая литература. Влияние языков-доноров тоже неоднозначно: велика роль латинского языка как международного языка западноевропейской науки, военная, профессионально-техническая и административная лексика обогащаются за счет немецкой терминологии; морская – словами английского происхождения; политическая, историческая, торговая, литературная и правовая области – французской терминологией; в сфере дипломатических отношений господствуют французский и немецкий языки. Обилие, избыточность, синонимическая насыщен-

ность русского переводного и оригинального, в основном научно-энциклопедического, военного, канцелярского языка иноязычными заимствованиями, многие из которых не были понятны, порождает у русского читателя непонимание, отторжение. Неумеренное увлечение переводными терминами и иноязычными оборотами речи вело развитие русского литературного языка в культурный тупик. Поэтому, несмотря на то, что Петр I был ярким сторонником западного пути развития русского общества, император осуждает увлечение и засилье иноязычной лексики, он требует понятности и простоты изложения.

Таким образом, с принятием православия в конце XI в. русское общество отвергает и приспособляет языческие морально-этические нормы к руслу христианского мировоззрения византийской модели и рассматривает себя как единое целое с европейской историей и культурой.

В дальнейшем происходит лишь корректировка приоритетов внутри этой единой христианско-европейской парадигмы: от греко-латинско-славянской (IX–XIV вв.), европейско-немецко-польской (XV–XVI вв.), европейской (с французским доминирующим началом, XVI–XVII вв.).

Список литературы

1. Биржакова, К. Е. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования / К. Е. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Л., 1972. – 431 с.

Сведения об авторе

Шестакова Ксения Сергеевна – соискатель кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета.
ksenichka_79@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 208–212.*

MOTIVES FOR CHOICE OF THE CULTURE CODE

K. S. Shestakova

Chelyabinsk State University. ksenichka_79@mail.ru

In the article there is given an analysis of the problem of the choice of the culture code of the native speaker of Russian as well as the phases of the development of the Russian language subject to the interaction of the languages donor languages before the beginning of the XVII century.

Keywords: *the Russian language, culture code, culture understanding, donor language, language vocabulary, borrowing.*

References

1. Birzhakova K.E., Voinova L.A., Kutina L.L. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVII veka: yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on historical lexicology of Russian XVIII century: language contacts and borrowing]. Leningrad, 1972. 431 p.

УДК 398(47)
ББК 82.3(3)

Л. А. Шкатова

ТРУД В ФОЛЬКЛОРНОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Труд представлен в фольклорном сознании россиян как одна из базовых ценностей, определяющих отношение к окружающей действительности. Так называемые «новые пословицы и поговорки» представляют собой либо попытку внести идеологический подтекст в искусственно созданные образования, либо деформировать сложившиеся представления о ценности трудовой деятельности.

Ключевые слова: фольклорное сознание, базовые ценности, труд, работа, идеологический подтекст, деформация социокультурного кода.

Слово «труд» в современных словарях толкуется как целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей, а «профессия» – основной род трудовой деятельности [2; 6; 7]. Таким образом, эти понятия тесно связаны и являются компонентами языка профессиональной коммуникации. Труд представляет собой одну из базовых ценностей россиян, под которыми нами понимаются «основные жизненные смыслы, которыми индивиды, включенные в различные формы социальной активности, руководствуются в своей повседневной жизни, смыслы, которые в значительной степени определяют отношение индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения» [1. С. 12].

Русские пословицы и поговорки о труде закрепились длительным функционированием в обществе и отражают фольклорное сознание – «идеальный объект как совокупность (систему) представлений, образов, идей, получающих свою репрезентацию в произведениях фольклора» [3. С. 10]. Это части коллективного народного опыта, который «сохраняет и транслирует последующим поколениям духовное знание, ценностные ориентиры, критерии поведения, способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая устойчивость существования социума и человека как его части» [3. С. 12].

В словарную статью «ТРУД» В. И. Даль включил следующее определение: «работа, занятые, упражнение, дело, все, что требует усилий, старания и заботы, всякое напряженье телесных или умственных сил; все, что утомляет. Человек рожден на труд. Без труда нет

добра. Труд кормит и одевает... Для родимого и труд не в труд. Бог труды любит. Труд человека кормит, а лень портит. От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь. Смерть за подъячим пришла, а подъячий со смерти за труды просит. Терпение и труд все перетрут» [5]. Обращает на себя внимание большое количество приводимых в «Толковом словаре живого великорусского языка» в качестве иллюстрации пословиц, свидетельствующих о признании труда основой жизни человека: *Человек рожден на труд. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает. Для родимого и труд не в труд. Бог труды любит. Труд человека кормит, а лень портит. Терпение и труд все перетрут.*

Однако честный труд не признается источником богатства: *От трудов праведных не наживешь палат каменных. От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь.* Труд также может быть источником нечестных доходов чиновников: *Смерть за подъячим пришла, а подъячий со смерти за труды просит.* В пословицах противопоставляются работающий человек и лентяй: *Труд человека кормит, а лень портит.*

Исторические корни сказываются на восприятии синонима – слова *работа* как рабского труда: «РАБ м. *раба, рабыня, рабица* ж. невольник, крепостной; человек, обращенный в собственность ближнего своего, состоящий в полной власти его. **Работанье** ср. дл. *работи* ж. об. дейст. по гл. *Работа*, труд, занятие, дело, упражненье, деланье» [5]. Примеры употребления слова свидетельствуют о признании большой роли работы в жизни человека: *Работа мастера кажет (боится). Есть работка, есть хлеб... Одна работа (одно ремесло)*

не кормит. По работе и работника знать. Однако и здесь встречаем пословицы, свидетельствующие о неоднозначном восприятии работы: *Работа не медведь, в лес не уйдет. От работы не будешь богат, а будешь горбат.*

Отношение к труду как к базовой ценности характеризует социум. Анализ сборников русских пословиц и поговорок свидетельствует, что «чужая работа» воспринимается как тяжелый труд: *На чужой работе и солнце не движется. Господской работы не переработаешь, своя – с душой, с желанием – как радость: К чему душа лежит, к тому и руки приложатся. Была бы охота – будет ладиться работа. Душу вложишь – все сможешь. Рукам работа – душе радость. Была бы охота – будет ладиться работа. Старанье и труд к счастью ведут.*

По отношению к труду оценивают человека: *Птицу узнают в полете, а человека в работе. Кто любит труд, того люди чтут. Чтоб в почете быть, надо труд свой полюбить. Деревья смотри в плодах, а людей смотри в делах. Ученый без дела как туча без дождя. Всякий человек на деле познается. Землю красит солнце, а человека труд.*

Оценивается качество труда по его завершению: *Не говори, что делал, а что сделал. Не диво дело начать – диво кончить. Делано наспех – и сделано насмех. Не хвались наперед, погляди в конец: каков делу конец будет. Какие труды, такие и плоды. Без труда нет плода. Худому делу – худой конец. Что посеешь, то и пожнешь, тем и сыт будешь [4; 8].*

Анализ помещенных в интернете так называемых «новых пословиц и поговорок» [9], не прошедших испытания временем, показал, что среди них выделяются две группы:

1 – идеологизированные искусственно созданные высказывания с морализаторским подтекстом, не получившие широкого распространения: *Труд – дело чести, будь в труде на первом месте. Воля и труд дивные всходы дают. Ум и сердце в работу вложи, каждой секундой в труде дорожи. Счастливым и красивым делает человека работа. Кому работа*

в тягость, тому неведома радость. Зеркало человека – его труд. Без дела жить – только небо коптить. Не сиди сложа руки, так и не будет скуки. Кто любит труд, того и люди чтут. Кто в труде впереди, у того орден на груди;

2 – отражающие отношение к труду «белых воротничков» – работников умственного труда с пониженной творческой составляющей: *От труда дохнет и рыба из пруда. Без труда да сыт всегда. Кто не работает, тот подрабатывает. Здоровый сон не только продлевает жизнь, но и сокращает рабочий день. Занятие ерундой на рабочем месте развивает боковое зрение, слух и бдительность в целом. Только сядешь поработать, обязательно кто-нибудь разбудит. Утро – это такая часть суток, когда завидуешь безработным. Каждый зарабатывает в меру своей испорченности. Кто рано встает, тот далеко от работы живет. Работа дураков любит. Делу время, потехе – сейчас!*

Можно ли считать такие «новые русские пословицы и поговорки» о труде компонентом фольклорного сознания? Скорее всего, нет. Надо признать негативную суть указанных выражений, противоречащих ценностям ориентирам и критериям поведения русского человека. Аксиологическая проекция наивной картины мира «белых воротничков» дает основание говорить о маркировании в сознании отрицательной оценкой такой жизненно важной потребности человека, как труд. Скорее всего, надо признать негативную суть указанных выражений, свидетельствующих о деформации социокультурного кода.

Таким образом, анализируя высказывания, которые относят к так называемым «новым русским пословицам и поговоркам», можно отметить, что одни из них искусственно внедряют в сознание идеологические догмы советского периода, а другие, ернически пародируя на сложившихся в течение веков у россиян представлениях о роли труда в жизни человека, являют собой попытку размывания базовых ценностей русского народа.

Список литературы

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. – М.: Дом интеллектуал. кн., 2003. – 448 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
3. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 296 с.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. – М.: Худ. лит., 1984. Т. 1 – 383 с., Т. 2. – 399 с.;
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. IV. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 683 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 2000. – 1088 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2005. – 944 с.
8. Пословицы. Поговорки. Загадки. – М.: Современник, 1986. – 512 с.
URL:http://www.kpnemo.ws/other/2009/08/28/sovremennyye_poslovitsyi_i_pogovorki/

Сведения об авторе

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
labcsu@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 213–215.*

LABOUR IN FOLK CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIANS

L. A. Shkatova

Chelyabinsk State University. labcsu@yandex.ru

The concept LABOUR is presented in Russian folk consciousness as one of the core values that define attitude to reality. The so-called “new proverbs and sayings” are either an attempt to impart some ideological implications to artificially-couched set phrases, or an attempt to deform the prevailing beliefs about the value of work.

Keywords: *folk consciousness, core values, work, ideological implications, the deformation of the sociocultural code.*

References

1. *Bazovye cennosti rossiyan: Social'nye ustanovki. ZHiznennyye strategii. Simvoly. Mify.* [Basic values of the Russians: Social arrangements. Life strategies. Symbols. Myths]. Moscow, 2003. 448 p. (In Russ.).
2. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg, 2001. 1536 p. (In Russ.).
3. Golovanov I.A. *Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoj narodnoj proze Urala (XX–XXI vv.)* [Constants of folklore consciousness in oral folk prose of the Urals (XX–XXI cc.)]. Moscow, 2014. 296 p. (In Russ.).
4. Dal' V.I. *Posloviцы russkogo naroda* [Idioms of the Russian nation]. Moscow, 1984, vol. 1. 383 p., vol. 2. 399 p. (In Russ.).
5. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Defining Dictionary of the Great Russian Language], vol. 4. Moscow, 1956. 683 p. (In Russ.).
6. Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Intelligent-word-building], vol. 2. Moscow, 2000. 1088 p. (In Russ.).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Defining Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2005. 944 p. (In Russ.).
8. *Posloviцы. Pogovorki. Zagadki* [Proverbs. Sayings. Riddles]. Moscow, 1986. 512 p. (In Russ.).
9. Available at: http://www.kpnemo.ws/other/2009/08/28/sovremennyye_poslovitsyi_i_pogovorki/ (In Russ.).